

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ
(КАРЕЛИН)

НА ПУТИ ИЗ ВРЕМЕНИ
В ВЕЧНОСТЬ
ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
саратовской епархии
САРАТОВ · 2008

По благословению
епископа Саратовского и Вольского
ЛОНИНА

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Земная жизнь человека подобна странствию — пути, который суждено ему совершить во времени от рождения до последнего вздоха перед порогом вечности. По-разному каждый из нас распоряжается отпущенным ему сроком. Зачастую бывает и так, что человеку кажется, будто сама эпоха и обстоятельства берут в свой плен его жизнь и с непреодолимой силой воздействуют на его выбор, поступки и слова, — так что ему уже невозможно вернуться на стези своей совести. Но каждому на пути Господь обязательно посылает Встречу, благодаря которой пусть на краткий миг мы входим в иное пространство — в пространство духовной реальности. Всего несколько слов, обращенных к нам человеком внимательной молитвенной жизни, или даже просто его присутствие, а порой лишь прикосновение к покрытому папиной камню забытой миром святости вадрут со всей ясностью открывают перед нами смысл человеческого существования — быть с Богом — и обращают наш ум к вечности.

Чаще всего мы вскоре теряем живое ощущение Божия присутствия и, с сожалением оглянувшись назад, шествуем дальше по страстям века сего, постепенно утрачивая способность слышать тот голос, который воззвал к истинной жизни наше сердце. Лишь немногие, одержимы доверчиво войдя в простор Божиего мира, встают на трудный, но отрадный путь, к которому призван каждый, — на путь стяжания благодати.

Думается, в наши дни преобладания пустого теоретизирования и холодной прагматичности во всем, не исключая и вопросов веры, не много найдется книг, которые бы столь достоверно свидетельствовали современникам о живом религиозном опыте и о реальности духовного мира, как книга, которую вы держите в руках. Это воспоминания

архимандрита Рафаила (Карелина), автора множества книг о духовной жизни, сборников статей нравственного и аскетического характера, полемических сочинений и проповедей. Каждая книга отца Рафаила становится настоящим событием в мире православной литературы.

Книга воспоминаний составлялась из статей, написанных отцом Рафаилом в разное время и, вероятно, вычлел не предполагавшихся к изданию под единой обложкой (некоторые из них опубликованы ранее в книге «Тайна спасения»). Но время шло, и отдельные статьи, очерки и записи образовали единый том, по охвату и глубине значительно превосходящий свое жанровое название. Да, по форме это воспоминания: рассказы о событиях, о посещениях святых мест православной Грузии, об их истории, повествования о замечательных подвижниках, о великих старцах XX столетия, общение с которыми многое определило в жизни отца Рафаила, и о разных людях, в чьих судьбах открывается автору Промысл Божий и законы духовной жизни. Но это не просто воспоминания. Книгу можно сравнить с путевым дневником, в котором автор — монах и священник — запечатлевает самое ценное, что дарует ему Господь на жизненном пути, и в первую очередь — те свидетельства действия благодати — «очевидности Бога», которые вновь и вновь исполняют человека уверенностью в реальности того, что находится за порогом телесных чувств.

Множество тем звучит в этой книге. Есть здесь и рассказы о скорбных явлениях нашего времени, и рассказы о событиях и встречах, которые неожиданно и властно ставят человека перед страшной реальностью демолической бездны, перед лицом вечной смерти, заставляя его осознать, что в иные моменты только покаяние и вера в безграничную силу спасающей благодати Христовой осптавляют нам надежду на избавление. Это те свидетельства духовного опыта, которые в пору искушений и внутренней борьбы с врагом помогут человеку обрести себя и продолжить свой путь к Богу.

Прозревая за всеми событиями духовный смысл, отец Рафаил, вместе с тем, чрезвычайно конкретен в передаче бесед с разными людьми — монахами и архиереями, пус-

тыниками и подвижниками в миру, священниками и мирянами — с теми, кто в любых чинах служил Богу. Он стремится как можно более точно запечатлеть слова, которые посвящены самому главному — спасению, жизни души, смерти, молитве и послушанию, пастырству и духовничеству. Беседа-диалог об Иисусовой молитве, как и разделы «Зарубки в пути» и «Изречения отцов», образуют нас к традиции древних собеседований и патериков. Повествуя о приснопамятных архиереях Грузинской Церкви, о глиниских старцах, о схимуме Савве (Остапенко) и других замечательных подвижниках, отец Рафаил старается максимально достоверно передать нам образ их служения, во всех деталях донести до священнослужителей их советы по разным случаям пастырской практики. Словно по крупицам отец Рафаил бережно собирает те сокровища, которые Господь дает ему на жизненном пути, и предлагает своим читателям.

Перевоначывая страницу за страницей, мы погружаемся в мир недавнего прошлого — середины XX века, время очень тяжелое для Церкви, но — парадоксально — одновременно весьма наполненное и богатое для стремившихся к истинной жизни во Христе. А богато оно было людьми праведной жизни, подвижниками духа, которых Господь воздвиг в эти скорбные десятилетия. В век всеобщей несвободы они сумели сохранить свободу в Боге; в эпоху поругания древних святых многие из них явили образ живой святости: те, кто, находясь среди людей, исполнял пастырское служение, стремились пребывать наедине с Богом во внутренней пустыне своего сердца. Они были хранителями живого православного предания. Смогли ли мы достойно воспринять его?

Политические события стремительно отдаляют от нас образы прекрасной Иверии — православной страны, с которой русского человека всегда связывали чувства единой веры и уважения к древности христианских традиций. Сейчас, например, уже кажется удивительным, что в 1961 году при закрытии коммунистическими властями Глиниской пустыни великие старцы обители на последнем допросе не колеблясь указывали место своего будущего пристанца: «Кавказ», «Сухуми». Эти слова были исполнены

для них надеждой — как будто там, за стеною Кавказских гор, ждет их наконец покой, как в последнем земном убежище для тех, кто ушел от мира и хочет соблести обеты, даные Господу. Тогда верующие Грузии и Абхазии приняли их с любовью и благодарностью Богу. Именно этому периоду жизни и служения глиняных оплов посвящена значительная часть воспоминаний архимандрита Рафаила.

Они уходят — подвижники, которые жили духом, жили чисто пред Богом и просто пред людьми. И вместе с ними, кажется, уходит целый мир, безвозвратно. Распалась связь времен и поколений. Но мы не можем перейти в это до конца, как будто единственное, что в нас вечно, наша душа, говорит нам: этот мир живет не только в нашей памяти, он не может исчезнуть совсем, он существует — в вечности, у Бога. Но как поведать об этом? Как выразить?

В воспоминаниях архимандрита Рафаила найдены очень точные слова для, казалось бы, неизъяснимых явлений и состояний, подлинно передается ощущение *ниго* — пространства святости. И еще: эта книга напоминает нам об истинном, истинном значении понятий: вера, молитва, священство, послушание, правда и ложь, жизнь и смерть... Ее, как и другие книги отца Рафаила, отличает смелость остаться наедине с теми последними вещами, рядом с которыми многое становится совершенно несущественным.

Читая воспоминания архимандрита Рафаила, еще раз убеждаешься, что во все эпохи возможно предпочесть истину, что для памяти нет грани, для любви нет состояний, для подвига нет неподходящего времени. Но сегодня как никогда каждый из нас нуждается в слове духовного опыта, мудрости и любви тех, кто на пути из времени в вечность стяжал нетленные плоды живой веры.

В. Кисель

ПУТЬ К СВАТЫНЕ

Если спросить, какие самые отрядные минуты я испытал в своей жизни, то я не задумываясь отвечу: это посещение святых мест, особенно древних храмов, многие из которых лежат в руинах, молитвы перед чудотворными иконами и встречи со старцами-подвижниками.

Некоторые храмы восстановлены, часть икон куда-то исчезла, а старцы покинули этот мир: так гаснут последние лучи заходящего за горы солнца. Мне кажется, что вместе с ними что-то ушло из нашей жизни, как будто на земле стало темнее, как от тумана, застилающего небо; как будто какой-то душевный холод все сильнее леденит сердце, и даже стены храма не согревают его, как раньше. Эта мгла, нависшая над землей, окрасила все в какой-то серый цвет. Что-то потускнело не то в мире, не то в моей душе, словно сверкающая красками картина померкла и превратилась в контуры, очерченные карандашом.

Я благодарю Бога за то, что время «вавилонского плена» как будто окончено и вновь восстанавливается колокольными звонами, но в сердце нет былой радости. Я вспоминаю то время, когда верующие почти тайком по несколько человек приходили к опустевшим храмам, искали развалины церквей или даже оставшиеся камни, чтобы

помолиться около них. Каким светом сияли их глаза, когда они говорили: «Здесь была церковь Пресвятой Богородицы», «Это часть стены храма святой Варвары»! Казалось, что навстречу Богомольцам выходили святые, чтобы принять их, что само небо было близко к этим руинам, покрытым кустарником и землей, а каждый лежащий на этом месте камень впитал в себя дух вековых молитв и превратился в потемневшую икону времени, к которой хотелось прикататься лицом и целовать, как одежду святого.

Я помню вечер накануне праздника святой мученицы Шушаник*. В храме** расположились мастерики, вход туда для нас был закрыт. Как видно, было дано указание, чтобы в день праздника не пускали внутрь храма никого. Около стены, где находится гробница Шушаник, собралось несколько человек. Чувство духовного родства и любви объединяет нас, каждый молча молится святой Шушаник. Некоторые принесли свечи, зажигают их и прилепливают к стене, другие держат зажженные свечи в руках. Храм расположен на уступе скалы. Внизу город, залитый электрическим светом; он живет своей жизнью, а мы, несколько человек, чувствуем себя как в древности христиане, собравшиеся на молитву в катакомбах. На месте кирпичного надгробия ныне воздвигнута каменная гробница, на

* Святая мученица Шушаник, царица Ранская, построила за веру в V веке, память ее совершается 28 августа / 10 сентября. (Здесь и далее примечания редактора следуют без подписи, примечания архимандрита Рафаила отмечены указанием *Авт.*)

** Гробница святой мученицы Шушаник находится в Метехском храме Пресвятой Богородицы в Тбилиси. Он был построен в 1278–1289 годах на месте уничтоженного храма V века.

которой горит лампада. Но тогда казалось, что, как лампы, горят сердца пришедших к подножию храма людей.

Я помню, как в день святой Шушаник я стоял около дверей, не смея попросить, чтобы меня пустили внутрь, потому что не хотел услышать насмешку или грубый отказ. И вдруг один из рабочих спросил меня: «Ты хочешь пройти сюда?». Я ответил: «Да». Он понимающе кивнул головой, открыл двери и впустил меня в храм. Картина страшного запустения предстала перед моими глазами. Железный лом, доски, кипы бумаж валились на полу; предел, где находилась могила святой Шушаник, был превращен в склад. Сама гробница уже была отчасти разрушена. На кирпичях лежала какая-то арматура, подойти к гробнице было невозможно. Но я был благодарен человеку, который понял, почему я пришел сюда в этот день, а может, сама святая Шушаник через него открыла для меня двери храма.

Странное у меня тогда было чувство. Как будто тот меч пыток, который святая приняла в свою грудь, — та сила, которая обрушилась на нее при жизни и не поколебала ее веру, теперь обратилась на ее храм, словно мстила ей после ее смерти, и мне казалось, — может, это дерзновенное слово, — что я стою перед Голгофой Шушаник. И в эти минуты я чувствовал в душе такую близость к ней, как никогда после.

Прошло время, и я спросил у рабочего, который впустил меня: «Мне пора уходить?». Он ответил: «Если хочешь, побудь еще». Он куда-то вышел, оставив меня одного. Я чувствовал тогда, что празь и копать на стенах, этот сор, наглопняющий

храм, эти разбросанные в беспорядке куски дерева и железа — только пыль на золоте, что святыню невозможно осквернить, как невозможно осквернить лучи солнца. Мне казалось, что стены храма пропитаны благодатью и как бы излучают незримый свет. Святая гробница в поруганном и оскверненном храме казалась мне келией святой Шушаник, которая превратилась для нее в место пыток. И вместе с этим я чувствовал другое: она — царица, возлежавшая на царственном золотом ложе или восседающая на троне, а эта сатанинская злоба, обрушившаяся на святыню, похожа на волны бушующего моря, которые разбиваются о камни утеса.

Говорят, что враги Христа, распявшие Его, распорядились вывезти мусор из Иерусалима на Голгофу, чтобы христиане не приходили молиться на это место, а язычники, впоследствии овладевшие городом, построили там свой храм. Но благодать Голгофы освящала всю землю, как солнце, которое невозможно погасить, освещает и согревает ее.

Что еще я чувствовал, стоя невдалеке от гробницы, заставленной, как бы вновь погребенной, кусками рельс, обломками труб и мешками цемента? Я чувствовал тепло, которое плло от гробницы. И за эти минуты можно было бы отдать всю жизнь.

В житии святой Шушаник написано, что во время ее страданий люди приходили к стене темницы, где томилась царственная мученица, и просили ее молить. На земле ее гробница в запустении и поругании, как бы в плену, а там, на Небесах, святая Шушаник в царской славе. Здесь, в ее храме, разрушенная гробница как будто кровотоцит, но от этого мученица становится еще ближе сердцу; кажется, что святая Шушаник своей ру-

кой снимает тяжелые цепи греха с человеческой души.

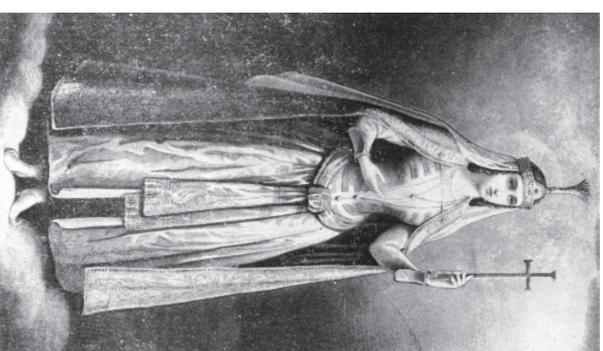
Я поблагодарил добро человека, который выпустил меня в храм. Он ответил мне кивком головы. Я вышел из храма с таким чувством, как будто был принят царницей в ее дворец, а город, поруженный в муравьиную суету, словно задыхающийся в атмосфере своих страстей, казался мне каким-то миражом.

Помню руины церкви святой Варвары*.

Сохранились часть стен и несколько плит около того места, где прежде были двери храма. Поверхность этих плит была гладкой, блестящей, будто отполированной искусным мастером: в течение столетий богомолцы входили по этим плитам в храм. Мне казалось, что здесь, где когда-то был алтарь, невидимо стоит святая Варвара и плачет о людях, забывших Бога и отглавших самих себя за бесенок сатане.

Около святых мест душа испытывает мир и покой, но это особый покой: с таким чувством путник приходит к своему родному дому и обретает у святых мест, даже на их руинах и развалинах, то,

* Руины храма святой Варвары находятся на окраине г. Микета.

Святая мученица Шушаник,
царица Ранская

что искал давно,— мир души. Это не то, что принято называть спокойствием,— этот мир полон переживаний: здесь радость таинственной встречи со святой и тонкая скорбь, сладостно сосущая сердце,— скорбь о том, что столько времени из жизни было потеряно. Здесь как будто безмолвно поет тишина и сердце слышит дыхание вечности. Понимает душа человека, понимает как великую тайну, что единственно вечное — это благодать Божия, истинная реальность и смысл человеческой жизни, а остальное — хоровод призраков, прельщающих человека, и он всю жизнь бежит, как малый ребенок, за ускользающими от него тенями. Все подлежит перемене, все предано времени, как пожирающему огню.

Мне говорили, что по старому обычаю сюда приходят матери помолиться о больных детях. Ребенок — это часть сердца матери, а больной ребенок — это сердце, источающее слезы. Наверно, ни о чем так глубоко не может молиться женщина, как о спасении своего умирающего ребенка. В душе человека хранится воспоминание о вечности. Душа — от Бога, она образ Божий, поэтому несет в себе частицу Неба. И здесь, у святыни, душа, будто пробуждаясь, вспоминает, откуда она, эта сияющая звезда, ставшая пленницей земли.

Я помню еще то время, когда храм Джвари*, венчающий вершину горы над Мцхета, предстывал собой только величественный каменный остов. Двери были давно сняты, окна выбиты, деревянный крест, стоявший когда-то посреди церкви, сожжен. Узкая тропа по склону горы вела к монастырю.

* Храм Джвари (*зруз.* Крест) был построен в VI веке.

Я помню день, когда гроза застала меня на Джвари. Струи дождя заливают храм. Ветер вращается внутри покинутого святилища, словно хожит кто-нибудь за колонной или в углу. Его шум похож то на свист неведомого зверя, то на глубокий вздох, вырывающийся из глубин земли. От этого ветра, льющегося, как невидимый поток, через сквозные пролеты, где были когда-то двери храма, некуда скрыться. Тело цепенеет, кажется, что холод проникает до самых костей. И в то же время, как ни странно, человека не покидает чувство глубокого спокойствия, словно за стенами храма он нашел защиту от врагов, как в крепостной башне.

Необычен вид с горы, где находится храм. Долину застилает мгла, похожая на пену волн, — это густые струи дождя, колеблющиеся, как зыбь прибоя. В это время кажется, что между вершинной горы и миром, лежащим внизу, образовалось огромное пространство, точно сама скала — это каменная лестница, уходящая в небеса. Пронизывающие порывы ветра, внезапно заставшие путника на вершине горы, напоминают страсти, которые врываются в храм души, хранимой благодатью Божией.

И еще одно чувство испытывает путник: словно струи дождя смыли с души его грязь и черную накипь грехов, и он, будто обновленный в некоем подобии крещения в дожде и дыхании бури, с облетченным сердцем сходит вниз, благодаря Бога за это испытание.

Я с сожалением вспоминаю то время, когда на Джвари не было автомобильных дорог и туристов, с ничего не выражающими лицами разглядывающих

святыню своими невидящими глазами. Разрушенные святыни были окружены величием тайны — теперь они выставлены напоказ, как на невольничьем рынке. По правилам Древней Церкви, еретик и неверующий не могли зайти в храм — теперь реклама зовет их посетить места, где было пролито столько мученической крови и молитвенных слез. Кажется, что в цветник, где растут небесные лилии, пустили пастись стадо, которое топчет эти цветы.

С горы открывается не только пространство горизонта, но и пространство неба. В разные времена года как будто даже звезды меняют свой вид. Весной они похожи на огненные еще не спустившиеся цветы; летом — на тысячи алмазных очей, которыми небо смотрит на землю; зимой — на сверкающие осколки льда то голубого, то розового, то прозрачно-хрустального цвета, а осенью — на жемчужные слезы, которые вдруг срываются с черных ресниц ночного неба и падают на землю. Но часто думаешь, что небо — это полор, за которым есть мир вечных сущностей, мир Божественного света, мир, не сравнимый ни с чем. А звезды — только иероглифы этого мира, изображенные на темно-синей кагапетазме небес. И кажется, что звездное небо — это встреча времени с вечностью.

Мне вспоминается посещение храма, называемого Ломис Гиорги (Львиный Георгий). Здесь начинается предгорье Кавказа. Горы, врезаясь, как каменные лезвия, в долины, похожи на лестницы и мосты, ведущие к воротам Кавказа — огромной крепости, стоящей между двумя частями света.

Церковь святого Георгия стоит в дебрях гор, на вершине скалы, словно святой Георгий попирает

каменную громаду своей ногой. Трудно представить, как была построена эта церковь, как доставляли материал на такую высоту, каков был дух тех людей, которые, преодолев все препятствия, воздвигли храм, подобный знамени, поднятому высь над страной. Ни дорога, ни тропинка не ведут туда. Несколько верст надо пройти вверх по крутому склону, чтобы достичь этого храма. Дорога идет через лес. Вначале путник бывает поражен красотой горного леса. Летний солнечный день, листья, как шатер, укрывает его от палящих лучей. Подъем становится все круче, иногда возможно илти вперед, лишь хватаясь за стволы кустарника и ветки деревьев. Обрывистые склоны скал сменяются изумрудными полянами, поросшими травой, — будто кто-то приготовил путнику ложе для отдыха. Хочется лежать не вставая и смотреть на качающиеся листья деревьев, сквозь которые пробивается голубизна небес.

Путь к храму напоминает плавание на корабле, когда один берег уже скрылся за горизонтом, — это мир, шумящий, как улей, а другой берег — святыня храма — еще не предстал перед глазами. А дорога, которой не видно ни начала ни конца, похожа на гладь океана.

Наступает время, когда путнику кажется, что его уже оставляют последние силы, что каждый шаг — это последнее напряжение его воли, что вот-вот он упадет на землю. Но это бывает чаще всего тогда, когда, заглядевшись на природу и душой как бы слившись с ней, он забывает об Иисусовой молитве, о том, что он идет к дому святого Георгия. И если молитва вновь проснется в его сердце и он будет внимать этой молитве, то силы снова

возвратятся к нему и он почувствует, что имя святого Георгия подобно посоху, на который он опирается в пути, а имя Иисуса Христа — это сердце вселенной, которое дает жизнь его сердцу.

На пути к святыне два искушения. Первое — когда люди вместо молитвы начинают, может быть, сперва говорить о духовном, а затем их разговоры скатываются на мирское. Разговаривать на пути к святыне нельзя, как нельзя беседовать в храме. Святыня скроет себя от человека, неподготовившего свою душу к встрече с ней за время пути, его сердце будет не в силах воспринять и удерживать благодать. Поэтому путь к святыне должен быть путем покаяния. Чем глубже кается человек, тем радостнее становится у него на сердце. Чем больше и труднее путь, тем лучше. Человек почти физически ощущает, что вместе с потом, пропитавшим его рубаху, какая-то нечистота вышла из его души и тела. Второе — это красота природы, она подобна обоюдоострому ножу. Эта красота может говорить душе о вечной красоте духовного мира, о том, что она — только тени, только изломанные осколки той красоты, которую видел человек в Эдеме. Она может свидетельствовать о величии Творца, но чаще бывает другое. Эта красота манит к себе человека, захватывает его в плен, но не открывает перед ним неба, а заслоняет духовный мир. Поэтому человек должен следить за своим сердцем, чтобы видимое не отняло у него невидимого, благодарить Бога, создавшего этот мир, но больше пребывать в своем сердце с молитвой, потому что там сокровенно находится мир более прекрасный, чем земля и небо. Когда в сердце зазвучит молитва, то

человек готов к тому, чтобы этот путь продлился еще на многие часы, тогда он понимает, почему храм построили на верху горы, почему к нему не проведена дорога, и сам путь по камням, через колочий кустарник, напоминает ему о том узком пути, который ведет к спасению.

...И вдруг перед глазами встает храм святого Георгия, как будто вершина скалы стала подножием другой, духовной, скалы. Здесь сердце особенно ощущает второе имя святого Георгия — Победоносец. Львом в Священном Писании символически назван Христос: «Лев от колена Иудина, Который раздавил главу змея»*. Львиный Георгий — это святой, укрепленный Духом Христа, святой, которого трепещут демоны.

Около храма человек испытывает чувство, что святой Георгий исполнит каждое его прошение. Но, странное дело: он уже не хочет молиться о том земном, что раньше волновало его душу, что было пронизано страстями; он уже считает это недостойным молитвы, а просит, чтобы святой Георгий умолил Господа о прощении его грехов, о том, чтобы в загробном мире хоть иногда видеть ему лицо святого.

У стены храма висит тяжелая цепь, которую за столбко веков никто не решился похитить. По преданию, это та цепь, которой святой Георгий был прикован к стене темницы по приказу Диоклетиана. Богомолыцы кладут ее себе на плечи и так обходят храм; некоторые совершают этот путь на коленях. Ее с трудом поднимает мужчина, но я видел, как женщины и дети брали эту цепь и, шатаясь под ее тяжестью, шли вокруг храма, словно

* См.: Откр. 5, 5; Пс. 73, 13.

укрепляемые силой святого Георгия. Неся эту святыню на своих плечах, понимаешь, что твою тяжесть святой Георгий берет на себя.

Откуда появился этот храм, похожий на дивный цветок? Кто поднял сюда каменные плиты для стен, отточенные так, что лезвие ножа не может пройти между ними? Кажется, что став горных орлов перенесла эти камни из долины в своих могучих когтях, чтобы послужить святому Георгию.

Около всех святых одно и то же чувство: что истинная жизнь здесь, а там, в миру, — одни сновидения, что здесь сердце открывает свои духовные очи, а там, в миру, погружается в тяжелую дремоту, от которой пробудить его могут только молитва покаяния или смерть.

Обратный путь кажется намного легче, слово ты приобрел богатство и хранишь его в тайне от людей, чтобы не потерять. И ты уже понимаешь, почему отшельники избегали смотреть на человеческие лица.

Святые отцы говорили: «Молчание созидает, а многословие расточает». Потому что благодать — это таинство будущего века, язык которого — безмолвие. И здесь, осененный лучом благодати, человек желает одного — чтобы этот луч не угас.

СХИГУМЕН САВВА

Встречи со старцами убедили меня, что христианство проповедуется не только словом, но прежде всего — силой благодати, которая оживляет слово, делает его светоносным, а истину христианства очевидной и, дерзну сказать, как бы осязаемой. Благодать проникает в глубины сердца и дает человеку возможность пережить встречу с неведомым для него духовным миром. То, что при этом испытывает сердце человеческое, можно выразить словом «радость». Радость, которая не похожа на обычное эмоциональное переживание, — радость обретения самого главного в жизни — Того, Кто выше всякого слова.

Истинный проповедник христианства — только тот, кто стяжал благодать Духа Святого. Он проповедует о Христе даже когда молчит. Тайна будущего века открывается через благодать. Тот, кто стяжал ее, сам становится источником незримого света. Эта тайна отражается в его глазах, наполняет его слова духовной силой, от человека веет всепроникающим теплом, в котором хочется согреться, — как в зимнюю ночь окочневшему от ледяного холода путнику хочется согреться, как бы оттаять около горящего костра.

Тот, кто стяжал благодать, становится очевидцем и свидетелем истины христианства. Более

того, в своем лице он являет христианство миру: может быть, сам того не сознавая. На человека в определенном духовном состоянии благодать действует так ощутимо, что его надежда переходит в уверенность: он говорит, как имеющий власть, он молится, не сомневаясь, что его молитва будет услышана. Но в то же время он знает, что это действует не он, а благодать, посетившая его, и еще больше смиряется перед величием дара.

Нам надо знать умозрительные истины христианства, как карту дорог — тому, кто отправляется в далекий путь, — знать, чтобы не ошибиться и не пойти по ложной тропе. Но тот, кто занят только изучением богословия и других наук, полагая, что этого достаточно для спасения, подобен человеку, который часами сидит над картой, тщателью изучает ее, но так и не решается выйти за порог своего дома.

Путь христианина — стяжание благодати. Изучение церковных наук в духовных школах, знакомство с творениями святых отцов — это одевание души, которое для многих необходимо, но это еще не сам человек: внутренне он образуется через подвиг жизни. Человек, исполняющий евангельские заповеди, понимает Евангелие лучше, чем ученый богослов, потому что ощущает в своей душе силу благодати, которая заключена в нем; понимает более глубоко, чем это может выразить человеческое слово. Он чувствует Евангелие как саму жизнь души.

В своей жизни я встречался с богословами, но ни один из них не произвел глубокого впечатления на мою душу. Эти встречи не могли согреть мое сердце. Ведь рассудок, предоставленный самому

себе, холоден, как вспышки электрического света. Я чувствовал в этих людях какую-то сложность и неопределенность. Они могли помочь разрешить некоторые частные, умозрительные вопросы, в их словах звучала уверенность, но это была не спокойная уверенность истины, а раздражающая самоуверенность собственного интеллектуального превосходства. Им было трудно сказать: «Я не знаю». Это была какая-то «головная» религия, отключенная от сердца. Некоторые из них были искренне верующими и — я вынужден сказать резкое слово — не стеснялись молиться, но я не встречал ни одного, для которого центром духовной жизни являлось бы сердце. Оно было подавлено противоречивой информацией рассудка, который эти люди считали своим главным богатством. Подобно слепым, они могли рассказать о том, что слышали, но не могли показать того, что не видели. Я глубоко убежден в том, что ни обилие духовной литературы, ни богословские училища не могут сами по себе принести благу весть о Христе и христианстве лежащему в духовной тьме миру. Истинные проповедники — это подвижники, стяжавшие благодать через Иисусову молитву и очищение своей души от страстей. Чтобы говорить о Боге, надо выйти из плена этого мира, а внутреннюю свободу дает только благодать. Чтобы говорить о Боге, нужно возвыситься над миром, над его страстями, представлениями и, более того, над его мнимой правдой, надо стать иным, а иным человека может сделать только благодать.

Самым большим событием в своей жизни я считал встречу со схиигүменом Саввой (Остапенко)^{1*}.

* Здесь и далее: примечания, обозначенные цифирью, помещены в конце книги.

Впервые я встретился с ним в 1955 году в монастырском корпусе Троице-Сергиевой Лавры, когда он ожидал приема у заместника обители — архимандрита Пимена (будущего Патриарха всея Руси). Отцу Савве предстояла разлука с Лаврой: вскоре после рукоположения в иеромонахи он оказался в числе гонимых светскими властями, а отчасти — и своими собратьями. Дело в том, что отца Савву постоянно окружал народ: около монастырских ворот можно было видеть толпу богомольцев, которые часами ожидали, когда он выйдет из кельи, чтобы взять у него благословение или спросить о чем-то очень важном для себя. Какая сила притягивала к нему людей? Мне кажется — сила непрестанной молитвы, которая делает целю века подобным духовному магниту. Молва о великом молитвеннике шла по всей Руси и с каждым днем собирала около него все больше духовных чад. Это было единственным и самым тяжелым обвинением против него для негласного суда. Такие суды, чем-то напоминающие «тройки» тридцатых годов, вершились в кабинетах уполномоченных при закрытых дверях. Понения на отца Савву продолжались несколько лет со все возрастающей силой. Ложь, угрозы, притеснения, оскорбления, клевета обрушивались на него, будто удары молота, а он стоял неподвижно, как наковальня. Наконец власти потребовали, чтобы его перевели куда-нибудь подальше от столицы. Отец Савва уже получил указ о направлении его в Псково-Печерскую обитель и ожидал благословения заместника от-правиться в путь.

С Троице-Сергиевой Лаврой было связано начало его духовной жизни. После открытия Лавры

он, еще будучи в миру инженером-строителем, участвовал в восстановлении монастыря. Здесь он учился в семинарии, но настоящей духовной школой был для него Храм. Рассказывали, что во время церковной службы он забывал обо всем и нередко опаздывал на уроки. Когда педагоги спрашивали: «Где Осташенко?», то дежурные студенты отвечали: «У преподобного Сергия на молебне» или: «Читает записки на панихиде». Некоторым студентам это казалось странным, и они втихомолку подшучивали над ним (на что он отвечал только улыбой), но когда приближались экзамены, то шутники первыми просили у него молитв. Многие впоследствии с благодарностью вспоминали отца Савву именно за то, что он своим примером учил их, что самое главное в жизни христианина, особенно священнослужителя, — непрестанная молитва.

Теперь отцу Савве предстояло расстаться с лаврскими монахами — своими духовными братьями и сослужителями, а также с многочисленными чадами, с которыми он был связан неразрывными узами любви: они не могли представить себе жизнь без своего духовного отца. Монах, покидающий монастырь, похож на мореплавателя, который оставляет пристань родного города и, направляясь к неведомым берегам, отдает себя простору моря, — только монах отдает себя Промыслу Божию, непостижимому и более глубокому, чем океан.

Что меня поразило в отце Савве в тот день? — То, что он был совершенно спокоен, как будто все происходящее не касалось его, как будто вся его жизнь сосредоточилась в имени Иисуса Христа, а до остального ему мало дела. Он вверил себя и свое

сокровище — чад своих — воле Божией и Покрову Пресвятой Богородицы. Мне казалось, что если бы его послали не в Печерский монастырь, а в степи Казахстана или в заполярную тундру, то он принял бы это с таким же душевным миром и готовностью, как послушание, данное от Бога.

Я подошел к нему, взял благословение и попросил уделить мне несколько минут. Я спросил о том, что считал самым главным: как научиться Иисусовой молитве. Отец Савва внимательно посмотрел на меня. Кажется, ему понравился мой вопрос. Он стал излагать мне учение святых отцов об Иисусовой молитве по «Добролюбию». Я был удивлен тем, что он помнил наизусть целые странный из святоотеческих творений. Прежде я читал «Добролюбие», но в его устах оно звучало по-другому. Слова отцов были как бы оживотворены и согреты его личным молитвенным подвигом. Я воспринимал их так, будто слышал в первый раз. Slowно раньше, открывая книгу, я видел ноты, а теперь слышу их дивное звучание. Странницы «Добролюбия» засияли передо мной внутренним светом. Мне казалось, что древние отцы-аскеты говорят его устами. Что я испытывал в эти минуты? — Какую-то необычайную живую теплоту в своем холодном сердце. Тогда я почувствовал, что значит жизнь и смерть сердца. Я понял всем своим существом, почему люди уходили в монастыри и пустыни, какое духовное сокровище, подобное золотоносной жиле, они находили там. И еще мне казалось, что если бы тогда отец Савва сказал мне: «Оставь все и иди за мной», то я бы пошел за ним хоть на край света. Затем я спросил его: «У какого отца наиболее полно и ясно изло-

жено учение об Иисусовой молитве, особенно для нашего времени?». Он ответил: «У русского инокка Дорофея в книге, называемой “Цветник рукописный”^{*}», — но добавил, что эта книга очень редкая и написана на церковнославянском языке. Он беседовал со мной с таким вниманием и участием, как будто ему не предстояло вскоре покинуть Лавру, как будто не стояли у стен монастыря его чада, горько оплакивая грядущую разлуку с духовным отцом. Казалось, что у него нет ничего, кроме имени Иисуса Христа, и в этом имени есть все. Монах на земле — нищий, и вместе с тем он царь в своих выдвениях: его жезл — молитва, его корона — покров Пресвятой Богородицы, его престол — покорность воле Божией.

Духовное спокойствие отца Саввы передавалось мне. Я почувствовал, что он любит меня, любит ради Христа, и что я, как ни странно, защищен этой любовью и со мной не может произойти ничего страшного. Это касалось не только моей души, но и всей моей последующей жизни: как будто с этого часа я нахожусь под невидимым покровом его молитв.

Это трудно объяснить: я обрел не гарантированную защиту от того, что мир считает несчастьем, а уверенность в том, что все случается с человеком — только различные обстоятельства и ситуации, скорюпа жизни, но не сама жизнь, и что существоует лишь одно действительное несчастье — потеря

^{*} «Книга, глаголемая Цветник, сочиненная священником Дорофеем, содержащая заповеди евангельские и поучения святых отцов» (к. XVI — н. XVII в.) неоднократно издавалась в XVIII веке. Ныне переиздана в переводе на русский язык. См., например, изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 2005.

Бога. Я явно ощущаю, что с благополучием Божией нетрудно пережить все скорби в этом мире, и что главное то, чем живет человеческое сердце, а остальное — только внешне, составляющее как бы оболочку жизни. Может быть, в малой степени, но я почувствовал то, что открыто святым: «С Богом везде хорошо». Без Бога внутреннее исчезает, а внешне становится для человека полем постоянной борьбы: как зверь, оно преследует свою жертву повсюду и терзает ее душу и плоть.

При встрече с отцом Саввой я не чувствовал никаких особых эмоциональных переживаний — наоборот, они утихли, как ветер, которому сказал Господь: *стихи и перестань**. Я подошел к отцу Савве, и в то же время мне показалось, что это он подошел ко мне и принес с собой то, чего мне так не хватало, — окружающий его дух не земной, а какой-то глубокой, всепроникающей тишины. Эту тишину я ощутил в своем сердце. Разговоры с богами, напротив, колебали мой ум, как будто я находился в лодке, раскачивающейся на волнах. А здесь все оказалось просто, ясно и понятно. Замогли внутренне противоречия, отступили темные силы, грызущие зубами сердце, и стало просто хорошо, как будто солнечным утром я пробудился от какого-то тяжелого сна. Это было состояние совершенной уверенности в бытии Божиим, в Его присутствии и в Его благом Промысле обо мне, — так мы уверены в том, что существуют земля и небо. В этом состоянии невозможно рассуждать о вере, как невозможно и нелепо докладывать, что ты есть на этом свете. Благополучно можно назвать «очевидностью Бога».

* Ср.: Мк. 4, 39.

При встрече с подвижником особое пламя охватывает сердце. Это пламя не жжет, не вводит в состояние восторга, а открывает человеку, что есть еще некое таинственное «сердце в сердце», где обитает Господь.

Как странно: если бы те же слова, которые произнес отец Савва, я услышал от другого человека, они осели бы в памяти ума, а сказанное отцом Саввой вошло, как острый клинок, в глубину сердца и осталось там навсегда.

Встреча со схиигуменом Саввой стала для меня самым главным свидетельством того, что существует нечто великое и невыразимое словом — истинная жизнь с Богом, без чего обычная жизнь — только медленное умирание.

Я поцеловал руку отца Саввы, и какое-то чувство подсказало мне, что моя жизнь будет неразрывно связана с ним.

* * *

Мне трудно писать о схиигумене Савве именно потому, что он жил в той духовной стихии, которая плохо поддается рассудочному анализу и словесной интерпретации. Когда приходит благодать, то замолкает слово: вступают в силу духовные интуиции, непосредственное восприятие того, что лежит за порогом телесных чувств. Человеческое слово, сказанное о том духовном состоянии, в котором пребывал отец Савва и которое могло передаваться другим только отчасти, как отраженный свет, кажется ложью. Благополучно входит в душу как великая тишина, как отсутствие противоречий — постоянных диссонансов, эмоций и античного мышления. Но это вовсе не тишина молитвы, а пробуждение духа. Эта тишина светится

и живет; коснувшись человеческого сердца, она начинает звучать в нем как гимн Богу. Благодать можно ощущать, но рассказать о ней невозможно. Я помню, как в детстве рисовал на бумаге домик, а над ним солнце; от солнца идут лучи по направлению к домику... Все слова о том, что принадлежит безмолвию, похожи на рисунок, в котором ребенок хотел отразить небо и землю.

Чем выше подвижник стоит на духовной лестнице, тем труднее писать о нем, тем фрагментарнее наши знания о его жизни. Во-первых, потому, что духовное видит душевное, а душевное не видит духовного. Только лишь через какие-то просветы человек может соприкоснуться с внутренним миром подвижника как с откровением благодати, а затем не находит слов, чтобы рассказать, что с ним произошло. Во-вторых, потому, что жизнь подвижника может быть бедна внешними событиями, вернее, она лишь отчасти отражена во внешних ситуациях и событиях, но сосредоточена в центре всех центров — в Боге. Духовный путь подвижника — это путь от мира к себе, от расудка — к сердцу, а оттуда — к Богу. Описывать только внешние события его жизни — все равно что описывать не человека, а его одежду. В общении с подвижником открывается для человека новая жизнь; происходит его перерождение, снимается какой-то полог, лежащий на очах его сердца. Он видит мир, которого не видел никогда, а то, что окружает его, предстает перед ним в других измерениях, как бы на фоне всепронизывающего света. Более того, это состояние трудно удерживать в памяти, оно приходит и уходит. Если дух снова погружается в обычную дремоту, то душа не в силах

Схиигумен Савва (Остипенко)

воспроизвести в своей эмоциональной памяти прежнее духовное состояние.

Господь допустил меня, грешного, увидеть великих старцев нашего времени. У каждого из них были свои особые духовные дары. Как луч, преломляясь через призму, распадается на цвета радуги, так благодать Божия действовала в одном подвижнике как дар духовной мудрости — это чувствовали те, кто приходил за советом к схимандриту Серафиму*, — другим даровала способность утешать скорбящих и сострадать грешным — этим даром наделен архимандрит Иоанн (Крестьянкин)**, а схиигумен Савва, как мне всегда казалось, получил от Господа дар благодатной молитвы. Впрочем, слово «казалось» здесь не вполне точно: те, кто общался с ним, ощущали эту благодать. Они чувствовали силу его молитв своей душой, притом не только когда он молился в храме или в кельи, но и когда он вел беседу с ними или просто молча слушал их. Это была та непрестанная молитва, которая идет от сердца к сердцу, — молитва, неподвластная расстройному и времени. Человек чувствовал, что он вошел в незримый свет молитвы подвижника. Будет ли он рядом с отцом Саввой или за тысячи верст от него, будет ли он совершать путь земной жизни или уже окончит его — этот свет не угаснет и не померкнет, любовь отца Саввы не оставит человека одиноким и брошенным.

* Речь идет о схимандрите Серафиме (Романове). См. примеч. 11 на с. 585.

** Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) почил о Господе 5 февраля 2006 года.

Когда я ехал к отцу Савве в Печеры, то мне казалось, что старец уже издавека встречает меня: он знает, что я еду к нему, и духовно он уже со мной. Когда я уезжал от отца Саввы, то испытывал такое же чувство: что он провожает меня своей молитвой, что увеличивается расстояние между нами, но он остается таким же близким, как тогда, когда я находился в его кельи.

Молитвы такой силы, которой обладал отец Савва, я не встречал ни у кого. Я воспринимал его как преемника праведного Иоанна Кронштадтского. Бывали случаи, когда старцы перед смертью передавали духовные дары своим ученикам. Мне кажется, что отец Иоанн Кронштадтский благословил даром молитвы отца Савву, как будто даровал ему силу и высокое дерзновение молиться за людей. Схиигумен Савва был всегда радостен, словно он только что получил какую-то дорожку для нето весты и хочет поделиться ею со всеми нами. Но особенно преображался он во время храмовой молитвы, тогда и облик его напоминал отца Иоанна. Я помню его взгляд: лучистый, ясный и глубокий, как будто проникающий до глубины души. Эти глаза были чистыми, как кристаллы, через которые сияет вечность, и тогда мне вспоминались слова из Евангелия: «Это Иоанн восстал из мертвых, и силы деются в нем»*, — настолько его лицо, особенно глаза, нечто во взгляде, что невыразимо словом, было похоже на портрет великого Кронштадтского пастыря.

И какой страшный парадокс: до того как я стал духовным чадом отца Саввы, у меня по временам

* Ср.: Лк. 9, 7; Кол. 1, 29.

возникало какое-то непонятное раздражение по отношению к нему, как будто его присутствие и молитва колыхали темное дно моей души, и появлялось похожее на беснование желание оскорбить и унижить его. Однажды со мной произошел такой случай. У меня обнаружился признаки болезни, которую можно было излечить только хирургическим путем, но я не хотел обнажать свое тело и не обращался к врачу. И вот во время очередного приступа болезни и тяжелого искушения против схиигүмена Саввы я сказал с какой-то злобой, как говорят скверную шутку, чтобы посмеяться над человеком, — сказал в своем сердце: «Если ты святой, то исцели меня», веря, что он не исцелит. И вдруг случилось то, чего я не ожидал. В ответ на мои похожие на кощунство слова я, к своему изумлению, получил исцеление. Эта болезнь больше никогда не повторялась.

Как глубоко падение человеческой души! Только в редкие мгновения понимаешь, какой ад скрыт в глубинах сердца. И лишь Кровь Христа могла искупить и оживотворить эту бездну греха — человека.

* * *

Общение со схиигүменом Саввой стало для меня незабвенным событием. Казалось, что душа его источает волны незримой любви и возвращает к жизни окаменевшие в грехах холодные души людей, как бы согревая их весенним теплом. И в то же время по своему характеру он вовсе не был мягок и ласков, напротив, в нем чувствовалась строгость, особенно к духовным чадам. Старец не терпел неискренности и лицемерия и часто пресекал слащавое «смиреннословие» своего собесед-

ника каким-нибудь резким словом, отрывистым, как удар хлыста. Он считал, что явному гордцу легче увидеть свои грехи, чем «аристу смиренния», который под земными поклонами и непрестанным повторением «простите» скрывает тщеславие и гордость. Таких людей отец Савва подвергал неожиданным тяжелым испытаниям, желая, чтобы они увидели, как непрочно это внешнее напускное смирение, в которое они уверовали сами, в душе восхитаясь собой. Духовные чада говорили, что подходят к келии отца Саввы со страхом, но это похоже на страх больного, который идет к опытному хирургу: он боится боли и в то же время знает, что получит помощь и исцеление.

Я говорил, что отец Савва всегда был радостен, душа его светилась духовным ликованием, но однажды в алтаре Печерского храма я увидел картину, поразившую меня. На низкой скамеечке, недалеко от престола, сидел отец Савва и читал письмо; затем он опустил руку с письмом и как будто погрузился в раздумье. На его лице отразилось глубокое страдание, я почувствовал, что он приносит покаяние за своих чад — покаяние, похожее на кровь, текущую из его сердца, как из раны; я увидел, как ему тяжело из-за наших грехов, и понял: нам легко, потому что он невидимо страдает за нас.

Я помню свою поездку в Палестину. Там как-то особенно явно чувствуются присутствие Бога, как будто исчезает протяженность времени и человек переносится в тот мир, где проходила земная жизнь Христа Спасителя. Словно улицы Иерусалима хранят следы Его ног, земля Гефсимании — пролитые Им в молитве капли

кровяного пота, а в воздухе Галилеи звучит эхо слов Натрной проповеди. В храме Воскресения Господня кажется, что в этом месте снята преграда между вещественным и духовным, что здесь незримо присутствует Небесная Церковь. Отец Савва не был ни в Иерусалиме, ни на Афоне; его иноческая жизнь протекала в двух монастырях: в Троице-Сергиевой Лавре и Печерской обители. Но когда я вспоминаю встречи с ним, то мне кажется, что он был моим проводником по Святой Земле, которой я тогда еще не видел. Раз монахиня, побеседовавшая с отцом Саввой, сказала: «Он — святой». Я спросил: «Ты видела чудо?». Она ответила: «Во время беседы с ним я почувствовала такую радость и ликование, которую может только благодать Божия. Сердце нельзя обмануть».

Одна женщина в Сухуми спросила меня: «Ты знаешь отца Савву?». Я ответил: «Да». Она сказала: «Нет, ты не знаешь его. У меня был рак груди. Врачи говорили, что операция необходима, я попросила молитв у отца Саввы. Он ответил: “Будешь здорова”. После этого опухоль у меня стала рассасываться, а потом исчезла совсем. Разве ты знала, что он творит такие чудеса?». Я спросил: «А ты сказала ему об этом?». Она ответила по-детски: «Я купила две большие рыбы, самые лучшие на базаре, принесла в тот дом, где он был, и просила, чтобы он принял от меня этот дар. Затем я встретила его в церкви и, когда хотела сообщить ему о своем исцелении, он дотронулся пальцем до моих губ и тихо сказал мне на ухо: “Господь, а не я”».

Отец Савва имел особое молитвенное усердие к Пресвятой Богородице и святителю Николаю

Мирджикийскому. И сам он своим духовным обликом напоминал мне святителя Николая. Не случайно мирское имя его было Николай. В чем выразилось это сходство? Я думаю, во всецелой любви к Богу и в жертвенной самоотдаче людям. Отец Савва обладал редкой способностью, которая достигается немногими посредством особой внутренней аскезы: быть одновременно с Богом и людьми; с Богом — предстоя Ему в своем сердце, и с людьми — разделяя их скорби и заботы. Думая об отце Савве, я вспоминал апостола Петра, который, не утопая, шел ко Христу по бурным волнам Галилейского моря*, и мне казалось, что отца Савву над бушующим житейским морем носят невидимые крылья веры. Он отраждал себя от мира не стенами затвора, а непрестанной внутренней молитвой. Мне казалось, что все силы своей души он стянул в сердце, как лучи в одну точку. Этим световым центром его жизни было имя Иисуса Христа. Отец Савва видел мир через свет внутренней молитвы; он хранил себя от страстей огнем молитвы; его слова были напоены силой молитвы. Я встречался с великими старцами, но лишь у немногих видел такую внутреннюю независимость от мира, такую свободу от ига его жгивых условностей, какую имел отец Савва. Я даже дерзну сказать, что не встречал человека, кроме нескольких юродивых, который был бы так свободен от душевной тирании мира и от притязаний на свободу во Христе со стороны «князей» этого мира. Он служил людям, но не давал им господствовать над собой. Он был подобен пламени, которое освещало и согревало людей, но

* Мф. 14, 25–32.

могло также обжечь тех, кто захотел бы прикоснуться к нему рукой.

Отец Савва не раз повторял слова преподобного Пимена Великого: «Чтобы иметь мир в душе, найдись в своем чине»*. Церковь, семья, служба — все это структуры, где человек должен найти себя и определить свое место. Отец Савва не одобрял тех игуменов и игумений, которые из-за ложного смирения боятся проявить свою власть: от этого происходят нестроения в монастырской жизни. Он также считал, что духовному отцу не должно под предлогом милосердия «распускать» своих чад и самому становиться послушником у них. Он приводил слова преподобного Иоанна Дествичника о том, что монах, умирая, будет проклинать своего излишне снисходительного духовника**.

Однажды я сказал отцу Савве, что не имею духовных чад, и думал, что он одобрит это. Но он строго сказал мне, что я, отказывая людям в совете и общении, от этого преподобным Антонием не стану, и что это порождение не смирения, а лености, что я горжусь тем, чего священник должен стыдиться. Но тут же добавил, что надо уметь руководить духовными чадами и, скрывая любовь, проявлять к ним разумную строгость. Он сказал, что для решения духовных вопросов достаточно нескольких минут и нельзя позволять людям

* См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Пимене, 71, 167. — М., 2004. С. 646, 667.

** См.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Лествица, возводящая на небо. Слово особое к пастырю, научаше, каков должен быть наставник словесных овец. 14, 4. — М., 2001. С. 500.

распоряжаться твоим временем, что для правильного руководства надо встречаться с человеком редко и на короткое время, объясняя ему это, например, так: «У меня есть для тебя пять минут, уложись в это время, ты не один»; или же можно сказать человеку, чтобы он написал исповедь или вопросы на бумаге — не более одной страницы. Исключение отец Савва делал для тех, кто приезжал издалека. Очень часто он, не отвечая на вопросы, говорил: «Я помолюсь о тебе». И, как правило, человек получал ответ, иногда совершенно неожиданный.

Можно сказать, что отец Савва общался с людьми через молитву, беседа была только подспорьем. Он говорил о том, что встреча с духовным отцом должна быть для человека событием, а не обыденностью; что ни одно слово духовного отца, даже сказанное в шутку, нельзя пропускать без внимания. Он говорил, что некоторые духовные чада за три минуты пребывания с ним получают больше, чем другие за неделю.

Я как-то спросил у него: «Какая страсть самая опасная и какой грех самый губительный?». Он ответил: «Груссость и бязливость. Такой человек живет всегда двойственной, ложной жизнью, он не может довести доброго дела до конца, всегда хитрит и как бы лавирует между людьми. У бязливого кривая душа; если он не поборет в себе эту страсть, то неожиданно для себя под действием страха может стать отступником и предателем». Когда я спросил: «А как преодолеть эту страсть?» — он ответил: «Преодолевай ее в малом, не надейся на людей, в том числе на себя, а уповай на Бога. Страх перед Богом уничтожает другой страх».

Затем сказал: «Молись Божией Матери. Она — наша Взыбранная Воевода».

Один иеромонах, желая исповедаться у отца Саввы, написал на листе бумаги грехи, которые он вспомнил; среди них были и тяжелые. Старец взял лист и карандаш и стал читать. Выражением лица он напоминал врача, который внимательно и напряженно слушает больного, чтобы определить его болезнь. Он читал медленно и сосредоточенно, словно взвешивая каждый грех на ладони своей руки. Через исповедь он будто стремился увидеть душу человека, его духовный путь и сокровенную внутреннюю жизнь и определить причины совершенных грехов. Вдруг он встал и резким движением карандаша подчеркнул одну фразу, а затем вернул лист иеромонаху: тот написал, как он из-за боязни перед человеком покривил своей совестью. Отец Савва сказал: «Обрати на это внимание, грусость — один из самых тяжелых грехов; она является причиной многих других грехов и падений, ведь во время тонений люди из-за трусости отрекались от Христа. В Апокалипсисе написано, что близкие не спасутся и не войдут в Небесный Иерусалим*. Старайся искоренить этот грех из своего сердца». Затем он добавил: «Оставь этот лист, я сожгу его». Иеромонаху впоследствии рассказывали, что письма с исповедями, которые ему присылали духовные чада, отец Савва скинул с особой молитвой себя в келии. Он говорил, что некоторые листы горят с трудом, а от других остается зловоние.

Иеромонах возвращался от отца Саввы с радостным чувством и ощущением, что грехи его сторели в невидимом пламени.

* См.: Откр. 21, 8.

* * *

Отец Савва сострадал каждому человеку, но к своим чадам был строг и, как уже говорилось, часто скрывал это сострадание под внешней суровостью. Чем больше он любил человека, тем более требовательно обращался с ним: слово его звучало властно. И напротив, к слабым духом он

проявлял снисходительность и даже уступчивость, как к ребенку или больному. Отец Савва говорил, что каждый металл имеет свою меру прочности. Когда он давал благословение на какое-нибудь дело, то не терпел возражений и споров. Если же он видел, что человек немощен душой и изнемогает, то сам снимал с него послушание или облегчал его; а если считал, что тот может исполнить требуемое, но колеблется, то не слушал его объяснений, не повторял своих слов, но резко обрывал его и гнал от себя.

Фарисейское смиренное словие и ложь отец Савва считал худшим видом гордости. Если человек приходил к нему с искренним покаянием, то он никогда не упрекал его, как врач не упрекает больного за гнойные язвы и раны, а старается сделать все, чтобы исцелить больного. Старец словно сжигал грехи духовных чад огнем своей молитвы. Но если он видел в человеке лицемерие и хитрость, то гневался на него, резал словом, как ножом, и мог, в буквальном смысле, выгнать такого человека в шею из своей кельи. Грех фарисейства он считал одним из самых трудноисцеляемых грехов. Поэтому его видимая резкость была как бы последним средством разбудить совесть человека. Старец строго обращался с гордыми и непослушными. Одного тщеславного и самоуверенного человека, который пришел к нему в келью, он заставил стоять у порога, сказав, что келью только что убрали, а он своими ногами запачкает пол. Другому он сказал: «Ты пришел не спрашивать, а искушать меня, чтобы потом раскушадать, в ком больше правды: во мне или в твоём старце, которого ты также искушал вопросами, а теперь решил

оставить». Некоторым отец Савва говорил так: «Ты был в зоопарке? Если ты подойдешь с пищей к зверям, то они будут внимательно смотреть за каждым твоим движением. Брошенная тобой пища не успеет упасть на землю, как они схватят ее на лету. Так ты должен хватать на лету каждое слово старца и запоминать его».

Схиигүмен Савва терпеть не мог многословия. Он учил своих чад говорить как можно более кратко. Некоторым он давал правило проиносить в день не более определенного количества слов. Старец стремился сохранить от рассеяния внутреннюю молитву, поэтому он предпочитал, чтобы духовные чада записывали свою исповедь — не более одной или двух страниц. Они должны были предварительно обдумать ее, выбрать самое главное и отбросить второстепенное. Отец Савва говорил, что, исповедуясь духовному отцу, не должно объяснять или рассказывать обстоятельства, пускаться в глупый самоанализ и в тонкий просмотр своих помыслов — надо указать на грехи, которые ты совершил, а не писать автобиографию. Когда к отцу Савве подходили за разрешением того или иного вопроса, он также пресекал многословие: просил кратко и ясно изложить, в чем дело, и ждать ответа от духовного отца. Чем меньше слов, тем понятнее дело, тем более правильный ответ может дать духовник. Схиигүмен Савва считал, что человек, который долго объясняет старцу свою проблему, хочешь убедить его согласиться с решением, которое он сам уже принял, и как бы принуждает его благословить то, чего желает сам. Здесь происходит некая внутренняя борьба между вопрошающим и отвечающим: под видом дополнительных

объяснений такой человек представляет новые аргументы в пользу своего решения и внутренне давит на волю старца. Получается обман или самообман. Основа благословения как доверие к старцу здесь отсутствует, и поэтому воля Божия не может проявиться через старца. В таких случаях отец Савва обычно прерывал беседу. Он рассказывал: «Одна женщина, подошла ко мне, хотела попросить благословения на какое-то дело и стала говорить не умолкая. Я сказал ей, что понял. Но она, не обращая внимания на окружающих, не отставала от меня, продолжая говорить. Тогда я взял ее за шиворот и вытолкал из кельи, — и, слетка улыбувшись, добавил: — Это почему-то показалось ей обидным. Бывает и так. Приходит ко мне человек и говорит: “Помолитесь обо мне”. Я киваю головой; он отойдет на несколько шагов, возвращается и опять говорит: “Помолитесь обо мне”, и так несколько раз. Может быть, я и помолюсь за него, но ему отвечаю: “Научись молиться за себя сам”».

Если духовные чада хотят, чтобы их любили духовные наставники, то они должны больше слушать, чем говорить, и не спрашивать по несколько раз об одном и том же. Слово имеет силу на всю жизнь, если духовный отец не отменит его. Они не должны мешать молитве старца: ведь во время молитвы он ближе к ним, чем во время беседы.

Отец Савва просил духовных чад молиться за него и друг за друга. Молитва духовного отца охраняет чад, а молитва чад помогает духовному отцу.

Многословие указывает на гордость, которая ищет самовыражения, на непослушание, которое постоянно перечит и спорит, на отсутствие внутреннего молитвы, которая должна собирать ум от внеш-

него, извне к себе самому. Многословие с монахом доказывает духовную невоспитанность и дикость. Иногда болтливость свидетельствует о духовной и душевной болезни, о состоянии, называемом прелестью, об истерии или тихом безновании. Замечено, что психопаты теряют контакт с другими людьми, они не могут слушать, так как живут в мире собственных представлений и слов. Если у человека духовная болезнь в виде страстей или состоянии прелести, то надо пресекать его «монологию», в которых он реализует свои страсти; если это душевные болезни — различные мании и фобии, — то говорить с таким человеком также бесполезно, все равно, что писать на воде. Это бессмысленная трата времени и сил.

Некоторым отец Савва говорил: «Закрой рот и отвечай только на те вопросы, которые я тебе задам». Многословие с духовным отцом он считал распушенностью. «Духовный отец для спасения, а не для дружбы, — говорил он. — А ты разговариваешь со мной, как с соседкой, которую встретила на улице». Если житейские вопросы не были связаны с духовными, то отец Савва нередко вовсе отказывался отвечать на них. Он приводил в пример слова Спасителя, который отказался делить именование братьев*. Отец Савва как-то сказал: «Если я буду говорить об обыденном, то стану обывателем».

И среди народа отец Савва мог сохранить внутреннее безмолвие. Рядом с ним мне вспоминались слова преподобного Феодора: «Или удаляйся от людей, или будь для них, как меч»**.

* См.: Лк. 12, 13—34.

** Древний патерик, изложенный по главам. Гл. 8. О том, что ничто не должно делать напозказ. — М., 1891. (Репр. изд.: М., 1997.) С. 134.

Монашеская жизнь — это концентрация на самом главном — на богообщении, которое достигается через молитву и очищение ума от помыслов и фантазий, пробуждающих страсти и грехи в нашем сердце. Молитва требует внутреннего безмолвия, при этом душа становится особенно чуткой к внешним впечатлениям, в том числе к слову. Слово воспринимается как шум, нарушающий тишину. Вместе со словами в душу врываются впечатления, образы и картины — враги молитвы, поэтому длительные беседы угнетают душу монаха, приводят его в состояние внутреннего опустошения и усталости. Этого не понимают мирские люди, которые беспрерывно пребывают в грохочущей кузнице мира, в буре своих помыслов и страстей; для них разговор — это шум в привычном шуме, а для некоторых даже разрядка. Есть цветы, которые могут жить только в парнике; если открыть окошко парника, они болеют и гибнут. Так монах может жить лишь в атмосфере внутренней тишины и молитвы; посреди мира, который через слова врывается в его душу, он болеет и чахнет. Источник силы — это дух, обращенный к Богу, дух, который в то же время очень нежен и уязвим.

С наступлением холода осыпаются листья у деревьев: они будто умирают до весеннего тепла. Жизнь теплится в них, но они погружены в глубокий сон. То же происходит с человеческим духом: подавленный шумом этого мира, потоком слов, вихрем впечатлений, которые врываются в душу и опустошают ее, дух как бы сокрывается и отступает, это его самозащита; вместо него действуют силы души — более грубые и поэтому более выносливые. Дух оживает снова, когда насту-

пает внутренняя тишина, когда пробуждается молитва. Поэтому старцы любят тех, кто говорит обдуманно и кратко, кто не prolongует бесед с ними, кто не становится воров их молитвы. Любимый ученик Господа апостол Иоанн Богослов отличался молчаливостью. Он был обращен к своему сердцу, он был погружен в созерцание, которое выше слова. Он был любимым учеником именно потому, что его душа, пребывающая в безмолвии, могла вместить больше Божественного света — Божественной любви, изливающейся без меры на всех.

Когда я шел к отцу Савве, у меня было много вопросов, а при встрече с ним они вдруг исчезали, даже забывались, как будто были разрешены не словом, а силой благодати, как будто сама встреча с ним уже была ответом.

Про отца Иоанна Кронштадтского говорили, что «слово его было с властью». Эта власть ощущалась душой человека и в словах отца Саввы. Однажды, будучи в Сухуми, старец благословил своего послушника читать вслух житие святого Василиска. И знакомое нам повествование прозвучало по-иному, оно словно ожило: мы чувствовали близость ученика Василиска, как будто он сам помогал читать свое житие и разворачивал страницы своего мученичества перед нашими глазами. Потом отец Савва сказал: «Какое “сочное” житие!».

Молитвы и взгляды отца Савва произносили несколько отрывисто и резко, словно воин на поле боя, возмещающий то о близости врага, то о победе. Когда он молится, возникало чувство, что он видит того, к кому обращается, видит не «как живого», а именно — живого.

Центром духовной жизни схиигүмен Савва считал Причащение. Он убеждал своих чад причащаться как можно чаще. Старец делал выписки из творений праведного Иоанна Кронштадтского и других отцов о пользе частого причащения. Он говорил, что диавол всеми силами старается отвести человека от Причастия. Темная сила борет человека с правой и с левой стороны: с левой — явными грехами: нерадением, леностью, оквернением души, фантазиями и помыслами, отращением к храмовой службе, раздражительностью, злопамятством, стыдом исповедовать грехи перед священником, нечистыми сновидениями перед Причастием и так далее. Враг подходит к человеку и с правой стороны — через ложное благочестие перед святыней. Он внушает не только мирянам, но и священникам и даже архиереям, что частое причащение — это злоупотребление Таинствами, признак духовной гордости; что от частого причащения Тело и Кровь Христовы могут стать привычными, как простая телесная пища; что часто причащающийся человек не может достойно приготовить к этому величайшему из Таинств. Такие люди смотрят подозрительно на тех, кто причащается часто, и считают частое причащение кажим-то новшеством в Церкви. Отец Савва говорил, что липнуть человека Причастия так же жестоко, как липнуть грудного ребенка молока матери. Опыт показывает, что люди, причащающиеся часто, ведут жизнь в духовном плане более достойную, чем те, кто под предлогом благоговения липшают себя святыни. На самом деле это не смирение, а диавольский обман. В Причастии человек черпает силы для борьбы с грехом, а ему говорят:

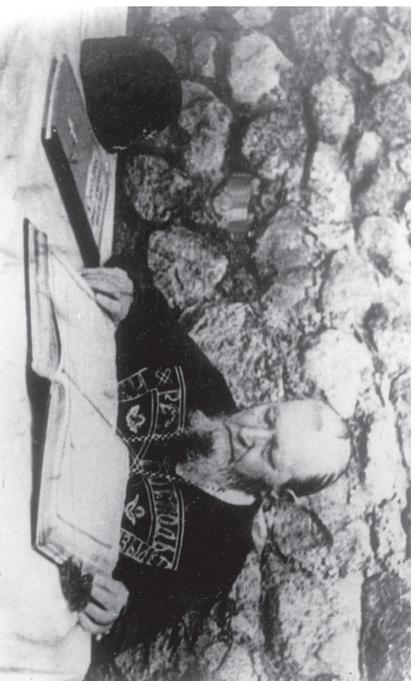
«Не причащайся часто». Откуда же он возьмет эти силы? Когда указывают на то, что в древности причащались часто, эти люди обычно отвечают: «Тогда был другой духовный уровень». Но разве духовный уровень не зависел от частого причащения? Отец Савва редко отлучал грешников от Причастия. Он говорил: «Исповедуйся, смири себя в своем сердце как самого недостойного и спешь к Святой Чаше». Однажды его из монастыря послали служить на приходе для восстановления и ремонта храма, который пришел в ветхость. Совершая пасхальную службу, отец Савва обратился к прихожанам: «В эту ночь я всех причащаю Святых Таин, все подходите к Чаше!».

* * *

Отец Савва очень любил Псалтирь. Он считал, что чтение Псалтири необходимо для Иисусовой молитвы, что псалмы и Иисусова молитва — живая вода из одного источника: Псалтирь поддерживает Иисусову молитву, как стены храма — его кровлю. В древности были монастыри, которые назывались обителями «неусыпающих». Монахи в них, разделенные на двадцать четыре чреды, день и ночь читали Псалтирь. Отец Савва благословлял своим духовным чадам распределять между собой псалмы Давида и читать их в определенное время суток, так чтобы чтение Псалтири в его духовной семье никогда не прекращалось. Старец считал необходимым и ежедневное чтение Нового Завета. Он советовал своим чадам, если это возможно, уделять час времени для чтения Евангелия и Апостольских Посланий.

Схиигүмен Савва написал много книг о внутренней, духовной жизни. Тогда опубlikовать их было

невозможно: они перепечатывались на пишущей машинке или переписывались от руки. Католикос-Паприарх Илия II, тогда митрополит Сухумо-Абхазский², говорил, что отец Савва своими книгами оказывает большую помощь Церкви. Язык этих книг очень прост и ясен: в них найдут духовные советы люди различного интеллектуального уровня — отребенка до богослова. Когда их читаешь, то кажется, что отец разговаривает со своими детьми.

Схипүмен Савва за чтением неувсвтаемой Псалтири

Душа того, кто общался с отцом Саввой, чувствовала его духовную власть и стремилась подчиниться этой власти, скрыться за ней от искушений злых духов, колеблющихся ум, как путник скрывается от бури за могучей скалой.

Я помню ночь, когда ехал из Москвы в Печерном пространстве лес. Заходящее солнце кажется огненной птицей, которая свила себе гнездо среди ветвей, а лучи в просветах вековых деревьев — ее алым оперением или же языками пламени далекого лесного пожара. Синие краски

неба темнеют, как лепестки фиалок, рассыпанные на дугу, превращаются в прозвезд сирени. Постепенно ступаются сумерки. Солнце заходит за горизонт. Небосвод облачается в багряный хитон, а затем закручивается в черную мантию, усеянную драгоценными камнями. Наступает ночь. Проходит несколько часов, и перед глазами встает другая картина: гроза в лесу. Голубые вспышки молнии пересекают непроницаемую мглу и озаряют землю трепещущим фосфорическим сиянием, вырывая лес из цепких объятий ночи. Струи дождя кажутся серебряными нитями. Деревья гнутся под напором ветра: вершины сосен склоняются в поклонах, точно прося кого-то о помиловании. И снова все тонет во мраке, а затем опять в ослепительных вспышках молнии мелькают перед окном вагона могучие ветви деревьев, борющихся с бурей. А в это время в душе — тишина, как будто возвращается детство, как будто буря в лесу — это земная жизнь с ее искушениями, превратностями и страстями. И если ты духовно будешь вместе со своим отцом, то буря, ломаящая вековые деревья, не коснется тебя, и ты пройдешь сквозь нее, защитный покровом молитв своего старца.

...В купе я один. Крутом тишина. Тускло горят лампочки, мерно качается полупустой вагон, подobenно лодке на волнах, и мне кажется, что я нахожусь в одинокой монашеской кельи, где-то вдали от мира с его соблазнами, заботами и гнетущей дух суевой.

Я часто слышал в народе такое выражение: «Священник взял на себя грехи во время исповеди», — и всегда мне это казалось каким-то суеве-рием. Как священник может взять на себя грехи

других людей, разве он распялся за них на Кресте? Но затем я понял, что при всей своей богословской неточности эти слова имеют под собой некоторое основание. Есть духовные отцы, которые молятся, чтобы Господь выискал с них грехи духовных чад. Это дар особой жертвенной любви. Она звучит в словах архимандрита Агапита: «Распаясь любовью Божию, я желал бы слить весь род человеческий в одно целое, дабы прижать это целое к груди моей и умереть за спасение его в людских пытках муки»*. Такую любовь имел схиигумен Савва. Он просил себе у Бога наказания за грехи своих чад, он молился, чтобы их болезнями перешли к нему. Нам было легко, потому что ему было тяжело.

Монахиня Митрофания** рассказывает мне, что однажды она сильно простудилась и ее мучила невыносимая зубная боль, от которой она не находила себе места. Несколько ночей она не могла спать: ощущение было такое, будто электрический ток проходил через голову; лицо распухло, и никакие медикаменты не помогали. Наконец, плотно закутавшись до глаз в шаль, она с трудом дошла до монастырского храма, где в этот день служил отец Савва, и попросила, чтобы он помог ей. Он ответил: «Я поману тебя сейчас на проскомидию» — и ушел в алтарь. Началась Литургия. Она села в углу на скамью и решила не уходить из храма до конца службы. Сначала ей казалось, что боль усилилась: по лицу текли слезы

* Имеется в виду архимандрит Агапит Нило-Столобенский. См.: Старческие советы отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. М., 1994. Т. 1. С. 352.

** О монахине Митрофании см. ниже, с. 64–66.

ки пота, смешанного со слезами; вдруг она почувствовала, что боль стала уменьшаться, а к концу службы совсем исчезла, осталась только слабость. Народ подошел к отцу Савве, чтобы поцеловать крест в его руке. Она подошла последней, чтобы поблагодарить за исцеление, но когда взглянула на старца, ужаснулась: у него было распухшее лицо, усилием воли он преодолевал боль. «По его молитвам, — говорила мать Митрофания, — моя болезнь перешла к нему». Тогда она опустилась на колени и стала просить: «Пусть болезнь от вас снова вернется ко мне», — но он ушел в алтарь, ничего не ответив.

Другой случай рассказывал мне один иеромонах. «В юношеские годы я вошел в дурную компанию, стал пить и курить и, что еще хуже, стал дерзить своей матери, а на ее увещания отвечал бранью и насмешками. Однажды в порыве гнева она подошла к иконам и сказала: “Будь ты проклят и будь я проклята, что родила такого сына”. И после этого я увидел, как бестелесная черная змея ползет в мой рот. Я стиснул зубы, но она все равно вошла в меня. Присутствие какого-то холодного существа я физически ощущал в душе и даже в теле. Иногда я испытывал такое мучение, как будто змея кусала мои внутренности своими ядовитыми зубами. Тогда я переменял свою жизнь: стал ходить в церковь и затем прислуживать в алтаре. В церкви я чувствовал себя хорошо, но в самые священные минуты Литургии змея снова принимала мучить меня. И в великие праздники я чувствовал, как эта галина бьется в моих внутренних органах, освирипев, словно ее жгут огнем. Я чувствовал одновременно и благодать, и мучение — это

трудно передать словами. Священник намерялся послать меня в семинарию, но я хотел идти в монастырь. Тогда он посоветовал мне поехать в Псковские Печеры, устроиться там на работу, поучить прописку, затем поступить в монастырь рабочим, а потом стать послушником. Я так и сделал. Прошло несколько лет. Меня благословили мантией и представили ко священству. Я чисто-сердечно рассказал духовнику о своих грехах и о проклятии матери. Тот сказал: “Только не ропщи на нее, а прости и молись об упокоении ее души”. Перед рукоположением я также просил архиерея, чтобы он выслушал мою исповедь и решил, могу ли я быть священником. Он сказал: “Проклятие матери было епитимией за твои грехи, а когда Босподу будет угодно, Он испелит тебя”. Я стал служить в монастыре. Таких мучений, как прежде, я не испытывал, но по временам какая-то темная сила наваливалась на меня. Было ощущение, что у меня ноют и открываются старые раны, хотя на их месте остались только шрамы и рубцы. В это время из Троице-Сергиевой Лавры в наш монастырь перевели отца Савву. И вот однажды, пристально посмотрев на меня, он сказал: “У меня был духовный сын, который оскорбил свою мать,— и что же потом? Она прокляла его, и с тех пор у него постоянно не ладилась дела: все, что он начинал, раздушалось, как будто он строил дом на воде; не дай Бог оскорблять свою мать”. Меня поразили эти слова: откуда он мог знать о моем несчастье? Я посмотрел на него с удивлением и увидел в его глазах что-то необыкновенное: как будто они одним взглядом пронизали мою жизнь от самого детства. Когда отец Савва принимал исповедь

у богомольцев, я пал на колени у его ног и сказал: “Отец, я не встану отсюда, пока не примешь мою исповедь; дай мне какое угодно наказание, но помози мне”. Выслушав мой рассказ о проклятии матери, он накрыл меня епитрахилью, но не сразу прочитал разрешительную молитву, а стал молиться. Затем сказал: “Иди, Бог простил тебя”. Я вдруг почувствовал всем своим существом, что прощен, что эта темная сила оставила меня, как будто рассялось какое-то темное облако, окутывавшее мою душу столько лет.

Впоследствии о подобном случае я прочитал в житии святого Иоанна Кронштадтского. Человка века прокляла мать, он спился, потерял работу, начал воровать, а затем пришел на исповедь к отцу Иоанну и плакал перед ним. Отец Иоанн сказал: “Пусть это проклятие будет на мне”,— и он, как будто вновь родившись, начал другую жизнь. Может быть, отец Савва просил у Бога того же — не знаю».

Однажды я посетил отца Савву. Он сказал, что собирався в этот день ехать на святое место, но не смог. Накануне к нему пришел человек, который занимался оккультизмом. Он продал душу дьяволу и дал расписку своей кровью. Человек этот совершил много страшных кощунственных поступков, а узнав, что здесь находится отец Савва, приехал к нему и принес подробную исповедь. «Когда он ушел,— сказал отец Савва,— я почувствовал страшное утомление. У меня не было сил прочесть вечернее последование. Я с трудом добрался до постели и в изнеможении стал читать краткие молитвы. Утром я не мог подняться с постели и встал только недавно». Я спросил, опять по своей

глупости: «Отец, а может быть, вам было бы лучше не принимать исповедь у этого человека?». Он ответил: «Нет. Я рад, что мог помочь ему. Я благодарю Бога, что он покаядся. Я изнемог душой и телом, но готов перенести больше, чтобы спаслась его душа». Я думаю, что одно для духовника — принять исповедь, а другое — молитвенно предстать перед Богом за того, кто исповедуется у него.

* * *

Рассказ отца Саввы об исповеди бывшего сангиста напомнил мне один случай, с которым я столкнулся вскоре после моего рукоположения, когда служил приходским священником в поселке Тетри-Цкаро («Белый Ключ»). Это место славились своими источниками воды. До революции там стоял драгунский полк и проживали семьи офицеров. Когда-то здесь была дача известного политического деятеля С.Ю. Витте. Еще раньше, в XIX веке, это было место поселения сырьевых, и среди жителей Тетри-Цкаро можно было найти как потомков каторжан, так и многих уцелевших после революции детей и внуков офицеров из дворянских фамилий, которые в то время предпочитали не говорить о своем происхождении. Но в общем народ был верующим. На праздники людей в храме собиралось много. По старинному обычаю, который забыт теперь в городских храмах, мужчины стояли по правую сторону, женщины — по левую. Хотя женщин обычно было больше, они не переходили на более просторную сторону мужчин. Когда я приехал в Тетри-Цкаро, то прежде всего меня удивило отношение к священнику местных детей. Они подбегали ко мне и с неподдельной радостью кричали: «Здравствуй, батюшка».

в то время как в городе дети смотрели на священника с каким-то недоверием, даже с испутом.

Недалеко от Тетри-Цкаро находилось несколько греческих сел, и на большие праздники гречанки приезжали в храм, который был один на весь обширный район. Они были одеты в свои национальные костюмы, и, что особенно характерно, на шее вместо ожерелья у них висела тесьма с нанизанными на нее серебряными и золотыми монетами. Чем тесьма была длиннее, тем более почетное положение занимала греческая дама среди своих односельчанок. Греки были очень милые люди. В них чувствовалась какая-то врожденная, я бы сказал, генетическая, преданность Православию, воспитанная в многовековом сопротивлении исламскому миру, который стремился духовно поработить и ассимилировать их. Во время Великого поста меня часто приглашали в греческие села причастить престарелых и больных, но, когда ставилось известно о приезде священника, собиралось чуть ли не все село. В одной греческой деревне был обычай: с каждого двора священнику приносили яйца, собирали их в большую корзину, затем один из греков покупал эту корзину, и деньги отдавали священнику. С трогательной заботой эти люди принимали служителя Божия в своем доме. После пребывания в Тетри-Цкаро у меня на всю жизнь осталась какая-то особая благодарность к грекам за те жертвы, которые они принесли, чтобы сохранить Православие, и за то, что на сегодняшний день верующие греки не предвзвывают, как можно разделить два имени: грек и православный. Я заметил, что для простых греков матометанство и католицизм — это схожие понятия, это

две силы, которые хотят уничтожить веру греков, притом действуют в союзе друг с другом. В некоторых селах говорили на греческом языке понтийского наречия, а в других — на турецком языке. Греки рассказывали, что некогда турецкий султан предложил им выбор: или поменять веру, или язык. Они предпочли пожертвовать языком, но остаться в Православии. Султан издал приказ: убивать тех из них, от кого услышит хотя бы одно греческое слово. Так через несколько поколений в этой местности забылся греческий язык, но турецкоязычные греки относились к Церкви с не меньшим усердием, чем их единоплеменники. Саму перемену языка они считали жертвой, самой дорогой жертвой, которую они принесли ради Православия.

Однажды в церковь приехала греческая семья: отец, мать и дочь, которая была одержима демоном. Она рвала на себе одежду, убежала в лес, где ее приходилось разыскивать так, как охотники выслеживают зверя. Иногда с ней случались припадки: она кричала, царапала себе лицо, била себя кулаками по голове, рвала волосы, как будто невидимый огонь жег ее внутренности. Они просили меня отчитать их дочь. Мне не приходилось до этого читать молитвы об изгнании демонов. Я по своей неопытности согласился. Еще до этого случая митрополит, тогда архимандрит, Зиновий³ сказал мне: «Будь осторожен с отчиткой; некоторые молодые священники брались за это непосильное для них дело, но и себе повредили, и другим не помогли». Я спросил: «Как мне быть, отказывать в таких просьбах?». Владыка Зиновий ответил: «Соглашайся только в самых крайних случаях, и

то лучше отслужи молебен с акафистом, а затем прочитай канон на изгнание бесов, а не заклинательные молитвы». Видно, владыка знал мою мощь и под моей внешней горячностью видел самонадеянность и тордыню.

В церкви никого не было, кроме несчастной девушки и ее родителей. Казалось, девушка не видела и не слышала нас; она не говорила ни слова. Я поставил аналой с крестом и Евангелием на середину храма, вынес Треник и стал искать молитвы «о обузваемых злыми духами». И вдруг девушка, которая сидела молча, как каменевшая, стала проявлять беспокойство: она с испугом озиралась по сторонам, словно не понимая, куда попала. А когда я нашел нужное в Тренике место и приготовился читать, молча вскочила со скамейки и бросилась к двери. Родители с трудом удержали ее. Тогда меня поразило, как это девушка могла заранее почувствовать, какие именно молитвы я буду читать. Родители подвели ее к аналою, держа за руки. Мать что-то ласково шептала ей на ухо, глядя по голове и лицу. Я начал чтение, и вдруг из уст девушки вырвался какой-то злобный, нечеловеческий и даже не звериный крик. В нем звучала боль, ненависть и безысходная тоска. Я обернулся и увидел ее глаза: это были глаза не человека — демон смотрел через них. Я помню, как в детстве гулял по винограднику с матерью, и вдруг недалеко от нас что-то зашевелилось в траве: это была змея: она подняла голову, вытянула туловище вверх, как будто готовясь к броску. Нас отделила глубокая канава с водой, которой поливали сад. Змея не переползла бы через эту канаву, но какой-то страх перед этим гадом, как перед

непримиримым врагом, заполз в мое сердце. Мать схватила меня за руку и быстро повела прочь. Телерь, видя глаза этой бесноватой, я ощутил ужас демонического мира. Демон, беспощадный враг и убийца, в котором одно только чувство — ненависть, наполняющая его, — смотрел на меня. Перед этой жгучей злобой взгляд змеи, готовящейся к прыжку, чтобы вонзить свои ядовитые зубы в жертву, казался бы взглядом ребенка. В глазах, которые смотрели на меня, открывалась адская бездна, где нет света. Это была смерть. Не простая смерть, как переход из этого мира в другое бытие, а вечная смерть, где нет ни пощадь, ни перемены, ни конца, ни уничтожения, ни забвения; это была как бы душа самой смерти, в сравнении с которой состояние трупа в могиле, разьедаемого червями, кажется тихим сном. Казалось, что ад, выглеснувшийся из-под земли, застыл в этих диких глазах. Взглянув в них, я почувствовал то, что знал умом: у сатаны не может быть раскаяния, у него нет пощадь. Мне стало понятно и другое: мучения, которые причиняют люди друг другу, пытки, которыми подвергали в застенках невинных, бессмысленное уничтожение народов, ужасы гонений на христианство, кровожадность тиранов — все это присутствие страшной адской силы на земле. За спиной этих обезумевших некроманов и садистов, как тень, стояли демонические существа и диктовали им свою волю. Я верил в учение Церкви об аде и рае, но считал образы рая и ада, описанные у святых отцов и в житиях святых, только сложной символикой, имеющей ассоциативное сходство с реалиями этого мира, а образы ада — вообще некими абстракциями, определенным условным

языком. Но отчитка юной гречанки показала мне, что эти образы ближе к буквальной реальности, чем мне казалось раньше. К концу отчитки изо рта девушки пошел смрад. Это был смрад не гнили, не человеческого тела — это был смрад, в котором все более явно ощущался запах серы. Здесь самовнушение не могло иметь места: какой-то гадкий запах гари сменился запахом жженой серы. Наконец девушка почувствовала изнеможение, она как бы размякла на руках родителей, и они опустили ее на пол.

Эти люди приехали на отчитку еще раз. Девушка уже говорила с матерью и отвечала на вопросы, она даже пыталась рассказать мне что-то из своей жизни, но мало понимала по-русски и смущенно улыбалась. Когда я вынес книгу для отчитки, испуг опять появился на ее лице. Она жалобно посмотрела на нас, как будто просила не мучить ее, а затем снова порывалась бежать из церкви.

После этого у меня начались страшные искушения, притом неожиданные, странные, к которым я не был подготовлен. Митрополит Зиновий, у которого я исповедовался, запретил мне заниматься отчиткой, по крайней мере, несколько лет. Затем у меня стал болеть и темнеть палец на ноге, как при начавшейся гангрене. Выдавка сказала, что будет молиться о моем здравии, но если это гангрена, то лучше сразу сделать ампутацию. Гангрены не оказалось, но палец был наполовнен гноем. Известный врач Турманидзе, который меня лечил, сказал: «Хорошо, что ты не попал в руки других хирургов, а то бы они сразу отрезали палец, не разобравшись, в чем дело». Но мне пришлось погнать в постели несколько недель.

Вскоре после этого меня перевели на другую приход.

Еще хочу добавить, что после второй отчитки я сказал родителям этой девушки, чтобы они принесли покаяние в своих грехах, и отец рассказал том, в чем чувствовал себя виновным: он начал свою дочь в Великий пост, притом в состоянии опьянения. Еще он рассказал, что его отец — дед несчастной девушки — служил в сельсовете и подписал распоряжение о закрытии церкви в их селе. Потом он взял часть камней от полуразрушенного забора закрытой и разоренной церкви и употребил для своего сарая и ограды. Соседи говорили: «Не делай этого», но он не послушался, а потом пришла болельница: у него стали дрожать руки, так что он даже ложку не мог донести до рта, и в последние годы до смерти его кормили, как маленького ребенка. Храм не разрушили, а только закрыли. Я посоветовал этому человеку ухаживать за храмом, следить, чтобы в окнах были стекла, не протекала крыша, а если можно, взятые камни положить на прежнее место и с односельчанами исправить забор. Он сказал, что готов сделать больше, лишь бы дочь его стала здоровой.

* * *

Схипгумен Савва любил Грузию. Своих чад он благословлял на паломничество по святым местам Грузии и говорил, что хотя теперь путь в Палестину закрыт, но у нас есть вторая Палестина — Грузия.

Одно время он приезжал сюда каждый год. Он задался целью найти ту пещеру около Коман, где много лет сокрывалась от византийских иконоборцев глава Иоанна Предтечи. Это место было за-

быто, в Сухуми не знали о нем, казалось, что оно уже потеряно. Но отец Савва стал расспрашивать жителей близлежащих к Команам селений, не слышали ли они когда-нибудь об этой святыне. Наконец нашелся один старый грек, который сказал, что он помнит, как во времена его детства народ посещал некое место в горах, связанное с именем Иоанна Крестителя, и сам не раз бывал там. Он согласился послужить проводником и указать пещеру. Она представляла собой глубокую нишу, высеченную в скале. Край этой ниши потемнели от множества свечей, которые паломники зажигали здесь в течение многих веков. Казалось, будто черный орнамент обрамлял каменный кивот. Так в 60-х годах было вновь обнаружено место, где когда-то была сокрыта глава святого Иоанна Крестителя.

* * *

Несколько раз я встречал отца Савву в Сухуми. Невозможно забыть тот день, когда он служил Литургию в Сухумском кафедральном соборе. По каким-то причинам я опоздал. Еще не войдя в храм, я почувствовал что-то особенное, как будто какое-то волны, струившиеся оттуда, обьяли меня. Я ощущал их явственно, почти физически. Это не было ни настроем души, ни самовнушением — я едва помнил, что в этот день служит отец Савва, — а чем-то необычайным и глубоким. Я помню, что сел на скамейку у стены храма, не понимая, что со мной происходит. Я ощущал какое-то неземное спокойствие, и, странно, ощущал это не только душой, но и телом. Так продолжалось минут десять или пятнадцать. Затем я осознал, как будто только что услышал, что в храме идет служба, и прошел в алтарь. Это чувство какой-то невесомости усилилось

еще больше. Что я переживал, трудно передать словами. Как будто сила извне вливалась в каждую клетку моего тела, обновляя и очищая ее. Я чувствовал в душе своей какую-то особую теплоту, однако теллоту без всякого жара. Она одновременно и согревала, и прохлаждала душу. У меня было ощущение, что какие-то язвы и раны заживали в душе и старые струпы спадали с нее. Я чувствовал ту чистую радость, которую испытывал в детстве, но более глубокую.

Отец Савва стоял перед престолом. Лицо его было преображено светом; этот свет казался живым, он то разгорался, все больше озаряя его, то затухал, как будто уходя внутрь. В это время я понял, что значит красота благодати и образ Божий, таинственно живущий в человеке. Святые отцы говорят, что Христа можно познать только в Духе Святом. Но человек в состоянии глубокой молитвы, когда душа его соединена с благодатью, с этим невестственным светом, становится похожим на Христа.

То, что я испытывал и видел во время этой службы, казалось мне откровением тайны, как будто мне был показан (насколько я был в силах воспринять) отблеск славы святых в Небесном Царстве, игли, образно говоря, я увидел луч того идущего от вечности света, который соединяет небо с землей. Что я еще чувствовал в это время? — Что мне больше ничего не надо, что здесь то, чего жаждет человеческая душа и чего она не может найти больше нигде в этом мире.

Апостолы на Фаворе сказали Господу: *Хорошо нам здесь**. Они хотели всегда пребывать в состо-

* Мф. 17, 4; Мк. 9, 5; Лк. 9, 33.

янии боговидения, но его надо было заслужить через труды и страдания, поэтому свет Фаворский, озаривший их, погас.

Если бы мое общение с отцом Саввой ограничилось только одной этой службой, я и тогда был бы благодарен ему на всю жизнь. Он стал для меня тем духовным руководителем, которого в древности называли «авва», и более дорогим и близким человеком, чем мать и отец,— отцом, который помогает душе человеческой родиться не для этого, а для вечного мира, и во внутренних муках берет тяготы и страдания своих чад на себя.

* * *

Отец Савва, приезжая в Сухуми, почти всегда бывал на источнике мученика Василиска и в пещере главы Иоанна Крестителя в Команских горах. Дорога в Команы проходила мимо кладбища. Однажды отец Савва посетил Преображенский кладбищенский храм и решил остаться здесь на ночь. Об этом стало известно, собралось много народа. После беседы с людьми отец Савва отслужил молебен. Он служил с каким-то необычным дерзновением, обращаясь ко Господу так, словно видел Его перед собой. Казалось, время исчезло. Молитва старца будто отрывала людей от земли, они испытывали нечто необычайное, что невозможно описать. Они чувствовали, что Христос близ них, что Он знает их нужды и, как по просьбе Своих учеников Он помиловал хананеянку*, так по молитвам схиитумена Саввы готов исполнить их заветные желания. Эта вера переходила в каждую-то уверенность, и будуще становилось очевидностью.

* См.: Мф. 15, 21–28.

Отец Савва остался ночевать в доме у храма. Вечером он сказал, что хочет погулять по кладбищу. Я спросил его, благословляет ли он людей, которые остались ночевать в храме, пойти с ним или же возьмет только меня одного. В ответ отец Савва улыбаясь и сказал: «Господь послал Своих учеников по двое». Мы пошли по дороге среди могил. Наверно, отец Савва молился за тех, кто почивал здесь. Он говорил со мной мало и как бы в притчах, которые затем раскрылись в моей жизни; он предсказал мне, что я буду его духовным чадом. На другое утро он уехал в кафедральный собор, где должен был служить с архиереем.

Приезжая в Тбилиси, отец Савва всегда навещал митрополита Зиновия. Он отзывался о владыке Зиновии как о подвижнике в миру и делателе Иисусовой молитвы, которую тот совмещал с многотрудным архиерейским служением. Сама жизнь митрополита Зиновия, его всецелая отдача себя Церкви и людям могла казаться бесперывным чудом.

В то время, до схимы, отец Савва носил имя в честь преподобного Саввы Сторожевского. Я задал икону преподобного, чтобы чада отца Саввы могли молиться его Ангелу-хранителю, и поставил эту икону в церкви. Спустя некоторое время одна из духовных дочерей отца Саввы, монахиня Митрофания, приехавшая из России, сказала: «Я видела во сне преподобного Савву Сторожевского; лик, который стоит в храме, не подходит на него; разрешите мне исправить образ» (монахиня Митрофания была иконописцем). Зная, что она дочь отца Саввы, о которой старец отзывался с похвалой, я благословил ее сделать это. И вот, не-

давно побывав в Саввино-Сторожевском монастыре, я убедился, что мать Митрофания была права: исправленный ею лик походил на лик древней иконы, которая лежала на гробнице преподобного Саввы.

Сама монахиня Митрофания была по-своему исключительным человеком. В раннем детстве она осиротела, даже не видела своих родителей, и воспитывалась в детском доме. Еще девочкой она встретила отца Савву и начала посещать монастырь, где он служил. Впоследствии она рассказывала, что отец Савва совершил над ней два чуда: открыл ей имена ее родителей и исцелил от тяжелой болезни — диабета. Она была как-то по-детски привязана к нему; как будто духовно всегда была рядом с ним, всегда думала о нем, просила мысленно его молить, вспоминала каждое его слово. У нее была простая и чистая душа. Она рассказывала, что в детстве ей приходилось часто защищать себя, и она прослыла драчуньей. Там она научилась пить, а впоследствии в монастыре стала иконописцем и златошвейкой. Она рассказывала также, как однажды какая-то женщина привела в детдом своего ребенка и оставила там. Ребенок оказался большим: у него было недержание мочи и кала. Детдомовцы били его, даже повесили ремень над его кроватью — если он пачкался, то тут же избивали его ремнем. Этот ребенок был робкий и тихий, и Митрофания пожалела его. Она сказала, что сама будет стирать его простыню и одежду. Если кто-то пытался бить его, как прежде, то она, по ее же словам, набрасывалась на обидчика как тигр и не давала ребенка в обиду. Она говорила, что когда пила и выпивала (уже в детстве

она была хорошей портнихой), этот ребенок часами сидел около нее: «Редко скажет слово, а только смотрит тихим взглядом, как будто молча благодарит». Потом ее перевели в другое место, и, когда она прощалась с ним, он просил: «Возьми меня с собой, а то меня здесь убьют», — но никто не разрешил ей взять его, и, когда она уезжала, его страдальческие глаза были полны страха. Этот взгляд она запомнила на всю жизнь.

Умерла мать Митрофания в молодости: прибывая икону на стене храма, она упала с лестницы навзничь и тут же скончалась. Может быть, ей предстали какие-то искушения, и Господь по молитвам духовного отца взял ее из земной жизни, а может быть, она уже созрела для вечности.

Я вспоминаю сухумское кладбище. На могилах, недалеко от моего дома, растут кусты роз — белых и алых. Белая роза похожа на склоненную над могильным холмиком девушку, которая оглаживает умершего, а красная напоминает о том, что страдания и скорбь превратятся в радость — в вечную радость воскресения.

* * *

Приезжая в Сухуми, отец Савва иногда оставался в местечке, называемом Новый Афон, где находился монастырь, построенный афонскими монахами*. Обитель была закрыта в 20-х годах. Здесь на каждом шагу виднелись следы варварского разрушения: одиновшие остатки оливковых рощ, которые уже не дают плодов, заросший пруд, монашеские корпуса, где теперь останавливаются туристы, храм с выбитыми окнами и про-

* Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь был основан в 1875 году.

текающей кровлей. Другой, более древний, монастырь в окрестностях Сухуми, называемый Драндский*, был превращен в тюрьму, а из алтаря храма в насмешку сделали туалет. Так атеисты насаждают свою «культуру» и «прогресс».

Но святые не уничтожаются людскими грехами. Церковь можно разрушить, но благодать останется на ее месте. В Новом Афоне как будто сама земля пропитана благоуханием молитв. Во времена языческих гонений на мучеников нередко наделили шутовское платье, а девушек, которых бросали в Коллизей на растерзание зверям, облачили в одежду вакханок, чтобы посмеяться над их цедомудрием. Диявол — великий шутник, но он не смог опорожить мученический подвиг и осквернить пролитую за Христа кровь. Большинство монахов Нового Афона и Дранды были биты и замучены в ссылках. К молитвам прежних монахов приложилась их кровь, которая безгласно взывает к Богу. Поэтому Новый Афон, поруганный и разоренный, оставался святыней.

Помню, как однажды, узнав, что отец Савва находится в Новом Афоне, после службы поехал искать его. Я долго не мог найти домик, где он остановился. Пошел сильный дождь, но я не хотел возвращаться и продолжал свой путь почти наугад. Наконец дождь прошел. У моря быстро меняется погода, на улицах снова появились люди, и мне указали двор, где видели отца Савву. Он встретил меня так, словно ждал. На мне была мокрая одежда, по которой еще стекала вода. Он, улыбаясь,

* Здание Драндского Успенского собора, на развалинах которого в 1883 году был основан Драндский Успенский монастырь, относится к VI–VII векам.

сказал: «Ты, наверно, пришел исповедоваться? Но дождь уже смыл твои грехи, поэтому мне почти ничего не остается делать». Этими словами он указал мне: я правильно сделал, что не вернулся, а продолжал свой путь.

Странное дело: там, где появлялся отец Савва, сразу же собирался народ; при этом приходили люди совершенно незнакомые, которые даже не ходили в храм. Чего они искали у отца Саввы, они, наверно, не знали сами; они только чувствовали, что какая-то сила влечет их к нему.

Человек испытывает духовный голод. По-разному складывается жизнь людей, но и бедным, и богатым, и имеющим несколько дингломов, и редко когда покидающим свою деревушку, лежащую вдали от больших дорог — все не хватает чего-то очень важного. Они не понимают, что с ними происходит, не знают конкретно, чего хотят, но этот скрытый голод свидетельствует о том, что они не нашли самого главного. И чаще всего этот зов души, эта тоска по неведомому остается без ответа, вернее — ответ не услышанным.

Встреча с подвижником или со святым может вызвать разные чувства. Подобно вспышке света, она может озарить жизнь человека, и тогда душа говорит: «Я нашла то, что искала, в этом человеке я увидел(а) тень неведомого мне Бога. Я почувствовала от него тепло любви, не человеческой любви, а любви Того, Кто создал мое сердце и душу. Я не могу смотреть на солнце, но вижу его лучи».

Может человек пережить и другое. Демон пробуждается в его душе, как змея, или начинает метаться, словно раненный тигр; он скребет когтями, грызет своими зубами сердце, и человек испытывает

вост к подвижнику непреодолимую ненависть, переходящую в мучение, подобное тому, которое испытывает бесноватый при отпугке. Говорят, что святые всегда гонимы, так как они являлись молчаливым обличением и постоянным укором для людей, погруженных в грехи и страсти. Но есть еще одна причина. Благодать Божия, которая радует Ангелов и призывает людей к Богу, — эта благодать мучительна для демонов, навеки потерявших ее. Свет благодати ослепляет демона; тепло благодати жжет его; любовь Божия обращается для него в проклятие. Поэтому он борется с подвижниками через людей, поэтому Господь пронес заповедь-пророчество о том, что Его ученики в этом мире будут гонимы.

Кроме того, есть люди, которые настолько погрузились в вещественность и материальность, что у них почти атрофировалось мистическое чувство, у них закрыты те внутренние очи, которыми они могли бы увидеть свет, окружающий подвижника. Они смотрят, но не видят и проходят мимо святого, не понимая, что эта встреча могла стать самым великим событием в их жизни.

Отец Савва всю жизнь подвергался гонениям. Можно ли сказать, что он покорялся своим обидчикам и принимал это бесстрастно? — Нет. Он духовно боролся, только не с ними, а за них. У него был особый поминник, куда он записывал имя каждого человека, от которого исходила эта дивольская неприязнь. В начале проскомидии или у себя в келии на молитве он читал этот поминник, а потом уже молился о близких себе людях. Он также давал своим чадам листы, где были написаны имена его недоброжелателей, и говорил, что это

его лучшие благодетели и духовные друзья. Однажды такой список он дал мне. Я по своей неопытности подумал: наверное, это те люди, которые сделали какие-нибудь пожертвования для монастыря. А потом случайно узнал об этой его духовной милости от монахини Митрофании.

...Когда я после дождя пришел к отцу Савве, у него в комнате за столом сидело несколько чеповек. Это были молодые девушки. Видно, беседа уже подошла к концу. Некоторых из них я знал. Одна из них была калекой: она прятала под платком свое изуродованное лицо. С ней отец Савва говорил с особым вниманием и такой нежностью, какую редко открыто проявлял по отношению к людям, точно она была для него самая любимая дочь. На прощание он благословил их всех крестиками, а калеку поцеловал в голову. Другая девочка, выходя, сказала: «Я тоже хотела бы быть калекой».

Быстро пролетело время. Не хотелось расставаться с отцом Саввой, но его ждали другие люди, поэтому пора было уходить. Нельзя задерживаться в гостях за столом, когда другим не хватает места.

В небе сияло солнце, словно вымытое дождем. Море волновалось, как всегда после непогоды. Мутные волны, вздымаясь высь, бились о берег. Шум прибоя был похож на дыхание дровосеков, которые с размаху ударяют топором по стволу векового дуба.

* * *

Кто-то из духовных чад схиигумена Саввы сказал: «У отца Саввы нет биографии, у него есть житие».

Подвиг жизни отца Саввы вызывает чувство удивления, но повторить его, как мне кажется, почти невозможно. Для этого нужна особая благодать, граничащая с даром чудотворения. Если бы кто-нибудь захотел подражать духовному наставничеству отца Саввы, то он мог бы ощутиться

в положении врача, который без необходимой подготовки и знаний берется производить самые сложные операции и в результате только калечит своих пациентов.

Для наших современников подвиг отца Саввы имеет еще одно значение. Он воочию показывает нам, что даже в наше растленное и бездуховное время, когда мир стонет под властью демонических сил, а в самом христианстве преобладает мертвящий дух теплехладности, возможно стяжать благодать, подобную благодати древних подвижников: были бы только горячая решимость и твердое произволение.

Господь не покинул нас, Он с нами, как в прежние времена, так и теперь. Об этом свидетельствует вся жизнь схиигумена Саввы, так же как подвиги и чюдеса мучеников свидетельствовали перед языческим миром о силе и истине христианства.

КАТОЛИКОС-ПАТРИАРХ МЕЛХИСЕДЕК III

Патриарх Мелхиседек (Пхаладзе)⁴ был человеком исключительных дарований. За всю историю Тбилисской семинарии он был единственным учеником, который никогда не получал других оценок, кроме высшего бала. Затем он поступил в Казанскую Духовную Академию. Его способности отмечал известный богослов Несмелов, желавший, чтобы молодой человек остался при Академии и занимался научной работой. Будучи студентом, Михаил (такое было мирское имя будущего Патриарха) настолько хорошо овладел греческим языком, что перевел на грузинский язык Перодота (эти переводы хранятся в библиотеке Тбилисского университета), а помимо того, самостоятельно изучал высшую математику. Он разработал оригинальный метод вычисления пасхалии, имеющий значение для исторической хронологии. Еще до принятия сана, являясь преподавателем математики, Михаил разрабатывал также математическую теорию шахмат. Кроме того, будущий Патриарх был церковным композитором и оставил несколько музыкальных литургических произведений, в том числе Херувимскую песнь.

Вскоре после рукоположения во священника он умерла супруга, и он принял монашество с именем Мелхиседек. Жизнь его была полна скорбей.

Власти преследовали его, не давали ему служить. Рассказывают, что когда после епископской хиротонии владыка Мелхиседек был направлен в Сухуми, то первую свою проповедь он начал словами псалмопевца: *Сказал безумец в сердце своем: нет Бога**. В то время эти слова воспринимались как оскорбление атеистической власти, и владыка оказался в положении человека, окруженного сворой разъяренных псов. Многие годы он оставался практически без средств пропитания — с детьми, которым надо было помогать. Наконец Патриарх Калистрат⁵ выпросил для него, как большую милость, место при кладбищенской церкви, где владыка Мелхиседек, в то время уже митрополит, служил панихиды на могилах. Затем трагически погибла его дочь, и он всецело посвятил себя Церкви.

При нем были восстановлены и открыты такие известные в Грузии храмы, как храм святого великомученика Георгия в Сигнахи, где находятся мощи святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, храм Мопамета в Кутаиси, куда были вновь перенесены мощи святых великомучеников Давида и Константина, князей Араветских, Илорский храм святого Георгия, а также другие храмы.

У Патриарха Мелхиседека (как и у Патриарха Ефрема⁶) был обычай: когда он заходил в алтарь, то прежде всего разворачивал на престоле антиминс и смотрел, нет ли на нем частиц Тела Христова. Если он находил, что священник поступает небрежно со Святými Дарами, то делал ему строгий выговор. (Надо сказать, что, делая внушение, Патриарх Мелхиседек не повышал голоса, но в его

* Пс. 13, 1.

облике было нечто такое, что заставляло провинившегося трепетать перед ним.) Затем он проверял, имеется ли достаточно запасных Даров для причащения больных и мира для совершения Таинства Крещения. После этого он обходил алтарь и смотрел, как он убран, нет ли в алтаре лишних вещей, как вычищены лампады, нет ли пыли на иконах. Он говорил, что небрежность по отношению к образу Божьему (иконе) — это неуважение к Первообразу, что чистота алтаря — это свидетельство веры священнослужителя, потому что алтарь — это обитель Божества, и священнослужитель должен наблюдать за порядком в алтаре, не упуская никакой мелочи.

Во время хрущевских гонений на Церковь Патриарх Мелхиседек издал указ, предписывающий всем священникам и диаконам ходить в расах, в противном случае провинившиеся на первый раз лишались полученных наград, а при последующих нарушениях запрещались в священнослужении. Он хотел, чтобы народ видел в облике священника исповедника православной веры, а не наемника, который на службе надевает расу, как спецодежду, а затем снимает ее и растворяется в толпе, как будто стылится своего сана. Это был мужественный поступок для того времени.

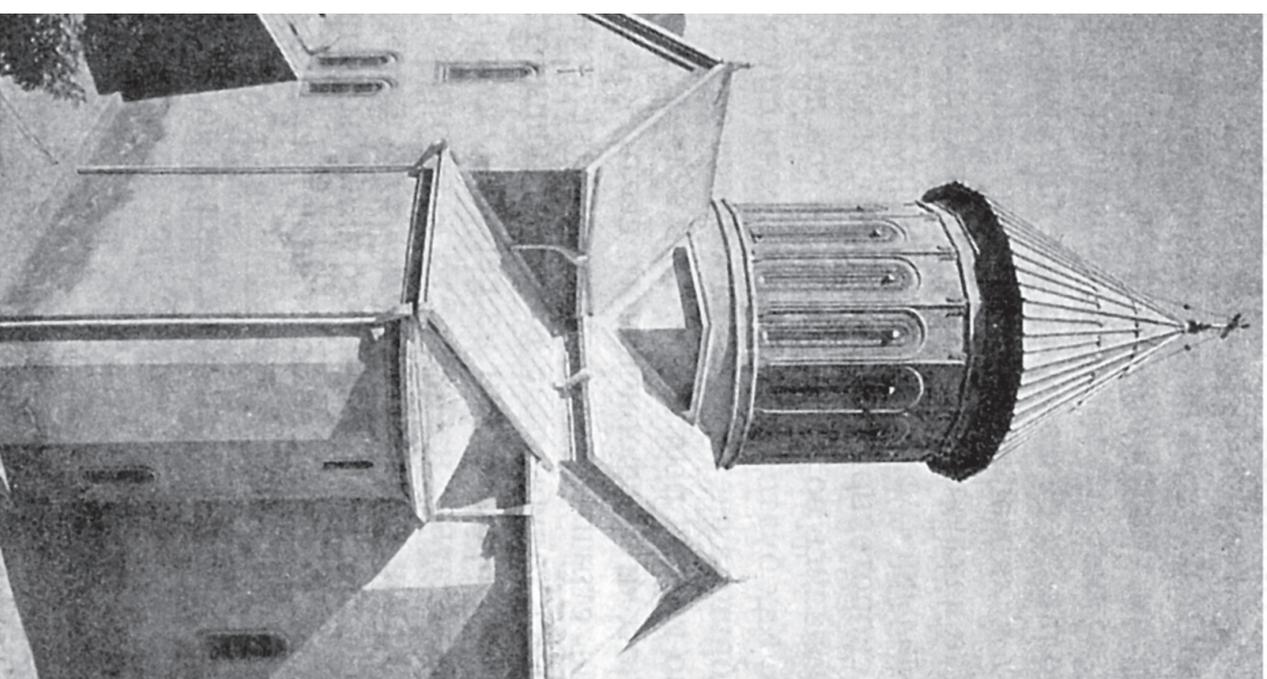
Я любил слушать проповеди Патриарха Мелхиседека. Он говорил просто и доступно, но в то же время его наставления звучали как-то особенно; чувствовалось, что он не повторял чужих слов, не пересказывал прочитанного в книгах, а с какой-то душевной теплотой говорил о том, что пережил сам.

Однажды на проповеди Патриарх Мелхиседек сказал: «Мне рассказывали, что в пасхальную ночь

в одной деревне умер юноша, единственный сын отца. И вот отец, чтобы не омрачать праздник Пасхи и не огорчать своих родственников и односельчан, скрыл от них смерть сына. Он запер комнату, где лежал его мертвый сын, и когда по обычаю к нему пришли поздравить с Пасхой его друзья, то он радостно приветствовал их, посадил за стол, угощал их и вместе с ними пел: "Христос воскрес из мертвых". Он не подавал вида, что у него великое горе. На столе было угощение, как принято в деревне, а за стеной лежало бездыханное тело юноши, и никто не знал об этом. Нет больше горя, чем потерять единственного сына, но ради Пасхи он поборол это горе».

Мелхиседек — имя великого и в то же время сокровенного от мира ветхозаветного патриарха, таинственного лица, которое мелькнуло, как звезда, на страницах Библии и затем исчезло, оставив после себя какое-то необъяснимое безмолвие. Это имя, как мне казалось, больше всех имен подходило Грузинскому Католикосу-Патриарху. Облик его напоминал древних праотцев: движения были спокойны и величественны; в своем патриаршем служении он сохранял царственное достоинство и власть. Тогда было время гонений. Церкви стояли полупустыми даже в большие праздники. Но когда Патриарх Мелхиседек совершал богослужение, то казалось, что открываются страницы «Картлис Цховреба»*. В нем невольно чувствовалась сила духовного вождя народа, какими были патриархи в минувшие века.

* «Картлис Цховреба» — «Житие Картли», сборник грузинских летописей XII—XVIII веков.

Сванский собор в Тбилиси

Часто он в простом монашеском подрянике выходил на клирос в Сионском соборе* и читал шестопсалмие и каноны, читал негромко и прониковенно. Это была забываемая картина. Полупустой храм, тускло горит электричество (он не любил яркого света), дрожат огни лампы, и Патриарх читает на клиросе молитвы, как будто Грузия молится его устами. Какой-то мистический трепет испытывал в эти минуты. Кончалась служба, а мне не хотелось выходить из Сионского собора: казалось, что души грузинских царей и патриархов призваны сюда молитвой первосвятытеля, и невидимое богослужение будет продолжаться всю ночь.

В Патриархе Мелхиседеке сочетались строгость и милосердие. Он был строг, но эта строгость была обратной стороной его любви к Богу; он был добр и милосерд, но в то же время его боялись именно за его справедливость. Он наказывал виновных вплоть до отлучения от Церкви, чтобы сохранить святость агтара, но прощал, когда видел искреннее раскаяние человека. О нем можно было сказать словами псалмопевца: *Неправду возненавидел и омерзил, закон же Твой возлюбил*** . В его присутствии священнослужители и иподиаконы держались как солдаты в строю; в агтаре царил тишина: если кто-нибудь совершал ошибку, то только посмотрит Патриарх и слегка покачает головой — и это действовало сильнее строгого выговора. Говорил он немного, но чувствовалось, что каждое слово его продумано и как бы взвешено на весах.

* Сионский кафедральный собор во имя Успения Божией Матери находится в Тбилиси, на берегу р. Курьи.

** Пс. 118, 163.

Патриарх относился с одинаковой любовью к людям всех национальностей, никто не чувствовал себя под его святительским омофором пасынком. Но в то же время люди чувствовали, как любит он свою многострадальную отчизну, ее историю, традицию, которых не смогли уничтожить нашествия магометан в минувших веках и мутные волны революции. Можно сказать, что его первой любовью была Церковь, а второй — Грузия. Эта любовь была чужда гордости и кичливости, свойственных людям с низкой духовностью, поверхностным умом и узкой душой, — такие люди обычно гордятся тем, чего не имеют сами. Напротив, любовь Патриарха Мелхиседека к Грузии имела ту благородную форму и ту внутреннюю красоту, которые помогали другим лучше почувствовать и полюбить эту страну. Патриарх особенно почитал чудотворную Дидубийскую икону Божией Матери и перед решением тех или иных сложных вопросов приезжал в Дидубийский храм Рождества Пресвятой Богородицы* (обычно — поздно вечером, когда там не было народа) и подолгу молился Божией Матери, прося у Нее ответа и помощи. Патриарх Каллистрат** был любимцем грузинского народа, а Патриарх Мелхиседек — его достойным преемником.

Я услышал о смерти Патриарха Мелхиседека, когда сгустился в Илори. И мне припомнились слова фиваидского монаха, который, духом узрев смерть святого императора Феодосия, сказал: «О, Византия, исчезли дни твоей радости! Умер великий царь, умер наш отец».

* Дидубийский храм Рождества Пресвятой Богородицы находится в Тбилиси, в районе Дидубе.

** См. примеч. 5 на с. 580.

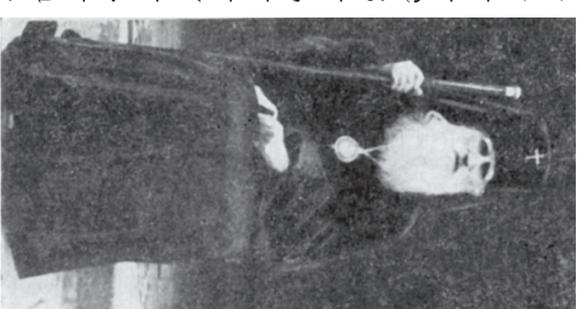
МИТРОПОЛИТ ДИМИТРИЙ

Христианин, особенно монах, — это искатель духовной красоты — вечной, мистической, негленной красоты, которая преображает мир. Эта красота Божественного света, соприкасаясь с душой человека, делает ее прекрасной. Духовная красота — тайна Божественной любви, которая заложена в самом творении, сокровенно пребывает в нем и открывается в последнем акте мировой истории. Духовная красота — это цель и эсхатология, будущее мира. Нам дана картина будущего — это Откровение святого Иоанна Богослова, о котором отцы сказали: «Сколько в нем слов, столько тайн». Мы часто воспринимаем Апокалипсис как мировую трагедию, но это не только нарастающая канонада катастроф, которые будут потрясать землю, как ветер — ствол дерева, чтобы, превратившись в ураган, вырвать его с корнями; Апокалипсис — это прежде всего книга надежды, пророчество о воскресении мертвых, о возрождении земли из мусорной ямы цивилизации, где кровь смешана с грязью, и о возвращении космоса к его первозаданной красоте. Духовная красота — отблеск Святой Троицы в Его творениях, светозарная тень Божества, упавшая на землю. Духовная красота — это тайна будущего века, слава святых, смысл самого мироздания и содержание вечной жизни.

Но есть еще другая — душевная красота. Это — благородство человеческой души, подобное цветку, выросшему на степле многовековых традиций; это — великодушие и сострадание, чувство чести, верность слову, стремление к нравственной чистоте. Эту душевную красоту мы иногда называем личным обаянием человека. Здесь душа как бы пересекается с духом. Когда душа получает импульсы от духа и чувствует себя христианкой, то ее силы, деформированные грехом, становятся гармоничными, словно струны духа, и ее красота кажется песней, чарующей слух. При отлучении души от духа нравственность в первое время еще существует как привычка, а затем она оскудевает, точно поток, отрезанный от источника. Слово «честь» становится декорацией для сцены, и душевная красота, отстраненная от духа, превращается в красоту, которой так часто обманывается мир.

В своей жизни я встретил человека, который обладал душевной красотой в высоком значении этого слова. Он дышал красотой; оно проявлялось в его словах и взгляде, в тоне его голоса и в каждом его движении; в нем чувствовалась невычурная манерность, а благородная простота души. Это митрополит Димитрий (в миру князь

*Митрополит Димитрий
(Италия)*

Давид Иашвили)⁷, аристократ не только по происхождению, но и по духу. Он не был аскетом в обычном понимании этого слова, но имел дар — любить людей. Его доброта, душевная отзывчивость, доходящая до какой-то материнской нежности, его великодушные и умение обращаться с душой другого, как с драгоценностью, которую страшатся повредить неосторожным движением, его высокая сословная культура, лишенная, тем не менее, клейма сословной гордыни, создавали вокруг него атмосферу особой теплоты, и те, кто приходил в его дом, словно становились членами его семьи. Он был хорошо образован, но интеллигентность и интеллектуальность не подавляли в нем жизни сердца. Он писал не только богословские статьи, некоторые из которых, как, например, «Ответ профессору Кекелидзе*», представляли собой апологию христианства; в молодости он сочинял стихотворения и драмы, которые получили высокую оценку в литературных кругах, но не могли быть опубликованы, так как их автор стал духовным лицом. Он был одним из лучших грузинских проповедников; речь его отличалась чистотой и изяществом языка. И вместе с тем он был по-детски наивен. Он не предостерегал в других людях зла, поэтому его часто обманывали и злоупотребляли его доверчивостью. Кажется странным, что человек, обладающий

* К. С. Кекелидзе (†1962) — исследователь памятников древнегрузинской церковной письменности, один из основателей Тбилисского университета. Его главный научный труд — «Грузинские литературные памятники и огречесвенных книгохранителей и их научное значение» (Тифлис, 1908).

глубоким умом, занимающийся литературным творчеством, следовательно, знакомый с психологией, в том числе с психологией грека, не понимал и не верил, что его собеседник может лгать, смотря ему в глаза. И здесь — опять психологический парадокс: человек, составляя свое представление о другом, моделирует в нем себя, ставит себя на его место и затем анализирует, как тот (а на самом деле — он сам) может поступить в данной ситуации. Поэтому благородному человеку трудно предположить подлость в другом, и даже когда он видит явный обман, который ставит его под удар, то старается объяснить это каким-то недоразумением. Я никогда не слышал от митрополита Димитрия грубого слова, раздраженного или нетерпеливого тона. У него была постоянная готовность нести тяготы другого. Когда ему в монашестве дали имя Димитрий в честь ученика царя Димитрия Самопожертвователя*, он сказал: «Как бы я хотел быть на его месте, чтобы отдать жизнь за свой народ».

Еще была в нем одна черта, редкая в наше время: он старался никого не осудить, как будто боясь причинить боль человеку даже словом на расстоянии. Низкие люди легко и охотно осуждают других чаще всего потому, что подсознательно

* Когда монгольский хан Арун с большим войском подошел к границам Грузии, царь Димитрий сам прибыл в стан неприятеля и в ответ на предложенный ему выбор — смерть или разорение Иверии — пожертвовал жизнью ради спасения своего народа. Он был казнен. После мученической кончины святого затмилось солнце, и монголы в страхе бежали от границ Грузии. Память святого Димитрия Самопожертвователя (†1269) совершается 12/25 марта.

хотят создать черный фон, на котором грязноватый цвет их собственного лица казался бы светлее; такие люди обличают чужие пороки якобы во имя правды, но на самом деле для того, чтобы их куца я нравственность и гнилая жизнь казалась более порядочными. Это самозащита каракатицы, которая выпускает черную жидкость, чтобы спрятаться в ней. Одно из свойств благородной души — стараться во всех случаях сохранить честь другого имени, как мужество воина — покрыть в бою собрата и даже раненого врага своим щитом.

Митрополит Димитрий, еще будучи священником, рано овдовел, но по своей глубокой порядочности не хотел, чтобы какая-нибудь женщина, прислуживая ему, находилась в его доме и тем вызвала нареkanie в народе. Тогда дочь владыки Димитрия решилась на христианский подвиг: она не стала выходить замуж, не создала своей семьи, а посвятила жизнь служению своему отцу.

Двери дома митрополита Димитрия, как двери его сердца, были открыты для всех. Каждый уходил от него утешенным не только его словами, но еще сознанием того, что в мире не до конца оскудела та сила, которая называется любовью, а в любви нуждается каждая человеческая душа, какой бы она ни была, как растение — в солнечном тепле. За свою доверчивость митрополит Димитрий часто получал удары; но казалось, что его глубокой потребностью было отводить удары от других и принимать их на себя. Часто люди отплачивали ему черной неблагодарностью, но он как будто не замечал этого и продолжал относиться к ним с прежней любовью.

Помню, когда я был еще ребенком, родители повели меня в картинную галерею. Я жалко смотрел на картины старинных мастеров, где были изображены рыцари, князья и седовласые старцы. На лицах их была печать душевного величия. Как я жалел, что этих людей уже нет на свете! Когда теперь я вспоминаю митрополита Димитрия, то мне кажется, что один из этих старинных портретов ожили, он сошел с полотна и стоит передо мной. Я видел в лице митрополита Димитрия духовного рыцаря и еще то, что неизъяснимо дорого мне: старую уходящую Грузию.

МТАЦМИНДА

В окрестностях Тбилиси есть гора, которая носит такое же название, как гора Афон, — «Святая Гора», по-грузински Мтацминда; у нее есть еще другое название — «Гора преподобного Давида». Там в течение нескольких лет жил ученик второго после святой Нины апостола Грузии, сирийского подвижника преподобного Иоанна*, который по благословению Божией Матери пришел из Антиохии в Иверию, чтобы проповедовать христианство и учредить монашескую жизнь по уставу и образу антиохийских обителей.

Преподобный Давид Гареджийский** выбрал для своих подвигов расположенную на западе от Тбилиси гору и вел полузатворническую жизнь в пещере на крутом склоне. Шесть дней он молился в своей келии, а по четвергам спускался вниз в город. Там он проповедовал Евангелие, утверждал в вере христиан и убеждал обратиться ко Христу язычников-огнепоклонников, которых было много в Тбилиси, особенно среди торговцев и ремесленников.

В Тбилиси есть изогнутая, как дерево лука, улица, которую называют тропой преподобного Давида, которого называют тропой преподобного Да-

* Преподобный Иоанн Зелазенский (VI век). Память его совершается 7/20 мая.

** Память преподобного Давида Гареджийского совершается 7/20 мая и в четверг по Вознесении.

вида. Менялся лик города, строились дома, но на протяжении веков тропы преподобного Давида, проходящая дугой между зданиями, оставалась неприкосновенной. Я помню, в годы моей молодости эту улицу покрыли асфальтом, и неожиданно на нем появилась трещина, похожая на ручеек; она как будто указывала на то место, где проходил преподобный Давид, спускаясь с горы и возвращаясь в свою келию. По четвергам много богомольцев поднималось на Мтацминда. Они говорили: «При своей жизни преподобный ходил с горы к народу, а теперь мы поднимаемся к нему».

Пещера была расположена на выступе скалы, представляющей собой большую ровную площадку. Внизу расстигался город. Он лежал в ложбине, окруженной с трех сторон горами. Дома поднимались по склонам, подобно террасам, и город напоминал кубок с искрившимся и пенящимся вином, которое переливается через край. Посреди города протекала река, разделяя его на две части. При свете солнца она казалась выкованной из серебра, а в пасмурные дни ее вода темнела и становилась похожей на цвет морских волн.

За городом у дороги, ведущей к пещере преподобного Давида, стоял домик, в котором жил старый священник по имени Михаил, восьмидесятилетний старец. Каждый четверг по утрам он выходил из своего дома и садился у дороги на скамью. Он уже был не в силах подняться по тропе в гору. Богомольцы подходили под его благословение. Этот старец с широкой седой бородой и белыми волосами, падающими на плечи, как грива льва, казался современником преподобного Давида, его келейником, открывавшим дверь в жилище своего

духовного отца. Он любил повторять: «Побеждай зло добром» и: «Иди по дороге, какой бы длинной она ни была; не иди напрямик, как бы близко тебе ни казалось». Однажды он подозвал меня и сказал: «Я хочу рассказать тебе об одном событии в моей жизни, может быть, это пригодится тебе. Я жил в деревне вместе с матерью. У меня рано умер отец, и я остался единственным мужчиной в доме. С хозяйством я справлялся хорошо, я любил трудиться, и когда работал в поле, пел песни. На меня заглядывались девушки из села, но я не знал, как сложатся их отношения с моей матерью, и не तो-ропился жениться. Но мать вдруг стала настаивать, чтобы я поехал учиться. Я очень любил свою мать и боялся оставить ее одну. Однако она убеждала меня, чтобы я поехал в город и поступил в училище, уверяя, что она еще может справиться с полевыми работами, а в случае необходимости соседки помогут ей. Я уехал. И вот однажды ко мне приходит наш односельчанин и рассказывает, что сосед стал обижать мою мать, хозяйничает в ее виноградишке, как в своем собственном саду, а недавно нанес ей тяжелое оскорбление. Посетитель сказал: “Я знаю, что ты расквитаться с этим негодяем, только прошу, не убивай его, подумай о своей матери, которая останется без помощника”. Я сказал: “Хорошо, я приеду и разберусь на месте”. Вернувшись домой, я сказал матери: “Приготовь угощение, поставь лучшее, что у нас есть, на стол”, — а затем пошел в дом к этому человеку. Он хотел спрятаться, но не успел, так как я вошел в его комнату неожиданно. Поздоровавшись, я сказал ему: “Иди за мной”, он пошел, думая, что я собираюсь избить его, но я привел его в свой дом,

где было приготовлено угощение, посадил на свое почетное место и стал обращаться с ним, как со своим другом. Он не понимал, что происходит, но потом вдруг встал из-за стола, подошел к моей матери, опустился на колени и сказал: “Я обидел тебя, прости меня, с этих пор считай меня своим сыном”. И действительно, этот человек стал помогать моей матери так, как будто он был моим братом».

Как-то я спросил протоиерея Михаила, что значит «Иди по дороге, какой бы длинной она ни была». Он ответил: «Зачем далеко ходить за примером? Ты видишь, дорога, поднимаясь в горы, делает петли; что будет, если ты решишь идти напрямик?». Я ответил: «Я сорвусь и упаду в овраг». Отец Михаил сказал: «Да. Эту поговорку я слышал от своего деда: “Иди по дороге, какой бы длинной она ни была; не иди напрямик, как бы близко тебе ни казалось”. Когда я поступил в училище, было революционное время. Даже ученые, изучавшие Закон Божий, верили, что революция принесет людям счастье. А я знал, что они сошли с дороги и идут напрямик с закрытыми глазами, и это кончится большим горем для всего народа. Я никогда не участвовал в политических сходках. Когда меня спрашивали, в какой я партии, кому я сочувствую, то я молчал, не отвечая ни слова. Народ сошел с дороги, которую проложили наши отцы, — и куда он попал? Те, кто строит дороги, вначале изучают местность, проверяют твердость почвы, осматривают каждый камень. Дорога может быть испорченной, размытой дождями, но все-таки лучше идти по ней, чем напрямик, не зная куда. Среди наших учителей и начальников были

разные люди. Попадались несправедливые и злые, но я считал, что должен подчиняться им. После революции я уехал в свою деревню и жил там как простой крестьянин. Мне, как грамотному человеку, предлагали разные посты, но я отказывался от них и, несмотря на уговоры, не вступал в партию. Все мои односельчане, которые спешили при новом правительстве выдвинуться и получить власть, хотя бы маленькую, как председатель сельсовета или колхоза, окончили жизнь плохо: большинство из них были осуждены и высланы, никто обратно не вернулся. Пришло время, стали открывать церкви. Я поступил старостой в храм, продавал свечи и помогал священнику. Через несколько лет меня вызвал Патриарх Каллистрат и сказал, чтобы я тоговился к рукоположению. Церковь стала моей дорогой, с которой я не сходил. Я старался как можно чаще служить Литургию. Диакон был только у Патриарха, и священники на приходах сами прочитывали все молитвы, а когда служил архиерей, то один из священников заменял диакона. Стучалось, что священник служил за певчего и пономаря, разжигал кадилью, выходил из алтаря для чтения часов и других молитв и сам после прошений и ектений пел «Удало шегвицкале»*. Но мне нравилось самому вычитывать все молитвы и петь. Для меня Литургия была прекрасней всего на свете. В молодости я увлекался поэмой «Вепхисткасани»** и много глав знал наизусть, — но какое сравнение может быть между ней и Литургией, как между святой и солнцем? Я понял, что богослуж-

* Господи, помилуй (*гугз*).

** «Витязь в тировой шкуре» (*гугз*), поэма Шота Руставели.

жение есть дорога, которую проложили святые отцы на Небо. Как несчастны те люди, которые не посещают храм и тем самым лишают себя церковных молитв! Затем меня постигла тяжелейшая болезнь глаз: мне стало трудно читать молитвослов и другие церковные книги, но больше всего меня волновало то, что при богослужении я могу нечаянно уронить частицу Тела Христова или пролить Святую Кровь. Патриарх Каллистрат не хотел отпускать меня, а убеждал лечиться, но зрение мое ухудшалось, и я вынужден был уйти на покой. Я состарился. Мне трудно часто посещать храм, но мне огордно, что я могу выходить по четвергам из дома на дорогу и видеть, как люди идут молиться к преподобному Давиду. И я тоже мысленно молюсь, чтобы преподобный Давид исполнил прошение каждого из них».

На прощание он сказал мне: «Никогда не вмешивайся в политику, даже не говори о ней; христиану нужна только Церковь. Цари и правители меняются, а Господь один и Тот же».

Около пещеры Давида некогда стоял древний храм. В течение нескольких веков там был монастырь, где некоторые из грузинских царей окончили свою жизнь. Храм обветшал. К началу XX века его разобрали и решили построить на этом месте новую, более обширную церковь. Тогда к пещере преподобного вела только лишь узкая тропинка. Трудно было поднимать строительный материал в гору, но помог народ. Кирпичи и камни сложили у подножия горы; по четвергам каждый из богомольцев брал с собой несколько кирпичей и поднимался с ними на гору. Вскоре необходимый для постройки материал был доставлен на место. Труд

сотен людей был вложен в этот храм. В Средние века, когда в Грузии строились церкви и часовни в горах, по склону горы двумя рядами располагалась войско, и камни для храма передавались воинами из руки в руку. Теперь человеку было бы невысказимо поднять такие тяжелые плиты.

Около храма преподобного Давида было кладбище, где хоронили монахов. Затем незадолго до революции там стали хоронить «выдающихся деятелей»: кладбище было названо пантеоном — зловещим «храмом всех богов». После революции, как бы в насмешку над святыней, около храма появились новые могилы революционеров — людей, бросивших вызов Богу, людей, одной из целей которых было уничтожение христианства. Поджигателей храмов хоронили около храма, как преступников около их жертвы. Затем место прежнего монастыря было буквально оккупировано певцами, артистами и танцорами — людьми, в большинстве своем чуждыми Церкви; они не ходили в храм при жизни, а теперь их почему-то принесли сюда, в чужой дом. Если прочитывать надписи на могилах, то покажется, что у стен храма расположился театр. К тому же взор верующих оскорбляется изображением нагих тел на некоторых памятниках. В общем, люди культуры поступали с наследием преподобного Давида весьма некультурно.

В одном патерике повествуется о том, как болятого человека похоронили недалеко от гробницы святого мученика, думая, что мученик отмолит его грехи. Но произошло другое: из земли стали доноситься стоны, как будто несчастный мертвец кричал от боли, и сама земля колебалась, словно желая выкинуть из своих недр нече-

стивого богача; святой гнал его с этого места. В жизни святителя Гавриила, епископа Имеретинского, причисленного к лику святых*, был такой случай. В собор для отпевания принесли умершего князя, человека безбожного и развратного. Епископ Гавриил встал на паперти и, поведев положить гроб у ступени, сказал, обращаясь к покойнику: «Зачем ты пришел сюда, ведь при своей жизни ты ни разу не переступил порога храма, что тебе нужно здесь? Теперь уже выпустить гроб с покойником в храм.

Слепые люди, думая воздать честь своим таким же слепым кумирам, принесли их к пещере святого Давида, не понимая, что только усугубляют мучения этих по большей части безбожных людей, что благодать — это огонь, который жжет дерзких и недостойных. Поэтому Дух Святой, сходящий с Небес во время Литургии, благословляет только немногие могилы, а опалает тех, кто лежит на том месте, где несколько веков назад почивали кости подвижников. Лучше было бы для этих людей устроить кладбище подальше от святыни. Пусть их гробницы будут окружены заботой и памятью их учеников и почитателей; если они имеют заслуги перед народом, пусть будет им оказана гражданская честь, но в самом погребении их около храма звучат какие-то дживые ноты.

Храм никогда не ограничивался одними стенами. Ему принадлежала земля и площадь вокруг — то, что называлось двором храма. По церковным правилам то, что когда-либо принадлежало церкви, не может быть отнято у нее, в противном случае это

* Память святителя Гавриила (Кикодзе; †1896) совершается 13/26 декабря.

будет продолжаться, усилием, преступлением. Монастырь, построенный грузинскими царями, должен быть возобновлен.

Преподобный Давид вместе с мучеником Або* считается покровителем Тбилиси. Мтацминда не только связана с историей Тбилиси, с ее минувшими веками: почитание храма и пещеры преподобного Давида — это благословенные столпы Кавказа, это ее защита в грядущих испытаниях.

На западе от Иерусалима возвышалась гора Сион, что значит «сторожевая башня». Сколько вдохновенных слов посвятил Сиону псалмопевец Давид! Его сердце трепетало, как струны псалтери, от одного слова — «Сион». Мтацминда, подoben Сиону, стоит, как крепостная стена, на западе Тбилиси. Запад — символ мрака и области темных сил. Как духовная стена, защищают город от невидимых врагов молитвы преподобного Давида и святых, подвизавшихся на этой горе.

* Святой Або, мученик Тбилисский (†790) — юноша-мусульманин, переселившийся из Багдада в Каргли и принявший христианство. Он не пошел на уговоры мусульман вернуться в ислам, был заключен арабами в темницу и казнен через усекование главы. Тело святого было сожжено, а прах брошен в реку Мтквари (Курю). Память его совершается 8/21 января.

ЗАЛОГ ВЕЧНОЙ РАДОСТИ

Одним из первых храмов, которые я начал посещать в своей юности, был храм Святой Троицы, расположенный в центре Тбилиси, в небольшом переулке между главными магистральями. Этот тихий уголок казался островком между двумя потоками реки. Я слышал, что Троицкий храм был построен в конце XVIII столетия во времена последних грузинских царей. Китором и строителем его был грузинский дворянин по имени Петр, служивший в войсках царя Ираклия. Он нес тяжелую пограничную службу, состоявшую из непрерывного ряда сражений и стычек. Особенную опасность в то время представляли набеги лезгин. По ночам, маленькими группами, по горным тропам лезгины незаметно проникали в Грузию, как вода просачивается через щели, собирались в условленном месте и нападали на мирных жителей, захватывали их в плен и продавали на невольничьих рынках. «Перевалочным пунктом» служил Ахалпихский пашалык, которым управлял наместник турецкого султана — паша, похожий на римского прокуратора. Оттуда пленников переправляли в Стамбул, Багдад и другие города Востока. Лезгины выслеживали земледельцев, работающих в поле, кушцов, везущих товары, путников, идущих из одного села в другое. Часто несколько банд, соединившись друг с другом в большой отряд,

окуждали деревни, грабили их, а жителей уводили как свою добычу. Если раньше кавказские горы были похожи на крепостные стены, защищавшие Грузию от хазар и скифов, то теперь они казались черной прозоровой тучей, нависшей над Грузией, или страной, где обитают драконы. Когда-то дремучие леса, окружавшие Тбилиси, делили город похожим на цветущий оазис или на огромную чащу из изумруда, а затем сами грузинские цари приказали вырубить и выкорчевать леса, чтобы в них не могли прятаться шайки разбойников, ночами нападавших на окраины города. Пограничные отряды представляли собой передовые ряды войска на поле боя, только там не было ни линии фронта, ни объезжения о начале сражений. В каждую минуту дня и ночи мог послышаться сигнал о приближении врага, и они принимали на себя первые удары. Эти люди были похожи на живую стену, которая защищала Грузию. Часто приходилось им устремляться по следам врагов, чтобы настигнуть похитителей и отбить у них пленников.

Строитель Троицкого храма написал в завещании, что во время боев он убил своей рукой более ста человек, и хотя он исполнял свой долг, но пролил много человеческой крови и решил построить на свой средства храм, в котором молились бы о нем и о его детях.

Храм Святой Троицы был небольшой, но светлый и какой-то уютный. Там обрзовался свой приход, вроде общины. Это было во время гонений, когда с христианством боролись лодью, клеветой и скрытыми преследованиями. Тех, кто посещал храм, исключали из высших учебных заве-

дений, снимали с работы, для них был закрыт путь к продвижению по службе. И в то же время эти преследования и психологический террор были как бы фильтром для Церкви — фильтром, который отсеивал ложных христиан, тех, кто не решался и не мог пройти через огонь испытаний. Прихожан в храмах было мало, но они любили друг друга, как члены одной семьи: они чувствовали себя духовно родными — так сблизаются люди, плывущие на одном корабле во время бури. Тогда было трудно найти Евангелие или молитвослов. Многие переписывали эти священные книги от руки. Приобрести Библию считалось великим счастьем.

Я помню, как один человек принес в церковь несколько исписанных тетрадей и подарил их мне. Это были четыре Евангелия, переписанные на грузинском языке; Евангелие от Иоанна осталось незаконченным. Этот человек рассказал мне, что его жена болела неизлечимым недугом — у нее был рак. Тяжело страдая, она переписывала Евангелия и в этом находила утешение и радость. Она умерла спокойной, с молитвой. Смерть превала ее труд, и последние главы Евангелия от Иоанна остались недописанными. Это были тяжелые годы, но все-таки я вспоминаю о них как о чем-то дорогом и светлом.

Я помню то время, когда к древним монастырям вели чуть заметные тропинки, поросшие травой; когда святые, омытые молитвенными слезами и кровью мучеников, не выставлялись напоказ полуголым туристам; когда святые Грузии были похожи на целомудренную девушку в бедном одеянии, которая скрывает свое лицо от мира.

Я помню развалины древних церквей, точно спря-
таных среди гор, где само безмолвие кажется про-
низанным молитвами тех, кто жил и умер на этом
месте. Эти священные камни в пустыне дороже,
чем украшения из золота и парчи.

Настоятелем Свято-Троицкого храма был про-
тоиерей Мелхиседек Хелидзе, отличавшийся про-
поведническим даром. В прошлом он окончил
Казанскую Духовную Академию, но не принял
сана, а работал учителем в Кутаиси. В 40-х годах
его сняли с работы, потому что он отказывался
участвовать в обязательной в то время антирели-
гиозной пропаганде. Он вспоминал, как его выз-
вали в райком и сказали: «Мелхи, ты владеешь
словом и пером, мы уважаем тебя, но ходят слухи,
что ты веришь в Бога, поэтому ты должен высту-
пить в печати с разоблачением религии, чтобы ре-
абилитировать себя, иначе мы не сможем работать
вместе». Хелидзе ответил: «Сколько времени вы
мучили меня и себя, стесняясь прямо сказать об
этом! Что плохого мне сделал Бог, чтобы мне бо-
рогся с Ним? И как мне бороться? — Взять ка-
мень и бросить в небо? Я не Дон Кихот, чтобы со-
вершать такие поступки».

Скоро Хелидзе получил приказ об увольнении
без права работать в системе образования. Он не-
однократно пытался найти какую-нибудь работу,
чтобы содержать свою семью. Ему отказывали под
различными предлогами, или, если и принимали
куда-нибудь на службу, то через несколько недель
без всякой причины увольняли, как будто он по-
лучил «волчий билет». Казалось, что чулунный
каток катился за ним повсюду по пятам, чтобы

настигнуть и раздавить его. Он остался без средств
к существованию. Брат, занимавший высокий пост,
отказался видеть его. От истощения умер его мало-
летний ребенок; жена заболела туберкулезом и вско-
ре тоже скончалась. Уже после войны, в 40-х годах,
Католикос-Патриарх Каллистрат предложил ему
принять священный сан.

Когда он говорил проповедь, в храме стояла
тишина, люди слушали, затаив дыхание. Он про-
поведовал на грузинском и русском языках. Хотя
его проповеди по своему уровню предназначались
для академической среды, их понимал и простой
народ. Тогда я убедился в том, что высокое слово
одинаково трогает сердца людей независимо от их
образования, так как чувство красоты присуще
самой человеческой душе.

Впоследствии, когда протоиерей Мелхиседек
был настоятелем Бодбийского храма святого Пе-
трия, я некоторое время служил там вторым свя-
щенником. Однажды к отцу Мелхиседеку пришел
знакомый ему человек; вернее, его привели к нему,
так как этот человек был почти слепым. В свое
время он работал начальником кутаисской мили-
ции и преследовал Хелидзе и его семью. Он с ка-
кой-то фанатической злобой относился к религии.
В 50-х годах его сняли за должностное преступле-
ние, и он, как в свое время Хелидзе, не мог найти
себе работу. Затем он устроился через Комитет
охраны памятников сторожем в Зедазенском мо-
настыре и развлекался тем, что поставил портрет
Сталина на том месте, где раньше висела икона, и
люди, заходя в его сторожку, крестились на порт-
рет «вождя народа», прежде чем разбирали, что

висит в полутемном углу. Это смешило его; он поворил: «Теперь вы уже не христиане, а сталинцы». Я помню, как был в Здазенском монастыре со своим крестным отцом. Он, увидев портрет генсека в рамке от иконы, вышел из комнаты, плюнул на землю и сказал: «Написано, что будет мерзость запустения в святом месте»*. Прошло время, и теперь этот человек, полуслепой старик, захотел увидеть своего «идейного врага» протониреза Мелхисека Хелдизе. Тот, узнав, кто перед ним, встретил его, как родного, обнял и пригласил к себе. Они долго о чем-то разговаривали друг с другом. После этого гость уехал. Больше я его не видел. О беседе с ним протонирез Мелхиседек не рассказывал мне, вернее, он сказал уклончиво: «Мы вспоминали старые времена».

Одно время в Троицком храме продавала свечи монахиня Евфимия, родственница митрополита Романоza (Петриавили). У этой монахини был тяжелый недуг: она родилась горбатой. Когда она сидела за свечным столом, то казалось, что горб ее поднят выше головы; когда ей надо было пройти от притвора до алтаря, чтобы вызвать священника, она шла стобившись, сильно прихрамывая; казалось, что она идет не по ровному полу, а поднимается по крутому склону горы, не зная, на что опереться, когда из-под ног вырываются камни и осыпается щебень. Из-за горба голова ее была всегда опущена и как бы втиснута между плеч. Человек, увидев ее, мог подумать: «Какое несчастье существо, зачем ей дана жизнь, как она может примириться с такой судьбой, какую горечь

* См.: Дан. 9, 27; 11, 31; Мф. 24, 15; Мк. 13, 14.

она испытывает, когда видит играющих детей, ведь в детстве она была скована своим недугом, как цепью, и оглучена болезнью от своих сверстниц; как ей должно быть тяжело, когда в церкви на нее смотрят с состраданием, смешанным с каким-то страхом?». В Евангелии написано, как ученики спросили Господа: *Кто совершил, он или родителю его, что родился слепым?* — а Господь ответил: *Это для того, чтобы на нем явилась слава Божия**. Господь совершил чудо — слепорожденный прозрел. И мне казалось, что я своими глазами тоже вижу чудо: эта больная, горбатенькая монахиня была счастливой; радость сияла на ее лице, ее глаза были необычайно кроткими, как будто она, как маленький ребенок, не думала или забывала о своей болезни. Она смотрела на человека как-то особенно доверчиво. Я в детстве слышал, что горбуны обычно бывают злы и коварны, как будто они мстят людям за свое уродство, но среди них есть люди, огличающиеся смирением и добротой, которую они вынесли из пламени своей болезни или нашли, как драгоценный камень, на дне чаши с горьким напитком. Я не помню, слышал ли когда-нибудь ее голос. Когда в храме никого не было, она, сидя в своем уголке, молча читала книгу, как я думаю, молитвослов или Псалтирь. Слепорожденный встретился с Господом на пороге храма. Прозрев, он поклонился Ему и громко прославил своего Спасителя. Монахиня Евфимия нашла Господа в храме, где она несла послушание, и было видно, что она всегда с Богом, что в сердце своем она непрестанно молится Ему и благодарит Его.

* Ср.: Ин. 9, 1–3.

Господь совершил чудо: Он не исцелил монахиню Евфимию, как сторбленную женщину в сионаге* или слепорожденного, просящего милостыни на паперти храма, но Он дал ей духовную радость — озарил невидимым светом благодати, которую ощущают дух, душа и тело человека как полноту бытия и предвестницу вечной жизни. В этом не меньшее величие веры, не меньшее милосердие Божие, чем если бы Он исцелил ее от мучительного недуга. Видя монахиню Евфимию, склоненную над книгой или подающую приходящим свечи с едва заметной детской доверчивой улыбкой, можно было понять, почему христиане в сылках и темницах испытывали радость, почему для них было высоким счастьем страдать за имя Христа.

Мир стремится к счастью. Но человек ищет его во внешнем: в богатстве, которое затем порабощает его; в телесной красоте, которая проходит, оставляя морщины, как шрамы времени, на лице; в высоких постах и мирской славе, которая чаще всего окружает человека завистниками и недоброжелателями, как будто он идет по дороге, где под камнями прячутся змеи. Короче говоря, человек ищет счастья в этой жизни, но она постепенно тает, как горящая свеча, а душа остается пустой, если не считать горечи и разочарований. А эта монахиня, сидящая в уголке храма, имела то, что потеряно миром, — залог вечной радости в своей душе и дивную красоту мистического света, будто луч света, просиявшего на Фаворе, прошел сквозь века и, найдя ее сердце, опочил там.

* См.: Лк. 13, 10.

Что было бы с ней, если бы не христианская вера? — Она была бы изгоем этого мира: даже родные стыдятся бы показать ее своим друзьям. У многих народов рождение горбатого ребенка считалось проклятием. Некоторые матери говорят: «Если бы я знала, что у меня родится такой урод, то убила бы его еще во чреве». Даже наука и искусство не могли бы дать счастье такому человеку; в лучшем случае, учение и работа могли бы быть только отдушиной в ее мрачной жизни. Люди оглядываются на горбуна на улице не только из любопытства, но с тайной тревогой: «Неужели и я мог бы родиться таким?». Обычно пораженные этим недугом становятся угрюмыми и озлобленными на всех. Только вера может совершить чудо. И человек, на которого смотрят с какой-то унижительной жалостью, в душе своей знает, что он счастливее тех, кто кружится в вихре этого мира. Я чувствовал, что монахиня Евфимия не променяла бы свою судьбу ни на какую другую.

Во время Второго Пришествия Христа на землю будет общее воскресение мертвых: тогда тело будет воскреснет с телом, подобным его душе, тогда тела Прешников будут уродливыми, как грехи, которые они совершили при жизни, а тела спасенных будут иметь ангелоподобный облик.

Православие — это религия богоуподобления; ее мистическая жизнь — стяжание Духа Святого; ее внутреннее утверждение — это интуитивное проникновение в духовный мир и таинственная встреча души с Богом; ее внешнее удостоверение — люди, стяжавшие благодать, которые источают из себя невидимый и в то же время явный свет.

Прошло двадцать лет. Я служил в епархии, архиереем которой был митрополит Романоз (Петриашвили). Он был очень доступен и прост в общении и часто рассказывал о своей жизни. Я как-то спросил его, каких подвижников он видел на своем долгом жизненном пути, — ведь до революции в Грузии было много монастырей и скитов. Он ответил: «Подвижники около нас. Ты помнишь в Троицком храме свечницу, монахиню Евфимию, мою племянницу? У нее была ангельская душа». Он сказал это с таким чувством, словно говорил не об убогой монахине, скованной болгезнью, а о героине, которую дала миру его семья.

МОНАСТЫРЬ СВЯТОЙ ОЛЫТИ

В 50-х годах, после рукоположения в сан иеромонаха, я был направлен священником в Ольгинский монастырь, который в то время официально назывался Ольгинским поселком, а его церковь была зарегистрирована как приходской храм. Монастырь располагался на уступе горы, возвышающейся над Мцхета с западной стороны. К нему вела узкая дорога, проходившая между скалой и обрывом в глубокий овраг, местами сужавшаяся до тропинки, на которой трудно было разойтись двум путникам. Зимой, когда дороге засыпал снег, путь в монастырь становился опасным; обитель делалась похожей на горное селение, отрезанное от мира. По этой дороге монахини, жившие в монастыре (а среди них большинство составляли престарелые инокини), носили не только провианто, но и уголь, которым отапливали свои кельи, а также кирпичи и цемент для ремонта.

Необычайна история этого монастыря. В начале XX века мимо Мцхета проводили железную дорогу, которая должна была пройти через всю территорию Грузии — от Тбилиси до Черноморского побережья. Работами руководил опытный инженер; ему в награду власти выделили поросший густым лесом земельный участок на склоне горы, и он собирался построить там себе дачу.

Однажды, осматривая участок, инженер увидел большой металлический крест, скрытый среди деревьев и кустарника. Он решил выкопать крест, тем более что именно на этом месте думал выстроить дом. Рабочие начали рыть землю, и тут обнаружилось, что крест венчает собой купол церкви, засыпанной и как бы погребенной под землей.

Раскопки продолжались, и через несколько недель на маленькой поляне между скалой и обрывом собравшиеся жители Мцхета увидели небольшой храм, который сохранился почти без повреждений, даже двери были закрыты на засов. Кто обитал здесь, когда в храме последний раз служила Литургия, что заставило людей уйти отсюда — оставалось тайной. В храме обнаружили небольшую икону Божией Матери, изображенной с непокрытой головой, — очевидно, очень древнего письма. Говорят, что в пустынях есть города, погребенные в песках: жители покинули их, не выдержав борьбы с волнами печаного моря. Так и эта церковь казалась сторожевой башней, погребенной бурями веков, но вновь выступившей в свой дозор над древней столицей Грузии.

Позднее были обнаружены свидетельства, что напротив Мцхета, на правом берегу Куры синайские монахи основали когда-то скит во имя святой великомученицы Екатерины. Надо сказать, что на Синае проживало много монахов-грузин — как в Великой Лавре, построенной императором Юстинианом, так и в скитах и пещерных келиях, расположенных вблизи того места, где Господь вручил скрижали с десятью заповедями пророку Моисею.

Слово «синай» значит пустыня; там внимал пророк Моисей Божественному гласу; там в прозе и буре, в ослепительном блеске молний Господь явил Свое присутствие израильскому народу. Синай, как и египетские пустыни, был колыбелью монашества. Здесь еще до Рождества Христова сиделись ветхозаветные аскеты — ферапевты, проводившие жизнь во внутренней молитве и пении псалмов. Синай являлся одним из центров грузинской монашеской диаспоры еще задолго до того, как на берегу Афона возвысился, словно величественный замок, Иверский монастырь. На Синае обривалась целая школа грузинских каллиграфов, переписывавших книги Священного Писания и священных отцов. Дошедшие до нас фолианты поражают изяществом письма: каждая страница представляется собой как бы картину, а миниатюры этих рукописей по их совершенству можно сравнить с лучшими произведениями византийского искусства.

Синай — место снисхождения Божества; затем он стал местом восхождения человека к Богу. Синай и Хорив представляли собой поселения монахов. Здесь преподобный Иоанн Лествичник на основе синайских монашеских преданий составил свою бесмертную книгу «Клибе» — «Лествицу», которая для многих монахов являлась второй книгой после Священного Писания.

Скит в Мцхетских горах — это не только живое свидетельство духовной связи грузинского и синайского монашества, это как бы часть Синая, перенесенная в Грузию, и сам храм, построенный синайскими монахами, — образ Неопалимой Купины, которая, воплотившись в камне, горит не сгорая...

Работы по строительству железной дороги около Мичета прошли успешно. Оставалось окончить тоннель в горе, который начали прорывать с двух сторон. Все расчеты были многократно проверены, было даже высчитано время, когда два отряда землекопов встретятся друг с другом. Эту встречу под землей хотели отметить как праздник. Но назначенное время прошло, а стыковки все не было. У инженера появилось опасение, что он допустит ошибку, исправить которую уже невозможно. Проходили минуты за минутами, казавшиеся для всех часами. И вот инженер выхватил револьвер, приставил дуло к виску и спустил курок прежде, чем кто-либо успел помешать ему, а через пятьдесят минут упала последняя преграда, разделившая как стена землекопов. Расчет оказался совершенно правильным, только из-за твердого грунта замедлился ход работы. Это была победа, но уже посмертная, победа, не отмеченная ни праздником, ни торжеством.

Особенно попросила эта смерть жену покойного, Ольгу, и она решила построить на оставшемся ей участке женский монастырь — корпус и несколько домов около вырытого из земли храма (вскоре недалеко были обнаружены руины и еще одного храма — большего размера). И Ольга действительно посвятила свою жизнь созданию женской обители. Она приняла монашество, а когда монастырь был построен, храм приведен в порядок и освящен, ее избрали первой игуменией. Она пережила революцию, годы голода и гонений. Ее погребли в храме, освященном во имя великой равноапостольной княгини Ольги. Главной святы-

ней его является икона Божией Матери, найденная при раскопках, которая почитается здесь как чудотворная. Около нее происходили знамения. Так, накануне революции, по рассказам старых монахинь, перед образом сама собой затрещала лампада, как бы в знак ободрения, чтобы предстоящие бури не утасили пламя веры в сердцах насельниц обители.

Игуменья Ольга, несмотря на знатное происхождение и светскую образованность, отличалась по словам знавших ее монахинь, детской простотой и даже немного юродствовала, уподобляясь простушке. Она старалась посещать все церковные службы, но или так и не выучила церковного устава, или нарочно показывала, будто не знает его. Когда на клиросе спрашивали: «Что благоговите читать, матушка?» — то она, указывая на книгу, отвечала: «Читайте от сих до сих». До революции мать Ольгу посещали важные чиновники и генералы, считавшие своим долгом утешить ее, но видели в ней не скорбящую вдову, а монахиню, сияющую внутренней духовной радостью и любовью, и, возвратившись, говорили, что скорее она утешила их, чем они ее. По окончании схиигумении Ольга могила ее стала как бы местом ее незримого присутствия. В искушениях и торествах наступившего страшного времени монахини часто плакали у могилы своей игумении, прося ее молить. Сюда приходили те, кто знал мать Ольгу при жизни, приходили, как и прежде, не одни, а со своими постоянными спутниками — скорбями, и уходили облегченными, словно часть скорбей оставалась у ее могилы.

Монастырь святой Ольги

В 20-х годах XX столетия был закрыт и разграблен женский Мамкоджский монастырь во имя святого великомученика Георгия*. Монахини оказались бесприютными странницами в этом чудном для них, страшном мире. Даже родные боялись принять монаха в свой дом и дать ему приют в наступившее кровавое время. Люди были совершенно бесправны. Эподеяния террористов минувших веков казались детской игрой перед террором государственной машины. По малейшему подозрению людей арестовывали, и редко кто возвращался назад. Большинство бесследно исчезало в лагерах или общих могилах.

Над изгнанными монахами осуществлялся негласный, но постоянный надзор, чтобы выявить людей, сочувствующих им. Поэтому перед таими изгнанниками часто даже родные брат или се-

* Свято-Георгиевский общежительный монастырь близ деревни Мамкода, недалеко от Тбилиси; учрежден в 1903 году на основе Георгиевского скита, приписанного к Бодбийскому женскому монастырю.

стра захлопывали двери своего дома. Неизвестно, где им было лучше: в ссылке или в миру. Агестическая власть поставила священников и монахов в положение прокаженных, к которым нельзя было приблизиться без опасности для жизни. Любое уголовное преступление прощалось скорее, чем вера в Бога. Человек мог дружить с бандитами, проводить время с ворами без всяких нежелательных для себя последствий, но, решившись принять в своем доме священника или монаха, он рисковал лишиться работы и куска хлеба. И уже во всяком случае, имя его было бы занесено в черный список «неблагонадежных», который имелся в спецотделах всех учреждений, организаций и институтов. На каждом производстве был кабинет, где сотрудники занимались обработкой материалов слески за каждым служащим и рабочим. Куда бы человек ни поступал или ни переезжал, эти материалы следовали за ним — из спецотдела в спецотдел.

И все же находились люди, которые проявляли христианское мужество и делились чем могли с теми, кто был приговорен к уничтожению этой видимой и невидимой властью. Своего апофеоза гонения на верующих достигли в 36–37-м годах. Затем их интенсивность, казалось, несколько уменьшилась, но лишь по одной причине: уже некто было уничтожать. Однако и тогда каким-то чудом еще оставались небольшие общины монахов, как после жатвы остаются еще колосья на поле. В числе таких общин были и Мцхетская Ольгинская обитель, и Самтаврский монастырь святой равноапостольной Нины.

Монахинь из них то изгоняли, то разрешали им возвратиться снова.

Несколько сестер из Мамкоджского монастыря поселились в Ольгинском монастыре, где их приняла схиигумения Ольга. Среди них находилась монахиня Ангелина (Кудимова), которую родители привезли в обитель еще одиннадцатилетним ребенком (не могу сказать, по какой причине). Она так и осталась там жить, а достигнув необходимого для монастыря возраста, приняла постриг. Впоследствии она стала игуменией Ольгинского монастыря и много сделала для его восстановления в послевоенные годы. Можно сказать, что вся ее жизнь прошла за оградой двух монастырей: Мамкоджского монастыря святого Победоносца Георгия и затем Мпхетского монастыря святой равноапостольной княгини Ольги. Она пережила страшное время гонений, и поэтому я дерзну сказать, что семьдесят лет ее монашества, может быть, будут зачтены как семь столетий подвижнических трудов.

Когда меня рукоположили во иеромонахи, то отправили в Ольгинский монастырь для изучения церковного устава и практического богослужения. (В те годы в Грузии еще не были открыты семинарии, и подготовка священников проходила в самом храме.) Встретившая меня здесь игумения во все время моего пребывания в обители относилась ко мне с материнской любовью и заботой. Жаль, что понять и оценить подобное отношение удаётся порой лишь по прошествии многих лет...

В молодости мать Ангелина была уставщицей на клиросе и прекрасно знала богослужебный ус-

Слева направо: архимандрит Парфений (Анцицур), игумения Ангелина (Кудимова), иеромонах Рафаил (Коретин)

тав — эту сложнейшую науку о порядке и соединении храмовых служб, сочетание которых постоянно меняется. Она часто стояла не на игуменском месте, а на клиросе вместе с певчими перед раскрытыми книгами и, как помню, казалась мне лопатом, который проводит корабль между камнями

и скалами, уверенным взглядом определяя путь. В первое время она не только подсаживала мне, какие молитвы следует читать и какие священнодействия нужно производить, но нередко во время кажления водила меня по храму за руку и показывала, перед какой иконой надо остановиться, как произнести кажление и тому подобное. Известно, что даже священники, уже окончившие семинарию и академии и изучившие литургику, присутуая вначале к самостоятельному служению, часто теряются. Но с матушкой я чувствовал себя, как путник с надежным проводником в лесу или в горах.

Мать-игумения неизменно присутствовала на всех храмовых службах, кроме немногих случаев, когда она уезжала из монастыря по делам. Эти службы были продолжительны, никаких сокращений не допускалось, на вечерах вычитывались положенные каноны, после Литургии или обедницы читались два акафиста. Акафисты читали монахини по очереди; если кто-либо отсутствовал по болезни или находился на послушании, то акафист читала сама игумения.

В послевоенное время идеологи атеизма изменили свои методы: кровавые гонения, геноцид по отношению к верующим сменились более осторожными (хотя и не менее коварными) способами борьбы. Внешнее ослабление притеснений способствовало посещению монастырей паломниками.

Среди местного населения мать Ангелина пользовалась уважением. Она обладала каким-то особенным даром говорить с собеседником на его языке, будь то ученый, простой крестьянин или рабочий. Во время войны в монастырский корпус

вселили несколько курдских семей. Матушка сумела завоевать уважение и у этих людей, язычников-солднценоклонников, и они, вопреки намерениям властей, которые специально поселили их в монастыре, не только не обижали монахинь, но и выказывали матушке-игумении всяческое почтение и даже целовали ей руку, как своим шейхам. Но все-таки это соседство было для монахинь тяжелым испытанием, поскольку шум и детский плач не могли не мешать их безмолвию и молитве.

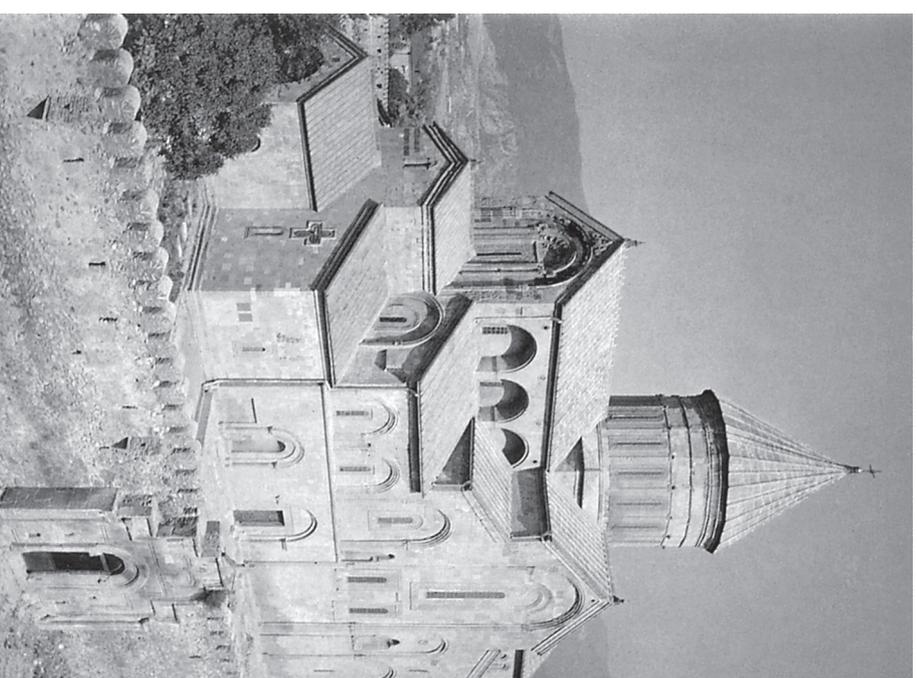
После войны мать-игумения получила тайное пожертвование для того, чтобы иметь возможность предоставить курдам площадь для жилья в другом месте. Те, видимо, понимали неуместность своего пребывания в женской обители и потому согласились оставить монастырь. Получив для покупки жилища нужную сумму, они выехали из обители; при этом некоторые из них — женщины, тайно принявшие Крещение, — прощались с игуменией, плакали, как бы расставаясь со своей родной матерью.

Благочинным Ольгинского монастыря в то время был архимандрит Зиновий (Мажуга), впоследствии митрополит Тетрицкаройский, подвижник и деятель Иисусовой молитвы. Ежегодно перед Великим постом на Масленой неделе в Ольгинский монастырь приходил Католикос-Патриарх Мелхиседек (Пхаладзе). Часто обитель посещал митрополит, будущий Католикос-Патриарх, Ефрем (Сидамонидзе), племянник другого Католикоса-Патриарха Леонида (Окропиридзе)⁸, который умер в 1921 году, через два года после своей интронизации при загадочных обстоятельствах

(некоторые подозревали, что смерть его была насильственной). С митрополитом Ефремом игуменio Ангелину связывали десятилетия духовной дружбы и взаимопомощи. Владыка беседовал с сестрами обители. В годы гонений ему пришлось пережить все тяготы скитаний и ужасы лагерей. Он рассказывал сестрам о своей жизни, а когда видел кого-либо из них печальной или унылой, то старался ободрить шуткой.

В конце жизни игумения Ангелина тяжело заболела. Ее разбил паралич, она уже не могла ходить, но ее на коляске возили в храм, где она служила службу. Дал ей схиму, а затем похоронил ее Каголикос-Паτριарх Ефрем. Могила игумении Ангелины находится у западной стены храма.

Ольгинский монастырь расположен между гор, и большую часть года он скрыт от солнечных лучей. Человеку, попадающему туда, кажется, что он — в ущелье, где царят тишина и полумрак. Внизу, под монастырем, струится источник чистой горной воды; чудный вид на город открывается с площадки горы. С запада Мцхета окаймляет река под названием Мтквари (а у греческих историков — Кура, — возможно, от слова «кир», то есть «господствующий», — самая большая река в Грузии). Ее мутные волны похожи на старое потемневшее се-ребро. С юго-востока, как пограничная полоса, отделяет Мцхета от горного хребта стремительный поток горной реки Арагви, воды которой прозрачны и чисты, как стекло. Здесь, на месте слияния двух рек, произошло Крещение Грузии. Недалеко от берега Куры высятся, как утес, собор Животворящего Столпа — Светицховели. Там находится

Собор Светицховели

величайшая святыня Грузии — Хитон Господень, благодаря чему Мцхета с давних времен называется вторым Иерусалимом. К северу от Светицховели, как его младший брат, стоит другой храм, называемый Самтавро — «княжеский». На этом месте поселилась святая Нина; там, где была ее убогая хижина, построена часовня. Мцхета — древняя

столица Грузии, которую основал, по преданию, Мцхетос, внук родоначальника кавказских народов Таргамоса. «Мцхета» означает также помазание елеем, то есть милость Божию. В духовном плане Мцхета и по сей день остается столицей Иверии, а ее собор Светицховели — троном Божества.

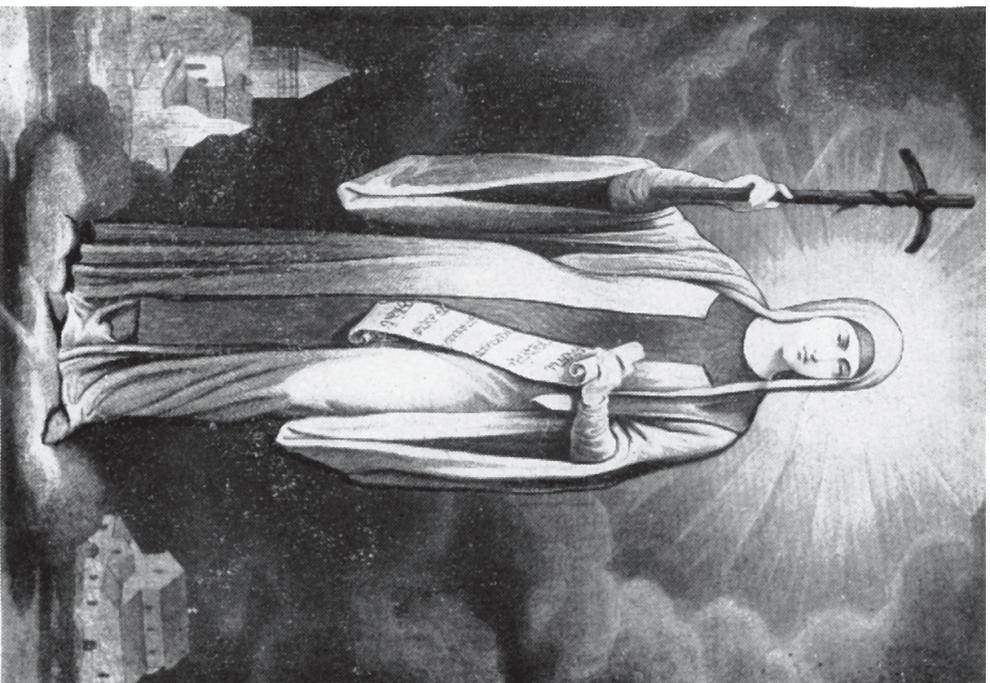
На востоке от Мцхета на вершине горы построена церковь, называемая Джвари (Крест), где хранился сделанный из мироточивого кедра* крест, в который была вложена частица от Голгофского Креста. Во многих псалмах воспета святым царем Давидом гора Сион. «Сион» — значит «сторожевая башня». Когда-то на вершине Сиона стояла

* Здесь необходимо напомнить древнее предание о несении в Грузию Хитона Голгоды. Первой по времени святой Грузинской Церкви почитается блаженная Сидония, мцхетская иудейка, сестра раввина Элиоза. Она никогда не видела Христа, но, услышав о Нем, поверила в Него как в Спасителя мира. Когда ее брат отправлялся с паломниками в Иерусалим (это было в год казни Спасителя), она просила его привезти ей в благословение какую-нибудь вещь, принадлежавшую Христу. Элиоз выполнил просьбу сестры. Он находитесь у Голгофы при распятии Спасителя, купил Его Хитон у одного из воинов и привез это сокровище в Мцхета. Услышав от брата о крестных страданиях Христа, Сидония, приказав Его Хитон к груди, пала мертвой. Никакая сила не могла уже разжать рук девушки. Ее так и погребли с Хитоном на груди. Впоследствии на месте погребения Сидонии вырос кедр, покрывавший ее могилу своими корнями. Больные птицы прилетали к кедру, клевали его хвою и улетающие птицы прилетали к кедру, клевали его хвою и улетающие животные; приходили к нему в поисках исцеления и дикие звери. При этом из кедра, по древним свидетельствам, исходило чудесное миро. Позднее верхняя часть дерева была спилена, и из нее изготовили несколько крестов. А основание сохранилось; именно за ним утвердилось название «Животворящий Столп». И когда на могиле Сидонии был выстроен собор Светицховели, то Столп оказался внутри него, как бы в неком ковчеге.

башня, с которой воины, охраняющие город, наблюдали за окрестностями: не приближаются ли к Иерусалиму вражеские отряды, чтобы внезапно напасть на него. Так и Джвари похож на сторожевую башню, охраняющую Мцхета. Иногда он кажетя короной, венчающей главу горы, иногда — рукой, поднятой над Мцхета для благословения. Есть предание, что в древности между Джвари и Светицховели была протянута лестница в виде цепи, по которой, как по мосту над бездной, богомольцы и монахи могли подниматься из Мцхета к Джвари и спускаться обратно. Но кто ступал на эту лестницу без покаяния в грехах или шел без молитвы, погруженный в суетные мысли, тот срывался и падал вниз. С каждым годом все меньше людей могло проходить по этому воздушному пути, а затем под тяжестью человеческих грехов разорвалась сама цепь.

Мцхета, окруженная горами, отлившими зелеными, синими и желтыми красками, похожа на чашу из разноцветного хрустала. Кажется, что Светицховели — это каменная гора Грузии, в которой бьется ее живое сердце.

С уступа скалы недалеко от Ольгинского монастыря можно было часами любоваться этим святым городом. Да, уже нет царских дворцов, многие храмы лежат в развалинах, место древних хижин и княжеских замков заняли другие строения, а улицы, выложенные плитами, покрыты асфальт и скрежал цемент. Но это — только саркофаг, скрытый от взоров людей облик древней Мцхета. Благодать ее святость нельзя уничтожить: ее земля так же свята, как в прежние века, и от Светицховели,

Святая равноапостольная Нина, просветительница Грузии

подобно подземным водам, струится благодать Божия во все концы Грузии.

Прежде я очень любил время сумерек, когда в небе одна за другой вспыхивают звезды и вместе с ними зажигаются огни в городе, как звезды, упав-

шие на землю, или как небесные огни, отражающиеся в озере. Силуэты гор становятся все темнее, и в этот час словно прерывается протяженность веков; время как бы обращается вспять, и передо мной — Мцхета, где дева Нина молится в своей хижине о просвещении Грузии, где строят храмы святые цари, куда люди со всех концов страны идут на поклонение Хитону Господню.

Из-за гор восходит луна, как ночное солнышко, и озаряет своим голубоватым светом вершины скал. Кажется, что она черпает из звездного моря струи серебра и выплескивает их на землю. Луна скрывается за горизонтом, и снова надо всем опускается таинственный полог мглы. Слышатся негромкие удары в било, призывающие монахинь на ночную молитву. В своих темных одеяниях они быстро и бесшумно, как тени, одна за другой идут в храм.

Наступает время рассвета. Желтая полоса прорезает восток, точно в крепости ночи сделан пролом, и первые лучи, как войско, врываются внутрь ее. Падают стены этой крепости; огненные лучи заре охватывают небосвод, вырывают у ночи собор Светицховели, и он, как царский дворец, высится над Мцхета в своей дивной красоте.

В Иерусалиме, в храме Воскресения, очерчен круг с надписью: «Центр земли». Здесь происходили самые важные события в истории человечества, а точнее, в истории всего космоса. Подобно сему и месту, где лежит Хитон Господень, — это то основание, на котором, образно говоря, стоит вся Грузия. Отсюда началась христианская Иверия, здесь она черпала силы, которые сохранили

ее в буреях истории, когда царства и народы гибли и тонули, как обломки кораблей. Животворящий Столп — это невидимая рука, которая держит Троицу, как рука матери держит ребенка.

Восходит солнце — словно написанная кем-то картина засияла вдруг всеми красками палитры. Горы становятся похожими на синие, голубые и оранжевые цветы. Но второе солнце, которое льет свой свет из земли, — это Хитон Господень, а второе небо над Мцхета — собор Светицховели.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Рассказывала мне некогда игуменния Ольгинского монастыря Ангелина: «После революции настали трудные времена, мы переживали и голод, и холод. Иногда в обители не было даже хлеба, но в этих испытаниях Господь не оставял нас, а в самые тяжелые годы нередко оказывал нам помощь через людей, от которых мы никак не могли ожидать ее. Вобиттели мы чувствовали себя под покровом Божией Матери. Есть икона Ее, именуемая “Нечаянная Радость”, и когда казалось, уже нет выхода и нет помощников в нашей беде, Божия Матерь нежданно являла нам Свою помощь. И так нам было понятно и близко сердцу имя Царицы Небесной — Нечаянная Радость!

Мы также молились святителю Николаю Чудотворцу, и каждый день либо в храме, либо в своей келье кто-нибудь из монахинь читал ему акафист. У нас были благодетели в Тбилиси. Иногда они собирали для нас продукты или деньги и доставляли их в Александро-Невском храме, в приходе, где продаются свечи. Однажды в обители не осталось ни куска хлеба. Мы только выпили кипятка с какими-то крошками от сухарей и решили поехать в Тбилиси, чтобы привезти в обитель, что нам подадут наши благодетели. Мы пришли по обычаю в храм, но в этот день не увидели никого из знакомых нам людей. Сидели мы там

до вечерней службы. Когда началась вечерня, я и друзья монахиня, по имени Валентина, стали горячо молиться святителю Николаю, чтобы он сам накормил нас. В Александро-Невском храме недалеко от входа, на колонне слева, есть образ святителя Николая, который многие почитают как чудотворный. Мы всю службу молились и плакали перед ним, как сироты, оставшиеся без родительского крова на улице. Кончилась служба, но мы не хотели уходить из храма. Мы чувствовали, что святитель Николай поможет нам. Но никого не было. Пришло время закрывать церковь на ночь, и мы со слезами вышли из храма.

“Должно быть, святитель Николай не услышал нас за наши грехи”, — подумали мы. Ничего не оставалось нам делать, как пойти на вокзал и ждать поезд, направляющийся в Мцхета. В то время монахиня неслы было показываться на улице в монашеской одежде, и потому мы были одеты в простые мирские платья и даже нарочно повязали голубы разноцветными косынками, чтобы никто не догадался, что мы монахини. Поезд запаздывал. И когда мы приехали в Мцхета, то уже наступила ночь. Нам нужно было идти в обитель через лес. Мы слышали, что в окрестностях Мцхета прячутся разбойники, но делать было нечего. С молитвой, в ночной темноте, прижавшись друг к другу, мы шли по лесу, и вдруг перед нами появилось несколько человек, одетых в бурки и папахы.

“Стой,— закричали они,— ни с места!”. Поняли мы, что оказались в руках разбойников. “Давай деньги”, — приказал один. “Мы сами нищие, у нас нет ничего”, — ответили мы. “Сейчас обещем и узнаем”, — сказал этот человек. Я задрожала от стра-

ха, кричать было бесполезно, да и голос пропал у меня, как будто присох к горлу. “Мы монахини, — сказала я, — отпустите нас, ради Господа”. — “Врешь, — возразил этот человек, — монахи ночью не ходят. Если ты монахиня, то зачем ты не сидишь в монастыре?”. Тут я разрыдалась и стала говорить, что у нас в монастыре голод, и я вышла из обители, чтобы раздобыть старым монахиням хлеб. Он выслушал и снова повторил: “Врешь”, — видно, это был атаман — и затем приказал своим товарищам: “Держите их крепко, пока я не приду”.

Что могло нас ожидать? — Насилие и, может быть, смерть. Проходило время, а этот человек не возвращался; мы стояли не шелохнувшись. Наши стражи тихонько переговаривались между собой, не спуская с нас глаз. Прошел один час, другой — и вдруг появляется этот человек, как мы потом узнали, — разбойник, который навел страх на самые власти. Он подошел к нам и вдруг протянул какой-то мешок и сказал: “Иди, и больше не ходи ночью”. — “Как тебя зовут?” — спросили мы. “Не твое дело”, — ответил он. В мешке оказались лаваша, только что испеченные. Откуда он их взял ночью, мы так и не могли понять. Всю жизнь я молюсь, чтобы Господь спас душу этого человека, как спас разбойника, распятого с Ним».

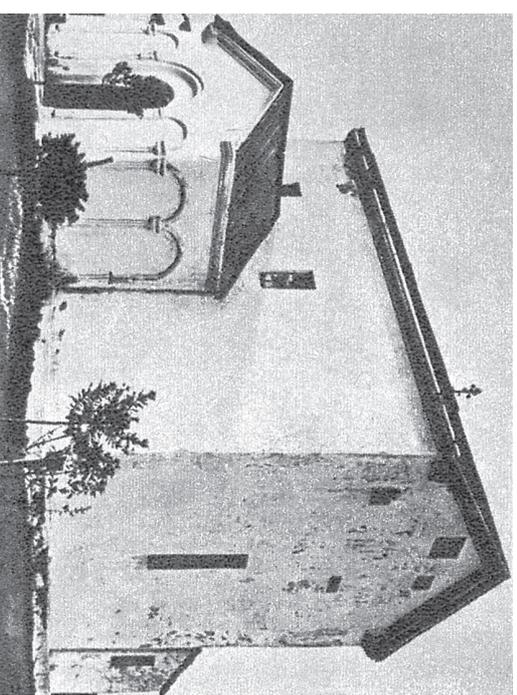
ЧУДО СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

В 60-х годах я служил настоятелем в храме великомученика и Победоносца Георгия в селе Илори. Это был незабвенный период моей жизни. Здесь я осознал илги, вернее, ощутил внутренним чувством святого Георгия как своего небесного покровителя. И все последующие события моей жизни связаны с именем Георгия Победоносца.

Этот храм пользовался особым почитанием в Западной Грузии. Мегрельский князь Леван II* после своих многочисленных военных походов делал пожертвования храму святого Георгия. По описанию путешественников, двери его раньше были сделаны из золотых листов и украшены коваными изображениями. В храме сохранились четыре старинные иконы из серебра: образ святых Архангелов Михаила и Гавриила, украшенный большим драгоценным камнем, и три образа святого великомученика Георгия Победоносца. На двух из них была надпись, свидетельствующая о том, что они подарены князем Леваном после походов на абхазского мтавара (князя). Третья икона святого Георгия была повреждена. Она была свидетелем чуда, о котором до сих пор вспоминают жители Илори.

Однажды мы сидели в сторожке Илорского храма у горящего бухара (камина), прислушиваясь

* Князь Леван II Дадлиани (1591–1657).

Храм святого великомученика Георгия Победоносца в Илори

к тихому треску дров. Молчание прервал сторож по имени Джугта. Он начал рассказывать: «Я помню чудо, которое совершил святой Георгий. Все село было свидетелем этого удивительного события. После революции Илорский храм несколько раз пытались ограбить. Мы решили поочередно охранять церковь: каждую ночь несколько вооруженных людей оставались ночевать в церковном дворе. С наступлением темноты железные двери храма запирали на засовы с огромными замками. Их сделали специально для Илорского храма, так что ключи подобрать было почти невозможно. За исключением времени Великого поста, сюда постоянно приходили паломники из разных мест Грузии, особенно из Мегрелии. И вот однажды пришли незнакомые нам люди, привели с собой двух молодых коз и сказали, что завтра хотят принести их в жертву и останутся ночевать при храме.

Мы приняли их как гостей, ничего не подозревая, разожгли бухар, чтобы им не было холодно ночью, и указали, где спать. Но это были разбойники. Они дождались, когда стали закрывать церковь, внезапно вынули оружие, приказали сторожам лечь на землю и унесли из храма две иконы святого Георгия. Затем они заперли сторожей в храме и бежали. В это время один из жителей села, не замеченный разбойниками, спрятался на колокольне и, как только те исчезли, начал звонить в колокол. Прибежали люди и, узнав о происшествии, стали решать, что делать, как напасть на след бандитов. Поднялся спор и шум — наш народ горячий, как-дый настаивал на своем. Наконец старшие, посовещавшись, сказали: «Они не пойдут ни по дороге, ни по тропинке, зная, что мы будем преследовать их; скорее всего, они спрятались в лесу и будут сидеть там до глубокой ночи, чтобы затем в темноте незаметно скрыться от преследования или засады. Разделимся на несколько отрядов и, двигаясь с разных сторон, будем искать их». Казалось невозможным найти людей ночью в лесу, как иголку в стоге сена, но мы верили, что святой Георгий поможет нам. Мы решили обойти лес с трех сторон и затем идти навстречу друг другу; бандиты вряд ли решились бы начать перестрелку, тем самым они могли выдать себя, ведь их было всего несколько человек. Но когда мы вошли в лес и еще не прошли полверсты, то увидели несколько фигур, которые быстро двинулись по направлению к нам. Это были наши вчерашние гости. Когда они приблизились, мы закричали, чтобы они остановились и не двигались с места, но они побежали от нас в чащу. Вскоре мы увидели на земле икону

святого Георгия, брошенную ими, но другой иконы не было. Мы начали стрелять. Нам этот лес был знаком лучше, и теперь разбойники не могли уйти от нас. Они спрятались за деревьями и начали отстреливаться. Мы кричали, чтобы они бросили оружие и сдались, но они отвечали только выстрелами. В общем, начался настоящий бой. Несколько бандитов были убиты, одного мы схватили. Невдалеке лежала вторая икона святого Георгия, выкованная из серебра; мы увидели, что часть серебряной пластинки оторвана и на самой иконе — вытиснены, как будто следы от ударов. Раненый рассказал, что бандиты потеряли в темноте направление и, вместо того чтобы идти к горам, сделали круг и стали возвращаться назад, в сторону Илори, где и встретились с нашим отрядом. Мы спросили: «Почему вы так поступили с иконой?». Тот ответил: «Потому что святой Георгий сбил нас с пути; когда мы бежали, то говорили: «Святой Георгий, помоги нам», а он повел нас навстречу вам. Когда мы увидели, что окружены, то решили отомстить ему и начали ломать икону; но не смогли совсем разбить ее, так как началась перестрелка и первым выстрелом убило того, кто первым ударил икону. Мы бросили ее в траву, чтобы святой Георгий не убил остальных».

Я был молод, — сказал сторож, заканчивая свой рассказ, — но хорошо помню, как иконы принесли в Илори. По дороге в храм народ стоял на коленях и благодарил святого Георгия Победоносца (сторож сказал: «Георгий Илорского») за то, что он возвратил свои иконы в Илорскую церковь».

ПУТЬ ПЕРВОСВЯТЫТЕЛЯ

В сторожке Илорского храма во все времена года горел бухар. В долгие зимние ночи можно было часами сидеть у камина и смотреть на тлеющее, будто спитое из тысяч пылающих ниток, пламя. Оно колыхалось и переливалось огненными красками, прозрачными и сверкающими. У основания оно было бледно-голубого цвета, который слепил глаза; затем — желтого, похожего на расглавленное золото; выше — кроваво-рубинового оттенка, а на концах языки пламени переходили в багрянец с черными полосами, который напоминал мне лепестки мака или цвет обляков при закате. Пламя казалось каким-то живым существом: оно то вздымалось вверх, как зверь в прыжке, то опускалось вниз, как раненая птица; оно постоянно изменяло формы, очертания и оттенки. Пламя, как облака, никогда не бывает одинаковым; оно то разгоралось, кидая огблески мерцающего света на стены, и эти огблески казались тенями огня, то замирало, как будто погружалось в дремоту, и в комнате наступал полумрак: то становилось похожем на пасть с огненными зубами, и опять свет и тени, сменяя друг друга, чертили рисунки на стене.

Есть у огня какая-то манящая сила, которая привлекает к нему взоры. Во времена праотцев посредством огня принесли жертвы Богу. Жертвенники

складывались из нетесаных камней, и внутри них разжигали огонь наподобие костра, на котором сжигалась жертва. Во дворе Иерусалимского храма стоял жертвенник, называемый «пламенным львом». Ночью свет огня указывал странникам, где можно найти пищу и приют.

У камина был слышен треск дров: иногда равномерный и тихий, как будто убаюкивающий душу, а иногда похожий на скрип, будто горящее дерево содрогалось от боли. Над пламенем взлетали, как светлячки, искры, которые, сверкнув на мгновение, гасли на лету. Я любил смотреть и на затухающие угли, казавшиеся огненными цветками, над которыми едва светились пламя, прозрачное, как хрусталь.

Иногда сторожа вместо дров и хвороста приносили ствол дерева во всю длину комнаты, очищали его от веток, кляли одним концом в бухар и закигали. Этот ствол был похож на огромную свечу, упавшую на пол: он горел в течение всей ночи медленным, ровным огнем, оставалось только по временам задвигать его в бухар.

Огонь — будто далекий, древний символ жизни. Трудно сравнить его с чем-нибудь; трудно подобрать слова, чтобы описать его цвета и краски: кажется, что от сравнений потускнеет само пламя, так как всякое сравнение только оземлит и обесцветит его.

Почему сердце чувствует что-то манящее в огне? Я думаю, это не только воспоминание о минувших веках, которое сохранено в глубинах человеческой души, но еще другое: огонь — эсхатологичен. У апостола Петра написано о том, что небеса и земля сгорят в огне, но не уничтожатся,

а будет другое небо и другая земля*. Значит, в отне скрыто предвестие о будущем преображении мира.

Монах Амвросий** любил вечерами сидеть у огня в церковной сторожке и беседовать с гостями. Это место служило чем-то вроде гостиной для служащих храма и посетителей. Часто приходил посидеть у камина и старый священник отец Димитрий Какубава. В 30-е годы, после закрытия храма, в котором служил отец Димитрий, он работал учителем в маленькой сельской школе, а когда снова стали открывать храмы, то Патриарх Мелхиседек послал его служить в Илори. Он рассказывал, что в 20-х годах служил в церкви недалеко от селения Сарджи. В Суххуми прислали епископа Ефрема (Сидамонидзе), будущего Патриарха Грузии. Время было тревожное; большинство монастырей и храмов было закрыто. Священники и епископы подвергались арестам; каждый раз, идя на службу в храм, священник не знал, вернется ли он домой или будет арестован. Арестованных и ссыльных священников и монахов нарочно помещали вместе с самыми жестокими преступниками, и те, для забавы, издевались над ними. Начальство знало и поощряло это, так что жизнь священника в заключении часто превращалась в сущий ад: приходилось терпеть не только пытки на допросах, но и избиения в камерах от воров и бандитов. Но случалось, преступники

* См.: 2 Пет. 3, 7, 10–13.

** Монах Амвросий (Твазава) последние годы своей жизни провел при Илорском храме. Он не имел священного сана, а нес послушание пономаря и певчего. Жил в келье внутри церковной ограды, рядом с комнатой, где принимали гостей. — *Дет.*

оказывались более сердечными, чем следователи и тюремная охрана.

«Я был еще раньше знаком с епископом Ефремом, — рассказывал отец Димитрий, — и поэтому он, приехав в Суххумскую епархию, вызвал меня и сказал, что прежде всего хочет сам обехать все монастыри и приходы. Сделать это было нелегко и опасно. У старых революционеров того времени была какая-то дикая, демоническая ненависть к Церкви. Для них священник был врагом, которого надо уничтожить. Епископа могли застрелить по дороге, сославшись на то, что это сделали бандиты (в то время действительно было много разбойников) или отряды противников власти, которые прятались в лесах и горах. Епископ Ефрем сказал, чтобы я достал ему лошадь и сопроводил его в поездке. Я хорошо знал дороги, так как родился и вырос в этом районе. Я нанял лошадь в соседней деревне. Владыка предложил неожиданной для меня план: ехать по епархии ночью. Прежде всего мы отправимся в селение, где служил я. Путь был трудным, дорога проходила по холмистой местности, иногда тропа вообще исчезала, но епископ, видно, в детстве хорошо научился верховой езде: он уверенно сидел в седле, перекидывался со мной словами, а иногда шутил. Мы приехали в село на рассвете. Я предложил владыке отдохнуть у меня, но он сказал, чтобы я открыл храм, и прежде всего вошел в церковь. Подойдя к престолу, развернул антиминс и стал внимательно рассматривать его. Я спросил: “Вы хотите узнать, какой епископ благословил антиминс?”. Он ответил: “Я хочу узнать, верующий ты или нет” — и добавил: — “Это

написано на антиминсе”. Я ничего не понимал; владыка любил пошутить, но сейчас он говорил вполне серьезно и каким-то строгим тоном. Он аккуратно сложил антиминс и сказал: “Если антиминс в порядке и на нем нет частиц от прежней службы, то, значит, священник боится Бога; а если на антиминсе остались частицы Тела Христова, то вера такого священника для меня сомнительна”*. Он пробыл у меня весь день и беседовал с собравшимся народом, а в сумерки мы поехали в другой приход. Несколько суток я сопровождал епископа, затем он сказал, что должен отдохнуть, а после продолжит осмотр своей епархии. Больше он не вызывал меня к себе».

Также отец Димитрий Какубава рассказывал: «Я слышал, что к епископу Ефрему пришли монахи из Драндского монастыря и сказали: “Мы не понимаем, что творится вокруг, что канонично, что нет; люди верующие держатся разных ориентаций; мы же хотим только одного — сидеть в монастыре и молиться”. Епископ ответил: “Я тоже хочу этого. Идите, отцы, в монастырь, молитесь и меня поминайте в своих молитвах. Потерпите, и в будущем все прояснится”. Монахи, услышав такой ответ, земно поклонились и сказали: “Благослови, владыко” — “Пусть Бог благословит вас, и вы бла-

* Когда я служил в Ольгинском монастыре, Католикос-Патриарх Ефрем говорил мне: «Помни, что на престоле невидимо присутствует Пресвятая Троица. Будь осторожен в обращении со Святыми Тайнами. Когда ты входишь в алтарь, то, прежде всего, поклонись престолу. Архидерей, посещая храмы своей епархии, прежде всего, должен осмотреть антиминс, не порван ли он, нет ли каких-либо пятен, не осталось ли после последней службы частиц Святого Тела Христа» — *Авт.*

гословите меня, отцы”, — ответил епископ и поклонился им. Они вернулись в монастырь с миром в душе. После этого владыка Ефрем сказал: “Сейчас нам нужна не полемика, а духовное доверие и любовь”.

Впоследствии я спросил об этом случае Патриарха (тогда митрополита) Ефрема. Он ответил: “У драндских монахов были окладистые широкие бороды до пояса. Таких бород я раньше не видел нигде”. На этом разговор окончился».

Владыка Ефрем начал свой монашеский путь после окончания университета, в Шио-Мгвимском монастыре*. Вскоре, однако, монастырь был закрыт. Большинство монахов оказалось в тюрьмах и ссылках. Тяжелым и во многом трагичным был и жизненный путь Патриарха. Он подвергался гонениям, его лишили возможности служения. Действующих храмов становилось все меньше, и одно время, будучи уже епископом, он занимал место священника в тбилисском храме святой великомученицы Варвары. В ту пору в храме не было даже пономаря, и сам епископ разжигал кадило, а после службы убирал алтарь.

В 30-е годы его арестовали, и он пережил все ужасы застенков и лагерей. В это тяжелое время иумения Ольгинского монастыря Ангелина с помощью некоторых людей послала ему передачу, но затем и это было запрещено. Его выпустили из

* Шио-Мгвимский монастырь расположен в 6 км от г. Мхехта. Он основан преподобным Шио, одним из тринадцати сирийских монахов, которые прибыли в Грузию для проповеди христианства. Память преподобного Шио Мгвимского совершается 9/22 мая и в четвергь Свирной седмицы.

заключения в последний год войны в тяжелом состоянии, почти умирающим от голода. По дороге в одежде арестанта он пришел к Новосибирскому епископу Варфоломею (Городцову) в кафедральный собор и попросил у него благословения. Владыка вместо благословения взял его за руку, пристально посмотрел на него и сказал: «Я не благословляю архиереев». Епископ Ефрем спросил: «Откуда вы знаете, кто я?». Тот ответил: «Я вижу в вас архиерея. Куда вы едете из заключения?» — «К себе на родину, в Грузию». Тогда владыка Варфоломей сказал: «Может быть, вы не знаете меня, но слышали обо мне. Я служил в Грузии много лет. Мое имя тогда было протоиерей Сергей Городцов» — «Конечно, я вас знаю. На вас террористы сделали покушение, и вы были тяжело ранены», — отвечал епископ Ефрем. Тот сказал: «Я до сих пор вспоминаю Грузию и люблю ее»*.

Паτριарх Ефрем рассказывал, как епископ Варфоломей повез его в свой дом. Тогда автомобиль у епископов еще не было, и они сели в открытую коляску, запряженную лошады. Люди удивлялись, видя в коляске рядом с архиереем человека в оборванной одежде...

В течение нескольких недель владыка Варфоломей ухаживал за епископом Ефремом. Он пригласил врачей, и те сказали, что владыке Ефрему

* Епископ Варфоломей (Городцов; †1956), впоследствии митрополит Новосибирский и Барнаульский, с 1892 года более 20 лет был настоятелем Казанского храма в г. Тифлисе (Тбилиси); доктор богословия, духовный писатель.

еще долго нельзя будет есть твердую пищу, потому что от голода стенки его желудка стали настолько тонкими, что может быть прободение со смертельным исходом. Его прежде всего искупали, сожгли его одежду, дали новую и затем понемногу начали кормить какой-то жидкой кашей. Паτριарх Ефрем рассказывал, что на другой день он увидел на кухне у епископа свежий хлеб, и ему так захотелось съесть его, что он, несмотря на запрещение, отломил кусок и быстро, чтобы не видеть, проглотил — и тут же почувствовал сильные боли. Опять позвали врачей, и каким-то образом кусок был извлечен. Епископ Варфоломей сказал владыке Ефрему, что не отпустит его из своего дома в дорогу, пока не подучит разрешения от врачей. При этом он предложил ему служить вместе с ним по праздникам в кафедральном соборе.

Когда епископ Ефрем приехал в Тбилиси, то прежде всего, не заходя никуда, он пришел в храм святой великомученицы Варвары. Его охватило настолько сильное волнение, что он сел прямо на ступени и, опустив голову, заплакал навзрыд. Из храма к нему вышел священник; узнав, что перед ним епископ Ефрем, вернувшийся из ссылки, он заплакал вместе с ним. Собрались верующие. При виде больного и изможденного архиерея в гражданской одежде одни также не могли удержаться от слез, другие поздравляли его, третьи обнимали и целовали ему руки. Затем они вошли в храм. Ефрем стал громко благодарить святую Варвару за свое спасение. Он еще в заключении дал два

обета: если вернется живым, то, во-первых, босиком пройдет от Сионского собора до храма святой Варвары, а во-вторых, от Мцхета пешком дойдет до Шино-Мгвимского монастыря. На праздник великомученицы Варвары, память которой совершается в декабре, епископ Ефрем в сопровождении нескольких людей исполнил свой обет, пройдя босиком около пяти километров.

...В начале 60-х годов, во время хрущевских гонений, новобранного Патриарха Ефрема вызвали на секретное совещание, где присутствовали высшие правительственные лица. Ему сказали, что необходимо закрыть в Грузии хотя бы несколько храмов, так как этого требует идеологический аппарат Хрущева. Уполномоченный предложил закрыть в первую очередь тбилисский храм преподобного Давида, около которого был создан «пантеон». Тогда Патриарх решился на крайнюю меру. Он впоследствии признавался, что сам удивился своим словам, как будто их сказал за него кто-то другой. Он ответил: «Во время своей интронизации я дал слово грузинскому народу, что готов положить свою голову на плаху за Церковь, поэтому, если вы начнете закрывать храмы, я должен буду умереть, и сделаю это так, что узнает весь мир». Посоветавшись, грузинские власти решили передать ответ Патриарха в Москву и ждать решения оттуда. И случилось чудо: гонения 60-х годов, которые прошли, как смерч, по всему Советскому Союзу, почти миновали Грузию. Может быть, Кремлевский Диктатор отступил перед решимостью Патриарха. Впрочем, в это время и многие выдающиеся грузинские ученые выступили в защиту Церкви.

Однажды в день Благовещения Патриарх Ефрем, обращаясь к народу, сказал: «Сегодня я хочу сделать вам подарок — поделиться своим опытом. Когда мне тяжело на сердце, то я подхожу к иконе Благовещения и говорю: “Святой Архангел Гавриил, ты принес радостную весть Деве Марии, принеси и мне радость, исполни мои молитвы, но только по воле Божией”».

Надо сказать, что Патриарх Ефрем скончался в день Благовещения — на свой любимый праздник. Поистине дивны судьбы Твоя, Господи!

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ

В селе Илори, недалеко от церкви святого великомученика Георгия Победоносца, жил старый монах по имени Георгий (Булискерия), который в этой церкви прислуживал и пел. Присохнул он из бывшего Мураканского округа, села Окуми, и был любимым сыном своей матери. Уже в детских годах в нем проявился талант художника. В то время фотография в Мураканской области была новшеством и воспринималась людьми как техническое чудо. Каждый снимок стоил больших трудов и ценился дорого. Человек должен был сидеть перед аппаратом в течение нескольких минут, застыв, как статуя. Любое движение в это время размывало линии и делало фотографию негодной. Фотографу предьявлялись такие требования, что он должен был обладать большим художественным даром, чтобы сделать каждую фотографию картиной. Это дело было тогда не ремеслом, а искусством. Поэтому мать монаха Георгия, в миру Андрея, видя способности своего сына, решила сделать его фотографом, и он уже в юности вполне овладел этой профессией и стал пользоваться известностью не только среди своих односельчан, но и среди жителей окрестных деревень. Надо сказать, что он до глубокой старости сохранил красоту лица и какое-то изящество манер, чуждое вся-

Монах Георгий (в схиме Гавриил; Булискерия)

кой ответственности, но невольно заставлявшее людей относиться к нему с почтительным уважением. В его походке, умении держать себя с разными по профессии и образованию людьми, посещавшими Илорский храм, несмотря на непосредственность и простоту, было что-то величественное, как у царя, который переоделся в одежду странника. Можно было предположить, что в молодости этот человек отлучался исключительной красотой. Мать желала женить его, но, не находя достойной невесты, медлила.

А между тем Промысл Божий открыл ему другой путь. Однажды по своим делам он был в Сенаци и остановился у родственников. За вечерней трапезой зашел разговор об известном подвижнике — отце Алексии (Шушания)* (ныне причисленном к лику

* Память преподобного Алексия (Шушания; †1923) совершается 18/31 января.

святых), основавшем в Сенаки монастырь. Рассказывали, что отец Алексий, перед тем как принять монашество, решил исполнить те добродетели, о которых говорил Христос в Своей беседе о Страшном суде*, чтобы подготовить себя к иноческой жизни и к высшему виду милости — терпению и молитве за мир.

Чтобы научиться терпению, он взялся ухаживать за больным, кормил его из своих рук, мыл ему ноги, а затем пил эту воду. Этот добровольный подвиг продолжался три года. Затем он стал посещать тюрьму, просил милостыню и покупал по праздникам пищу и подарки для заключенных. Затем он совершил пагоминичество пешком в Иерусалим и вернулся обратно с решимостью принять монашество. Он не хотел, чтобы монастырь, в котором он будет жить, был построен или, по крайней мере, начал строиться на пожертвования богатых людей, и потому решил сам как-нибудь заработать нужную сумму, чтобы положить основание первым келиям.

Сенаки был железнодорожным узлом. Водопроводная система работала очень плохо, и во время долгих стоянок поездов у единственного крана образовывалась огромная очередь. И вот подвижник решил набирать из ближайшего источника воду и разносить ее по вагонам за мелкие монеты. С утра до ночи он разносил с чайником и кружкой в руках воду по вагонам, и совершенно неожиданно эта самая обыкновенная вода начала казаться людям такой же вкусной, как минеральная, и ее стали требовать нарасхват.

Приобретя некоторую сумму денег и еще более усовершенствовавшись в смирении от такого

* См.: Мф. 25, 31–46.

добровольно взятого на себя труда, он приступил к постройке монастыря. Ни у кого не просил помощи, но вот удивительная вещь — люди сами приходили к нему и предлагали деньги и свои труды для постройки монастыря. Монастырь был освящен во имя святых Архангелов.

Уже в молодые годы отец Алексий стал духовным старцем — наставником для монахов и мирян. Многие жители Сенаки рассказывали о чудесах, происходивших по его молитвам.

От этих рассказов у Андрея Булискерия загорелось сердце, и он решил во что бы то ни стало посетить монастырь и увидеть его игумена. Утром он пошел на службу и сразу же в душе своей решил стать монахом. Отец Алексий, увидев незнакомого юношу, сказал, чтобы он остался на трапезе вместе с братией: игумен всегда приглашал на трапезу странников и приезжих.

Еще в храме Андрей увидел странника из России, увешанного тяжелыми крестами. Он стоял, подняв руки, неподвижно всю службу. Когда пришли на трапезу, игумен Алексий ласково сказал ему: «Христос распялся на одном Кресте, почему ты носишь столько крестов? Избери себе вместо них один крест смирения». Тогда этот человек молча поклонился игумену и, сняв с себя все кресты, положил их перед ним, так же не сказав ни слова. Игумен взял один из крестов и сам надел его на странника, который, как потом оказалось, принял на себя подвиг юродства.

Андрей попросил игумена принять его для беседы и стал спрашивать, как ему жить и как спасаться. Отец Алексий рассказал ему об Иисусовой молитве и заповедал всегда стараться иметь ее

в сердце, в памяти и на устах, сказав, что сама молитва будет его путевоодительницей.

Вернувшись домой, Андрей стал надолго уединяться в своей комнате, чтобы творить Иисусову молитву. Он стал избегать прежнего общества, уклонялся от встреч с друзьями. Видя это, мать встревожилась; думая, что сын заболел, она стала ходить к гадалкам и прорицателям. Сына как будто подменили. Он занимался прежним делом, но на все ее распросы упорно молчал. На обычные разговоры о женитьбе ответил, что сам найдёт себе невесту, подражумевая монашескую жизнь. Наконец он признался своей матери, что хочет уйти из мира и принять монашество.

Услышав такие слова, эта женщина стала кричать, рвать на себе волосы и причитать над ним, как над мертвым. Затем она стала угрожать его остаться в миру. Она кричала, что не хочет умереть прежде, чем возьмёт на свои руки внуков — его детей, а сын таким решением убивает ее. Затем она выпала в ярость, похожую на бешеное, и кричала, что сама своими руками задушит его. Сын не отвечал ни слова. Тогда она стала проклинать его и день его рождения самыми страшными словами. Андрей в ответ лишь низко поклонился ей и в ту же ночь ушел из дома и пришел к отцу Алексию. А тот — как будто ожидал его и знал, что произошло.

Сразу же отец Алексий написал письмо к настоятелю небольшого монастыря, который находился в лесу. Названия его я не помню. Там Андрей провел многие годы и там получил монашеский постриг с именем Георгий. Он часто посещал игумена Алексия (Шушания) как своего духовного отца и руководствовался его советами. Вспомни-

ная о нем, монах Георгий всегда добавлял, что это был святой человек.

Незадолго до революции монах Георгий поблагословенно своего духовника построил в горах келью и стал жить там отшельником. Он развел сад, сажал картошку, за хлебом ходил в монастырь и близлежащие села. Началась революция, но казалось, что вся эта жизнь проходит мимо него: он забыл о мире, а мир забыл о нем.

Прошли годы. Однажды, спустившись с горы в свой монастырь, он увидел там только остатки обгоревших стен на месте келий и опустошенную церковь без дверей и с разбитыми окнами. Жители селения рассказали ему, что ночью в монастырь пришли какие-то люди, — наверное, для того чтобы арестовать монахов. Те, поняв, в чем дело, хотели скрыться в лесу, но их догнали и убили. Игумена зарубили топором, спаслось только два или три человека.

Услышав об этом, отец Георгий еще больше уединился в своей келии. Лишь иногда ночью он спускался в село за провизией; порой же люди и сами тайно приносили ему пищу.

После Второй мировой войны положение несколько изменилось, стали открываться церкви, в том числе Илорский храм святого Георгия. Жители Илори сумели сохранить чудотворные иконы великомученика, выкованные на серебре, и серебряную икону Архангелов.

Возродил храм святого Георгия в Илори архимандрит Иоаким (Шенгелая). Псаломщик Калистрат Пипия рассказывал об отце Иоакиме, что он всегда держал в руках молитвенник и каждую свободную минуту, будь то во дворе келии или в церкви, читал его.

Архимандрит Иоаким (Шенгелая)

Надо сказать, что архимандрит Иоаким умер смертью мученика. Один из прихожан Илорской церкви, умирая, умолял своих родных привести священника для Причастия. Те приехали в Илори, когда архимандрит Иоаким был болен воспалением легких. Второй священник отсутствовал.

Узнав, в чем дело, архимандрит Иоаким встал с постели, взял в алтаре Святыя Дары и сказал, что по своему долгу пойдет причащать больного. Окружавшие отца Иоакима люди просили его остаться дома и ждать прихода своего собрата-священнослужителя. Но архимандрит Иоаким сказал, что не смерть ждет человека, а человек ждет смерти, и если больной умрет без исповеди и Причастия, то его кровь будет лежать на нем, и отравится в путь.

Случилось непредвиденное несчастье: от проливных дождей река поднялась и смыла мост, через который надо было перейти, чтобы попасть на другую сторону. Тогда архимандрит Иоаким решил перейти реку вброд и вошел в ледяную воду. В насквозь промокшей одежде он продолжал путь. Причастив больного, отец Иоаким вернулся в Илорский храм, положил дароносицу на престол и больше уже с постели не вставал. Через несколько дней он перешел в другой мир, исполнив заповедь Божию: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих**.

Отец Георгий начал посещать Илорский храм, а так как ему по старческой немощи уже нелегко было ходить пешком, то архимандрит Иоаким предложил ему остаться жить при храме. Но Илорский храм посещало множество богомольцев из Западной Грузии, и отцу Георгию после многих лет безмолвия было трудно переносить многолюдие и шум. Тогда одна вдова, по имени Опия, предложила ему поселиться недалеко от церкви в своем доме, предоставив одну из комнат в его распоряжение.

* Ин. 15, 13.

Но и переменяв место жительства, отец Георгий постарался сохранить свой прежний «устав» и знал только свою новую келию и храм.

Он особенно любил Иисусову молитву и, в противоположность архимандриту Иоакиму, который вычитывал все каноны, старался заменять их ею. Казалось, что он жил и дышал этой молитвой. Как и все делегали молитвы, он любил уединение. Даже свою келию он разделил занавесью на две части, так что у него, как у фиваидских монахов, получились внутренняя и внешняя келии. Он мог часами сидеть в полутемном углу келии, повторяя слова молитвы. Но от людей свой аскетизм он старался скрывать. Со всеми он был приветлив, не избегал тех, кто искал с ним встречи, не прерывал беседы, но мог очень тактично, не обидев человека, кратко ответить ему и распрощаться, как с родным. На примере отца Георгия я заметил, что если монах занимается сердечной Иисусовой молитвой, то это как бы передается окружающим и не располагает их к многословию, что настоящая деликатность — это нравственное благородство, основанное на любви, и она не может быть заменена никаким выученным этикетом.

Отец Георгий, следуя учению святых отцов, соединял Иисусову молитву с дыханием, но в отличие от многих других монахов он разделил Иисусову молитву на четыре части, неравные между собой. «Господи, Иисусе Христе» — произносил он во время вдоха, «Сыне Божий» — при выдохе, «помилуй» — вдох, «мя, грешного» — выдох. Он говорил, что так ему легче произносить Иисусову молитву, чем разделять ее, как обычно, на две части.

Старец отлучался нестяжательностью. Он уви-дился, когда увидел в моей келии два Евангелия,

В центре (сидит) — архимандрит Иоаким (Шенгелая), крайний справа — монах Георгий (в схиме Павлил, Вулкскерва)

и сказал: «Если ты имеешь две одежды, то одну отдай нищему; если имеешь пищу, поделись ею с голодным, а тем более — книгой, от которой зависит спасение души». Он сказал, что монах не должен иметь много книг, — это тоже стяжательство, которое мешает молитве, тем более однокровных книг. Сам старец имел только Евангелие, Псалтирь и молитвослов. Он часто любил повторять, что вся философия мира заглохнет в Иисусовой молитве. Нас поражала строгость, с какой старец держал посты. Во время Святой Четырнадцатницы, кроме субботы и воскресенья, он ограничивался двумя картофелинами в день, даже не притрагиваясь к хлебу; наоборот, он привык так держать пост в отшельническом уединении, где питался преимущественно картофелем со своего огорода. Иногда старец вместе с другим монахом, отцом Амвросием (Гвазава), пел на церковном бо-гослужении старинные монастырские грузинские

песнопения на память. Таких напевов я не слышал больше нигде.

После смерти отца Иоакима отец Георгий считал своим духовником архимандрита Константина (Квараз) из Сенаки, к которому ездил на исповедь. Однажды он приехал от него в каком-то особенно радостном настроении. Казалось, он весь светился этой глубокой и тихой радостью. Старец поделился со мной, что получил схимнический постриг с именем Гавриил, чтобы я помнил его под новым именем на проскомидии. Сам он схимнического одеяния не надевал никогда, скрывая свою схиму от всех. Мне запомнилось прикосновение его руки, когда он подходил ко мне под благословение. Иногда я сам при этом целовал его руку. Его худые старческие пальцы казались мне негленными мощами, они оставляли ощущение какой-то особой чистоты.

Отец Георгий дожил до глубокой старости. Когда его спрашивали о возрасте, он затруднялся ответить, сколько ему лет. Наверное, земное время стирается из памяти тех, кто большую часть жизни провел в пустыне. Скорее всего, ему было под девяносто лет, но почти до самой смерти он сохранял удивительную легкость движений, наверное, благодаря постоянному посту, но в то же время он не допускал спешки и торопливости. Он был очень прост и непринужден, однако не походил на ребенка, как мцхетский схимонах Авраам*, напротив, в нем виден был умудренный годами и духовным опытом старец, который смотрит на земную жизнь (в том числе и на свою жизнь) уже из другого мира, светлым и спокойным взором. Мне

* Об отце Аврааме см. ниже, с. 162.

никогда не случалось видеть его рассерженным или просто недовольным, спокойным. Наверное, если бы даже небо стогкнулось с землей, он только и сказал бы: «Слава Богу за всё».

Незадолго перед тем, как я уехал из Илори, он благословил меня частицей Мамврийского дуба, и в ту минуту мне казалось, что передо мной стоит праотец Авраам, который принял у Мамврийского дуба Святую Троицу. Через некоторое время я услышал, что отец Георгий после непродолжительной болезни скончался и был погребен в ограде Илорской церкви, недалеко от входа в храм.

Я увидел его могилу, когда последний раз был в Илори. На ней лежала доротая плита из черного мрамора, на которой был графически изображен портрет отца Георгия в монашеском одеянии. Мне сказали, что родные, узнав о его смерти, решили воздвигнуть своему сроднику памятник на одной монашеской могиле. И хотя такое надгробие не очень подходит для монаха, я все-таки благодарен им за то, что еще раз смог взглянуть на доротею для меня черты лица забытого старца. Затем я увидел его единственный раз во сне вместе с незнакомыми мне монахами. Он обходил храм, как во время крестного хода.

Схимонашество твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем!

* * *

Мне хотелось бы упомянуть здесь же еще об одном человеке — простой русской девушке Марии Добрыниной, которая самоотверженно служила отцу Иоакиму, а затем, по его благословению, — отцу Георгию, в схиме Гавриилу. Это была одна из немногих женщин, заслуживших особое

Монахиня Мария

уважение жителей Илори. Сначала она работала на чайных плантациях в Читварском районе, затем уборщицей в пекарне. Ее семья переехала в Грузию из Липецка еще до Отечественной войны. Мать Марии была женщиной верующей, очень кроткой и тихой; она умерла, приняв постриг с именем Варвары. Отец же, напротив, был человеком характера крутого и противоречивого.

По рассказам Марии, он в 30-х годах прини- мал и даже прятал в своем доме священников, что прозвело сылкой для всей семьи, а затем неожи- данно стал богохульничать. Когда открылся Илор- ский храм, то одна из подруг Марии сказала ей: «Пойдем в церковь, посмотрим, что там». Та помни- ла огромный липецкий храм, куда ходила в дет- стве, и с радостью согласилась. Она хорошо умела шить, и архимандрит Иоаким поручал ей шить накидки на аналой, а также чинить старые обла- чения и другую простенькую работу.

Можно сказать, что сам святой Георгий при- звал эту девушку в свой храм. Вскоре она уже не могла прожить без храма ни одного дня и каждый день после работы пешком шла с плантации в цер- ковь. Спала Мария зимой в стoroжке, а летом — прямо на паперти. Она была воспитана родителями в строгом целомудрии, но одевалась, как все женщины ее возраста, и, наверное, когда собира- лась в церковь, надевала лучший наряд. Однажды архимандрит Иоаким спросил: «Мария, зачем тебе нужно шелковое платье?». Услышав это, она, при- дя домой, в тот же день отдала свое платье подру- ге. В конце концов у нее осталась только самая простая одежда, и она стала ходить в одном и том же в жару и в холод, подобно юродливой. Все день- ги, которые зарабатывала Мария, она отдавала на храм и нищим.

После кончины отца Иоакима Мария каждый день подолгу молилась на коленях у его могилы. Затем до самой смерти отца Георгия она ежеднев- но, возвращаясь с работы, приносила ему хлеб, который давали ей в пекарне. Эгих нескольких хлебов хватало на всю семью в доме, где жил отец

Георгий. Я не знаю точного расстояния между Читгвара и Илори, но, наверное, не меньше десяти километров, и такой путь проходила Мария ежедневно, кроме тех дней, когда должна была дежурить в пекарне. На воскресные и праздничные службы она приходила вместе со своей матерью, а отец, разгневавшись, ушел от них и жил один в каком-то брошенном домике. У него были странные душевные перепады: он то молился, то плакал, что Церковь отняла у него жену и дочь.

Мария ухаживала за монахом Георгием, как дочь за своим отцом, и старец даже ласково называл ее кормилицей. Ведь, несмотря на то что Илорскую церковь постоянно посещали паломники, пищу для монахов достать было нелегко: в храм по обету приносили в дар животных, в день резали по нескольку овец и козлят, так что служацие храма питались мясом, — кроме того, оставшихся животных распределяли по очереди между жителями села. Даже была поговорка: «Если ты сварил мамалыгу, то иди в Илори за мясом». Так что слова отца Георгия о том, что Мария — его кормилица, были недалеки от истины.

От отца Иоакима и отца Георгия Мария научилась Иисусовой молитве, и когда я спрашивал, идет ли молитва сама собой в ее сердце, то она говорила, что когда идет, то всю ночь спать не может, лежит с открытыми глазами. Как я сказал, она любила спать на паперти у входа в церковь, полोजив под себя рваное одеяло, которое хранила в углу сторожки. Ночью она часто вставала на молитву перед иконой святого Георгия, которая висела над дверью храма. Казалось, что, кроме храма святого Георгия, у нее нет другой жизни: весь

мир заключился для нее в этом месте. Она была довольно шумлива, говорила громко, так что издали можно было подумать, что она кричит или ругается с кем-то. Но под этой неотесанностью скрывались преданность и доброты, которую чувствовали служащие церкви и жители Илори и говорили: «У нее одно сердце и один язык»*.

Незадолго до смерти она приняла монашеский постриг с именем Мария (в честь равноапостольной Марии Магдалины), немного поболела и, причастившись, умерла. Мне доставляет скорбь только одно: что она похоронена на кладбище Читгвара, а не в Илори, хотя бы у стенки ограды, — там, где было ее сердце. Но я надеюсь, что в загробной жизни она будет рядом с ее духовными отцами: архимандритом Иоакимом и схимонахом Гавриилом.

Однажды я видел сон: в огромном храме идет богослужение, стоят рядами священнослужители, среди них — архимандрит Иоаким (Шенгелая). И вот из народа быстро выходит, почти выбегает, Мария и бросается в ноги отцу Иоакиму. Тот радостно улыбается, затем поднимает ее. Может быть, это сновидение означает, что она — в Небесной Церкви, по молитвам великомученика Георгия и ее духовных отцов?

Больше всего меня удивляло и поражало в этой простой девушке то, что она любила всех людей, не разбирая ни знакомых, ни родных, ни добрых, ни злых, не разделяя их — так, как будто все

* У грузин есть выражение «двухсердечный», то есть лукавый, лицемерный человек. По аналогии с этим слова жителей Илори о Марии надо понимать как свидетельствую о ее простоте и чистосердечии.

люди — один человек. Я как-то спросил Марию: «Тебе часто приходится идти на работу или возвращаться одной ночью через лес. Ты не боишься встретиться с разбойником, который может искалечить или убить тебя?». Она ответила: «Если я встречу в лесу такого человека, то обрадуюсь ему, как своему родному брату, и даже не подумаю, что он может убить меня». Не знаю, это ли неведение зла было ее защитой или же сам Победоносец Георгий невидимо хранил ее...

Однажды я с несколькими богомольцами решил посетить старинный храм великомуученика Пантелеимона в Драндском районе и упросил монаха Георгия идти с нами. С ним пошла и Мария. Мы знали путь только приблизительно, и когда проходили мимо одного маленького села, решили спросить у жителей дорогу, но село как будто вымерло — ни одной души! Наконец мы услышали голоса во дворе одного дома. Мария побежала к забору и стала звать хозяев. Вдруг из ворот выскочила с громким лаем огромная овчарка и бросилась на нее. Мария спокойно пошла навстречу разъяренной собаке и протянула руку, словно хотела поглядеть ее. И тут случилось что-то непредвиденное, что показалось мне чудом: овчарка стала прыгать возле нее, вилять хвостом и ласкаться, как к своей хозяйке. Собака вставала на задние лапы и как будто танцевала от радости, а Мария, как ни в чем не бывало, гладила ее по голове. Мы все застыли — сначала от ужаса, что овчарка роняет левушку, а потом от удивления. Мне казалось, что я вочино увидел то, о чем читал в книгах: как преподобные, очистив свое сердце, получают власть над дикими зверями.

Прошло несколько десятилетий с тех пор, как я уехал из Илори. Мне часто вспоминается Илорский храм — дом святого Георгия — с его чудотворными иконами, церковный двор, обнесенный каменной стеной. Это место кажется мне островом среди бушующего моря, о берега которого не простирается прибой времени — столетия за столетиями. Будто наяву вижу я Марию, которая стоит неподвижно над могилкой отца Иоакима, погруженная в молитву, и мне невольно вспоминается Мария Магдалина, стоявшая у Гроба Господня, — ее Ангел-хранитель.

ПУСТЬ ЖИВЫЕ БУДУТ МИЛОСТИВЫ К МЕРТВЫМ

Одно время я служил в Преображенской кладбищенской церкви в пригороде Сухуми. Последний период моей жизни. В Илори мне удалось общаться с еще живыми подвижниками — последними из тех монахов, которые являлись духовной силой и светочами Грузии на протяжении шестнадцати веков. Они были похожи на осенние цветы, которые распускают свои лепестки, когда холодное дыхание севера погружает природу в сон. Эти подвижники пережили времена более жестоких тоннин, чем в те далекие века, когда меч Тамерлана и сабля Шах-Аббаса превращали в пустыни целые области Грузии за то, что народ отказался перейти в мусульманство. В Илори Господь дал мне видеть живых подвижников уходящей эпохи, как в сказании об Амيرانе путник увидел на стене дома картину, изображающую бой витязей с драконами, и затем неожиданно встретился со старым витязем, который рассказал ему о подвигах убитых в боях героев. Илорские монахи казались мне последними из тех витязей, которые всю жизнь воевали с чудовищами и драконами и о жизни которых теперь напоминает только картина на стене.

* О храме святого великомученика Георгия Победоносца в с. Илори см. с. 126.

Позже, служа в сухумской Преображенской церкви на кладбище, я общался с монахами, которые были погребены там, — общался не с живыми, а с мертвыми, не через слово, а через неповторимое чувство их присутствия.

Особенно я любил старые могилы, на которых лежали плиты серого цвета, выщербленные ветром и выжженные солнцем. На них не сохранились надписи — только каменные или железные кресты указывали на то, что здесь погребен христианин. В крест, который осеняет и сторожит могилу, как бы воплотились скорби и труды земной жизни. Человек-христианин несет крест, данный ему Богом, на своих плечах, шатаясь и часто падая под его тяжестью, а после смерти крест благодатью под его переход в вечность, становится тем ключом, который открывает врата рая; даже перекидывая креста похожа на две руки, поднятые для благословения могилы.

Кладбище — это особое место, где время соприкасается с вечностью. Там по-иному светит солнце, как будто с материнской нежностью согревая своим теплом могилы. Особенно красиво кладбище ночью при свете луны. Деревья похожи на черные силуэты, а могилы — на подземное жилище мертвых, которые на самом деле не мертвы: они говорят друг с другом, только мы не слышим их голосов. Отрады вокруг могил похожи на ожерелья, а плиты — на камни из агата. Церковь, заиграв лунным светом, — как скала из белого камня. Странное чувство: кажется, что церковь освещена изнутри, что там по ночам идет служба, что там молятся священники, которые служили в Преображенском храме и теперь погребены на кладбище.

Это какая-то невидимая глазами Литургия; кажется, что из церкви доносится безмолвное пение, от которого трепещет сердце. Ночные часы на кладбище около храма — это таинственный просвет в вечность.

Я люблю старые могилы, мы дружим с ними; прохожда мимо некоторых из них, я чувствую, что здесь лежат мои друзья, которых мне хочется спросить о том мире, что открывается за гранью смерти. Некоторые могильные камни мне хочется поцеловать так, как целуют лицо старого друга. И здесь я опять вижу свой духовный проигрыш, — опять потеря: я понимаю теперь, что мало молился о мертвых, что мой союз с ними мог бы быть более тесным. И я прошу тех, кто прочтает эти строки: не проходите равнодушно мимо могил, скажите хотя бы два слова: «Помяни, Господи», «Упокой, Господи». Это будет милость покойнику, словно вы протянете чашу с холодной водой путнику в знойный день. Человек нуждается в любви, но мертвые нуждаются в ней больше, чем живые. Пусть живые будут милостивы к мертвым и нежны к ним в своем сердце.

И вот, сидя у какой-то безвестной могилы, я вспоминаю моих наставников, духовных братьев и сестер, ушедших раньше меня в вечность; могилы их далеко отсюда. Я смотрю на эту могилу, как на образ их могил. И почти всегда в моем сердце тонкая тоска — я не дал человеку того, что должен был дать, я неоплатный должник перед моими друзьями уже потому, что мало способен любить. И поэтому я прошу у безмолвных могил: научите меня любви. Когда в какие-то мгновения Господь дает испытать любовь, то понимаешь, что это есть

истинная жизнь, а остальное — серый сон. Только любовь делает жизнь глубокой, только любовь делает человека мудрым, только любовь дает силы с радостью нести страдания, только любовь готова страдать за других и быть благодарной за это, как за приобретение, только любовь вливается горячей волной в сердце. В другое время сердце холодно, как камень.

Я не умею любить. Но Господь дал мне возможность, как счастье, и в то же время в укор мне, встрече с теми, у кого в сердце была нелицемерная любовь, которую они стяжали, как воин добью на войне, в борьбе с собой. Этими людьми существовал и существует мир. Но большей частью они остаются неведомыми миру. И только после смерти, и то не всегда, открывается, кто они.

И вот я сижу на могиле и вспоминаю их имена; я начинаю беседу с ними, как с живыми. Я не жду ответа, вернее, я слишком оземлен и груб, чтобы слышать их ответ. Но для меня счастье, если в эти минуты Господь дает мне хоть несколько слез, выжатых из моего сухого сердца. Я думаю, что если даже мои слова не дойдут до них, то хотя бы одна слеза, упавшая на могилу, не пропадет бесследно: *ее услышат мертвые.*

СХИМОНАХ АВРААМ

Во дворе Мухетского монастыря святой Нины, называемого Самтавро, находится могила, перед которой часто останавливаются паломники, посещающие эту святую обитель. Напись на могиле гласит, что здесь погребено тело схимонаха Авраама (Чхетпани), который прожил на земле больше ста лет.

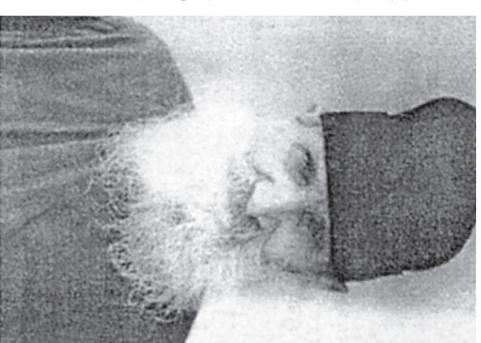
Каждая могила хранит свою тайну. Но есть могилы, подобные святым местам, где сама благодать Божия безмолвно свидетельствует о подвижнической жизни усопшего. Легко и радостно у такой могилы. Она как бы зовет к себе людей, как усталого путника — журавание ручейка.

Поколения за поколениями приходят на эту землю и уходят, как волны реки или листья дерева, которые распускаются весной, а осенью падают на землю, и порывы ветра уносят их в неведомую даль. Время, как тиран, властвует в этом мире, оно разрушает все, что создано человеком руками. Когда-то Мухета был столпным городом, обнесенным мощными крепостными стенами, где высились царские дворцы, утопающие в роскошных садах. Теперь от них не осталось даже руин: только святыни стоят, как острова, в потоке времени, как будто они отразили бую веков. Забывается мудрость правителей, военные подвиги героев, но народная память хранит имена тех, кто

посвятил свою жизнь Богу, чье сердце горело христианской любовью к людям. Даже по смерти их могилы светятся, как лампады, духовным сиянием и свидетельствуют, что они невидимо пребывают с нами. Одним из таких подвижников был схимонах Авраам, о котором жителя Мухета, знаяшие его или слышавшие о нем от своих родителей, вспоминают с неизменной любовью и уважением.

Автору этих строк выпало на долю счастье не сколько раз в жизни видеть этого подвижника, тогда уже глубокого старца, и беседовать с ним. Такие люди представляют собой как бы живые иллюстрации к древним патерикам, потому что они хранят в душе своей отблеск того Фаворского света, который так дивно сиял в пустынях Фиваиды и Гареджи. Первое, что поражало в схимонахе Аврааме, это его доброта и незлобие, — казалось, он забыл, что в мире существуют грех и обман. На каждого человека он смотрел глазами ребенка, не подозревая ни в ком лжи и зла.

Несмотря на старческие годы, ходил он удивительно легко и быстро. Он прислуживал священникам как пономарь, звонил в колокол и убрал алтарь. Часто, разжегши кадило во дворе, он почти бежал с ним через весь храм в алтарь, чтобы своим промедлением не огорчить служащего

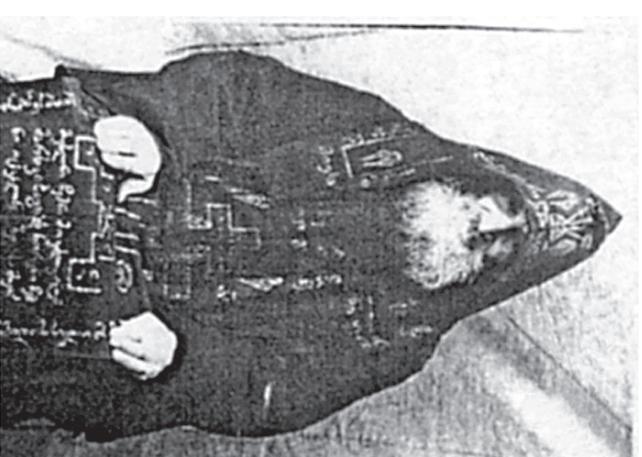

Схимонах Авраам (Чхетпани)

священника. Во время Литургии он стоял и плакал, часто ударяя себя в грудь, как будто каялся не только в своих грехах, но и за тех, кто просил его молить. Единственным, в чем он оказывал непо- слушание, была его привычка ходить в одном и том же старом подряснике, покрытом латками. Священ- ники очень любили его и потому покупали для него новую одежду, но она куда-то исчезала, и он снова появлялся в стареньком, похожем на халат подряс- нике и выцветшей от времени скуфейке. Я был сви- детелем, как один священнослужитель делал ему выговор за то, что он подарил кому-то только что спитую скуфейку и опять ходит в старой. А отец Авраам стоял молча, внимательно слушая его, даже слегка кивая головой, как бы соглашаясь, с таким видом, будто его уличили в преступлении. Но было видно, что и следующую скуфейку ожидает та же участь: очутиться на голове какого-нибудь бедного монаха или монахини.

Нестыжательность отца Авраама была порази- тельной. В его кельи не было ничего, кроме тах- ты, покрытой войлоком, стола и табуретки. На сто- ле лежали две или три книги — и больше ничего. Впрочем, слегаю маленькую оговорку. Однажды на этом столе я увидел пачку от папирос «Казбек», и вкралась в сердце мое мысль, что старец курит. Я подумал с некоторой тяжестью в душе: «Ну и что же, и у подвижников могут быть свои слабос- ти», но вдруг отец Авраам открыл коробку, и я уви- дел в ней не папиросы, а иголку с нитками, кото- рыми он латал дыры на своем подряснике.

Об отце Аврааме рассказывал мне игумен Пи- мен (Рассахань), который в миру был столяром и часто исполнял работы для собора Светицховели.

Схимонах Авраам (Чхетиани)

Он говорил, что отец Авраам тайно помогал неко- торым бедным семьям во Мцхета. Когда кто-нибудь давал ему милостыню или когда он получал скром- ную плату пономаря, то в тот же день отдавал ее, так что никогда не хранил даже мелкой монеты. Когда его звали на трапезу или давали приноше- ние с панихиды, то он уносил пищу к себе в ке- лию, оставлял для себя очень немного, преимуще- ственно хлеб, а остальное вечером относил в ка- кую-нибудь бедную семью. Он старался, чтобы никто об этом не узнал, выходил из ворот краду- чись и быстро возвращался назад.

У него была особая любовь к молитве. По но- чам он часами молился на паперти, затем двенад- цать раз обходил с молитвой собор Светицховели,

какая бы ни была погода. Однажды зимой, после снегопада, когда снег лежал на улице сугробами, отец Авраам, исполнив свое правило, ночью обходил собор. Он был уже нездоров, с ним случился обморок, и он пролежал до утра в снегу. Утром его подняли и полумертвого принесли в келью. Архимандрит Парфений (Анциаури) постриг его в великую схиму, дав ему имя в честь преподобного Авраамия Затворника. Его можно назвать «мучеником ради молитвы».

После смерти схимонаха Авраама монахини Самтаврского монастыря, которые почитали старца как своего отца, спросили у Патриарха благословение похоронить его во дворе обители святой Нины, на небольшом монашеском кладбище.

Это место богато святынями, памятью о том, что дорого верующему сердцу. Здесь была святая Нина, здесь — гробница равноапостольных царей Мириана и Наны, здесь — мощи священномученика Авива. В монастыре находится чудотворная Иверская икона Божией Матери, и к этому духовному сокровищу прибавилась еще одна жемчужина — могила схимонаха Авраама.

АРХИМАНДРИТ ПАРФЕНИЙ

В 70-х годах я преподавал церковнославянский язык в Мцхетской Духовной семинарии и временно исполнял обязанности инспектора. Ректором семинарии в то время был епископ Тадеоз (Иорамашвили)*. Он имел обычай по вечерам вместе с семинаристами посещать небольшое монастырское кладбище в Самтавро, где находилась тогда семинария. Владыка Тадеоз благословлял зажигать свечи на всех могилах, этих маленьких острюжках среди потока времени. Это была незабываемая картина. Свечи казались звездочками, спустившимися на землю, а звезды на небе — горящими свечами. Владыка Тадеоз садился около какой-нибудь могилы и молчал. Никому не хотелось прерывать этого молчания. Собор Преображения в ночном полумраке казался огромным камнем, принесенным с Фавора во Мцхета. Казалось, что в этом соборе безмолвно молятся те, кто жил в монастыре с самого его основания, чьи тела почитают в земле Самтаврского монастыря, а имена известны только Богу.

Из окон келий, в которых жило несколько престарелых монахинь, струился свет — большую часть ночи они посвящали молитве. Они казались мне последними воинами, еще оставшимися на поле битвы, с которого смерть уносит их души одну за

* Ныне архиепископ Тианетский и Пшав-Хевсуретский.

другой в вечность, подобно тому как осенний ветер срывает с деревьев их золотистый наряд и на ветвях остается лишь несколько чудом уцелевших листьев.

Я помню эти минуты молчания или, скорее, безмолвного разговора с ушедшими из этого мира. Каждая могила хранит свою тайну; в каждой могиле заключена летопись чьей-то жизни.

Владыка сидел, пока не доторали свечи, подобные скоротечной жизни людей, и могилы снова погружались во мрак, как бы в сон до Страшного суда. Как будто темная вуаль ночи спускалась на кладбище, а свет звезд становился еще ярче. Особенно красив был монастырь в лунную ночь, когда потоки фосфорического света, как небесный дождь, струились по земле и белые стены храма казались голубыми, а тени, падающие на землю, словно выкованными из серебра. Облака, окружающие луну, на какие-то мгновения казались огромными фиалками, которые расцвели ночью, а когда ветер гнал облака, то луна была похожа на корабль, который захлестывают волны: он то погружался в пучину, то выплывал опять, то рассекал тучи, как воду, оставляя после себя клубящуюся пену. Можно было долго смотреть, не отрывая глаз, на этот бой луны с облаками. Но сидя недалеко от владыки Тадеоа, я больше всего смотрел на свечу, торевшую на одной одинокой могиле, в которой был погребен архимандрит Парфений (Анциаури) — монах, с ранней юности посвятивший себя Богу и доблестно переживший время кровавых гонений на Церковь.

Отца Парфения я первый раз увидел еще до своего монашеского пострига, в Сионском соборе.

Архимандрит Парфений (Анциаури)

После вечерней службы в собор вошел незнакомый мне монах, который сразу же приковал мое внимание, как будто я увидел что-то необычайное. Какой-то особенной, тихой и легкой походкой, как бы лишь слегка касаясь пола, он прошел через храм и опустился на колени перед Крестом равноапостольной Нины. Что-то неземное было в этом человеке: казалось, он, находясь в этом мире, не замечает его. Лицо его было удивительно светлым, как горящая лампада, от которой струятся волны мягкого света. Но что меня больше всего поразило в нем, так это какая-то особенная внутренняя тишина, которую, как я узнал потом, он стяжал многолетним подвигом отшельничества и безмолвия. Он выглядел так, словно сошел в наш мир со страниц древнего патерика. Я хотел подойти к нему под благословение, но боялся помешать его молитве. Когда он встал с колен и направился к выходу, казалось, что тень скользит по храму. Впоследствии я узнал, что его вызывал к себе Патриарх Мелхиседек — по причине, которая послужила испытанием для его монашеского смирения.

За городом Мцхета жил старый иннок по имени Платон, который называл себя «тихоновцем» и, хотя посещал храмы, не причащался и, как всякий раскольник, поносил духовенство, особенно Патриарха Мелхиседека. И вот он заболел и после долгих колебаний решил все же причаститься. Он послал людей из числа своих многочисленных поклонников к мцхетскому священнику с просьбой принять его в общение с Церковью и причастить. Тот, разумеется, обрадовался, но тем не менее сначала запросил Патриархию, откуда получил утвердительный ответ. Жилище Платона находилось

в горах, и престарелый настоятель послал поповодовать и причастить больного отца Парфения, который числился в Светицховели вторым священником. Однако, выйдя к монаху Платону раскаялся не в прежней вражде против Церкви, а в своем причащении и стал поносить Патриарха с еще большим озлоблением. (Характерно, что у раскольников такая хула принимает формы одержимости.) Патриарх, узнав, что отец Парфений причастил Платона без его ведома, отлучил самого отца Парфения от богослужения и причащения на сорок дней. Тогда отец Парфений привез Патриарху письмо от его секретаря, где было написано, чтобы Платона причастили. Патриарх, прочитав бумагу, сказал: «Отец Парфений, я вижу, что ты не виноват, но слово Патриарха не изменяется, поэтому носи епитимию, которую я тебе дал». После этого ответа отец Парфений пришел в Сионский собор, где поблагодарил Господа за ниспосланную ему скорбь. Тогда-то я впервые и увидел его.

Я пишу об этом так подробно, потому что я увидел его необычайно спокойным, как бы погруженным в бездну смирения. Ни волнения, ни раздражения, ни беспокойства, а только глубокий и ничем не нарушаемый мир, как светлая печать, лежал на его лице. Казалось, что этому человеку все равно: будут бросать в него камнями или цветами — от этого не дрогнет ни одна черта на его лице, не изменится выражение его глаз, которые спокойно смотрят на мир и в то же время как будто не видят его.

После своего монашеского пострига и рукоположения я часто приходил к отцу Парфению на исповедь. Исповедоваться у него было очень

*Архимандрит Парфений (Амицури)
и схимонах Аерам (Чхетиани)*

легко, я думаю, потому, что в это время он читал про себя Иисусову молитву, что было его постоянным внутренним делом. Ни одного укориженного слова, ни одного нетерпеливого или грубого движения, на которые так болезненно реагирует исповедующийся, как бы заранее ожидая презрения к себе, отец Парфений никогда себе не позволял. Обычно, сидя на стуле, он терпеливо выслушивал исповедь и только соблазновал, как соблазнуют больному или попавшему в несчастье.

Исповедь у отца Парфения всегда ассоциировалась у меня с картиной: изо рта кающегося грешника выползает змея, одна за другой. Этих змей своей молитвой, точно заклиная, вызывал из глубин человеческой души через слова покаяния отец Парфений. Другие люди также отмечали, что во время исповеди у отца Парфения снимались какие-то внутренние преграды и заслоны, перед

ним хотелось каяться во всем, а после покаяния приходила какая-то особая радость, как у выздоравливающего от опасного недуга, который после тяжелого забытья и бреда открыл глаза и увидел свет солнца. В то же время своей добротой отец Парфений вовсе не потакал грехам, он почти всегда давал епитимии, но с такой заботой и участием, с какой врач дает больному целительное лекарство. Он говорил, что от исполнения епитимий благодать скорее возвращается к человеку.

За время моего общения с отцом Парфением я никогда не видел его раздраженным, рассерженным или впавшим в уныние. Есть выражение «выйти из себя», а отец Парфений, казалось, всегда пребывал умом в своем сердце и никогда не выходил из него, как из своей кельи.

К сожалению, я мало знал о внешних обстоятельствах жизни отца Парфения. Шестнадцатилет он пришел в Шиио-Мтвимский монастырь, где настоятелем тогда был архимандрит Ефрем (Сидомонидзе), будущий Патриарх Грузии. Были тяжелые революционные годы. На Церковь обрушились кровавые гонения, перед которыми меркнет черная слава Нерона и Диоклетиана.

Из Шиио-Мтвимского монастыря вывезли всех монахов и заперли их в Метехском храме, превращенном в тюрьму. Часть из них расстреляли, других сослали, остальных же — и в их числе был отец Парфений — после допросов и издевательств выпустили на свободу. Так началась для него одиссея странствий из одного заброшенного монастыря в другой, где ему приходилось скрываться, как зверю от охотников, и там его ловили, избивали, изгоняли или бросали в тюрьму.

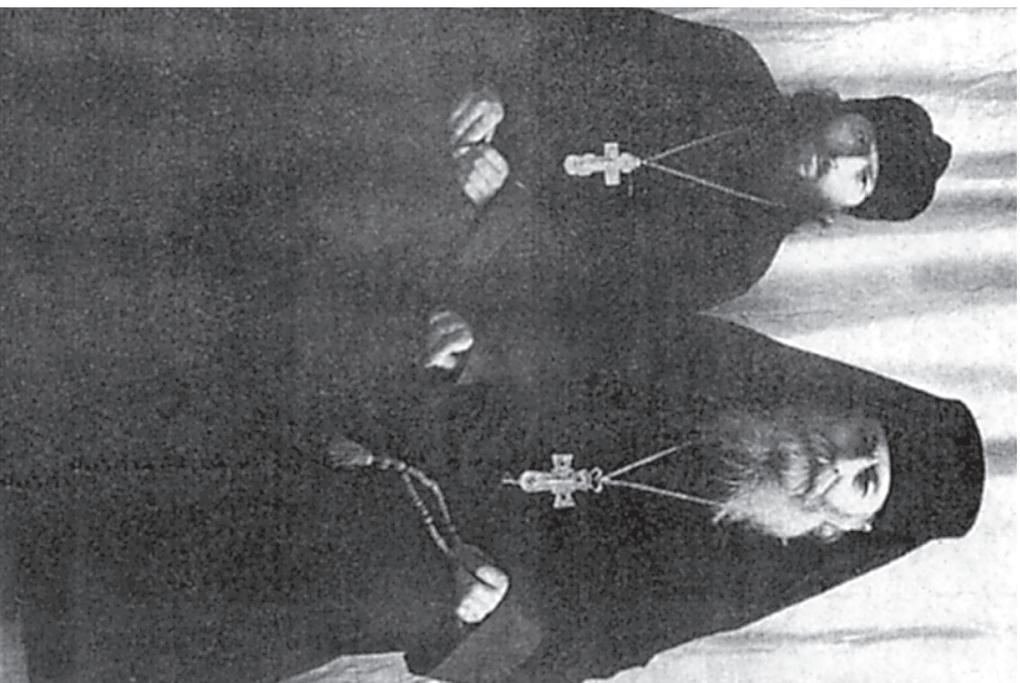
Однажды ко мне подошел житель Мцхета и сказал: «Я гуриец, а гурийцы общительны, как испанцы; они вступают в разговор даже не познанившись, поэтому я хочу рассказать вам один случай из моей жизни. Недавно умер мой брат, которого я очень любил; он умер в приюте для сумасшедших. Мой брат был полковником императорской гвардии и был предан императору всей душой, как иногда можем быть преданы мы, гурийцы, в душе всегда романтики. Хотя Гурию считали революционной, она дала людей, которые шли на смерть, защищая трон. Когда мой брат узнал о свержении и убийстве царя, то это так поразило его, что он сошел с ума, но, может быть, это безумие спасло ему жизнь — как большого его не трогали. Он ходил по улицам нашего села в Гурии и повторял: “Император, восстань, император, выйди из могилы!”. Он был действительно сильный духом и в безумии сохранил свое благородство. А я испорчен и отравлен, я хочу верить в Бога и не могу.

Мне запомнился один случай, — продолжал он. — Однажды я со своими друзьями охотился в горах Дзетви. Там стоит монастырь во имя Святой Троицы, уже давно покинутый и разоренный. Мы не ожидали встретить там ни одной человеческой души и вдруг, глубокой ночью, увидели свет, который горел в домике около храма. Мы были уставшие и решили переночевать там. Дверь была открыта, мы вошли внутрь и увидели монаха, который стоял на молитве. Услышав наши шаги, он повернулся к нам. У него не было ничего, кроме сухарей и нескольких картофелин, но, узнав, что мы голодны, он сварил нам весь карто-

фель, который у него был, и предložил эту трапезу. Потом он указал на войлок, лежащий на полу, где можно было бы прилечь, а сам продолжал молиться. Мы были одеты в бурки, так что холод не был страшен для нас. Мы были рады крыше над головой и наутро, поблагодарив его, ушли. Я недоумевал: “Какая сила заставила этого человека переносить голод, голод и ожидание, что его схватят, как преступника, бросят в тюрьму и расстреляют без суда?”. И в то же время я думал: “Значит, он видит то, чего не вижу я, слепой. И если бы я мог, то как бы охотно поменялся с ним местом в жизни!”.

Прошли годы. У меня подрастали дети, но я чувствовал себя чужим в своей собственной семье. Иногда я брал хлеб и бурку, говорил, что иду на охоту, а на самом деле просто уходил в горы, чтобы побыть одному. Как-то зимой, в снежную погоду, я поднялся на Зедзени и здесь снова встретился с тем же монахом Парфением. Он был нездоров, и у него не было продовольствия. Я сказал ему: “Помнишь, как ты накормил нас в Дзетви, теперь прими добро за добро”. Я оставил хлеб, который взял с собой, затем спустился во Мцхета и принес ему пилу, но, чувствуя, что я нарушаю его безмолвие, ушел в другое место. Теперь архимандрит Парфений служит во Мцхетском соборе, я иногда бываю у него. И он, вспоминая время тонений, говорит, что это было лучшее время в его жизни, он никогда не был так счастлив, как тогда».

Я рассказал о нашей беседе отцу Парфению, и он, помолчав, ответил: «Да, я это помню. Я думал, что пришли меня арестовывать, а это были охотники». Тогда кругом были сыщики и тайные агенты,

*Справа налево: архимандрит Парфений (Анципури) и
иеромонах Рафаил (Карелин)*

тогда брат боялся родного брата. «Вскоре после этого, — продолжал отец Парфений, — я ночевал в одной знакомой семье в Дзегви. Там стали говорить о тяжелых временах, которые пережива-

ет народ. Я только сказал: “Откуда течет вода, туда она собирается снова”. И когда меня арестовали, то эти слова предьявили мне, как обвинение, что я агитирую за возвращение прежнего строя. Несколько лет поддерживали в тюрьме среди уголовников и воров, а затем все-таки выпустили».

Отец Парфений был очень немногословен, почти никогда не рассказывал о себе. А своих духовных чад учил покорности воле Божией и Иисусовой молитве. Мне он всегда казался кротким голубем, который всю жизнь летал по пустынным горам, и здесь, в миру, не запачкал сажей и грязью человеческих грехов свои крылья.

Когда после Второй мировой войны стали открываться храмы, вызвал к себе из Иоанно-Здвизенского монастыря отца Парфения Патриарх Калистрат (Цинцадзе) и сказал, что назначает его священником в Светицховели. Отец Парфений долго отказывался. Патриарх Калистрат, будучи добрейшим человеком, просил его, как просит отец сына, и наконец сказал: «Во имя монашеского послушания, в котором ты клялся в день своего пострига, я повелеваю тебе идти в Светицховели и жить там, исполняя монашеские правила и совершая Литургию». И после этих слов отец Парфений повиновался.

Надо сказать, что он имел характер не только незлобивый, но простой и бесхитростный. Некоторые люди злоупотребили этим, и ему иногда трудно было сразу понять, что его обманывают.

Когда я последний раз встретился с отцом Парфением в Мцхета, то почувствовал, что скоро мне предстоит разлука с ним. Он казался живой

легендой о монахах, ушедших от нас, о тех, кто сохранил веру в пустынях, затворах и тюрмах.

Вспоминаю, что святой схиигумен Кукша* говорил паломникам из Грузии: «Зачем вы ездите ко мне, когда у вас есть архимандрит Парфений?».

Странное создание человек! Он не ценит то, что имеет! А когда теряет, то у него точно раскрываются глаза, и ему кажется, что он бы дорожил людьми, которых знал прежде и которых уже нет, как сокровищем, если бы прошлое можно было возвратить.

Отец Парфений был ручейком, который поил нас, изнемогающих от гордости и страстей, животворящей волдой смирения. Он учил нас не только словом, но и жизнью, не только жизнью, но и тайной молитвой. Вся жизнь монаха — это духовная битва. Монах, сохранивший обеты, спит в своей могиле, как витязь, не побежденный на поле боя.

Свеча, зажженная на надгробном камне в Самтавро, наполиняла мое сердце не только воспоминаниями о прошлом, но и благодарностью за то, что я встретил в своей земной жизни этого удивительно подвижника.

Архимандритство твое да помянет Господь Божь во Царствии Своём!

* Память преподобного Кукши Одесского (+1964) совершается 16/29 сентября.

ГЛИНСКОЕ БРАТСТВО НА ИВЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Возрожденная во время Второй мировой войны Глинская Рождество-Богородицкая пустынь стала преемницей и продолжательницей традиций знаменитого Оптинского монастыря. Здесь дивными цветами процветало то духовное предание монашества, которое золотой нитью тянулось от Фиваиды к Афону, от Афона через преподобного Паисия Величковского к Валахии, отсюда — в Россию, в скиты Брянских лесов и в Оптину. Это предание называется старчеством. В обителях, храмовных духовную традицию старчества, главным делом считались не внешние подвиги, а отречение своей воли и совершенное послушание старцу. Дерзаям сказать, что старец являлся для монахов тенью Бога на земле; монах должен был принести в жертву то, чем согрешил Адам: волю, которая у нашего праотца склонилась к греху, рассудук, который некогда был обманут змеем, душевные чувства, которые в фантастических образах представляли первому человеку, что он может быть независимым от Бога, даже больше — равным Ему. Монах отдает старцу свою волю, и этим исцеляется язва своеволия, которая непрестанно источает гной, отравляющий духовные силы человека; он отказывается верить своему уму, он говорит своим помыслам: «Вы лжете», и так ум его становится

свободным от внутренних противоречий, от мысленной борьбы, от фантазматории образов и может без труда сочетаться со словами молитвы. Ум отдавшеего себя в послушание становится световидным.

Наша праматерь залюбовалась чудным деревом, она была пленена желанием узанать вкус его плода, очарована своей собственной фантазией и словами демона. Теперь монах приносит в жертву свои чувства и влечения, он не верит им, он говорит себе: «Вы хотите обольстить меня ложным призраком правды. Если я вижу белый цвет, то я не поверю своим глазам, пока старец не скажет, что это белый; если я увижу черный цвет, то не поверю, пока старец не подтвердит это. Есть только два полюса моей жизни: один — это истинное добро, всецелое послушание старцу; второй — это ложь и грех, вера самому себе. Слова старца — свет, в котором отразился вечный небесный свет. Мои помыслы — тьма, в которой отразилась тьма ада».

Эгоизм и самость — это ложная жизнь, которая рождает фантазии. В послушании фантазии исчезают, как тени в лучах солнца. Ум приближается к своей первоначальной простоте. В послушании монах получает особую прозрачность ума, которая позволяет ему видеть то, что скрыто от мудрецов сего мира, напoдлиннвших ум своей образами земных предметов. В послушании воля получает новую силу: рука старца, как ангельское крыло, поддерживает монаха. В послушании отступают страсти, как звери перед хлыстом укротителя, и душа чувствует новое состояние — тепло Божественной любви.

Послушание требует постоянного самоотвержения. Непокорностью наставнику, не только внешней, но и внутренней, как движением сердца, от-

галкивающим слова наставника, разрушается связь между ним и учеником. Внутреннее сопротивление деляет монаха немощным, демон обманывает его. Оно связывает руки старца, который не может уже помочь монаху и перед непослушанием чувствует свое человеческое бессилие. Поэтому послушание — это не пассивное состояние души, а непременно продолжающаяся жертва.

Старчество — это духовное отцовство. Отношения между старцем и его послушником — самые близкие из тех, какие могут быть на земле. Дух старца как бы живет в душе послушника и управляет ею. Только в Православии старчество сохранилось таким, каким было у древних монахов. В других конфессиях оно исчезло, но и не во всех православных монастырях оно сохранилось.

Каковы условия послушания для монаха? Первое — неверие себе; второе — готовность исполнить то, что говорит старец, без оценок и рассуждения, без критики его слов; и третье — постоянное открытие старцу своих помыслов.

Что нужно со стороны старца? Духовный опыт, постоянная молитва и благословение на старческое служение от его отцов. При малейшем уклонении от Православия старчество разрушается и упрядняется. Без благодати старчество невозможно, оно превращается во внешнюю дисциплину, а иногда и в самодурство. Старец — звено в живом монашеском предании; он принял его дух, хранит его и передает ученикам. Есть картинка: ласточка прилетает в гнездо с пищей; ее птенчики широко раскрывают клювы, ожидая, что мать накормит их, а она знает, сколько кому дать. Так послушник должен воспринимать слова старца: как голодный

птенчик, ожидающий пищу. Если он сам захочет добыть пропитание, то выпадет из гнезда и разобьется о землю, а если поест больше, чем надо, то может умереть.

Что испытывает послушник? Прежде всего, огряду и легкость: его сердце поет от радости, ему легко исполнять послушание, как будто он не идет по земле, а летит на крыльях. Если даже послушник упадет в наказание за свое непослушание, но покается, то старец поднимет его и вновь поставит на ноги. Если даже он будет истекать кровью, то старец даст ему свою кровь, и он останется жив. Тот, кто живет рядом со старцем, отсекая свою волю, получает от Бога сугубый дар.

Глинские старцы были хранителями этого живого предания, которое так ярко просияло в лице преподобных Льва, Макария, Амвросия и других старцев Оптиной пустыни.

Старцы вспоминали, как во время хрущевских гонений митрополит Крутицкий Николай* говорил им: «Пока я жив, Глинскую пустынь не закроют». Но он неожиданно умер: не то его убили, не то его сердце разорвалось от горя, — и после его смерти монахов выселили из обители: огонь гонений, полыхавший по всей стране, достиг Глинского монастыря и оставил от него одни стены. Монахи, как сироты

* Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич; †1961), будучи председателем ОВЦС, с самого начала хрущевских гонений предпринимал энергичные усилия по предотвращению массового закрытия храмов и монастырей. Но безуспешно. В 1960 году по указанию Совета по делам Русской Православной Церкви он был уволен на покой и лишен возможности совершать богослужение. 13 декабря 1961 года митрополит Николай скончался в московской Боткинской больнице при невыясненных обстоятельствах.

ты, лишившиеся отеческого дома, разошлись по разным городам и весям. Старцы рассказали, что обитель будет открыта снова, и, живя в разных концах огромной страны, прилагали все силы к тому, чтобы сгужба по глинскому уставу, завещанная его богомудрым основателем игуменом Филаретом*, не прекратилась. Они надеялись, что настанет время, когда вновь откроется их монастырь и в родную обитель вернется ее чудотворная икона — образ Рождества Пресвятой Богородицы.

Глинским монахам они завещали и в миру держаться друг друга, а когда откроется монастырь, снова собраться вместе под его сводами, и даже если кто-нибудь будет тяжело болен, то привезти его и ухаживать за ним, как положено членам одного семейства. Старцы рассказывали о своих настояниках-подвижниках, похороненных на монастырском кладбище, и в их словах звучала скрытая грусть, что они сами не умерли еще до закрытия обители и не легли рядом со своими отцами, а оказались странниками в этом чуждом для них мире.

Многие изгнанники из великой обители обрели пристанище на священной Иверской земле. Среди них — последние глинские старцы и их послушники, встречи с которыми даровал мне Господь на моем жизненном пути.

* Игумен Филарет (Данилевский; †1841) — почитаемый глинскими монахами всех поколений строитель и возобновитель Глинской пустыни после десятилетия ее упадка. Был настоятелем монастыря в течение почти четверти века — с 1817 по 1841 год. Игумен Филарет составил и ввел в обители строгий общежительный устав по образцу Афонского. Благодаря отцу Филарету Глинская пустынь стала одним из немногих российских монастырей, где уставом было утверждено старческое окормление.

Митрополит Зиновий

Еще в 20-е годы, после первого разгрома Глинской пустыни, по Промыслу Божию, в Грузию приехал один из глинских монахов — Зиновий (Мажуга). Он получил рукоположение в иеромонахи в Драндском монастыре, который тогда не был закрыт, затем жил в пустыне за Сухуми, около греческого села Георгиевка, и стяжал большую любовь и уважение местных жителей. Я несколько отступлю в сторону, чтобы рассказать об одном эпизоде.

В 70-х годах этот глинский монах, в то время уже митрополит, Зиновий приехал из Тбилиси на несколько дней в Сухуми. О его приезде стало известно жителям Георгиевки. Некоторые из стариков знали его лично, а другие слышали о нем по рассказам. Они пришли к владыке Зиновию и просили его посетить Георгиевку. Владыка Зиновий согласился. По случаю его приезда в селе устроили праздник. На улицу вынесли столы и скамьи для трапезы. Преки приволили к нему своих детей, чтобы он благословлял их. Владыка Зиновий побывал на том месте, где раньше была его пустынька. Он вспомнил, что некоторое время жил в лесу в шалаше, а один раз ему даже пришлось ночевать в дупле опромного дерева. Был такой случай. Однажды председатель сельсовета Георгиевки вызвал монаха Зиновия и сказал: «На мое имя из центра поступило распоряжение арестовать тебя». Тот ответил: «Я не прописан в селе, поэтому вы не отвечаете за мое местонахождение». Председатель сказал: «Я знаю об этом. И вызвал тебя, чтобы предупредить. Наверно, за тобой придут сегодня ночью. А теперь поступиай как знаешь. Но помни, что я тебе ничего не говорил». Надо было скрываться. Зиновий рассказал, что его ищут, одной греческой

Митрополит Зиновий (Мажуга)

семье, особенно близкой к нему. Отец этого семейства решился провондить его в уединенное место в глухом лесу, где он должен будет скрываться несколько недель, до тех пор пока не минует опасность. Обычно аресты производились кампаниями: набирали по плану определенное число людей, а затем наступала пауза до следующей кампании, вернее, охоты за людьми, как за зверями. Монах Зиновий быстро собрался. Этот человек помог ему нести несколько верст теплую одежду, войлок и другие нужные вещи. Он оставил Зиновия одного и вернулся в деревню, пообещав навестить его на следующий день. Ночевать в лесу в горах даже в летнее время холодно. Зиновий долго искал место, где можно было бы устроить ночлег. Наступали

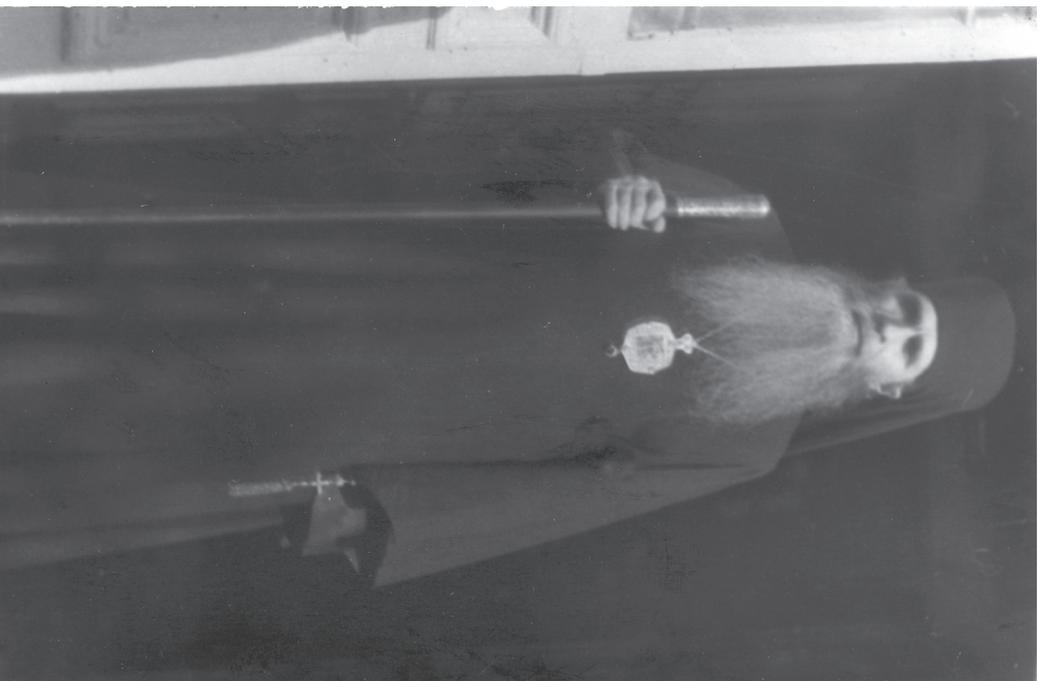
сумерки: он утомился, сел у большого дуба и решил отдохнуть, но от пережитого волнения и того долгого пути погрузился в глубокий сон, похожий на беспамятство. Вдруг он слышит, что его окликают по имени. Просыпается и видит: уже день, около него стоит сын грека, проволывшего его в лес, бледный от страха. «Тебя Бог спас,— сказал юноша,— ты заснул около берлоги медведя, посмотри, вот свежие следы. Зверь несколько раз обошел дерево, у которого ты спишь, как он не набросился на тебя, что его испугало — не знаю. Должно быть, святой Георгий помог тебе». (В этом селге был храм святого Георгия, и само селго называлось Георгиевкой в честь святого великомученика.) «Через несколько часов,— рассказывал владыка Зиновий,— пришел мой хозяин-трек со своими родственниками. Они сделали мне шалаш из веток и нескольких досок, где я мог спать и прятаться от непогоды. Тайком, по очереди они приносили мне пищу. У меня не было ничего, кроме чехок, и я целый день ходил по лесу и читал Иисусову молитву. Наконец мне сказали, что я могу вернуться. Эти люди рисковали не только своим положением, но и жизнью: им прозиди тюрьма и ссылка, если бы власти узнали, что они прячут монаха, скрывающегося от ареста».

Вообще, владыка Зиновий был человек во всех отношениях замечательный. Семнадцатилетним юношей он поступил в Глинскую пустынь, где исполнял различные послушания, в том числе — в портяжной мастерской. Это ремесло ему впоследствии пригодилось. Он даром шил одежду для бедных жителей Георгиевки, и они запомнили это. У одного грека хранился плащ, который шпил для его отца монах Зиновий. Но люди любили его прежде всего за безукоризненную монашескую жизнь. Он был

делателем непрестанной Иисусовой молитвы, и какой-то особенный внутренний свет озарял его лицо.

Владыка неоднократно подвергался арестам и ссылкам, но даже там, как бы в преддверии ада, он своим смирением и терпением завоевывал уважение как у преступников, так и у надзирателей тюрем, следователей и судей, которые большей частью были в то время попросту садистами, наслаждавшимися болью своих жертв и своей звериной властью. Владыка Зиновий говорил, что в ссылке получил разрешение уединяться в лес для молитвы, что было неслыханным доверием к заключенному, поскольку уход в лес считался бегством и человека, который решился бы на такое самовольно, охрана могла убить на месте. В воскресные и праздничные дни он пользовался этим разрешением: уходил на берег большого пустынного озера и молился. Владыка говорил, что однажды в праздник Божией Матери получил там некое знамение о своем освобождении, но не рассказывал, что это было за знамение.

Владыка имел особенное молитвенное усердие к Божией Матери. На вопрос одного иеромонаха о том, что надо делать, чтобы остаться верным Христу и перенести все испытания, если вновь начнутся кровавые гонения на Церковь, митрополит ответил: «Молись Божией Матери и как можно чаще читай “Богородице Дево, радуйся”. Кто читает эту молитву, того хранит Пресвятая Богородица. Я был в ссылке с одним епископом. От него требовали, чтобы он подписал бумагу о том, что он участвовал в заговоре против властей; там было указано еще несколько лиц. Его пытали во время допросов, но он выдержал пытки и не предал своих собратьев. Этот епископ рассказывал мне, что он непрестанно читал молитву “Богородице Дево,

раду́йся», а по ночам — канон Оди́птрии, кото-
рый знал наизусть. Он говорил, что чувствовал
боль, но как бы приглушенно, а затем терял созна-
ние. Наконец, не добившись ничего, его оставили
в покое».

*Слева направо: архимандрит Модест (Гамов), митрополит
Зиновий (Мажуга), схимандрит Серфим (Романцов),
схимандрит Андриан (Лукаш)*

В 1950 году Патриарх Калистрат назначил отца
Зиновия настоятелем Александро-Невской церк-
ви в Тбилиси и возвел его в сан архимандрита.
Тогда для жилья ему было отведено помещение
около храма, состоявшее из двух маленьких ком-
наток. Впоследствии, когда он стал епископом, эти
две комнатки так и остались его архиерейскими
апартаментами.

Владыка Зиновий был аскетом в миру. Молит-
венное правило он большей частью совершал но-
чью, а день его с утра до вечера принадлежал хра-
му и людям. Главным молитвенным делом влады-
дыки была, как уже говорилось выше, внутренняя
Иисусова молитва, не прерывавшаяся у него даже
во время бесед. Редко можно встретить человека,
жизнь которого была бы так неразрывно связана
с храмом, как жизнь митрополита Зиновия. Он
собрал вокруг церкви монашествующих, которые
исполняли различные должности, в основном кли-
росное послушание. После вторичного закрытия

Глинской пустыни многие ее монахи нашли себе приют у владыки Зиновия. Он как бы заменил собой игумена для глинской братии. Одни дер-жалась около владыки в Тбилиси, при Александ-ро-Невской церкви, другие ушли в горные ски-ты, третьи подвизались на приходах,— и всем он помогал духовно и материально, заботился о них, как отец о детях. Где бы ни находились монахи Глинского монастыря, они знали, что у епископа Зиновия всегда найдут помощь и поддержку. Не-которые из них так и остались в Грузии на всю жизнь. Свой домик владыка предоставил схиири-мандриту Андронику (Лукашу)⁹, а сам жил в двух уже упоминавшихся маленких комнатах около храма, похожих на монашескую келью.

Нередко владыка оказывал людям милость тайно, о чем узнавали уже потом и случайно. Не-которые монахи рассказывали мне, что когда они стояли в храме, то владыка Зиновий, проходя мимо них и благословляя, незаметно давал им деньги. Он ежедневно присутствовал на всех службах, совершавшихся в храме, и на Литургии принимал множество частиц за живых и усопших, за тех, кого он знал и о ком его просили молить-ся. В алтаре вместо епископского кресла у него стояла стасидия (специальное деревянное седа-лище для монахов, которое ставилось у стены). В своей личной жизни владыка отличался про-стотой и незыскательностью, но церковные службы проводил с особым торжеством и благо-лепием.

Многие опытные священники и духовники специально приезжали в Тбилиси, чтобы уви-деть с митрополитом Зиновием. Несколькo раз

посещал владыку и отец Савва*, когда ездил в Сигнахи к мошам святой Нины и к другим свя-тыням. Он указывал на него как на пример архи-ерея-аскета, который, пребывая с утра до вечера в храме и с людьми, среди многочисленных обя-занностей, не оставляет Иисусовой молитвы. Он говорил, что митрополит Зиновий — пример того, что можно в миру хранить Иисусову молитву, что оправдания тому, кто не занимается Иисусовой молитвой, ссылаясь на занятость,— нет. Однаж-ды я задал ему казуальный вопрос: «А если вла-дыка Зиновий скажет о чем-либо иначе, чем Вы, что мне делать?». Тот быстро ответил: «Послу-шай владыку Зиновия».

После кончины митрополита Зиновия Като-ликос-Патриарх всея Грузии Илия II (Шилолаш-вили) благословил похоронить его в храме. «Хо-рошо, что владыка не только духом, но и телом будет пребывать с нами», — сказал при этом Пат-риарх.

На гробнице владыки Зиновия всегда лежат цветы как знак благодарной памяти паствы о сво-ем наставнике и отце.

Из святых покойный митрополит особенно любил святителя Николая и советовал во всех скорбях и нуждах обращаться к нему, а если есть возможность, то как можно чаще читать акафист этому великому чудотворцу. Также любил он мо-литься мученику Иоанну Воину и преподобному Серафиму Саровскому. В последние годы своей жизни он принял тайный схимнический пострит с именем Серафим. О нем, как и о преподобном

* Схиигумен Савва (Остапенко). О нем см. выше, с. 19–72 и примеч. 1 на с. 576.

Серафиме, можно сказать словами тропака: «От юности Христа возлюбил еси».

После смерти митрополита Зиновия я дважды видел его во сне. Первый сон. После погребения он лежит во гробе, как живой. Ночь. Храм закрыт. Кто-то стучится со стороны двора в двери храма и просит у митрополита благословить его. Тот встает, протягивает руку для благословения, и вдруг рука его удлиняется и достигает двери храма; он благословляет и снова ложится в гроб. Я думаю, смысл сна был таков: владыка быстро откликается на молитвы людей; даже те, кто по своим грехам находится за дверями храма (как в древности — несущие епитимью), не лишаются его помощи и благословения, и о них возносится к Престолу Божию его молитва.

Второй сон. Также ночь. Храм освещен, и владыка ходит по храму, внимательно осматривая каждый уголок. Значит, он не ушел от нас, он здесь, он как живой с нами, он незримо посещает храм, в котором был настоятелем тридцать пять лет.

Когда еще при жизни владыки Зиновия я спрашивал его об Иисусовой молитве, то он говорил, что не следует стремиться к каким-либо высоким степеням и к особой концентрации мысли, а нужно в простоте сердца говорить молитву живому Богу, Который близок нам, как наша душа. Он советовал пользоваться минутами одиночества и отпирать помислы Иисусовой молитвой. Такое делание владыка считал выше чтения книг. Он говорил, что Иисусова молитва прививается к смиренному сердцу. Своим близким владыка Зиновий рассказывал, что Иисусову молитву он приобрел в молодости, когда жил в пустыни, а в миру старается сохранить ее. До архиерейской хиротонии

владыка иногда вспоминал свои монашеские послушания: то сошьет рясу, то делает из камней четки. По молитвам Божией Матери перед ним не раз открывались ворота тюрем и лагерей, из которых обычно выносили трупы. А теперь мы верим, что также по молитвам Божией Матери и преподобного Серафима он получит на Небесах истинную свободу и вечную радость.

Схиархимандрит Андроник

После закрытия Глинской обители один из последних Глинских старцев схиархимандрит Андроник (Лукаш) жил в Тбилиси, в домике митрополита Зиновия при храме во имя святого благоверного князя Александра Невского. К сожалению, я редко навещал этого подвижника и поэтому о его жизни знаю не много.

Схиархимандрит Андроник находился в полудзятворе, из дома он выходил только в храм, и я не решался беспокоить его без особой причины. Приходя к нему, я каждый раз заставал его в одном и том же положении: он нагнувшись стоял перед аналоем, на котором лежала раскрытая Псалтирь. Мне говорили, что отец Андроник келейно совершает все службы по уставу Глинского монастыря и в перерывах читает Псалтирь. Это правило занимало у него большую часть дня и ночи.

В келии у отца Андроника под стеклом в рамках висели два листа бумаги. На одном были написаны слова Иисусовой молитвы, а на другом стих псалма: *Да не возлагаю уста моя дел чело-веческих**. Эти слова на стене келии словно высвечивали два главных подвига духовной жизни старца: молитву и внутреннее безмолвие. С именем Иисуса Христа он пришел в Глинскую обитель, с Иисусовой молитвой он беспрекословно исполнял все монастырские послушания. Даже в 50-х годах, будучи уже братским духовником, он, подобно новоначальным монахам, копал грядки на огороде, полон сорняки, мыл полы в комнатах для гостей, чистил картошку на кухне и так далее; во всех послушаниях старался быть первым. С именем Иисуса Христа он пережил голод, болезни, ужасы застенков и лагерей, где только чудо Божие спасло его от неминуемой смерти.

Схиархимандрит Андроник вспоминал, как однажды начальник тюрьмы, напившись допьяна, в каком-то сатанинском озлоблении хотел убить его. Когда отец Андроник понял, что ему угрожает смерть, то первой мыслью было — как посту-

* Ср.: Пс. 16, 4.

пить с запасными Святыми Дарами, которые он тайно носил на груди для ежедневного причащения. (Среди заключенных в лагере было много епископов и священников, иногда удавалось тайно отслужить Литургию и освятить Дары, которые потом священнослужители хранили под видом сухариков.) Отец Андроник быстро развязал узелок и проглотил Дары. Начальник тюрьмы удивился тому, что арестант решил что-то съесть перед смертью; он вынул револювер, направил дуло на отца Андроника, выругался и нажал на курок. Револювер дал осечку. «Тебе повезло», — сказал он и от злости бросил револювер на пол.

...Шло время, умирали духовные друзья, единственным другом отца Андроника оставалась Иисусова молитва. Иисусовой молитве учил он и своих духовных чад. Она была для него защитой, утешением, отрадой, источником надежды и сил. Что бросалось в глаза при встрече с отцом Андроником? — Это радость, которая светилась во всем его облике. Старец всегда был бодр. Мирские люди сказали бы, что он жизнерадостен, но это была другая радость — утешение благодатью: молитва, как звезда, сияла в его сердце, и ее лучи озаряли его лицо. Он написал слова Иисусовой молитвы на стене келии как завещание своим духовным детям, как урок своим посетителям; точно богач, он открыл свою сокровищницу, чтобы показать драгоценности друзьям и гостям. А еще раньше он написал имя Иисуса Христа в своем сердце.

Если жизнь человека — это странствие, то Иисусова молитва — песня путника, песня о куда-то потерянном небе и вновь возвращенном рае. Для Иисусовой молитвы требуется подвиг жизни.

Апостол Павел писал о том, что Иисус Христос невидимо пребывает в душе человека*. Иисусова молитва проясняет образ Христа, она становится внутренней иконой для монаха. Золотой фон иконы означает вечность. Для внутренней иконы — Иисусовой молитвы — тоже нужен фон — внутреннее безмолвие. Оно достигается двумя способами: борьбой с помыслами и изгнанием их из души, а также контролем над пятью чувствами — волевой претрадой для внешних впечатлений, которые, оседая в памяти, заглушают, как сорняки цветы, слова Иисусовой молитвы. Поэтому вторым заветом старца, который читали посетители в его келии, был стих псалма: *Да не возглаголют уста моя дел человеческих.*

Старец не интересовался тем, что происходило в мире, как будто опрада домика, где он жил, была крепостной стеной или берегом острова, за которым простиралось огромное бушующее море.

Образно говоря, наш взгляд направлен по горизонту, он скользит по поверхности земли; мы живем ее прахом, мы жадно, как губка воду, впитываем в себя рассказы о событиях, которые происходят в мире. Мы сами бросаем свою душу вечно бушующее торько-соленое море. Земля стала нашей стихией, и поэтому имя Господа Иисуса Христа не сочетается с нашим сердцем — в нем другой дух, дух страстного мира. Мы его пленники и настолько свыклись с этим пленом, что нам кажется, что иначе жить нельзя.

Взгляд старца был другим. Он был устремлен вверх, как бы направлен по вертикали. Старец буд-то только касался земли, но сердцем и умом жил в другом мире. Когда человек смотрит вверх, то все

* См.: Гал. 2. 19–20.

окружающее словно исчезает для него. Духовный взор старца был обращен в вечное. Он как бы жертовал собой, беседуя с людьми, так как эти беседы отгледали его от самого главного — от молитвы.

У старцев, как и у всех людей, различные характеры. Некоторые бываю строгі, в обращении с людьми они похожи на обнаженный меч. Другие имеют от природы мягкий характер; они боются своим замечанием причинить обиду и боль человеку, и такие старцы больше всех страдают от духовного невежества своих чад и посетителей. Внутреннее делание старцев — изгонять помыслы и удерживать ум в словах молитвы. А посетители часто не понимают, к кому и зачем они пришли, им кажется, что надо все подробно рассказать не только о себе, но и о всей родне и соседях. Старца буквально подвергают словесной атаке, так что он перестает понимать, в чем дело, чего от него хотят. Он отключается от своего собеседника и уже воспринимает его слова как гул, который мешает молитве. После таких «визитов» старец чувствует себя больным и опустошенным; его состояние подобно ошущению мирского человека, которого обокрали воры; и самое главное, старец знает, что такие разговоры бесполезны. Тот, кто пришел за спасением, спросит старца о самом главном и, услышав ответ, тотчас уйдет, чтобы исполнить его благословение в своей жизни. Бывает и так: человек сказал о своей проблеме и ждет ответа; старец молится в сердце Богу, чтобы Тот научил, что сказать; наступает пауза, и мирскому человеку кажется, что молчать неудобно. Он начинает о чем-то говорить, перебивая мысли старца, и старец отвечает не то, что нужно, непонял, так как многословием посетителя он отключается от внутренней

молитвы. Поэтому свое посещение к старцу нельзя превращать в нашествие вратов, которые окулируют чужое время и отнимают самое главное, для чего и чем старец живет — молитву. Старцы особой любовью любят тех духовных чад, которые сами стремятся ко внутренней молитве и потому немногословны. Можно о многом сказать кратко и, наоборот, в многословии можно утопить саму суть дела.

У одного горного народа был обычай: вождь, сочтавший в себе духовную и светскую власть, в определенные дни принимал у себя во дворе посетителей; за их спинами стояли двое слуг с бичами в руках. Посетитель должен был изложить свою просьбу в течение трех минут. Если он задерживался, то слуги начинали бить его кожаными бичами, пока он не добежал до двери; затем выпускали другого посетителя. Наверно, в этом были своя мудрость и опыт; по крайней мере, человек заранее готовился к тому, что он должен сказать все, что для него важно, в течение отведенного ему времени.

Великое дело в духовной жизни — умение молчать. Оно собирает душевные силы для молитвы. А боггун расстрачивает время подобно прынице, который пропивает свое имущество и остается нищим. У старца после пустого разговора остается чувство утомления и отвращения к своему посетителю, которое он старается изгнать из сердца, и, что хуже всего, горечь от временного отступления благодати. Об этом должны были напоминать посетителю слова на стене келлии отца Андроника: *Да не возлагает уста моя дел человеческих.*

Старец Андроник не только не говорил о мирском, но и хотел направить внимание пришедшего

к нему человека на внутреннюю жизнь, оторвать его ум от вращающегося колеса времени, показать, что главное не то, что вне нас, а то, что внутри нас. Он запрещал судить кого-либо. Он знал, как часто человек, осуждающий другого, подвергается нападению той страсти, которую он увидел в других, и повзгоряет тот чужой грех, о котором рассказывал с таким негодованием. Поэтому старец заещал своим чадам: «Будь слеп, глух и нем», то есть выйди умом из этого мира, не подражай ему и не суди его, или: «Знай себя, и будет с тебя»; познавать себя — это значит видеть свои грехи, каяться в них и бороться с тем, что мешает молитве.

Иногда старец резко прерывал собеседника: «Какое тебе дело до чужих грехов, ты себя исправить не можешь» — или говорил: «Я тебе не верю». Когда посещение затягивалось, отец Андроник вставал с места и подходил к аналою, где лежала Псалтирь. Если с ним начинали спорить под видом дальнейшего объяснения, он иногда закрывал глаза и отпускал голову на руки в знак того, что он бессилен помочь в чем-либо спорщику, и уже не отвечал ни слова.

Он жил в своей келлии, как в затворе, только иногда посещал Александро-Невскую церковь, чтобы сослужить владыке Зиновию. Старец говорил, что для него большая радость молиться вместе с таким архиереем, он чувствовал великое утешение от духовного общения с ним. Когда отцу Андронику задавали вопросы о духовной жизни, он отвечал сам, а когда дело касалось Церкви, то отсылал к владыке Зиновию.

После службы народ долго не расходился, ждал у церковных дверей схиархимандрита Андроника,

чтобы взять у него благословение, услышать хоть одно слово или прикоснуться к его одежде. Отец Андроник излучал неизъяснимую радость, потому что в сердце его всегда была молитва, и хотел, чтобы все люди стали участниками этой радости, чтобы они пили живую воду молитвы из источника бессмертия, который открывается в сердце человека особенно после Причастия, а не мертвые воды этого мира, которые приносят душе смутные и печаль.

Когда я вернулся из Сухумской епархии в Тбилиси, схиархимандрит Андроник был уже тяжело болен. Один из близких ему людей сказал мне, что старец был очень милостив на исповеди, редко давал епитимии, а теперь сам несет епитимию болязни за наши грехи.

Когда схиархимандрит Андроник умер, Патриарх Давид¹⁰ сказал на его могиле: «Отец Андроник, ты любил всех людей, и у тебя не было врагов. Молись о нас у Престола Божия».

Схиархимандрит Серафим

Моя первая встреча с известным подвижником, деятелем Иисусовой молитвы, духовником Глинской обители схиархимандритом Серафимом (Романцовым)¹¹ произошла в Илори — в селе, где я несколько лет служил настоятелем храма святого Георгия.

Однажды я поехал в Сенаки, чтобы посетить архимандрита Константина (Кварац) и остаться в его обители на несколько дней. Доехав до Сенаки, я взял такси, чтобы подняться в горы, где в нескольких километрах был монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, в котором служил отец

Константин. Но неожиданно таксист заулыбился и сказал, что не может ехать по проселочной дороге. Я стал дожидаться другого такси. Прошло много времени, не было никакой попутной машины. Идти пешком я не решился, так как плохо знал дорогу. Наступил вечер, и мне ничего не оставалось делать, кроме как возвратиться назад в Илори.

Выйдя на трассу, я сел в автобус и вернулся в Илори уже глубокой ночью. Подхожу к перекрестку ограде и с удивлением обнаруживаю, что в моей квартире (состоявшей из двух келий) горит свет. Захожу и вижу: старый монах спокойно сидит за столом, как у себя дома, и разговаривает с нашим пономарем отцом Георгием (Булискерия), а другой, молодой, монах разжигает печь и варит картошку — в общем, в моей комнате тепло и уютно. Старый монах оказался глинским архимандритом Серафимом, известным мне заочно, по рассказам моих духовных друзей, посещавших Глинскую пустынь.

Когда Глинская пустынь была закрыта, ее монахи разъехались кто куда. Отец Серафим в молдовости жил в горах около Сухуми, хорошо знал этот край и решил временно обосноваться здесь. С ним был монах, который некогда служил в десантных войсках, но, получив травму черепа во время прыжка с парашютом, демобилизовался и поступил в монастырь. Он сопровождал отца Серафима как его послушник и келейник. Отличался он беспрекословным послушанием и, казалось, двигал на легу каждое слово отца Серафима, каждое движение его руки. Он все время молчал, а когда его спрашивали, то отвечал кратко и односложно. Отец Серафим рассказывал о нем, что

после конгузии он испытывает постоянные головные боли; но, несмотря на болезнь, его лицо постоянно светилось детской радостью.

Когда мы с отцом Георгием остались одни, я спросил его: «Как же ты пустил в мою комнату незнакомого человека?». Старец, не задумываясь, ответил: «Сердце подказало...». — «А ты предупредил его, что я уеду в Сенаки и приеду только через несколько дней?» — снова спросил я. «Да, я сказал, а он говорит: "Подождем, увидим"». Мы все дружно поели картошку. Даже отец Георгий изменил своему правилу и сел за трапезу ночью.

С первых же слов отца Серафима у меня возникло чувство, будто я знаю его уже много лет. В этом старце были необыкновенная простота и любовь, но впоследствии я не раз видел, как он скрывал эту любовь под внешней строгостью к своим чадам. Иногда он, казалась, гневаясь на них, но когда видел, что они искренно каются и просят прощения у Бога, то спешил ободрить и утешить их. Казалось, что солнышко зашло за грозовую тучу, а потом выглянуло опять.

Отец Серафим не имел светского образования. Его академией были монастырь и пустыня. Он обладал огромным духовным опытом и даром проникновения в человеческую душу. Старец был замечательным рассказчиком. Его беседы захватывали людей, окружавших его. Но он умел говорить о том, что этим людям действительно было нужно. И в рассказах о своей прошлой жизни отвечал на еще не заданные вопросы, которые волновали их.

В беседах со мной он мало касался своей жизни в пустыне, а говорил о трудностях духовничества, о вопросах, которые надо было решать на исповедии, о демонических искушениях, которым подвергается монах в монастыре и в миру, о грехах и слабых местах, которые особенно часто встречаются в приходской жизни священника. Его рассказы изобиловали примерами, это были как бы воспоминания о виденных и пережитых им событиях. Разумеется, он не называл лиц. Эти рассказы отчасти походили на повествования патериков, только он старался как можно лучше показать темные глубины человеческой души и те искушения, которые особенно характерны для нашего времени. Проходили дни, месяцы и годы, и я начинал осознавать, что это он мудро и проникновенно говорил для меня: он обличал меня в моих грехах, побуждая к покаянию, видел мои слабости и глубже, чем я, примерами других предупреждал меня. Этот старец глубоко понимал трагизм монашества, лишенного монастырей, выброшенного из необходимой для него духовной среды и задыхающегося в атмосфере этого мира. Поэтому на исповеди он был очень снисходительным к грешнику, но в то же время требовал борьбы с грехом и главным условием прощения кающегося считал решимость не повторять грехи. Его снисходительность никогда не переходила в потакание человеческим слабостям.

Местом своего жительства отец Серафим избрал Сухуми. Сначала он прописался у жителя Илори Фомы Радченко — прихожанина нашей церкви, а затем купил небольшой домик в Сухуми. Это место было выбрано им не случайно.

Пресс хрущевских гонений в Грузии ощущался слабее — он как бы амортизировался самим характером грузинского народа: грузины и абхазы не люббили смотреть через чужие заборы на то, что делают соседи, а к донощикам даже начальство относилось с нескрываемым презрением. Борьба с религией, точнее, гонение на духовенство и верующих, проводилась в это время довольно вяло, отдельными кампаниями, для отчета и отписки. Произошла уполномоченных по делам Церкви мы также не ощущали. Случаи безобразного отношения к верующим имели место лишь со стороны милиции, и то потом оказывалось, что это было приемом для получения подарка, после которого благоситель порядка спрашивал: «А может быть, вас кто-нибудь обижает? Сообщите нам!..». Но не только поэтому отец Серафим вернулся в Сухуми, где уже бывал после первого закрытия Глинского монастыря в 20-х годах. В так называемой Малой Сванетии, в нескольких десятках километров от города, в районе озера Амткелд, в горах, в дремучем лесу, где даже днем стоит полумрак, на Черной речке и на Барганах жили пустынники. Они строили деревянные домики с несколькими келиями, расчищали лес и на образовавшейся поляне разводили огород (сажали преимущественно кукурузу и картошку); собирали в лесу ветки, распиливали упавшие стволы деревьев, так что топлива было достаточно для самой легкой зимы. Собирали ягоды и каштаны. Основную пищу составляли толченые сухари. Из белого хлеба благодетели пустынников сушили сухари, а затем толкли их в ступе. Получалась как бы

мелкая крупа. Можно было сварить несколько очищенных картофелин, затем бросить горсть толченых сухарей в кипящую воду, налить постного масла — и обед готов! На зиму сушили также шиповник и листья брусники, которые употребляли как чай. Жили пустынники или как скитяне — по три-четыре человека, — или как отшельники.

Отец Серафим считал главной целью своего приезда в Сухуми духовное окормление пустынников. Своей огромной опыт, молитвенный труд и, главное, свою отповскую любовь он вложил в это духовное служение. Нередко в сопровождении нескольких спутников посещал он пустынников, проходя среди зарослей, пересекая речки, поднимаясь и спускаясь по склонам гор, проделывая дорогу в несколько десятков километров. Этот труд, непосильный для многих юношей, совершал семидесятилетний старец. Пустынники приходили к нему в Сухуми почти всегда по ночам: несмотря на то что особых притеснений мы не испытывали, опасаться различных провокаций, неприятностей и даже высылки старца из города все же приходилось. Идеологическо-политический аппарат давил сверху, и поэтому нужны были какие-то доказательства, что антирелигиозная работа проводится. Отказав своим духовным детям во встречах старец не мог, ведь для них он жил. Легкий стук, дверь тихо отворялась — и посетитель быстро заходил во двор дома. Иногда беседа с пустынниками длилась всю ночь. Знали ли об этом власти? Мне кажется, лишь делали вид, что не знают.

Не так давно была издана книга монаха Меркурия «В горах Кавказа»*. Это единственный известный мне рассказ очевидца о жизни современных кавказских пустынников, увидевший таким образом свет. Жаль, что в записях отца Меркурия существует пробел: там недостаточно раскрыта сама основа монашеской жизни, главное в ней, — послушание. Зная многих пустынников, мы были свидетелями того, что те из них, кто находился под молитвенным покровом отца Серафима и слушался его как наставника, шли ровным духовным путем. Казалось, что старец вел их за руку через духовные стремнины и пропасти, более глубокие, чем пропасти и овраги в горах, где стояли их хижины. Послушание — это крылья монаха. Пустынники, имевшие духовными отцами опытных старцев — таких, как схиархимандрит Серафим, отлучались рассудительностью и мирным устроением духа. А те, которые жили самовольно, начав свой духовный путь с непосильных подвигов, впадали в тяжёлые искушения и теряли приобретенное годами труда.

Святые отцы пишут, что в монастыре диавол бросается на монахов как пёс, а в пустыне — как лев. Главное оружие у пустынников — смирение и молитва. Но смирения без послушания стяжать невозможно или почти невозможно. Разгоряченное воображение, основанное на вере в свою исключительность, — это черные крылья гордости, которые могут поднять оболыщенного человека над землей, но они внезапно ломаются, и гордый подвижник падает на землю, разбиваясь при этом падении.

* *Монах Меркурий*. В горах Кавказа. Записки современного пустынножителя. М.: Паломникъ, 1996.

Мы знали пустынников, которые взяли на себя подвиг полного безмолвия и уединения, предаваясь полностью не подготовившись к нему послушанием, и поэтому впали в умопомрачение. Один из таких оболыщенных демоном бежал по пустыне и кричал: «Серафим — это колдун, который не дает покоя мне ни днем, ни ночью». Отец Меркурий описывает монаха, который на пожертвования, предназначенные пустынникам, купил себе в Сухуми дом и прописку. Однако отец Меркурий, очевидно, не знал, что первоначальной причиной падения этого монаха явилось его непослушание духовному отцу. Это непослушание началось уже в последние годы существования Глинской пустыни и кончилось самым страшным образом. Бывший монах Глинского монастыря снял с себя крест, ушел в мир и спился до такого состояния, что его пьяным подбирали на улице. Как скорбел об этом человеке отец Серафим! Как он плакал, молясь, чтобы Господь не оставил погибнуть несчастную душу! И действительно, перед смертью этот монах (не буду называть его имени) как бы очнулся, пришел в себя, принес глубокое покаяние, снова надел крест и умер, поборовавшись и причастившись, открыто исповедуя свои грехи.

Монах должен находиться в послушании у старца и отсекал перед братьями свою волю. Про этот догмат монашества преподобный Ефрем Сирин писал: «Смиранный монах страшен для демонов»*.

Сам отец Серафим послел многолетнюю тяжёлую школу монастырского послушания, затем учился в «академии смирения» — в тюрмах, ссылках

* См.: *Преподобный Ефрем Сирин*. Ответ на некоторые вопросы // Творения. В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 383–385.

и лагерях, приобрел опыт пустынножителя в степях Киргизии и горах Кавказа. Поэтому его можно назвать «доктором монашеских наук».

Один монах рассказывал, как он жил со своим старцем в пещерной кельеи многие годы. Когда старец умирал, то велел похоронить себя в пещере, а ему — немедленно идти в Сухуми. При этом он указал путь — обходной, долгий и тяжелей. После погребения старца монах решил выбрать короткий и знакомый ему путь через перевал. Он успокаивал себя тем, что воля старца состояла в том, чтобы он шел в Сухуми, а каким путем — это безразлично, тем более что старец в предсмертной беседе, уже почти в забыты, мог вообще перепутать дороги. И вот он отправился коротким путем.

Было ясное утро, ничто не предвещало несчастья. Он шел по дороге быстрыми шагами и читал молитву, которой навывкнул в годы пустынночества. Вдруг подул ветер, и небо затянуло густой молочной пеленой. Пошел снег. Вернуться назад было уже невозможно, идти вперед по тропинке, исчезающей под сугробами, также нельзя. Настала ночь. Монах стоял, прислонившись к скале, охоченев от холода. Он понял, что послушание или непослушание старцу было для него выбором между жизнью и смертью. Из-за нарушения старческого слова он теперь погибает. Но, видно, за многолетние труды и молитвы покойного старца Господь помиловал ослушника. Его нашли полумертвым, обмороженным случайные путники и принесли в город. После этого он долго болел. Он часто рассказывал о том, что случилось с ним, и говорил, что непослушание — это предательство самого себя, это грех для монаха, подобный самоубийству.

Отец Серафим сам был опытным деятелем Иисусовой молитвы. И послушание считал необходимым для нее условием. Он говорил, что если человек упорным трудом стяжет навык к Иисусовой молитве, но не исцелит свою душу послушанием и не будет отсекает свою волю, то молитва, произносимая по привычке, окажется вовсе не той сокровенной непрестанной молитвой, о которой писали подвижники, а всего лишь словами, так как гордый ум не может сочетаться с именем Иисуса Христа — этого непостижимого Смирения.

Он говорил о том, что для стяжания Иисусовой молитвы необходима борьба со страстями: в чистом сердце молитва пробуждается сама собой. Древние святые пребывали в постоянной молитве именно благодаря своей простоте и незлобию. Старец внушал, что молитва не должна быть оторвана от жизни. Он предостерегал от искусственных приемов вожделения ума в сердце и учил, что Иисусову молитву, особенно вначале, надо проносить вслух самому себе, при этом сосредотачивать внимание на движении губ. Старец говорил, что молитва затем сама найдет место. Он считал также полезным соединять Иисусову молитву с дыханием, когда молитва читается про себя.

В первые годы своей жизни в Сухуми старец ежедневно ходил в кафедральный собор. Епископ Леонид (Жвания), правящий архиерей, благословил отца Серафима принимать народ на исповедь. Надо сказать, что владыка Леонид был личностью незаурядной. В молодости он учился в семинарии, но сана не принял. В послереволюционные годы был следователем революционного трибунала в Западной Грузии, работал в прокуратуре и

занимал высокие посты. Но, видимо, сильно хотелось ему кончить жизнь тем, чем начал. И он решил стать священником. Это решение в определенных кругах вызвало шок, но он своего намерения не изменил. Католикос-Патриарх Мелхиседек (Пхаладзе) рукоположил его во священники, а затем, посчитав, что человек с такими знаниями и опытом может быть полезен Церкви в более высоком сане, предложил ему архиерейство. Так священник Леонтий стал епископом Леонидом. Отличался он твердым, но справедливым характером. Умел наказывать, но охотно прощал, когда человек, не оправдываясь, признавал свою вину. В годы хрущевских гонений не раз вставал вопрос о закрытии Сухумского кафедрального собора, но епископ Леонид мужественно отстаивал права Церкви. Неоднократно он обращался в правительство с официальными протестами по поводу несоответствия Конституции новых законодательных актов в отношении Церкви. Он был одним из тех грузинских иерархов, благодаря которым в 60-е годы, во времена гонений, храмы в Грузии не были закрыты, а законодательство о религиозных культах, дублирующее Церковь в России, в Грузии фактически не действовало. Епископ Леонид с любовью относился к отцу Серафиму и подолгу беседовал с ним.

У отца Серафима были многочисленные духовные чада в России. Паломники Глинского монастыря потянулись теперь в Сухуми, и кафедральный собор наполнился народом. Отец Серафим во время исповеди решал духовные вопросы, давал наставления и советы; здесь, вдали от Глинской пустыни, в Сухуми, он снова встретился со своей

паствой. Чему отец Серафим преимущественно учил людей? — Видеть во всем волю Божию и покоряться ей. Некоторые из его духовных чад по его указанию делали выписки из святых отцов (особенно часто — из «Дествицы» и «Ответов на вопросы» преподобных Варсонофия и Иоанна), и он раздавал эти выписки на благословение, как краткое руководство в духовной жизни.

К отцу Серафиму часто приезжал из Тбилиси его духовный друг — схиархимандрит Андроник (.Лукаш). Оба старца хотели сохранить единство братии Глинского монастыря, которая была расseyана и разбросана по всей огромной стране. И действительно, монахи Глинской пустыни знали, что они всегда найдут помощь и приют у митрополита Зиновия и у обоих старцев.

Меня интересовало отношение глинских монахов к книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа»*, которая послужила причиной так называемого имяславского раскола и последующих споров. Но мне не удалось спросить об этом отца Серафима. Некоторые старцы осторожно говорили: «Истина где-то посередине». Что значит «посередине» — они богословски вряд ли могли определить. Я не смею подменять их слова своей интерпретацией, но все-таки у меня сложилось мнение, что, с одной стороны, они понимали, что в книге схимонаха Илариона собран богатый материал из святоотеческих писаний и отгруппать всю

* *Схимонах Иларион*. На горах Кавказа. Беседа двух пустынников о внутреннем единении с Господом наших сердец, через молитву Иисусу Христову, или Духовная деятельность современных пустынников. 2-е издание, исправленное и много дополненное. Батагапшинск, 1910.

книгу — значит сжечь с плывегами пшеницу, то есть отрицать учение тех отцов, которые представляли в ней. Но в то же время они понимали и чувствовали, что тезис «Имя Христа — это Бог» может привести к самообольщению и духовной гордыне, если будет положен в основу «богословия молитвы» и таким образом примет умозрительную форму. Поэтому эти старцы советовали обращаться с книгой схимонаха Илариона очень осторожно, как со стоящими на полке флаконами, в одних из которых лекарство, а в других яд.

Они утверждали, что только человек, имеющий личный опыт в Иисусовой молитве, может взять из этой книги полезное для себя, но лучше не рисковать, а обращаться непосредственно к святым отцам, особенно наставникам последнего времени: Игнатию (Брянчанинову) и Феофану Затворнику (которые в то время еще не были прославлены). Отзыв о книге «На горах Кавказа» был затруднительен для них еще и в силу того, что как делатели Иисусовой молитвы они переживали состояние посещения благодати Божией и внутренних озарений, когда слова молитвы в субъективном восприятии как бы сливаются в одно с действием благодати — с внутренней феофанией, богоявлением. Поэтому они боялись нечаянно оскорбить имя Иисуса Христа, Которым они духовно жили и дышали. Но я не знаю ни одного случая, когда бы глинский старец рекомендовал пользоваться этой книгой своим ученикам. Можно сказать, что перевод определенных моментов субъективного молитвенного подвига в область богословских суждений породил несоответствие, принявшее форму раскола, а в некоторых случаях — и ереси.

Старцы были не богословами, а молитвенниками, и, дорожа молитвой как своим духовным сокровищем, они избегали каких-либо отвлеченных рассуждений и оценок, боясь, что неправильное мнение может помешать их внутренней молитве и поселять в сердце сомнение. Их совет был читать молитву с детской простотой: «Лучше лепетать языком, как младенец, чем вдавляться в высокие рассуждения». «Решать богословские вопросы не дело монахов. Мы не профессора», — говорили они. Но надо сказать, что именно профессора академий и университетов — Флоренский, Булгаков и другие друзья «мягкого Афона» — своими гностицистскими рассуждениями об имяславстве действительно «оформили» его как пантеистическую ересь. Впоследствии популяризаторы Флоренского еще более запутали эклектический гностицизм Флоренского и приписали ему взгляды о каких-то энергиях самого символа, якобы единосущных с энергиями Символизируемого. Это уже похоже на кабаблестическое учение о микромаганиях имен, которые подготавливают душу к единосущной ей макромагании Божества. Впрочем, высказывается и такое мнение, что «новооткрыватели» Флоренского просто не поняли его.

Однако вернемся к схиархимандриту Серафиму. Он считал, что монахи, кроме болезни или крайней немощи, должны непременно исполнять «присотнишу». Из акафистов он очень любил акафист Успению Божией Матери. Ученых монахов отец Серафим уважал, но чувствовалось, что его душа стремится к общению не с ними, а с молитвенниками. Стяжавшие Иисусову молитву духом узнают друг друга и понимают один другого с полуслова.

Отец Серафим почти не рассказывал мне о своей жизни в пустыне. Наверное, он знал, что этот опыт не соответствует моей жизни и не пригодится мне. Если заходила речь о пустыне, то он рассказывал лишь внешние события, как будто уводил человека от того, к чему не всякий должен прикасаться своей рукой. Он рассказывал о том, как медведь повадился в огород, где монахи посадили кукурузу, и лакомился початками каждую ночь. Долго они не знали, как поступить со зверем: обращаться к охотникам, чтобы те убили медведя, не хотели — и его жалко было, и сами охотники, повадившись к ним в гости, могли не хуже медведя обирать их огород. Наконец придумали: связали друг с другом пустые консервные банки и опустили их в ручей, так что банки, плавая на поверхности потока, билась друг о друга. Медведь инстинктивно боится звука металла, поэтому, услышав незнакомый для него зловещий стук, он испугался и убежал.

Полевые мыши также принесли огороду немалый вред. Пустынники взяли из селения кота, но кот, как будто заключив договор с мышами, спокойно смотрел на них. Тогда решили все-таки поставить мышеловки. Собрали целое совещание по этому вопросу: можно убивать мышей монаху или нет — и наконец решили: «Мы мышей не убиваем, а искушаем: хочешь — иди в мышеловку!». Отец Серафим рассказывал об этом с добродушным юмором.

К эккуменизму старец относился, как и все монахи, отрицательно, но не любил, когда при нем говорили об этом и осуждали иерархов. «Покрой одеждой своей отца своего», — говорил он. Всю

жизнь отец Серафим был гоним и преследуем, многие годы провел в тюрьме и ссылке, пережил два разгрома Глинского монастыря, но мы никогда не слышали от него слов осуждения или ропота, он все принимал как волю Божию. Об известном митрополите Николае (Ярушевиче) отец Серафим говорил: «Митрополит Николай глубоко покался. Он исповедовался у меня. Он любил нашу Глинскую обитель». Старец был высокого мнения о Патриархе Алексии I (Симанском) и считал, что тот дает все что может, но не все в его силах.

Я был свидетелем, как непослушание отцу Серафиму оканчивалось непредвиденными бедствиями, как опасно не слушаться старца, даже когда он дает простой совет. В Гудаутской церкви, где я служил в 70-х годах, был прихожанин — столяр, по имени Павел. Он был человек церковный, но с каким-то ужлоном. Выбрал себе в руководительницы пустынницу схимонахиню Елену, которая обычно поносила духовенство и рассказывала о каких-то бывших ей видениях. Отец Серафим не благословлял советовать с этой пустынницей, а тем более называть ее духовной матерью. Однажды он сказал об этом Павлу, но тот ответил дерзко: «Осуждать всех людей грех. Только матушку Елену осуждать не грех?». Отец Серафим сказал: «Я предупреждаю тебя, а ты поступаешь так, как сам знаешь».

Тот съездил к пустыннице и, вернувшись домой, принялся за обычную работу. Мысленно вспоминая разговоры с этой монахиней, он отключился от своей работы, и электрическая пила отсекла ему несколько пальцев на руке. Впоследствии он признавался: «Если бы я не поехал к Елене, этого бы не случилось». Елена пророчествовала, что

ее келия станет святым местом для паломников, что потом здесь построится большой монастырь. Но умерла она какой-то странной смертью, а место, где она жила, оказалось вскоре заброшенным и опустевшим.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) на смертном одре

Шли годы. Отец Серафим все реже выходил из дома, но по-прежнему принимал посетителей. Незадолго перед смертью он перешел в другой домик — на окраине города, на улице, которая, подобно террасе, пролетала по склону горы. Сюда не доносился городской шум. Когда я посетил отца Серафима, он лежал уже в постели не вставая. Странное было впечатление: он казался мне новорожденным младенцем, который смотрел на мир какими-то чистыми, слегка удивленными глазами, даже цвет лица был у него розовый, как у маленького ребенка. Он сказал мне всего несколько слов. Было видно, что ему не хотелось говорить. Я чувствовал, что теперь его ответ — это молитва. Те, кто присутствовал при смерти старца, вспоминали, что он сказал вслух: «Что я искал всю жизнь,

то теперь нашел». Я думаю, что он говорил о непростанной сердечной Иисусовой молитве, о том, что душу его наполняют волны благодати, что молитва открылась ему в неведомой для нас глубине.

Великий старец был погребен на Сухумском кладбище, недалеко от храма, около могилы своего послушника монаха Иеронима*, который отлучался особенным смирением и послушанием и умер в молодые годы от чахотки, напоминая своей жизнью и смертью подвиг преподобного Досифея. Часто служатся панихиды на могиле отца Серафима. Это дань благодарности, любви и надежды, что молитва соединяет души, и старец в Небесном Царстве молится за них. Смерть страшна для грешников, а для праведных она — успокоение от трудов и начало вечной радости.

Я спрашивал у отца Серафима о многих стонах монашеской и приходской жизни. С тех пор прошло уже несколько десятков лет, и так как я, к сожалению, не записал его ответов сразу же, то передало их по памяти в своем изложении.

Основанием духовной жизни отец Серафим считал послушание. Старец категорически утверждал, что человек без благодати Божией не в силах побеждать искушения и поддерживать опромяную силу греха, который, как яд, отравил все его существо. Только благодать Божия может обуздать грех и сделать человека победителем в духовной борьбе. Поэтому главная задача аскетики — стяжание благодати и хранение ее. Благодать действует в смиренном сердце. Где гордость — там уже поражение. Если гордому кажется, что он уже недоступен для греха и страстей из-за своих самовольных

* См. о нем ниже, с. 228.

подвигов, то он становится игрушкой в руках темных сил. Сатана может давать ему на время ложное бесстрашие, чтобы укрепить в гордыне и преуспеянии над собратями, но это подобно полету Симона Волхва, которого бесы поднимали вверх, в воздух, пока не бросили вниз и он не разбился насмерть.

Для стяжания благодати необходимо, совершенно необходимо, как воздух, послушание. Монаха без послушания отец Серафим вообще не считал монахом. Только через полное послушание своему старцу возможен настоящий, реальный, а не мнимый и иллюзорный духовный путь. Внешние подвиги уединения и поста отец Серафим считал второстепенными по отношению к послушанию, то есть подспорьем, а не основой монашеской жизни. Телесный подвиг должен опираться на благословение старца и быть точно определенным. Отец Серафим считал, что без послушания невозможно занятие Иисусовой молитвой: она остается на уровне повторения звуков, не будучи в силах тронуть окаменевшее в гордыне сердце. Одному монаху отец Серафим сказал то, что я считаю дерзновенным и не повторил бы, если бы не слышал сам: «Никакой Иисусовой молитвы у тебя нет: ты просто привык к ее словам, как некоторые люди привыкают к ругани»*.

Однажды, когда я был у отца Серафима в Сухуми, к нему пришла та монахиня, которой монах Меркурий посвятил значительную часть книги «В горах Кавказа». Отец Серафим, зная ее необычайно суровый пост, начал с того, что сказал:

* Из этих слов видно, что отец Серафим не мог сочувствовать имяславскому учению. — *Авт.*

«Один раз в день тебе надо есть горячую пищу». Та удивленно посмотрела на отца Серафима: «Неужели я должна терять время и отвлекать ум от молитвы для приготовления обеда?». Отец Серафим широко перекрестился: «Вот крест, что ты не имеешь никакой молитвы и никогда не имела ее». Когда она ушла, отец Серафим сказал: «Так она ничего и не поняла. Кто дал ей схиму, сам находилась в обольщении. Бедная душа, сколько ей предстоит испытаний!».

Подражать жительству святых отцов без послушания, считал отец Серафим, это все равно что начинать строить дом с крыши. Он говорил об искушении современных монахов: они ищут прозорливых старцев, а когда видят обыкновенного человека, но опытно прошедшего монашеский путь, начинают колебаться и сомневаться, можно ли слушаться его. Они требуют от старца чудес, как фарисеи от Христа, они хотят, чтобы старец прорекал и предсказывал будущее, чтобы учил их не исполнению воли Божией, а как благополучно совершить то или иное их дело. А ведь старец может благословить, и дело не исполнится, но зато исполнится воля Божия, и человек получит урок смирения и отречения от своей воли, то есть главное — благодать Божию. Вызывает такое испытание: старец благословляет, а дело как будто с самого начала встречает неподдающиеся препятствия — это испытание веры. В Библии повествуется о том, как одиннадцать колен Израилевых несколько раз вопрошали Господа, итти ли им воевать с коленом Вениаминовым, совершившим неслыханное злодеяние, или нет. Господь через первосвященника отвечал: «Идите», и несколько раз они терпели

поражение, но не роптали на Бога и за это в конце концов одержали победу*.

Если человек пребудет в послушании, то Бог все устроит Сам, хотя бы и не так, как тот предполагает. А у самовольника конец его дел и жизни обязательно будет худым. То, что он делает без послушания, не принесет ему пользы, и часто своими глазами он будет видеть неожиданное разрушение своих многолетних трудов. За доверие к старцу Господь дает наставнику особое дарование в молитве о его духовном чаде. Можно сказать, что в таком случае Господь Сам помогает старцу руководить учеником. Архимандрит Серафим рассказывал, что бывали случаи, когда он благословлял или советовал вопрошающему его то, о чем не думал заранее, когда его собственный ответ был неожиданным для него самого, и говорил, что Господь в таком случае открывал ему, что сказать, по вере человека.

Если же ученик или духовное чадо не искренни до конца: одно говорят, другое скрывают, спрашивают без решимости исполнить, уговаривают и убеждают старца, как бы подсаживают ему свое собственное решение, то старец чувствует перед собой не живого человека, а какую-то стену, непробиваемую для его слов. Тогда может последовать и наказание за лицемерие и лукавство — неверный ответ старца. Отец Серафим говорил, что разговор с непослушным человеком очень утомляет, и потому советовал при малейшем раздражении прекращать такую беседу словами: «Поступай как знаешь». Старец не любил, когда вместо краткого вопроса рассказывают целую историю, как

* См.: Суд. 19–20.

будто хотят объяснить, в чем дело и что надо сказать. Между тем вопрос должен быть кратким и ясным. Чем он более краток, тем более старец чувствует в своей душе ответ.

На исповеди отец Серафим также не любил многословия. «Надо каяться, а не автобиографию рассказывать», — считал он. Плотские грехи должны быть исповеданы один раз, а затем человек сам должен постараться позабыть подробности этих грехов и только иметь чувство покаяния, стараясь не осуждать в таких грехах никого, иначе в нем могут пробудиться те же самые страсти и повториться падения. Отец Серафим категорически запрещал своим духовным чадам говорить друг с другом о плотских грехах, считая это неполезным, особенно с людьми другого пола, даже как будто с благовидной целью предупреждения. Он говорил, что в таких разговорах бывает тайное сглагоствание. Один монах с негодованием рассказывал ему, что видел в автобусе полураздетую женщину, а отец Серафим спросил: «Ты до сих пор это помнишь?». Он говорил, что разговоры на эти темы никого не «оцеломудрят», а только оставят в душе какой-то смрад, как запах от гнили.

Мы были свидетелями того, что монахи-пустынники, приходившие к отцу Серафиму за благословением и советом, отличались даже внешне: каким-то спокойствием, скромностью и тем, что мы бы назвали «монашеским благородством» — смиренной простотой. И что еще отличало их — они старались быть незаметьными. Напротив, те, кто не был в послушании, отличались или резкостью слов, категоричностью суждений о других людях, или напротив, внешним, подчеркнутым

смирением. Они могли кланяться при встрече с мирянами до земли, целовать у них руки, называть себя самыми падшими, последними грешниками, хотя их об этом никто не спрашивал. В этих людях была какая-то внутренняя неслаженность, какое-то скрытое беспокойство. Пророк сказал: *Проклят человек, который надеется на человека**. Но самая худшая надежда — это надежда на себя.

Отец Серафим считал, что монашество в миру требует даже большего послушания, чем в обычной монастырской жизни. Монах в миру словно проходит через поле, усеянное иглами и колючками, а послушание, как калугтарий (кожаная обувь пилигримов), помогает ему пройти этот путь, иначе он уже через несколько шагов изранит свои ноги. Для монаха послушание — это как бы восьмое Таинство. Слова 90-го псалма: *Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих*** — прежде всего относятся к послушанию, которое, как крылья Ангелов, защищает душу. Если послушник в чем-нибудь сопрешит, то по молитвам старца его духовные раны заживают быстро, как у прокаженного, который, по слову пророка, вошел в воды Иордана и вышел исцеленным***. Если даже он падет, то старец, как самарянин в притче, подымет его и возьмет на свои руки****, но истинное послушание не падает.

Старец говорил о том, что один из признаков послушания — это сердечная радость, всегда сопутствующая ему. Послушник носит в своем серд-

* Иер. 17, 5.

** Пс. 90, 11.

*** См.: 4 Цар. 5, 14.

**** См.: Лк. 10, 30–35.

це духовную радость, даже когда кается в грехах. Второе свойство или дар послушания — это умение помыслить. Послушник ни о чем не тревожится — он вручил себя Промыслу Божию через старца, старец принимает решения за него, поэтому у послушника нет противостояния мыслей, постоянного колебания ума сомнениями и помыслами: все решает старец. Он не только отвечает на вопросы ученика, но еще до вопроса говорит то, что ему нужно. Если человек сам определяет, что ему нужно делать, то решение бывает правильным или неправильным — за ним следует или успех, или неудача. Если успех, и даже в добром деле, то человек все же никак не может освободиться от чувства тонкой гордости и превозношения: как правильно он решил, как хорошо он сделал. Если же дело его разрушилось, то человек не может не испытывать досады и раздражения. И в одном и в другом случае он не найдет духовного мира. Послушник же все доброе приписывает молитвам своего старца, поэтому он свободен от внутреннего превозношения — этой змеи, скрывающейся в глубине души. А если будет видимая неудача, то говорит: «Такова воля Божия. Значит, это лучше для меня», — и опять остается спокойным. Но неудачи в послушании вообще не бывает. Послушание похоже на троерожник: как ни брось его, один конец все-таки будет смотреть вверх, этот конец — смирение.

Некоторые люди приходят к старцу не для исцеления своей воли, а как к астрологу или гадалке, чтобы узнать свое будущее и что нужно делать, чтобы их земные дела увенчались успехом. Не получая того, что они хотели, — так как Бог дает

Свои дары в зависимости от внутреннею состояния человека, — они считают, что старец сам немощен и бессилен и ничего не может сделать. На самом же деле, послушание — это перемена всей жизни, а не средство для успеха в каком-нибудь предпринимательстве. Хотя мы повторяем, что Господь в награду за послушание дает явную и необычайную помощь даже во внешних мирских делах, но это больше для слабых, чтобы укрепить и утвердить их в вере.

Послушание и смирение, как и все добродетели, должны быть сокровенными. Мы встречали монаха, который, рассказывая о своем беспрекословном послушании отцу Серафиму, говорил, что по его слову он тотчас броситься в реку — и что же? Этот монах сначала стал скрывать от отца Серафима свои грехи, о чем тот прямо сказал ему, а затем и вовсе оставил своего старца. Истинный послушник всегда чувствует недостаточность своего послушания. Благодать приходит тем путем, каким она ушла. Благодать оставила Адама по причине злоупотребления им свободой воли. Мы получили с рождения волю большую и спороченную, которая проявляет-ся прежде всего в гордыне, поэтому послушание есть самый действенный, а по сути, и единственный способ возвращения благодати. Учитель монашества святитель Василий Великий пишет, что если бы монах твердо не решил находиться в послушании, то не сделал бы ничего: он бы построил дом без оснований, и чем выше здание, тем большая опасность падения. Оно может рухнуть даже от собственной тяжести, не имея опоры.

В последнее время стали появляться книги о монашеской жизни. Некоторые из них содержат

много ценных сведений, но ни в одной из них нет категориического утверждения, что монашество без послушания невозможно, что монашество без правильного руководства и послушания, а также скит или келия пустычника — это мирские дома, построенные в живописных местах.

Схиархимандрит Серафим говорил также, что для новоначальных монахов необходим физический труд, утомляющий тело. Он приводил пример из Патерика, где описывается, как старец благословлял своего ученика переносить камни из одного угла двора в другой, чтобы тот не оставался без дела. Физический труд является противоводием от плотских страстей и гордыни. В Глинской пустыни сами старцы показывали пример молодым монахам, занимаясь сильным для них телесным трудом: работали на поле, перебирали картошку, убирали келии. Такой почитаемый старец, как отец Андроник, нередко собственноручно мыл полы в гостинном корпусе для приезжих богомольцев, при том старался это делать незаметно, когда те уходили в храм или на трапезу. Схиархимандрит Серафим вспоминал: когда монахи в Глинской пустыни шли на монастырский огород копать картошку или на другие послушания, впереди всегда шалгал отец Андроник и пел ирмосы и тропари, как во время крестного хода, словно показывая этим, что монастырский труд является продолжением богослужения. Отец Серафим говорил, что современные монахи перестали чувствовать сладость послушания, и вспоминал слова отцов, что теперь мало старцев, потому что мало послушников.

Некоторые из молодых монахов ропщут на то, что из-за монастырских послушаний у них остается

мало времени для молитвы. Но они не понимают, что мало времени для молитвы остается из-за страстных и суетных помыслов, которые захватывают ум и изгоняют молитву из сердца. Такой человек может целый день сидеть в кельи и не молиться или стоять в храме, как бесчужденный болван (каменное изваяние), погружаясь в свои помыслы. Напротив, послушание очищает ум от мечтательности, сомнений и противоборства помыслов, а телесный труд усмиряет страсти. Смиренному послушнику дается дар молитвы во время самой работы. Старец говорил, что видел ропотников, которые всем были недовольны и постоянно докучали настоятелю, чтобы он переменял им послушание, перевел в другую келью и так далее. Но когда настоятель, снисходя к их немощам, исполнил их просьбы — шел им навстречу, то через некоторое время они начинали снова роптать. Отец Серафим считал, что труд и отсечение воли — это экзамен для послушника: насколько он годится в монахи.

Для монашества необходимо постоянное самоотвержение. Горе тому человеку, который, приняв монашество, не отвергнул своей воли: когда придут искушения, он окажется безоружным перед ними. Горе монаху, который хочет исправлять и поучать старца и настоятеля; за дерзость он будет оставлен благодатью, предан в руки демонов и испытает скорби, подобные смерти.

Монашество — это ангельский образ. У Ангелов дарит совершенное послушание низшего чина вышнему, о чем пишет священномученик Дионисий Ареопагит в книге «О небесной иерархии». Ангелы, отпавшие от этого послушания, стали демонами. Гордости свойственно падать. Иногда па-

дение гордого бывает промышлительным. Но подобный урок всегда жесток и страшен. Большинство подвизающихся падению не находит сил для искреннего покаяния и продолжает идти дорогой греха. Были случаи, когда гордые подвижники после падения кончали жизнь самоубийством. Дьявол иногда успокаивает человека: «Ну что же, согрешишь и покаешься», то есть: «Злоупотреби милосердием Божиим», — но надо помнить, что гонкое болото греха — это все-таки не грязевая ванна.

Старец отмечал, что часто наказанием за раскаянный грех блуда служит заболевание раком, которое является как бы аналогом этого духовного гниения. В богословские рассуждения входить не любил и избегал отвечать на богословские вопросы, оправдываясь своей простотой.

Отец Серафим придавал очень большое значение преемственности монастырской жизни, включая устав богослужения, ежедневную исповедь, откровение помыслов и т. п. Он рассказывал, что когда архимандрит Таврион (Батозский)*, назначенный настоятелем Линской пустыни, стал вводить новый устав, читать какие-то составленные им или неизвестно откуда взятые молитвы, то это вызвало недоумение и недовольство братии монастыря. Это нарушало монастырскую традицию. И потому, несмотря на подвижническую жизнь

* Архимандрит Таврион (Батозский; †1978) свой иноческий путь начал в 1913 году в Линской пустыни; в 1957 году он был назначен настоятелем этой обители по просьбе прежде ее настоятеля — архимандрита Серафима (Ангелина), которому, в силу весьма преклонного возраста, было уже тяжело управлять монастырем.

отца Тавриона, глиняские старцы вынуждены были просить Святейшего Патриарха Алексия I о замене настоятеля (что тот и исполнил)*. Этим была сохранена традиция монастыря, заложенная с его основания, и духовная преемственность, носителями которой являлись глиняские старцы.

Монах Иероним

Мы говорили о старцах, а теперь мне хочется рассказать о послушнике, глиняском монахе Иерониме. Я уже упоминал о нем в воспоминаниях о схииархимандрите Серафиме. Жизнь монаха Иеронима может служить примером истинного послушания.

После закрытия Глинской пустыни он по благословению отцов приехал в Сухуми и нес послушание на клиросе в Преображенской кладбищенской церкви, настоятелем которой в то время был протоиерей Петр Самсонов. Эта церковь находилась в селе Тависуллбеа, которое слилось с городом. В Глинском монастыре отец Иероним исполнял послушание на кухне, был помощником повара и прислуживал на трапезе. Он отличался необычайным смирением и молчаливостью. В Преображенской церкви он тоже в свободное от богослужения время готовил пищу для нескольких монахов, которых во время гонений приютил отец Петр, а также для гостей, приезжавших в храм из других городов. По воскресеньям устраивалась общая трапеза для всех прихожан.

Отец Иероним не вступал в разговоры — он постоянно беседовал с Богом и поэтому казался да-

* В 1958 году настоятелем обители вновь был назначен архимандрит Серафим (Амелин), а отец Таврион указом Святейшего Патриарха был переведен в Почаевскую Лавру.

леким от людей и чуждым этому миру. Все послушания от настоятеля, имевшего добрый, но крутой нрав, он исполнял беспрекословно. Он не убегал и не прятался от людей, но в то же время был не с ними. Когда отец Иероним быстро шел на послушание, он казался бесплотным существом, которое скользит бесшумно, как тень. Он не опускал головы, как делают некоторые монахи, но взор его был устремлен в землю. На вопросы он отвечал двумя-тремя словами и снова принимался за какое-либо дело. Когда я смотрел на него, то мне казалось, что передо мной преподобный Акакий* или Досифей**, эти подвижники послушания. Отец Иероним тяжело болел. У него обнаружилась открытая форма чахотки. Он на глазах у всех сторал, но до конца не оставлял послушания. По своей неопытности я предложил ему переехать в примыкавшее к городу Очамчире село Илори (где я служил настоятелем храма), считая, что там у него будут лучшие условия и врачебный надзор. Но он, слегка улыбувшись, тихо сказал: «Старцы заповедовали не покидать своего места, если оно само не прогонит тебя». Отец Петр окружил его вниманием, каким только мог. Он говорил, что не встречал подобного монаха, который бы в молодости достиг святости старца.

Последний раз я видел отца Иеронима перед его смертью. Стояло лето, но он дрожал от озноба. Отец Петр благословил его сесть в ванну с горячей водой, чтобы согреться. Я увидел в нем малого ребенка. Тепло его исхудало и прилипло к ребрам,

* См.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Лествица. Степень 4. О преподобном Акакии. С. 117.

** Преподобный Досифей (V Повека: память его совершается 19 февраля) — ученик преподобного аввы Дорофея.

и внешне он походил на живого мертвеца: странно было, что в нем еще теплилось дыхание. Я сказал: «Прости меня», — только два слова, чтобы не утруждать его. Он ответил шепотом: «Бог простит». Это были последние часы его жизни и, может быть, последние слова.

Когда я вспомнил отца Иеронима в разговоре со схииеримандритом Серафимом, то лицо старца просветлялось и взор его становился радостным, как у учителя или мастера, с которым говорят о любимом ученике, постишем глубину его искусства.

Монах Иероним был для нас живым образом того, чего можно достигнуть послушанием. Ученик глинских подвижников, он стал носителем духа древнего монашества с его тайными дарами. Этот дух выше слова: он передается от старца к послушнику непосредственно, через жизнь, как непрерывающееся предание, как огонь зажженной свечи к другой свече, через прикосновение фитиля к горящему пламени.

* * *

Вспоминая о глинских монахах, я часто думаю: почему до сих пор не открыта Глинская обитель? За последние годы были возобновлены и вновь построены десятки монастырей, а про «вторую Оптину» — Глинскую пустынь — как будто все забыли. Иногда мне кажется, что демон с особой яростью ополчился против нее и невидимое гонение на ее последних монахов продолжается до сих пор. А может быть, подвиг глинских старцев был настолько высок, что у них не оказалось преемников, и если бы Глинская пустынь была открыта,

* Эта статья была написана архимандритом Рафаилом до возобновления обители в 1994 году.

то там уже не было бы прежнего духа и силы старчества, а осталось бы только прежнее имя.

Когда в Константинополе в VI веке началось восстание и цариче Феодоре предлагали перемнить царское одяние и скрыться из столицы, чтобы остаться живой, то она ответила: «Для меня лучший саван — это пурпурная мантия царичи». Может быть, Глинская обитель спит, закутавшись в пурпурную мантию прежней славы, и не хочет проснуться в нищенском одянии. Но я думаю снова: ведь там находятся могилы глинских монахов, а других перенесут в монастырь, как возвращенное сокровище. Их души будут невидимо посещать монастырь и молиться за его насельников. Глинские монахи молили Бога о том, чтобы их родной монастырь был снова открыт, чтобы очистился от скверны Глинский храм Рождества Пресвятой Богородицы, чтобы к воротам монастыря, как прежде, шли паломники и богомольцы, чтобы огни лампад горели в освященном алтаре и огни молитвы — в сердцах насельников.

Почему запустел Скит, почему замкнулись уста Фиваиды, почему светильник Эфесской Церкви Господь отодвинул на восток в Антиохию, а затем в Дамаск? Потому что в Скиту были нарушены уставы, в Фиваиду проникли ереси. Но не в том причина закрытия Глинской обители. Это — тайна, непонятная для меня. Почему медлят старцы, кого ждут? Ведь своими молитвами они могут испросить не только милость, но и явное чудо у Бога.

Старцы и послушники великой обители покинули нас, перейдя в свою вечную Оптину. Стались их ученики, и тех становится все меньше и

меньше. Это последние нити, которые еще могут соединить прошлое обители с ее будущим, и если не возобновить традицию старчества, то, по крайней мере, сохранить воспоминание о ней.

Многих монахов-изгнанников приняла в свое доно Иверская земля. Иверские подвижники, мученики и преподобные дали им место рядом с собой, как своим братьям. Из Глинского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы они пришли в страну жребия Божией Матери. Они всегда пребывали под Ее покровом. Придет время, и глинская братия вновь соберется вместе — не на земле, а на Небе.

НА ПОРОГЕ ПУСТЫНИ

В 1957 году я служил в Ольгинском Мцхетском монастыре, игуменьей которого в то время была мать Ангелина (Кудимова). В монастыре неопустительно исполнялись все службы. Во время Великого поста молитва занимала бо́льшую часть суток. В храме звучали старинные напевы, одухотворенные силой живой молитвы монашеского хора. По воскресным дням в обитель приезжало много богомольцев из Тбилиси, чтобы послушать пение хора, а также побеседовать с двумя старшами монастыря — игуменьей Ангелиной и монахиней Валентиной. В то время трудно было достать духовную литературу, и монахиня Валентина часто читала гостям жития святых и «Пролог». К игуменнии обращались с духовными вопросами, иногда — с просьбой о помощи. Она внимательно выслушивала посетителей и старалась никому не отказывать. Только теперь, пройдя долгий путь жизни, я могу оценить подвиги людей, которые сохранили эту маленькую обитель, затерянную в дебрях гор, — так чудом выживает маленькое деревце в лесу, поломанном бурей. Остались в бывшей столице Грузии Мцхета, а может быть, по всей Картли, только две женские обители: Самтаврский монастырь святой равноапостольной Нины и монастырь равноапостольной княгини Ольги.словно две сестры-христианки на

арене Колизея среди трупов мучеников, окруженные зверями, стояли они, прикавшись друг к другу. Великий пост из Сухуми в Ольгинский монастырь пришел странник по имени Алексей. Он напомнил мне древних странников, которые с посохом в руках и котомкой за плечами пешком ходили по святым местам. Шли они через турецкие земли в Иерусалим, веря, что Господь укажет дорогу и сохранит в пути; проходили пересеканиями крестами дороги и тропинки от Киева до Верхотурья, появлялись даже на Синае, как будто их переносили невидимые крылья. Алексей рассказал мне о пустыне, лежащей за Сухуми, о монахах-отшельниках, которые прячутся от людей в горных пещерах, о лесных скитах, об иеродиаконе Онисифоре и монахе Пахомии, которые занимаются Иисусовой молитвой, о схархимандрите Пимене, проведем большую часть своей жизни в затворе; когда он выходил из кельи, то птицы слетались к нему, кружились над его головой и сиделись на плечи. Странник рассказал и о монахинях-подвижницах, которые в подвигах безмолвия и молитвы не уступали мужчинам. Он обещал летом провезти меня в пустыню, к кельям монахов-отшельников. По словам Алексея, он часто носит им продукты и знает, что в горах есть свободные кельи, которые стоят одинокими после смерти монахов, и кто хочет провезти пустынную жизнь, может найти приют и пропитание. Я слушал его с неизъяснимой радостью, мне хотелось, чтобы эта беседа продолжалась всю ночь до утра, но пора было идти на покой: утренняя начиналась до рассвета, и оставалось только несколько часов для сна. Игуменья, увидев в моей кельи огонек

лампы, постучала посохом в окно, чтобы я ложился спать.

После Литургии странник Алексей ушел, оставив в моем сердце какую-то тоску по еще незнакомой мне пустыне. Я не стал дожидаться лета, а попросил у магушки Ангелины разрешения отлучиться на несколько дней из обители. Тайно, не предупредив никого, кроме игуменни, я сел на поезд и отправился в Сухуми. Я помню, первое, что меня поразило там,— это особый вкус воздуха, напоенного морем; грудь расширяется, наполняясь этой свежестью и утоляя жажду чистоты. Мне казалось, что этот воздух веет из пустыни, что он несет духовное благоухание молитв отшельников. Я чувствовал в сердце моем радость, будто я стоял на пороге пустыни.

Распросив, где находится храм, я пришел туда еще до начала службы. В храме уже сообрались богомолыцы. Я стал спрашивать у них, как мне дойти до пустыни. Они смотрели на меня удивленно: ведь дороги в пустыню нет, нужно найти проводника, который хорошо знает путь,— но обещали узнать, не идет ли кто-нибудь из прихожан к пустынникам. И вот в конце службы ко мне подошел, как мне тогда показалось, юноша, который сказал, что должен повидать пустынников и поэтому может провезти меня, но предупредил, что путь туда трудный. Это был странник по имени Петр. Одни смотрели на него как на безумного, другие — как на юродивого. Он мог подойти к людям в церковном дворе и попросить: «Дайте мне рубль на бутылку вина». Большинство осуждало его, а некоторые говорили, что он только притворяется дурачком и пьяницей. Этот человек часто ходил

по городу ночами. Милиция знала его и почему-то не трогала. Сам Петр рассказывал всем, что его проглядела мать; после этого он заболел, а затем решил странствовать. Людей он просил помолиться, чтобы Бог снял с него это проклятие. Я счел его юношей, но позже увидел, что он старше меня годами. Есть люди, возраст которых трудно определить.

Мы отправились в путь. Моросил дождь. Вряд ли кто-нибудь, кроме юродивого, отправился бы в такую погоду в пустыню. Вначале надо было ехать автобусом, а затем идти пешком. Дорога поднимается вверх. Я вижу перед собой первые пятна снега, лежащего на земле, словно кугумбы белых цветов в саду; еще немного, и передо мной уже сплошное снежное море; видны горы в тумане, покрытые снегом, как будто закутанные в шубы из белой шерсти. Я начинаю недоумевать, по какой дороге мы пойдем, сколько часов надо идти, и спрашиваю Петра, хорошо ли он знает путь, но в ответ снова слышу рассказ о том, как его проглядела мать. Автобус остановился в какой-то деревушке, засыпанной снегом. Но проводник ведет меня в сторону от деревни. И вот передо мной открывается дивная картина: крутом снега, как будто кто-то постелил под нашими ногами огромный шелковый ковер ослепительно белого цвета. После этого я бывал в пустыне, но никогда не видел ее такой прекрасной, словно одетой в снежную фату. Казалось, что на земле не может быть цвета чище этой девственной белизны сверкающего в горах снега.

По сравнению с пустыней город кажется кладбищем, где дома стоят, как склепы, а земля захватается под бетоном и асфальтом, точно в саркофа-

ге. Весной пустыня похожа на предверие Эдема с его не тронутой грехом красотой, она полна жизни. Господь словно сохранил пустыню для Своих слуг — монахов, спрятал ее, как сокровище, от мира, кипящего в огне своих страстей, чтобы любящие Его смогли увидеть на земле отблеск бесной красоты...

Видно, мой проводник все-таки сбился с пути. Наступали сумерки. Вокруг никакого жилья. Я в изнеможении опустился на снег: как приятно касаться его лицом! Петр сел рядом. Через некоторое время — не знаю, прошел час или несколько минут — он сказал: «Надо идти». И опять мы побрели неизвестно куда. Наконец мы дошли до первой пустыньки, как видно, она находилась недалеко от села. Там жил больной монах. Он объяснил нам, что мы пошли совсем в другую сторону, и оставил нас ночевать. Видимо, он страдал бронхитом, потому что кашлял всю ночь. С грустью он рассказывал нам, что несколько лет прожил в пустыне, а потом заболел. Теперь ему приносят пищу и продукты из села. Он чуть ли не со слезами говорил о том, что, возможно, из-за болезни ему придется поселиться в каком-нибудь заброшенном домике в деревне. Спать мы так и не легли, просидели всю ночь около горящей печи, а наутро снова отправились в путь. Петр довел меня до одной из монашеских келий, как будто передал в другие руки, и сказал, что спешит назад в Сухуми. Я не стал останавливать его, так как боялся, что он снова заведет меня в дебри. Так что провожать меня пришлось уже моим новым знакомым.

Когда я вернулся в Сухуми, то почувствовала сильный жар, но все-таки сумел приехать в Мцхета

и добраться до монастыря. У меня оказалась про-
студа в очень тяжелой форме. За мной ухаживала,
как родная мать, игуменья Ангелина, ей помога-
ла пожилая инокиня по имени Елена. Последнюю
неделю поста и Страстную седмицу я пролежал в
постели. Только на Пасху митрополит, тогда ар-
химандрит, Зиновий разрешил мне служить. Пос-
ле посещения пустыни первой моей службой была
пасхальная утренняя и Литургия.

На всю жизнь я запомнил мою первую «снеж-
ную одиссею». Как мы не упали в овраг, засыпан-
ный снегом, или не замерзли в лесу, не знаю. Но
главное впечатление от первого посещения пу-
стыни — это необыкновенная радость, которая ох-
ватывала меня, когда я вступил в ее пределы: мир
с его шумом, с его образами, запечатленными в па-
мяти, с его заботами и волнениями как будто ис-
чез, изгладился из моей души, словно ее покрыла
благодать, как снег покрывает землю пустыни. Но
для тех, кто остается в пустыне, начинается тяже-
лое духовное испытание, и временами она стано-
вится для них похожей на огненную печь, в кото-
рой должны переплавиться их души. Но и тогда
Господь утешает пустынников Своей помощью,
подавая им духовную отраду, как в древности Он
посылал Ангела к трем отрокам, брошенным в пла-
мя вавилонской печи*. Чем выше подвиг, тем бо-
лее жестокая борьба с сатанинскими силами бы-
вает в пустыне. Один монах говорил мне, что ему
казалось, будто легион демонов, изгнанных Госпо-
дом из гадаринского бесноватого и из других, обу-
рваемых нечистыми духами**, ушли в пустыню

* См.: Дан. 3, 49–50.

** См.: Мк. 5, 1–13.

до Страшного суда и поселились около его келии.
Этого человека звали Владимир. Он сидел в тюрь-
ме за какое-то преступление, а затем дал Богу
клятву посвятить Ему всю оставшуюся жизнь. Он
ушел в пустыню и жил один далеко от братии.

Я часто вспоминаю мой первый путь в пусты-
ню, и передо мной встают картины: снежное про-
странство, похожее на океан, горы, высыпавшиеся, как
огромные айберги; вот неожиданно с ветки взле-
тела птица и обдала нас снежной пылью; вот я,
изможденный от пути, бросаю на землю свой плащ
и ложусь на него. Мне не хочется идти дальше, но
проводник заставляет меня встать, и снова мы
идем в горы, как будто плывем по бескрайнему
океану снега...

Много лет я не был в Ольгинской обители, и,
когда недавно посетил ее, грусть сжала мое серд-
це. После смерти схигумении Ангелины все из-
менилось. У нее не оказалось достойной преемни-
цы, и обитель постепенно пустела. Большинство
монахинь умерли, осталось лишь несколько сес-
тер, старых и немощных. Некоторых келий уже
нет. В храме, построенном на заре христианства
в Грузии, не собираются уже сестры на ежедневную
молитву; лишь на праздники приезжает священ-
ник, чтобы отслужить Литургию. Жизнь в обите-
ли замирает. Когда-то сюда приезжали паломни-
ки из Тбилиси и других городов, теперь они не
знают, будет ли служба, и поэтому редко кто при-
ходит в обитель.

Ольгинский монастырь был одним из духов-
ных островков во время многолетних гонений,
а теперь он похож на цветок, который выдержал
зимние морозы и стал увядать весной. Но, может

быть, по молитвам не только монахинь, живших здесь, но и синайских отцов, построивших этот монастырь (тогда — во имя великомученицы Екатерины), духовная жизнь в нем будет возрождена снова.

Я помню, как в тот первый день Пасхи, на вечерне, монахини пели, как победную песнь, великий прокимен: «Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса». В этих словах светится неугасимый луч надежды.

ВЕНЕЦ ПУСТЫННОГО ЛЕТА

В горах весна и начало лета — самое опасное время для путника. Под лучами майского солнца тают ледники в заоблачных вершинах, и пересохшие русла рек и ручьев наполняются стремительным потоком вод, которые с шумом несутся по ущелью, как всадники, догоняя друг друга. Нередко после весенних дождей дорога по дну ущелья становится западней для путников. Вначале издали раздается глухой нарастающий шум, как будто сыплется песок, ударяясь о железную кровлю, — это первый сигнал об опасности. Кажется, что темнеет небо, как будто тени ступают на ущельем, крепнет ветер, который своими порывами, похожими на клекот и крики вороньей стаи, предупреждает о беде; внезапно резкий пронизывающий холод наполняет ущелье. Шум усиливается, нарастает и переходит в грохот. Течение реки становится все более быстрым. Она влетает за собой щебенку, а затем гальку и ветви деревьев. Больны, разбиваясь о камни и выступы скал, несутся вниз клубящейся пеной. Кажется, что вода клочкочет и кипит, как в огромном котле. Ручей, который еще вчера едва струился между камней серебряной лентой, превращается в широкий поток, который поднимается все выше, — так вражеские войска взбираются по лестницам на стены крепости и затем, сломав ворота, врываются внутрь нее

и уничтожат все на пути: теперь вода несет с собой уже огромные валуны и вырванные с корнем деревья. Если путник не успеет подняться по склону горы, то гибель его неизбежна. Ни один пловец не сможет сопротивляться стремительному потоку горной реки во время разлива.

Весной становятся опасными лесные тропинки, которые порастают высокой травой: пробуждаются от зимней спячки змеи, они прячутся в сухой траве и под корнями. Змея обычно не нападает на человека, но если нечаянно наступить на нее, то ядовитые зубы, как клинки, вонзаются в тело. Поэтому весной, отправляясь в лес, пустынники надевают высокие сапоги из твердой кожи и привязывают к поясу длинную веревку, чтобы ее шуршание в траве предупредило змею о приближении человека. Если дорога идет сквозь заросли кустарника, пустынники берут с собой длинный шест, которым проверяют, как слепой дорогу палкой, нет ли в кустарнике змей, которые особо ядовиты и опасны весной. Уставший путник, прежде чем сесть на камень, должен осмотреться: не прется ли змея под этим камнем после зимней спячки, не видно ли поблизости змеиных нор. Охотники ставят капканы для ловли зверей, а змея сама может стать капканом для путника.

Весной пустыня покрывается ковром из цветов. Мне особенно нравились маки, растущие на пологих холмах. Их лепестки своим сочетанием красного и черного цвета похожи на огоньки, горящие между углей. Эти цвета напоминают мне древнюю схиму, на которой по темному фону багряной вязью вышиты священные изображения и письма.

Днем пустыню оглашает пение птиц, которые прилетев домой из южных стран, радостно приветствуют родные леса и друг друга. Весной трудно посещать пустыню, и сами пустынники в это время предпочитают оставаться на своих местах: копают огороды, чинят келии. После таяния снегов и весенних дождей земля местами превращается в топкую грязь; рытвины, наполненные водой, перерезают дороги, и путнику кажется, что он идет по болотной трясине.

Летом пустыня — горы, покрытые лесами и кустарником, — это царство тишины и покоя. В пустыне нет удручливой летней жары, от которой страдают жители равнины и морского побережья. Даже в самые жаркие дни под густыми кронами деревьев, похожими на огромные шатры, куда не проникают солнечные лучи, — тень и прохлада. Эти сумерки леса кажутся образом той непостижимой тайны, которую хранит пустыня. Летом пустынники ходят собирать ягоды, а кто умеет — грибы. Лес похож на сказку, которая очаровывает входящего в него человека. В этом необычайном мире как будто теряется само время и не хочется думать о том, что после отдыха пора собираться в путь. Здесь часы кажутся столетиями. Здесь полумрак, и только редкие лучи, пробивающиеся сквозь листву, бросают на землю светлые пятна. Незаметно проходит лето; пустыня меняет свой облик. Осень набрасывает на лес и горы золоченное покрывало. Опавшие листья багряного и золотистого цветов грудой лежат на земле. Осеннее солнце не жжет, а греет, словно ласкает, лицо. Осенью краски пустыни блекнут и становятся более глубокими. Нежный цвет увядающих

стеблей и листьев приносит сердцу отраду, смешанную с легкой грустью. Как странно: золотистый цвет источает тишину. Кажется, что осенью горы погружены в глубокое раздумье. Осенью пустыня напоминает сердцу о смерти и вечности, наполяя его особым чувством — чувством радости: ведь смерть — это окончание подвига, конец страданий. Кончина пустынников озарена благодатью, как осенний лес напоен теплом солнца. Цвета осени кажутся нежными, как дуновение ветерка, и тихими, как первые тени сумерек. Осень пустыни — это образ прощания и будущей встречи.

Наступает зима. Горы покрываются снегом, как сединой. Зима — это лучшее время для безмолвия и молитвы. Зима — это пустыня в пустыне, особенно ночью. Кажется, что все в мире исчезло, скрылось под бескрайним белым покрывалом, растянувшимся до горизонта. Монах-пустынный испытывает необычайную радость, зная, что никто не постучит в дверь его кельи, не прервет молитву, не разлучит его даже на время с Богом, не нарушит сладкого безмолвия. Ночью снег при свете луны кажется белыми цветами, засыпавшими землю, а звезды — искрящимися льдинками на небе. Снег, покрывший сугробами тропинки и дюрги, — это еще одна преграда между миром и пустыней. Монах, который видит перед собой снега, как белую колыбель, и горы, подернутые туманом, как будто прячущие под маской свое лицо, чувствует себя самым счастливым человеком в мире; для него нет красоты большей, чем снега и горы. И кажется ему, что он младенец на руках своей матери-пустыни.

Осенью и зимой, когда с моря дуют ветры, нередко идут дожди; хорошо монаху в одинокой кельи, когда капли дождя ударяют в кровлю его хижины, как будто поют протяжную песню. Этот монотонный шум дождя, в котором он слышит дивную мелодию, сливается с его молитвой. Ему кажется, что в струях дождя, как в волнах потока, исчез видимый мир и осталась только его келия, как ковчег, и нет больше ничего и никого в этом мире.

СХИИГҮМЕН ГЕОРГИЙ

Когда-то я прочитал книгу Валентина Свенцицкого «Граждане неба»*, где он описал свое путешествие к сухумским пустынноикам. Эта книга была написана в тот период его жизни, когда этот утонченный декадент и ницшеанец должен был перейти таинственную черту своей жизни, как бы переплыть бурную реку и выйти на другой берег: из сатаниста он решил сделаться христианином; затем Господь призвал его к священству и к исповедничеству за веру во Христа.

Эта книга написана в нарочито упрощенном стиле. Автор записал то, что слышал и видел, сохраняя колорит речи тех людей, с которыми встречался. Книга подкупает своей искренностью и непосредственностью, может быть, в этом ее сила и обаяние, но ее автор — только гость пустыни, внешний наблюдатель — доброжелательный и вместе с тем чуждой ей. Его взор скользя по поверхности событий, как смотрят на раскрывающуюся панораму, но в глубь монашеской жизни он проникнуть не может, и очень хорошо, что он не беретя за это. И все-таки пустыня на всю жизнь осталась в его сердце. Будучи в ссылке — в этой невольной пустыне, он занимался Иисусовой молитвой и оставил выписки о ней для своих духов-

* *Свенцицкий В. П.* Граждане неба. Мое путешествие к пустынноикам Кавказских гор. В. м., 1915.

ных чад. Я надеюсь, что с этой молитвой он перешел через грань смерти — в тот мир, которого искала его душа.

Что влечет монахов в пустыню? Человек — это образ и подобие Божие, это царь и священник, это Ангел, который поверил в то, что он — простое земное существо, и, утратив самопознание, забыл о своем царском достоинстве и священническом служении, отождествил себя с телом и потерял самого себя. Это больной Ангел, который стал зверем, тоскующим по свободе в своей клетке; это животное, которому только иногда снится его прежнее благодетство. У человека образ и подобие Божии погребены, как бы закопаны в могиле его страсти и грехом. Он не видит неба, но тоскует о чем-то на земле; он не может жить радостью зверя, хотя его убедили, что он — только животное, удел которого — пресмыкаться по земле; он стремится удовлетворить свои страсти, но душа его глухо гонит, что все это — ложная жизнь. «Сытый зверь доволен, собака в теплой конуре счастлива, и если ее приласкать, то уже ничего не хочет. Почему же я не найду в этом мире радости и покоя?» — спрашивает он.

Пустыня — это место, где человек обретает себя. Он открывает, как новый мир, собственную душу. Он похож на кладискателя, которому говорят: «Рой здесь». Он роет глубже и находит то, что искал, и то, о чем не знал. В безмолвии раскрываются ему духовные сокровища, которые Господь вложил, как залог, в глубину человеческого сердца. Люди умирают в нищете, так и не узнав, что они богачи. Они копаются в грязи, не понимая, что им не только обещано, но и дано царство.

Кладискатели предпринимают опасные путешествия, преодолевают множество трудностей и преград в надежде найти сокровище, хотя вероятность этого ничтожна. Монахи идут в пустыню, чтобы искать клад духовный. Место его обозначено точно — это их собственная душа. Там постепенно открываются перед ними сокровища, которые больше всех сокровищ земли. Нищий, призванный на царство, будет с отвращением смотреть на свою прежнюю одежду — пропитанные потом и грязью дохмоты, в которых гнездятся паразиты. Там монах с содроганием вспоминает свою прежнюю жизнь в миру, в духовной слепоте. Обычно мирские люди оплакивают монахов-пустынников, как мертвецов, которые своей рукой зачеркнули собственную жизнь. А монахи плачут о мире, который потерял Бога, о людях, которым неведомо истинное счастье, о той жизни в миру, где человек окружен любовью, изменой, обманом, где он находится во власти демонов и своих страстей, как зверь, пойманный в сеть.

Монаху мир представляется огромной тюрьмой. Душу людей гнетет тяжесть греха, но они свыклись с ней и уже не чувствуют ее. В пустыне человек понимает, что он приобрел и от чего спасся.

Какое чувство охватывает человека, когда он входит в царство пустыни? — Это, прежде всего, чувство свободы, как будто до этого он находился в мрачном и душном подземелье, а теперь глубоко дышит не только его грудь, но и его душа. Безмолвие кажется ему песней, эхо которой звучит в его сердце. Все заботы, тревоги, все призраки языческого мира остались где-то далеко, как сновидения прошедшей ночи. Когда пустынный по не-

обходимым делам покидает свою келию и входит в мир, как в поток огромной реки, то он чувствует, что начинает жить ложной жизнью, что иссякают его силы, что его душа сохнет и чахнет в этой чуждой для него среде, что среди хоровода мертвецов он должен притворяться таким же мертвецом и говорить на их языке. Шум города для него невыносим, он кажется какой-то пыткой звуками, которые ударяют его душу до физической боли. Разговоры с людьми кажутся ему тяжелой данью, и это не потому, что он не любит людей, а потому, что неизмеримо больше любит Бога и хочет общаться с Ним наедине в безмолвии пустыни, в молчании своего сердца. Пустыня кажется ему огромным храмом; небо, днем позолоченное солнцем, а ночью искрящееся звездами, — кровлей этого святилища. Но лучше всего ему в его маленькой келии, особенно когда дождь с мерным стукком бьет по крыше и струи, как слезы, скользят по узкому окошку, или когда снег засыпает путь и в тишине келии слышится только потрескивание дров в печи. Он знает, что в это время никто не постучит в его дверь, никто не нарушит его молитвы, что здесь только трое: он, пустыня и Бог. Он любит келию, как свою невесту. Где бы он ни был, он в мыслях стремится к ней; только в келии он обретает тот покой и безмолвие, когда благодать соединяет душу со словами молитвы.

Но в то же время пустыня — это место самой жестокой борьбы. Здесь змея, спящая в человеческом сердце, пробуждается от молитвы, как от удара хлыста, и душа вступает в бой с демоном. Один пустынный говорил: «Сначала я видел в своей душе грехи, как раны и язвы, затем я увидел в ней

средоточие всех зол и гнусностей, которые существуют в мире, — я увидел ее окутанной дымом преисподней, а затем сагану, сидящего на троне. Но имя Иисуса изгнало его, и он напал на меня уже не изнутри, а со стороны, и грыз мою душу и тело, чтобы я оставил молитву. А затем я увидел то, что невыразимо словом, — милость Божия к падшему человеку, и изумился тому, что утоловил Господь в награду тем, кто не отступит в духовной борьбе».

Другой пустынный сказал: «Я видел демонов, которые, как звери, окружали меня, но благодать, подобно огню, не давала им меня растерзать». Преподобный сказал: «Только в пустыне глубоко познается человеческая немощь и сила Божия».

Как в тишине ясно и четко слышен человеческий голос, так в безмолвии звучит молитва, не заглушаемая нашими помыслами и страстями, подобными шуму ветра и гулу прибора. Есть растения и цветы, которые могут жить только на каменной или песчаной почве: на рыхлой или унавоженной земле их корни сгнивают. Монах похож на такой цветок, растущий в расщелинах скал, вдали от мира.

Мучеников спрашивали, что они чувствовали во время пыток. Те отвечали: «Одновременно страдания и радость, боль тела и утешение благодатно; но радости мы испытывали больше — тогда с нами был Христос».

Жизнь в пустыне подобна мученичеству за Христа. Но в трудах и страданиях, лишениях и болезнях сердце радуется неизреченной радостью, и монах, переживший эту радость как преддверие вечной жизни, как отблеск света небесного Фавора, не променяет пустыню ни на что на земле.

Уже древние мудрецы сказали, что Бог открывается как мудрость, добро и красота. Мало кто ищет мудрости у Бога, а еще меньше тех, кто следует этой мудрости в своей жизни. Большинство смотрит на Бога как на источник добра. Но это добро понимают в вещественной форме, как здорovie, благополучие, долголетие, успех свой и своих близких, как помощь в трудных обстоятельствах, избавление от опасностей и так далее. Для большинства современных христиан вера превращается не во внутреннюю жизнь души, а в средство для достижения благополучия или утешения себя в скорби. Но есть немногие люди, которые ищут Бога ради Бога, и Бог открывается перед ними прежде всего как неизреченная красота. Нельзя любить силу ради силы, можно только подчиняться ей или стараться использовать ее. Нельзя любить мудрость ради мудрости, можно только уважать ее. Единственное, что может полюбить человеческое сердце, — это красота; к ней стремится человеческая душа, она пленяет глубины духа. Что такое красота? Это не может определить ни один философ. Совершенная красота — это Бог. Чувство красоты — это память души о потерянном рае, но искание красоты во внешнем чапе всего оканчивается разочарованием и потерей. Здесь, в мире, нет красоты, не расцвеченной грехом, а только красота — этот сверкающий издалека и исчезающий вблизи призрак красоты.

Монах хочет выйти из царства времени и смерти в другое царство — молитвы, как соприкосновения с вечностью, и созерцать в своем сердце следы небесной красоты; только это искание красоты и пленение ею дает силы и мужество переносить

труды пустыни и мучительную борьбу с демоном. Поэтому монаху, познавшему сладость одиночества и свет молитвы, так же страшно возвратиться в мир, как после смерти душе — в покинутый ею почерневший и разлагающийся труп.

Прибегнем к мирскому сравнению. Монахи-пустынники — это рыцари христианства, которые проводят жизнь в жестоких сражениях, чтобы заслужить венец победы, — венец, слетевший излучей несовершенного света. На шпиге у рыцаря было написано имя человека, которому он посвящает свои подвиги. В сердце монаха только одно имя — имя Иисуса Христа. Здесь не поединок и турнир, после которого рыцарь может снять доспехи и отдаться отдыху или пиру; здесь вечная битва, где нет ни покоя, ни отдыха, ни сна, иначе враг снова ворвется в сердце. Здесь не надо ездить по свету в поисках соперников, здесь поле битвы — сама душа человека, превосходящая все прострательства земли, а соперники, эти силы ада, сами ищут тебя, чтобы зажечь страсти, отвлечь ум от молитвы, похитить из сердца имя Бога и оквернить уже убранный храм. Поэтому монах — рыцарь, который дал Богу клятву верности до смерти и как духовное оружие взял в свою руку четки — пламенный меч, направленный против сатаны.

В Сухуми я встретился со схиигүменом Георгием. Он был тяжело болен. Его разбил паралич, и много лет он лежал почти без движения. Правда справа тела у него отнялась; говорил он с трудом, бланословлять людей мог только левой рукой. Раньше он жил в пустыне, но из-за болезни уже много лет находился в городе, на окраине, где верующие снимали для него комнату в старом маленьком домике.

Я читал о подвижниках, которые снали в пробу Схиигүмен Георгий напомнил мне старого схимника, который прежде смерти лег в гроб в своей келии, чтобы уже не встать из него, и смотрел на приходящих к нему людей как будто из другого мира. Он не роптал на свою мучительную болезнь, но умом своим находился в пустыне; он жил в прошлом — в воспоминаниях о пустыне; при слове «пустыня» слезы наворачивались на его глаза, а когда его тайком навещал кто-либо из монахов, живущих, вернее, скрывающихся, в пустыне, то он плакал навзрыд, как ребенок, плакал от радости, вдыхая знакомый воздух пустыни, которым ведало от гостя, — это благоухание денно-нощных молитв, плакал, вспоминая запах цветов и травы, гени девственного леса и прохладу, струящуюся, как поток воды с гор в летний день; он плакал от скорби, что его гость покинет его и уйдет в пустыню — в свой отчий дом, а он останется заложником и пленником в чужой стране.

Отец Георгий рассказывал, как однажды в пустыне он вдруг проснулся от какой-то странной тишины в келии. Это была необычайная, глухая, плотная, как будто ступенчатая тишина подземелья, в которое не проникали со стороны никакие звуки. Тишина пустыни друтая: это легкая прозрачная тишина, отнимаемая порохом леса. Он подошел к окну — темно; тннется час за часом, а расвет не наступает, не видно ничего. Он зажег свечу, и ему показалось, что кто-то завесил стекла плотным полотном. Он открыл дверь келии — перед ним стояла стена снега, весь дом был засыпан, как бы погребен необычайным для той местности снегопадом. В келии был запас дров и пищи, он

решил выждать. Неизвестно, сколько прошло времени, запас дров истекал, делать было нечего, надо было идти к братьям, которые жили в нескольких верстах. Чтобы ходить по такому снегу, пустыньники привязывали к ногам вместо лыж широкие и тонкие, как фанера, дощечки, которые не давали им проваливаться в сугробы. Он отправился в путь. Нередко бывали случаи, что пустыньники сбивались с дороги, их находили мертвыми в лесу или разбившимися на дне ущелья. Снег изменил вид окрестностей. Схиигумен Георгий долго блуждал в поисках келии братьев, на которую должен был указать дым от постоянно горящей печи. Но тут еще опустилась какая-то мгла, подобная туману. Он обессилен и свалился на снег почти у порога келии. Как долго он пролежал — неизвестно; его нашли братья и принесли к себе. Долго он не приходил в сознание; у него оказались отмороженными ноги, они опухли и начали темнеть. Как только снег спал, его привезли в город. Сначала несли на носилках, сглетенных из прутьев, потом, добравшись до деревни, посадили на лошадь. Отец Георгий в молодости был кавалеристом и даже больной мог удерживаться в седле. Ампутацию удалось предотвратить, но пришла другая беда — паралич. Отец Георгий оказался прикованным к постели. Его посещало много народу. Наверное, ему было очень тяжело после пустыни переносить многолюдие, но он не показывал вида. У него был дар — утешать скорбящих, да и сам его облик заставлял людей забыть о своих невзгодах перед теми страданиями, которые испытывал этот монах. Как будто помня, что он пустынный, люди в его комнате старались говорить тихо, даже шепотом.

том. Некоторые придут, посидят около его постели, дадут монахиным, готовящим ему пищу какие-то приношения, возьмут благословение и молча уйдут. Если разговор затягивался, то он закрывал глаза, как будто засыпал, наверное, ему было необходимо уйти от мира в молитву.

Он часто вспоминал о своем собрате — схиархимандрите Пимене, с которым долгое время жил в одном домике. Схиигумен Георгий происходил из дворянской семьи, получил светское и военное образование, знал несколько языков, служил в царской армии. Схиархимандрит Пимен, напротив, был из крестьян, образования не имел, но восполнял его чтением духовных книг. Отличался он прямой нравом, которая не знающим его душу могла показаться грубостью и резкостью. В пустыне он подвергался особым искушениям, может быть, из-за горячности духа. Демон представлял ему видение несуществующих событий, вроде того, как путники в пустыне видят мираж там, где нет ничего, кроме раскаленных песков.

Схиигумен Георгий рассказывал: «Однажды отец Пимен кричит мне: “Ставь чайник на плиту, скорее, к нам приехал объездчик, и надо его напоить с дороги горячим чайком”». Я поставил чайник, вышел, смотрю: нет никого. Отец Пимен громко разговаривает: “Привяжите коня к дереву, зайдите к нам, чем богаты, тем рады. Кипиток и сухарики у нас найдутся”. Потом опять говорит: “Ну, раз не можете, заезжайте на обратном пути, будем ждать вас”. — “С кем ты, отец, говоришь?” — спрашиваю его. “Разве ты не видел объездчика? Я звал его, но он сказал, что спешит”, — ответил пустынный. Я говорю: “Никакого объездчика нет. Это

демон показал тебе его образ: ты, наверно, не осенил себя крестным знаменем и поверил, что это обездчик, в следующий раз будь острожжее, ведь мы с тобой в пустыне»».

Схиархимандрита Пимена постигло испытание: у него начало ухудшаться зрение. Он пробо-вал лечиться. Митрополит Сухумский Антоний*, который очень любил монахов, устроил его слу-жить при Сухумском соборе, затем его приняли в Псково-Печерский монастырь, но болезнь про-грессировала, и он полностью ослеп. Братья мо-настыря сделали его своим духовником. Там он окончил дни своей земной жизни.

Схиигумен Георгий написал стихотворение, где сравнивал себя и отца Пимена с двумя умираю-щими орлами, которые хотят взмахнуть крыльями и вновь подняться выше гор. Но их крылья уже бесильны, и они только вспоминают о далеком небе — о своей жизни в пустыне. Это стихотво-рение было прощальным приветом духовному другу — отцу Пимену. Когда его прочитали схи-архимандриту Пимену, он заплакал и сказал: «Можно потерять пустыню, но нельзя забыть ее».

* * *

Схиигумен Георгий от природы был живого, эмоционального характера. Во время Первой ми-ровой войны он служил кавалеристом, кажется, в драгунском полку и имел награды. Откуда он был родом, я не знаю. В молодости меня мало интере-совали биографии людей, с которыми я встречал-ся. Но я узнал, что жизнь схиигумена Георгия была связана с Грузией. Староста Сухумского кафедр-

* Митрополит Сухумо-Абхазский Антоний (Пипинен-швили; †1956).

рального собора Зинаида рассказывала мне, что в начале Первой мировой войны, когда она была еще ребенком, она случайно встретилась с игуме-ном Георгием, тогда офицером. Отец Зинаиды слу-жил лесничим и с раннего возраста обучил свою дочь управлять конем. Мчатся галопом, участво-вать в скачках — стало для девочки любимым за-нятием. Однажды она возвращалась из леса с бу-кетом собранных ею цветов, и около Сухуми ей встретился драгунский отряд. Увидев девочку на коне, офицер приветствовал ее так, как принято в армии приветствовать друг друга. Она подвеха-ла ближе и бросила офицеру букет; тот поймал его на лету. Впоследствии, много лет спустя, она уз-нала его в лице большого престарелого схимника.

Жизнь в пустыне и тяжелая многолетняя бо-лезнь не искоренили в нем живости характера. Отец Георгий реагировал на чужое горе, на обиды и несправедливость, которым подвергались люди. С большой внутренней болью он переживал за-крытые храмов во время хрущевских гонений и те нестроения, которые происходят по нашим грехам среди самих христиан.

В 60-х годах к отцу Георгию несколько раз при-ходили агенты из КГБ с целью увести его из Су-хуми и поместить в дом инвалидов. Они говори-ли, что ему предоставят благоустроенную кварти-ру, будут бесплатно содержать и лечить его. Но отец Георгий понимал, что его хотят разлучить с духовными детьми, и поэтому отвечал отказом, предпочитая жить на подаяние. Тогда у него от-крыто стали требовать, чтобы он не принимал по-сетителей, угрожая ему тюрьмой. Он ответил, что и в тюрьме будет говорить людям о Христе. Наконец

его вроде бы оставили в покое, установив над ним негласную слежку. Его старались опорочить в глазах верующих. Однажды к нему пришел корреспондент газеты, разумеется, не назвав своей профессии, и стал спрашивать, как отец Георгий, будучи образованным человеком, может верить в семидневное сотворение мира. Тот ответил: «Перед Богом тысяча лет — как один день и один день — как тысяча лет». После этого в газете появилась заметка о том, что схиигүмен Георгий в Бога верит, но библейские рассказы решительно отвергает. Впрочем, верующие знали, из какого мутного источника черпает свои материалы антирелигиозная пропаганда, и не придавали значения такой клевете.

Отец Георгий в молодости любил литературу. У его родителей была библиотека с книгами на нескольких европейских языках. Он говорил, что в монашестве тяжелее всего ему было отказать от чтения книг, даже в пустыне у него бывали искушения: он, будто наяву, видел перед собой раскрывающиеся страницы любимых им книг. Сначала он читал труды по богословию, а затем перешел на изучение аскетической литературы, прежде всего творений Исаака Сирского. Он говорил, что в пустыне пережил тяжелое искушение: ему передали посылку, в которой была крупа, завернутая в несколько газетных листов (тогда целлофановых пакетов еще не было), и у него появились странное желание прочитать их от начала до конца, как будто после продолжительного голода он увидел лакомую пищу. Долго он боролся с этим помыслом, потом взял газету, перевернул вверх ногами и сказал: «Теперь читай». Все равно его глаза про-

чили несколько строк. Тогда он начал молиться об избавлении от этой напасти. Потом сказал самому себе: «Это одежда дьявола, ты снова хочешь залезть в нее» — и бросил газеты в печь. Когда газеты заторелись, у него опять возникло желание вынуть оставшиеся клочки из огня; только когда они превратились в пепел, он успокоился и облегченно вздохнул. Так радовались подвижники, когда побеждали наваждение будудной страсти.

Во время болезни уже в городе это искушение повторилось. В газетах того времени была рубрика о необычайных событиях, и отец Георгий просил, чтобы самое интересное из этой рубрики читали ему и даже вырезали и хранили в особой папке. Там были сведения из области медицины, статьи о научных открытиях, о случаях физических аномалий и так далее. Но вскоре он заметил, что молитва его стала ослабевать, как бы гаснуть, а по временам, даже ночью, память повторяла ему то, что он узнавал из газет. Он понял, что это искушение, и запретил вносить газету в свою келью; даже если в газету был завернут какой-нибудь предмет, ее оставляли на кухне. Молитва возобновилась.

В то время телевизор только входил в быт людей, и отец Георгий утверждал, что те, кто смотрит телевизор, слушает радио и читает газеты, никогда не смогут глубоко и проникновенно молиться; их молитва будет поверхностной и сухой, похожей на шестест газет, которые они читают; тем более эти люди никогда не смогут достигнуть внутренней Иисусовой молитвы. Монахов, которые смотрят телевизор или читают светскую литературу, он считал изменниками монашеских обетов, то есть изменниками Христу.

В келии у схиигүмена Георгия была большая икона Казанской Божией Матери. Эта икона пала к нему чудесным образом. Ее принесла одна из духовных чад отца Георгия и сказала, что чувствует непреодолимое желание, чтобы икона, которой она дорожила больше всего на свете, пре- бывала у него. Перед ней всегда горела лампада.

Чисто и просто было в его келии: ни одной лишней вещи не увидел бы взор посетителя. В этой комнатке меня охватывало чувство, что здесь само время идет по-другому — оно словно парит, как огромная птица, мягко веющая крыльями, не на- рушая тишины.

Отец Георгий скончался, когда меня не было в Сухуми. Перед смертью он причастился, и душа его тихо отлегла в другой мир. Потом я узнал, что во время хрущевских гонений у Сухумо-Абхазского епископа Леонида (Жвания) органы внутрен- них дел требовали, чтобы он подтвердил, что схи- игүмен Георгий не является членом Православной Церкви, а образовал собственную секту. Они хо- тели поступить с ним как с опасным сектантом. Но епископ Леонид отказался участвовать в гряз- ной провокации. Я с уважением вспоминаю этого мужественного архиерея.

Через несколько лет меня послали служить в Преображенскую кладбищенскую церковь, не- далеко от которой находилась могила схиигүме- на Георгия. Его духовные чада устроили на этой могиле закрытую со всех сторон лампаду, похожую на фонарь, и почти всегда на могиле горел огонек. Ночью казалось, что это огненный цветок, кото- рый расцвел на могиле, или звездочка, упавшая с неба. Но особенно поразителен был вид этой го-

рящей лампы зимой и в непогоду: ветер колы- шет ветки деревьев, кладбище погружено в глубо- кую тьму, похожую на глубину моря, а огонек тихо горит у подножия креста.

Отец Георгий, очистившись страданиями, до- стиг конца своей жизни, имея в сердце Иисусову молитву, подобную пламени этой лампы. А что ожидает нас в будущем? — В ответ я слышу толь- ко порывы ветра над могилами, похожие на стон в темноте зимней ночи. Мертвые молчат, как буд- то хранят эту тайну от живых.

ПОЛЯ НЕВИДИМЫХ СРАЖЕНИЙ

Однажды, беседуя со схиигуменом Георгием, мы спросили его, какие страсти больше всего борют подвижающихся в пустыне. Он ответил: «В скиту, где вместе живут несколько монахов, это страсть гнева, проявляющаяся как раздражение друг к другу. Монаху живущие с ним братия кажутся людьми тупыми, ленивыми, неряшливыми и нерасторопными. Один громко стучит ногами, другой храпит во сне, третий не сразу отвечает, когда ему задают вопрос, четвертый отнекивается болезнью, чтобы не идти на работу, пятый ест слишком много. Он начинает думать: “И с этими людьми я обречен проводить годы в пустыне?”. Затем новое искушение: ему кажется, что братия его презирают, что они о чем-то шепчутся за его спиной, что у них нет ни любви, ни сострадания. Когда становятся на молитву, то ему кажется, что один читает невнятно, в нос, как будто назло ему, другой не имеет слуха, а поет слишком громко, как будто пилой проводит по нервам; третий не стоит ровно, а все время подергивается; так что обуреваемому гневом монаху хочется бежать с молитвы куда-нибудь в лес и там молиться одному. Даже звуки голосов начинают его раздражать, а послушание, которое дают ему, кажется тяжелым и несносным. От малейшего замечания или прекословия он приходит в гнев, который сдерживает с тру-

дом, а иногда этот гнев прорывается наружу. Он начинает мечтать о том, что переселится к другим братиям, которые лучше поймут его и окружают любовью; с ними ему будет легко молиться. А иногда он обдумывает, как ему построить келью и жить одному. Если монах победит эти искушения покаянием и молитвой, то пройдет время, и как будто пелена спадет с его глаз: он увидит братий совсем другими, и в сердце его появится к ним духовная теплота. Ему захочется быть в подчинении у братий и служить им.

У отшельников другое искушение — это уныние и тоска. Особенно они борют летом в полдень, а зимой в полночь. Монах смотрит на стены своей кельи и как бы недоумевает, зачем он здесь, как он очутился в этой добровольной тюрьме. У него начинается какое-то духовное расслабление, молитва перестает идти; он с трудом произносит молитвенные слова, но не понимает их смысла, не чувствует их — они рассыпаются, как капельки ртути, упавшие на пол. Он начинает вспоминать службу в кафедральном соборе, стройное пение хора, священство в белых ризах, молящийся народ. Он думает: вот там спасаются люди, а что я делаю здесь, в пустыне? Сижу в кельи, как медведь в своей берлоге, не приношу пользы ни людям, ни своей душе. Ему кажется, что время тянется медленно и день никогда не закончится. Он смотрит на часы — стрелки не двигаются. Если часов нет, то он смотрит, высоко ли солнце стоит над горизонтом. Затем прислушивается к звукам: не идет ли кто к его кельи; потом начинает думать, нет ли поблизости большого брата, которого надо навестить; потом вспоминает, что за несколько

верст живут две инокини и у них испорчена крыша, нужно немедленно пойти и поправить ее, а может быть, они унывают и надо укрестить их. Он представляет, как рассказывает им о пустыннонической жизни и о том, как надо бороться со своими страстями. Он видит словно наяву картину, что эти инокини хотят уже покинуть пустыню и уйти в мир, а он своим приходом удержал их, и они благодарили его. Он уже берет палку, чтобы отправить-ся в путь, но затем чувствует голод и начинает готовить пищу, откладывая посещение на следующий день. Затем он вспоминает, что надо побывать в городе и купить гвозди для забора и напильщик, чтобы поточить пилу. В это время наступает час трапезы: он садится, ест, затем начинает мыть посуду и убирать келью. Уныние проходит, и он благодарит Бога за то, что не вышел из кельи.

Вызает по-другому. Когда наступает уныние, отшельник ложится на скамью, которая служит ему койкой, закрывает лицо и старается уснуть. Иногда он лежит с открытыми глазами, не ведая, сколько прошло времени, погружается в тяжёлую дремоту, видит какие-то хаотичные, бессвязные сны и чувствует после этого себя не отдохнувшим, а разбитым. Иногда во время уныния он начинает громко читать Иисусову молитву или петь псалмы. Вначале ему представляется, что над ним не небо, а непроницаемая медная стена, которую не может преодолеть его молитва. Ему кажется, что молиться так трудно, как крутить жернова, но он продолжает молиться, и тогда уныние отходит, как пёс, который покусал его и затем убежал прочь. Если монах находится в послушании у духовного отца, то ему легче. Он говорит: «Господи, мо-

литвами отца моего духовного, помилуй меня» или: «...ради отца моего, помилуй меня». Если монах поборол уныние молитвой, то оно в следующий раз возвратится с меньшей силой. Если уступит унынию и пойдет бродить по келиям, то уныние нападет на него в следующей раз, как бы усилившись от его слабости, будто бес уныния приведет с собой еще двух бесов.

Днем уныние ощущается как душевное и телесное ослабление. У тех, кто находится в послушании, уныние проявляется больше как телесная тяжесть, особенно в суставах, а у тех, кто живет без послушания, — как укол отравленной иглы в сердце, после которого наступает состояние, похожее на паралич духовных сил.

Другое искушение унынием бывает у пустычника зимней ночью, особенно в непогоду. Его душа изнемогает от тоски и безотчетного страха. Он просыпается среди ночи и слышит за стеной рев метели, как будто разные голоса перекликаются друг с другом. Ветер то свистит в ущелье, как змей из былинны, который хочет своим свистом сбить на землю коня и всадника, то с шумом проносится над лесом, и лес отвечает ему глухим стоном, как будто деревья изнемогают под тяжестью снега и напором ветра. Монах открывает дверь кельи. В нескольких шагах белет снег, а дальше — темнота. Кажется, что ночь, как море, поглотила в своей бездне контуры гор, словно потонувшие корабли. Сугробы снега около кельи похожи на холмики над могилами. Порывы ветра и мокрые хлопья снега бьют его по лицу. Словно какая-то невидимая рука, играя, подбрасывает горсти снега вверх, и они, кружась, падают снова на землю. Пустыннику

кажется: в зловещей тьме притаились голодные волки, которые бросятся на него. Он захлопывает дверь в келью и задвигает засов. Он слышит сквозной ветер какие-то звуки, как будто кто-то шарахнет у стен кельи. Ему кажется, что это медведь, который ищет дверь, чтобы навалиться на нее и выбить своей тяжестью. Проходят минуты, которые кажутся часами, но никого нет. Ветер врывается в щели чердака, и он слышит звуки, похожие на рыдание, как будто плакальщица оплакивает мертвого, парализовав себе лицо. Он не понимает, как попал в эту келью, будто в ловушку. Он представляет себя в гробу, засыпанном землей, или на льдине, оторвавшейся от берега. Он подходит к аналою, раскрывает книгу и зажигает свечу, но читать не может; свеча дрожит в его руке, а буквы расплываются перед его глазами. Он отодвигает доску, которая служит ставней для окна, очищает своим дыханием ледяные узоры на стекле, но кругом темнота, кажется, что до утра далеко, как путнику в чужой стране до родного дома, — словно мир огнесен назад, к тому времени, когда не было ни света, ни солнца, а только тьма стояла над бездной. Он приносит из чулана дрова, открывает печь, и горящие мерцающие угольки кажутся ему багровыми глазами, которые смотрят откуда-то из преисподней. Вспыхивает пламя, но оно не радуется, а скорее напоминает о вечном огне. Он садится на скамью, служащую ему ложем, в ожидании рассвета, слушает вой ветра, как песню о смерти, и незаметно для себя погружается в сон.

Чаше всего уныние проявляется в мысленной борьбе и диавольских страхованиях. В первом случае монаху кажется, что его в пустыне ждут испы-

тания, которые кончатся его смертью. Он представляет себя большим, не способным выйти из кельи: о нем все забыли, у него кончатся продукты, он лежит на одре, умирая от голода и жажды. Иногда эти мысли принимают вид картин, которые он видит перед собой. Например, как он, будучи больным, хочет спуститься к реке, чтобы зачерпнуть воду, падает на землю, не может подняться и умирает от холода; или ночью приходит какой-то зверь и начинает грызть его, беспомощного, как свою добычу. Иногда он представляет, что путь в келью засыпан снегом, а мыши съели весь запас его продуктов. Иногда он видит себя беспомощным старцем, которого оставил его послушник и ушел в мир. Пустынник начинает вспоминать рассказы о том, сколько монахов заблудилось в лесу, сколько потонуло во время перехода через реку, сколько погибло без вести. Он вспоминает о разбойниках, которые убили схимонаха Исаакия* и так избили иеромонаха Авеля, что тот вскоре умер от побоев. И мысль говорит ему: если бы ты умер ради Христа, то был бы мучеником, а придя в пустыню, ты взял труд вышесил, и кто знает, как будет оценена твоя смерть — как подвиг или как неразумие. Другое проявление уныния — это диавольские страхования. Пустынник начинает видеть змей в своей кельи, чувствует запах дыма, как будто горит лес, хотя в этих краях лесных пожаров не бывает. Мерещится ему, что кто-то прячется за деревьями, что неведомая опасность подстерегает его в лесу; слышит он на чердаке какие-то шаги, затем приглушенный разговор

* Парализованный схимонах Исаакий был замучен и убит трабителями, которые хотели найти в его кельи деньги.

людей; ему кажется, что это разбойники ищут на чердаке деньги, которых у него нет, а затем спустятся вниз и будут мучить и пытать его. У него возникает мысль потихоньку открыть дверь келли, убежать и спрятаться в лесу; пусть они забирают что хотят. Но утром оказывается, что вход в чердак заложен досками и никто туда не мог войти».

Старец говорил: «Я вовсе не трус; на войне я был в опасных переделках еще мирским человеком и сохранял при этом самообладание и спокойствие; но здесь не человеческий страх, а какой-то другой, бесовский, который овладевает всем человеческим естеством и пронизывает до костей. Попробуй, что это бесовское наваждение, но не можешь справиться с собой. Здесь трудно спорить с дьявольскими помыслами, а только надо сказать: если я умру, то ради Господа, так как пришел в пустыню ради спасения души; отцы, которые жили на этом месте, сказали: кто умрет в пустыне, тот будет вместе с нами».

МОНАХ ИЛАРИОН

В Малой Сванетии, около селения Латы, жил монах по имени Иларион. Он принадлежал к особому роду подвижников без послушания, которые вполне осознают необходимость послушания для духовной жизни, но никак не могут пригнать голову под это иго и оправдываются тем, что ищут, но еще не встретили старца по своему сердцу. Монах Иларион провел в пустыне большую часть своей жизни, отличаясь прямой характером и действительно подвижнической жизнью, но имел одну слабость: любил осуждать людей. Когда к нему в пустыню приходили посетители, то разговор начинался с духовного, но скоро переходил к греховному — порицанию и осуждению; убоятая монашеская келлия будто превращалась в трибунал, перед которым проходили шеренги подудимых: сначала безбожники, затем епископы и священники и, наконец, свои братья по пустыне. Когда его спрашивали о подвигах отцов, которые жили в этих местах, то он предпочитал рассказывать о них анекдоты. Например, Один пустынный страдал лихорадкой в тяжелой форме; приступы повторялись через день, и выдрут ему захотелось поехать селетки. Он подумал, что это искушение, направленное на то, чтобы вывести его из келлии, но желание настолько усилилось, что, не в силах противостать, он спустился с горы и пошел в деревню,

где в магазине продавали сельдь из бочки. Купив несколько сельдок, он тут же их съел. Затем купил еще и, чтобы не обращать на себя внимания, зашел за угол и также съел. Это повторялось несколько раз. Продавец недоумевал, куда человек девает сельдку, потихоньку вышел за ним и увидел, что он ее жадно ест. «Кто ты — человек или дельфин? — спросил его продавец. — От такого количества можно умереть» — и отказался продать ему еще. Пустынник с трудом вернулся в пустыню, и после этого мучительные приступы лихорадки больше не повторялись, но зато целый год он не мог переносить запаха сельди.

Рассказывал он и про другого пустынника — болгарина, кажется, по имени Михаил. Тот питался преимущественно картошкой со своего огорода и редко выходил из пустыни. У него в келии завелись клопы, а он не хотел их убивать. Ему предлагали вычистить келию и послать ее каким-то порошком, чтобы клопы слюхли, но он отказывался. Тогда его научили намочить веревку в керосине и положить вокруг койки, где он спит: клопы не смогут перелезть через керосин. Он послушался. Первую ночь провел спокойно. Но клопы перехитрили его. Они поднимались по стенам на потолок и падали оттуда на то место, где стояла койка. Так что оборона не помогла, и он решил терпеть. От укусов клопов у него начали вылезать волосы, даже брови, и появилась дрожь в пальцах. Затем его арестовали и сослали куда-то. Через несколько лет он вернулся. Волосы у него снова выросли, и он говорил, что арестовали его ввремя, а то клопы заели бы его до смерти. Когда его спросили, не было ли клопов в тюрьме, он отве-

тил: «Какая тюрьма без клопов! Но там народу было много, поэтому на мою долю оставалось насекомых меньше, чем было в келии, у них тоже есть свой порядок: они делят камеру между собой».

После таких рассказов монах Иларион начал осуждать людей, но и себя не жалел. Он рассказывал: «В деревне знакомые сваны возмутились, что коммунисты закрывают монастыри и сажают монахов в тюрьмы. Я сказал, что это власть антихриста, и поэтому она исполняет сатанинский план. В это время подошел председатель сельсовета, тоже мой знакомый, и спросил, о чем у нас разговор. Ему ответили: “Мы говорим о власти”. Тот спросил меня: “А что ты можешь сказать о советском правительстве?”. Я испугался, хотя знал, что он меня не тронет, и поспешил ответить: “Я объясню, что всякая власть от Бога».

Не буду повторять всех его побасенок и поводов к осуждению. Это была какая-то болельня, которая, казалось, въелась в его тело и проникла до самых костей.

В тот день мы пришли к отцу Илариону втроем. Вместе со мной был иннок с Украины, недавно освободившийся из заключения (это было время хрущевских гонений), и житель Сухуми, который собирался нести посылку пустынным и согласился быть нашим проводником.

Отец Иларион принял нас радушно и даже предложил мне и украинскому иноку пожить у него некоторое время, но затем, очевидно, представив, что это доставит ему лишние хлопоты и то, что монахи называют словом «шум», как бы одумался, затосковал и стал говорить о том, что ему необходимо идти из пустыни в город на долгие время

по каким-то неотложным делам. Он рассказал: «Прошлым летом приехали ко мне из Пекова иеромонах с послушником и стали просить меня помочь им обосноваться в пустыне. Они распрощивали меня, как я подвизался и молюсь. Я ответил, что еще не научился молитве, а подвизался около печи с кастрюлкой. Приезжий монах сказал: “Отцы говорили, что пустыня всему научит”. Я ответил: “В пустыне живут медведи, но права своего не изменят”. Но он настаивал и просил, чтобы я рассказал ему об Иисусовой молитве. Тогда я сказал: “В двух верстах отсюда есть пустая келья, ее построили в мое отсутствие какие-то люди, но жить в ней не смогли. Я случайно набрел на нее: смотрю, стоит, как теремок, только нет петушка на крыше. Я покажу вам эту келью и дам необходимое на первое время”. Они с радостью согласились. Я дал им полмешка картошки, крупу и проводил до кельи. В тот же день они пришли ко мне и сказали: “Мы никак не можем разжечь печь, помоги нам”. Я подумал: “Еще не знают азов нашей жизни, а уже хотят быть подвижниками. Выгонит их пустыня, как метлой”. Приходили они ко мне еще за разными вещами, но о молитве уже не спрашивали. А когда съели всю картошку и крупу, то потихоньку ушли, даже не попрощавшись со мной и не вернув мне инструментов, которые я потом нашел разбросанными около их кельи. Как я узнал, они пришли к матушкам-пустынницам и, сославшись на болезнь, поселились около них. Матушки делились с ними продуктами, как с братьями, а они разговаривали с пустынницами, как учителя. Наконец, обьезв матушек, они с наступлением холодов уехали к себе домой. — Он продол-

жал: — Я знаю этих бродячих исихастов, говорить они могут, как ораторы, а попробуй их попросить помочь вскопать огород или заготовить дрова на зиму — сразу же убегут, как черт от ладана».

Мы поспешили сказать отцу Илариону, что благодарим за гостеприимство, но оставаться не собираемся, так как хотим посетить другую пустыню. Он, разумеется, не возражал.

У отца Илариона были порывы оставить пустыню и пойти в монастырь, чтобы научиться послушанию. Это было или действием благодати, или прозрением после особых искушений, которые показывали ему, как ничтожны человеческие силы в борьбе с демоническим миром. Но его благие намерения оканчивались срывом. Придет он в монастырь, горячо возьмется за послушание, а затем загоскует, нагрубит игумену и снова вернется в свою пустыню. Однажды он уехал на Украину, в монастырь, который еще не был закрыт, и, казалось, прижился там. Он писал в Сухуми, что чувствует обновление духа, живя около старцев. Но радость оказалась преждевременной. У письмоводителя монастыря, светского человека, который, выйдя на пенсию, занимался канцелярской работой при обители, был маленький радиоприемник, по которому он проверял время и слушал последние известия, а иногда из канцелярии доносились приглушенные звуки музыки. Это возмутило монаха Илариона. Он прониц в канцелярию, когда там никого не было, разбил радиоприемник, написал обличительное послание письмоводителю-меломану и с чувством исполненного долга вернулся в родную пустыню.

Прошло время. Я неожиданно встретился с ним в Гудауте. Зима была холодной. Одна женщина на

несколько месяцев уехала к своим родным и просила его пожить это время у нее дома, где бывал там в одиночестве. «Я как чужело в чужом городе, — говорил он, — только ни ворон, ни пловцов там нет». Я спросил его: «А невидимые вороны, которых ты молитвой отгоняешь от своего сердца?». Он ничего не ответил, как видно, считая мои слова каким-то приевшимся трафаретом. Он сидел на скамейке во дворе церкви, нагнув голову, какой-то изможденный и осунувшийся, как будто постаревший на много лет. К нам подошли несколько верующих. Я решил, что он опять начнет осуждать тех, кого он видел за эти годы, но вместо этого он стал рассказывать нам, как ездил в Почаевский монастырь на праздник. Было много богомольцев, и часть их поместили в одной комнате. Там оказалась женщина с мальчиком лет четырех или пяти. Друг женщина, увидев монаха-пустытника, сказала ребенку: «Прочитай стих, который ты выучил наизусть, этому дяде». Смысл стиха такой: ребенок говорил, что он цветочек Божий, и затем спрашивал: «А кто ты?» — и сам отвечал: «А ты антихрист, потому что осуждаешь людей». Это был простенький стишок, написанный от лица ребенка. Монах Иларион говорил, что этот стих так поразил его, что он стал плакать, и до сих пор, когда он вспоминает ребенка, обличившего его, то слезы наворачиваются на глаза.

Некоторое время мы сидели молча. Затем я начал говорить о трудностях приходской жизни и об искушениях, которые по временам кажутся невыносимыми. То ли я хотел просить у него совета и молить, то ли искал сочувствия или просто ре-

шил прервать затянувшееся молчание, — я сам не понимал. Друг он посмотрел на меня и сказал тихо, каким-то сходящим из глубины души и пронизавшим мое сердце голосом: «Что ты знаешь об искушениях?» — словно перед ним сидел малый ребенок. Так солдат, вернувшись с фронта, говорит своему соседу: что ты знаешь о войне, когда читал о ней только в газетных сводках, а не сидел в окопах, залитых водой, и не ходил в атаку под огненным градом пуль. Я почувствовал в его словах глубокую правду: как малы были мои испытания в сравнении с теми, которые попускаются безмолвникам и пустынноикам. Говорить больше не хотелось; мы сидели молча, слушая в сумерках тишину.

После этого я видел его еще один раз. Он приехал в Тбилиси к владыке Зиновию, чтобы попросить у него прощения. Владыка Зиновий был тронут и принял его с любовью. На прощание монах Иларион сказал: «Я звонил в ваш колокол (а он был мастер звонить в колокола) и увидел на краю его маленькую трещинку, которая портит звук. Я слышал от старых мастеров, что в таком случае можно колокол поправить: надо расширить эту трещину, а в конце ее сделать круг величиной с небольшой монету. Тогда возобновится прежнее звучание». Владыка Зиновий благословил его на путь, и они расстались, как два старых пустынноика, которые встретились на перекрестке горных тропинок, вспомнили минувшие годы, обняли друг друга и затем каждый пошел своей дорогой.

ПРЕЛЬЩЕННЫЙ ПОДВИЖНИК

В 70-х годах я служил в Сухумской кладбищенской церкви. Однажды поздно вечером я услышал лай овчарки, которую сторож приводил с собой и привязывал на ночь в церковном дворе, находящемся в конце кладбища. За воротами меня звал какой-то человек. На мой вопрос, кто он и что ему нужно ночью, он ответил: «Разве ты не знаешь меня, я пустынник В., ведь мы виделись с тобой». Я пригляделся; это действительно был он, одетый по обычаю пустынников в длинный плащ. Я сказал: «В темноте мне было трудно сразу узнать тебя, тем более мы встречались с тобой только несколько раз». Тот ответил: «А разве ты не мог узнать меня по голосу? Спроси кого хочешь в Сухуми и не найдешь человека, который бы не слышал обо мне; даже монахи из лавры присекают повидаться со мной, только не могут меня найти, потому что дорога ко мне открывается не всем». В это время пришел сторож с ключами и открыл ворота.

В. вошел во двор, как-то боязливо покосился на храм, который белым силуэтом вырисовывался на темном фоне ночного неба и кладбища, погруженного в сон, направился в мою келью и вошел, даже не сказав привычной для монахов молитвы. Я спросил: «Ты пришел переночевать или какое-нибудь неотложное дело привело тебя ко мне?». Он ответил: «Я пришел рассказать тебе

о схигумене Серафиме и предупредить тебя об опасности, ведь Серафим обманул нас: он, оказывается, колдун, и не простой, а один из главных. Он наколдовал, чтобы закрыли Глинский монастырь, а теперь приехал сюда, чтобы разорить пустыню. Наши об этом не знают, только мне было открыто. Когда я говорю нашим братьям, то они не верят, настолько затмился их ум». Я спросил: «Кто же тебе открыл, что он колдун?». Он ответил: «Сам открыл. Приходит он ко мне ночью во сне точь-в-точь таким, как наяву, и смотрит на меня страшными глазами, а потом начинает смеяться. Я говорю ему: "Зачем мучаешь меня?". А он молчит, только смотрит на меня глазами как у демона. После этого нападает на меня уныние, все валится из рук. Однажды я даже повеситься хотел, но не нашел веревки. Я знаю, что ты встречаешься с ним, не подозревая, что это оборотень. Беги от него, а то погибнешь. Он не успокоится, пока всех нас не выгонит из пустыни. Я все кельи в пустыне обошел и разъяснял братии, чтобы не верили Серафиму и не ходили к нему, но они отвечали: тебя отчитывать надо. Что происходит, не понимаю: или они ослепли, или Серафим сам их научил колдовать. Мы с обездвиженным раньше были друзьями, а в последний раз он приехал ко мне злой и кричит: "Я тебя в психушку сдам, а то что-нибудь натворишь", — а за что сдам, за правду?».

Кто был В.? Что случилось с ним? Как демон мог овладеть пустынником? В юности В. связался с ворами, попал в тюрьму. Несколько лет сидел в камере с самыми тяжелыми преступниками. Там его стали посещать видения, о которых он впоследствии только упоминал, но подробно не рассказывал

никому. В. обратился к вере и стал подолгу молиться, он дал клятву: когда окончится срок заключення, принять монашество, — и действительно исполнил свое слово. Кто его благословил идти в пустыню, неизвестно. Он построил себе келью в самом глухом месте и затворился там. Был он очень немногословен, с братией встречался редко. Его уважали за подвижническую жизнь, но в то же время боялись, что может произойти срыв, так как он пришел в пустыню без подготовки прямо из мира, не имея духовного наставника; он хотя и говорил, что живет в послушании, но почти не выходил из пустыни, а когда бывал у братии, то не рассказывал им о своей духовной жизни и не спрашивал совета. Может быть, послушанием он называл веру в свои собственные мысли, которые он принимал как голос Божий, — не знаю. Лицо у него было исхудавшее, бледное и изможденное. Говорил он тихо, в споры не вступал, а когда приходил к братии, то недолго посидит у них в келии, отдохнет от пути или попросит, что ему нужно, и уходит прочь. А теперь я видел перед собой как бы другого человека.

Он торопливо продолжал: «Я пришел к Серафиму, чтобы объяснитьсь с ним, но меня не пустили к нему. Я просил передать, чтобы он перестал мучить меня, но не получил никакого ответа. Опять просил и умолял. Мне сказали, что Серафим говорит: “Полезней ему уйти из пустыни и жить в каком-нибудь монастыре, а то может случиться плохое”. Значит, он знает, что мне будет плохо, так как сам наводит на меня колдовство. Я стал требовать строже — опять никакого результата. Может быть, ты напишешь архиерею,

чтобы Серафим отстал от меня и не доводил до отчаяния?».

Разубеждать его было бесполезно. Я предложил ему трапезу. Он испытующе и тревожно посмотрел на меня, но затем согласился. Видно, он давно не ел. Затем я спросил его, как он молится, сколько кафизм и канонов вычитывает ежедневно. Он ответил: «Последний год, когда я только начинаю читать молитвенное правило, то слышу такое сладостное пение, что не могу продолжать молитву и слушаю его; я думаю, что это Ангелы поют». Я спросил: «О чем они поют?». Он ответил: «Я слов не разбираю, а музыка похожа на флейту со скрипкой, но это какой-то другой инструмент». Я спросил: «А занимаешься ли ты Исусовой молитвой?». Он ответил: «Занимаюсь, как пришел в пустыню. Вначале она шла туго, я уставал, а затем случилось чудо: я приобрел особый дар молитвы; теперь когда я молюсь в келии, то чувствую благоухание цветов и со словами Исусовой молитвы на вдохе втягиваю в себя их аромат, а при выдохе выбрасываю из себя, как грязь, прежние свои мирские грехи, которых становится все меньше и меньше. Я даже вижу их: как будто вылетают черные жуки». Выслушав его, я спросил: «А новых грехов у тебя нет?». Он промолчал. Я спросил вновь: «Ты читаешь “Доброголюбие”? Там отцы учат Исусовой молитве по-другому». В. отвечал уклончиво: «Кому что открыто», затем добавил: «Только не рассказывай никому про мою молитву, а то, если до него дойдет, он позавидует и своим колдовством отнимет ее у меня».

Ночевать в комнате В. отказался, а попросил, чтобы ему постелили в полупустом холодном сарае.

Утром он сказал мне, что хочет поехать в Почаев и побеседовать с тамошними отцами. Не знаю, доехал ли он до Почаева или направился в какой-нибудь другой монастырь, но через несколько недель он уже вернулся в пустыню. Братия говорила, что он стал тише, уже не кричит, что Серафим колдун, но о духовной жизни с ними не советуется и так же надолго запирается в кельи.

Что будет с В.? Неужели его многолетние пустынные труды пропадут даром?

Мне вспоминаются слова преподобного Иоанна Лествичника: «Буддников могут испелить люди, тщеславных — Ангелы, а гордых — один Бог»*. В этом не только суровое предостережение — как приговор, но еще мерцающий луч надежды, потому что все возможно Богу.

*Ты еси Бог, творяй чудеса**.*

* *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Степень 26. О рассуждении помыслов и страстей, и доборотедей. 180. С. 500.*

** Пс. 76, 15.

МОНАХИ ВИТАЛИЙ И КАССИАН

В пустыне на Барганах я встретился с двумя молодыми монахами Виталием¹² и Кассианом. Духовным отцом их был схимархимандрит Серафим (Романцов), духовник Глинской обители. При общении с этими двумя монахами мне казалось, что передо мной встает картина из юности преподобного Сергия, когда они вместе с братом Стефаном строили кельи в дремучем лесу.

Монах Виталий встретил всех земным поклоном, с такой радостью, как будто увидел самых близких друзей после разлуки. Мы провели этот вечер в беседе; при этом отец Виталий сказал: «Когда к нам приходят гости, то ради их трудов мы начинаем молитву позже, но уже на следующую день не изменяем своего молитвенного правила». А привило у этих двух монахов было поистине подвижничским: они вычитывали все службы, совершавшиеся по уставу в Глинской пустыни, и, кроме того, ежедневно прочитывали всю Псалтирь. Спали они не раздеваясь, как солдаты в походе.

Монах Кассиан (тогда Всеволод) был неустанным тружеником. Обладая большой физической силой, он носил из города продукты для старых и немощных пустынников, обрабатывал им огороды, помогал заготавливать дрова и чинить кельи, которые особенно повреждались во время снегопада. Монахи в шутку называли его «директором

пустыни». После смерти старцев, живших в пустыне, он остался самым старым насельником этого нерукотворного монастыря.

Отец Кассиан рассказывал: «Однажды на меня напала тяжелейшая тоска, которую я не мог побороть. Бес говорил мне через помыслы: игумен Серафим забыл о тебе и не чувствует, как тебе тяжело, перемени духовного отца. В это время из Сухуми приходит монах и передает мне сверток от отца Серафима. Там оказалась книга об Иисусовой молитве в издании Вагаамского монастыря, которую я давно желал иметь. После этого уныние как рукой сняло». Монах Кассиан почувствовал, как старец любит его, а мысль оставить старца была испушением от врага.

Когда я вспоминаю о монахе Кассиане, мне представляется глубоко выросший корнями в землю дуб, который не могли сломать бури.

Другой монах, Виталий, — человек с необыкновенными дарованиями, к сожалению, вскоре оставил пустыню и своего духовного отца. Старец глубоко скорбел о своем любимом ученике. Он знал, что перемена духовника не проходит для духовной жизни бесследно. Монах, покинувший старца, похож на дерево, вырванное из земли без корней и затем посаженное в другом месте. Если даже у ствола вырастут новые корни, то они будут не такими, как прежде, а слабыми и хилыми, они не смогут глубоко расти в почву и пить своим соком ветви и листья дерева. Он знал о духовной потере этого монаха и поэтому скорбел о нем.

Когда я думаю о монахе Виталии, то вспоминаю слова Оптинского старца Льва о святителе Игнатии (Брянчанинове), покинувшем Оптин-

скую пустыню: «Если бы он остался с нами, то был бы как Арсений Великий», — то есть теперь он будет не Арсением, а Игнатием — светилом, но меньшим, чем мог бы быть.

Сам отец Виталий вспоминал, как он странником пришел в Глинскую обитель и просил, чтобы кто-нибудь из старцев монастыря стал его духовным отцом. Настоятель монастыря спросил: «А кто ты хочешь?». Он ответил: «Кого укажет Господь». Тогда старцы, чтобы узнать волю Божию, решили бросить жребий между настоятелем монастыря схирхимандритом Серафимом (Амелиным), духовником монастыря схирхимандритом (тогда схиигуменом) Серафимом (Романовым) и схирхимандритом (тогда также схиигуменом) Андроником (Лукашем). Выбор пал на духовника схирхимандрита Серафима (Романова), который назывался столпником, так как жил в здании, похожем на башню (столп). Старец дал Виталию книгу «Поучения аввы Доротея» и сказал: «Прочитай эту книгу внимательно». Виталий прочитал и хотел вернуть ее отцу Серафиму, но тот сказал: «Прочитай ее вторично». Виталий прочитал, стараясь не пропустить мимо внимания ни одно-то слова: опять пришел к старцу и сказал: «Я прочитал книгу». Тот ответил: «Пойди и прочти ее в третий раз». Виталий прочел ее медленно, повторяя каждую фразу про себя, как бы стараясь запомнить наизусть. Когда он пришел к старцу, то отец Серафим сказал: «Теперь иди и выполни то, что написано в этой книге».

Что меня поразило тогда в монахе Виталии? — Он верил каждому слову людей, не подозревая, что они могут лгать, и видел в человеке только хорошее.

У него было правило: повиноваться во всем тому, кто будет находиться около него. Он вспоминал: «Когда я начинал странническую жизнь, один юродивый сказал мне: "Будь как осел, на которого садятся все кто хочет и ездят сколько хотят"».

Некоторые не верили, что это возможно исполнить, а один гость в шутку сказал: «Представь, брат Виталий, что я благословляю тебя броситься в речку. Разве ты исполнишь это?» — и, конечно, забыл о своих словах. Виталий незаметно вышел из келии, пошел к реке, протекающей по ущелью, и бросился в нее, а дело было осенью. Посидев в реке, он вышел на берег и вернулся назад. С него струями стекала вода. Гость, увидев это, ужаснулся и со слезами на глазах сказал: «Своими неразумными словами я мог убить тебя». В другой раз, уже в миру, один из священников, не любивший монахов, сказал за обедом: «А ты, как монах, должен есть не арбуз, а арбузные корки». Отец Виталий ничего не ответил, но после трапезы вынул из мусорного ведра корки, отошел в угол и начал есть. Это увидела монахиня и подняла крик. Стали вырывать корки у него из рук, но он говорил, что исподняет благословение, и не хотел отдавать. После этого он долго страдал болями в желудке.

Отец Виталий рассказывал нам о жизни в пустыне, но на трудности не жаловался. Казалось, что эта жизнь для него какая-то сплошная песня. Впоследствии он вспоминал: «Я слышал от братии об унынии, но не понимал, что это такое. Мне было весело и воду таскать, и дрова колотить, и в город идти за продуктами, и возвращаться в пустыню».

Единственная трудность, о которой он говорил, — это искушения от демонов, и то он считал,

что виноват в них сам: если бы он имел больше послушания старцу, то его именем отгонял бы демонов, как отгоняют собаку палкой.

Особенно поражали меня в отце Виталии любовь к людям, милосердие и бескорыстие. Он как бы отождествлял себя с другим человеком (впоследствии я прочитал, что нам свойственно особенно удивляться тем добродетелям, которых не имеем сами). Когда монах Виталий получил священичество, то он не давал епитимии исповедующимся ему — по крайней мере, я не знаю такого случая, — а исполнял за них епитимии сам. Когда он исповедовался духовнику, то перечислял вместе со своими собственными грехами и те, в которых исповедовались ему как священнику; он воспринимал их, как совершенные им самим. Однажды, забывшись, он сказал на исповеди, что делал аборты, отождевшив себя с женщиной, которая исповедовалась ему.

Отец Виталий говорил негромким, как бы приглушенным голосом. В юности он болел туберкулезом, от которого испелился в пустыне. Но, наверное, туберкулез поразил его голосовые связки, и хрипота осталась на всю жизнь. Он говорил от сердца, как бы переживая каждое слово, и поэтому приглушенность голоса и легкая хрипота вносили в его речь какую-то задушенность. Те, кто слушали его, чувствовали, что он говорит от своего внутреннего опыта, и это давало силу его словам.

Глаза у него были какого-то красноватого цвета; я думал, что это тоже от болезни. Но одна из духовных чад рассказала, что причина этого — слезы: ведь когда он остается один, то плачет о грехах людей. Отец Виталий рассказывал своим близким,

что однажды он исповедовался отцу Серафиму в том, что слез у него стало меньше, чем в молодости. В ответ на это схирхимандрит перекрестился и сказал: «Слава Богу. Плачь сердцем». После этого у него как бы иссушились источники слез, но усилились скорбь и боль в сердце при покаянной молитве. Отец Серафим боялся, что слезы могут вести отца Виталия в тонкую гордость. Через несколько лет слезы снова возвратились к нему.

СХИМОНАХ ЕФРЕМ

В далекой пустыньке за Барганами жил монах по имени Ефрем. Когда мы произносим слово «пустыня», то перед нашими глазами чаще всего встает картина огромной, как море, песчаной равнины, выжженной солнцем. И только весной после дождей здесь вырастают трава и цветы, словно расстилаются кем-то разноцветные ковры на дороге, по которой должен проехать со своей свитой царь. А через несколько недель трава исчезает, точно скошенная, как серпом, огненными лучами солнца. Но на языке монахов пустыня означает другое: это место, где близости нет человеку-кого жилья, где обитают только монахи да звери.

Пустыня, где жил монах Ефрем, находилась в густом хвойном лесу. Чтобы добраться до нее, нужно было несколько раз пересечь небольшую речушку, словно охранявшую царство пустыни, взбираться по крутым склонам тор, идти по еле заметной среди кустарника тропинке, пробираться среди зарослей шиповника и самшита, спускаться на дно оврага, где после весеннего таяния снегов струятся потоки воды, а летом остается только сухое дно, покрытое валунами и галькой. Труден путь в пустыню, но в то же время и радостен, как и духовный путь. Когда монах с тяжелой ношей преодолевает препятствия, как воин крепостные стены, то ликует его сердце, будто он

одержал победу. Когда он сбросит тяжелый мешок с плеч и ляжет на траве, как на матком ложе, для отдыха, прежде чем идти дальше, то он чувствует радость не только в своей душе, но и в теле, какое-то сладостное изнеможение, и пот, от которого следалась мокрой его одежда, напоминает ему о мученической крови, пролитой за Христа.

Тишина. Голько шелест листьев при порывах ветра похож на шепот леса, и кажется монаху, что сама пустыня поет и славит Бога. Не было монаха, который, покинув пустыню, не тосковал бы о ней, как о своем отчем доме. Даже монастырь для пустычника — это место изгнания.

Мне не удалось увидеть схимонаха Ефрема, он умер за несколько лет до того, как я пришел на Барганы, в десяти километрах от которых стояла его келия. После его смерти никто уже не смог жить в такой непродоходимой чаще, и эта келия осталась такой же одинокой, каким был при жизни ее хозяин. Но мне посчастливилось увидеть монаха Кассиана, который близко знал отца Ефрема и иногда приносил для него картофель — хлеб пустыни. Картофель и кукурузу монахи сажали на дужайках, не затемненных лесом. Обычно картофель в горных местностях дает хороший урожай, и иногда избытком делились друг с другом. У монаха Ефрема был маленький огород, и другие пустычники помогали ему.

Я стал спрашивать отца Кассиана о схимонахе Ефреме: что он знает о его внутренней жизни, особенно о делании Иисусовой молитвы. Он сказал: «Я жил в 50-х годах в Почаевском монастыре, а затем по благословению старца уехал в Грузию. Многие монахи Почаева решили, если закроют

монастырь, поселиться в пустыне за Сухуми. Здесь я встретился с монахом Ефремом. Он был настоящим пустычник не только телом, но и умом. Этот человек горел жаждой безмолвия. Кроме Псалтири и Евангелия, других богослужебных книг у него в келии не было; из святых отцов он имел один том “Добротолюбия” на славянском языке и еще две книги: “Невидимую брань” Николая Святогорца и толкования на творения Григория Синаита; он их также читал мало. Когда я дважды пришел к нему, то увидел “Добротолюбие” раскрытым на той же странице». Я стал спрашивать отца Кассиана: «Что говорил тебе старец об Иисусовой молитве?». Тот ответил: «Я припомню и раскажу тебе. Я бываю в Сухуми по делам, привожу пустыникам продукты, а также керосин, масло для лампад и свечи. Я знаю, где ты служишь, и сам приду к тебе».

Мы увиделись через год. Монах Кассиан сказал, что они заготавливают продукты на зиму, так как часто случаются снегопады, которые могут отрезать пустыню от мира на несколько недель, а иногда даже до двух месяцев. Я опять спросил об Иисусовой молитве, а также просил его вспомнить, что он слышал от старца о «Добротолюбии», которое собрал и перевел епископ Феодан (тогда он еще не был прославлен Церковью). Он ответил: «Я слышал, что славянское “Добротолюбие” более аскетично, его писали пустычники, преимущественно для пустытников, а епископ Феодан знал, что преховные страсти у людей одни и те же, и считал, что “Добротолюбие” нужно читать не только монахам, но и мирянам, поэтому некоторые места “Добротолюбия” он не перевел, а переложили

своими словами, как перелагают книгу для народа, а также сократил те места, где описываются приемы Иисусовой молитвы, которые употребляли древние монахи. Так он сделал из предосторожности, чтобы люди, живущие без духовного руководства, не повредили себе. Это мне говорили отцы в Почаеве, это говорили отец Онисифор в Барганах и отец Ефрем».

Я спросил: «Как творил Иисусову молитву схимонах Ефрем?». Отец Кассиан ответил: «Он советовал мне читать Григория Синаита и говорил: “Там ты найдешь все, что нужно для Иисусовой молитвы. Это учение заключается в следующем: сядь на низкую табуретку, наклони голову так, чтобы подбородок упирался в грудь, и смотри в свое сердце, направляя туда очи своего ума. Затем придерживай свое дыхание (не дыши борзо, то есть глубоко и сильно), чтобы дыханием не рассеять свои мысли, говори Иисусову молитву про себя, придерживая насколько можешь дыхание. Не расслабляйся телом, а несколько напрати плечи и шею. Будь терпелив в молитве, не вставай скоро со своего места. Дивом будет гнать тебя, представляя тебе необходимые дела, пугая болезненно тела, но ты противостань ему упованием на Бога и памятью о смерти»».

Я спросил, что значит «сдерживать дыхание». Отец Кассиан ответил: «Дыши незаметно, так, чтобы не было слышно твоего дыхания, чтобы была неподвижной твоя грудь, как будто ты хочешь, чтобы тебя приняли за мертвого». Я спросил: «Некоторые из подвижников говорили, что неразумным сдерживанием дыхания можно повредить себе легкие. Как понять это?». Он ответил: «Та-

кие монахи не поняли Григория Синаита и, думая, что подражают ему, делали именно то, от чего предостерегал преподобный Григорий. Они дышали редко, но глубоко, надувая грудь, как кузнечные меха, чтобы подольше задержать воздух на выдохе (иногда задержка дыхания продолжалась до головокругления и темноты в глазах). Возможно, было бы лучше, чем скрывать метод монаха Никифора и преподобного Григория Синаита из “Добротылюбия”, подробнее объяснить его».

Я опять спросил: «Если монах Ефрем учил тебя Иисусовой молитве, то не знаешь ли ты, как он молился сам?». Тот ответил: «Монах Ефрем разделял Иисусову молитву на четыре вдоха и четыре выдоха. Слово “Господи” внутренне произносилось со вдохом, “Иисусе” — с выдохом, “Христе” — со вдохом и так далее, на каждом слове один вдох и на последующем слове один выдох. Этот способ вначале кажется не только трудным, но и мучительным, но он быстро приводит к пресупеванию. Впоследствии такой ритм можно сохранять во время ходьбы или несложной работы, но это происходит не сразу, а постепенно, и вначале надо упражняться, удалившись в свою келью и закрыв окна, так как свет может рассеивать мысли». Я спросил: «Что дает такой образ молитвы?». Он ответил: «Когда я начал так молиться, то мне стало легче отгонять помыслы, и я чувствовал, что мой ум соприкасается с сердцем. Дыхание — это внутреннее четки».

Я спросил: «Не говорил ли тебе монах Ефрем, какое самое большое искушение было у него в пустыне?». Он ответил: «Как же, говорил; это безотчетная тоска, которая внезапно охватывает душу.

Тогда пустыня кажется могилой, в которой заключен человек: ему хочется бежать, как будто за ним гонится весь ад, бежать куда полагло: или к своим братьям, или в ближайшее село, лишь бы услышать звуки человеческой речи. От тоски мы отлучаем уныние. Оно возникает обычно днем, оно похоже на паралич сердца, как будто душа превратилась в камень; человеку ничего не хочется: келия, которая еще недавно была для него источником радости и обителью света, вдруг вызывает у него отвращение, и он думает: «Неужели я завтра снова проснусь в этой темной хижине? Для чего я пришел сюда — для того, чтобы жить без цели, а потом быть зарытым в могилу, которая порастет кустарником и травой? В мире я мог бы делать добрые дела и спастись, а здесь кому я нужен, мне даже трудно произвести краткую молитву, как будто у меня онемел язык». Пустыня, которую монах любил больше всего на свете, которая ему казалась преддверием рая, теперь кажется ему каном или волчьей ямой, в которую он попал, как неосторожный зверь. Он смотрит на небо: скорее бы прошел дождь, чтобы забыться во сне. Ему кажется, что солнце стоит неподвижно, ему хотелось бы рукой подтолкнуть его, как шар, чтобы оно двинулось скорее по склону небосвода. Но если он погертпит, то уныние пройдет и снова пустыня покажется ему самым отрадным и прекрасным местом в мире, а келия — невестой, с которой обручена его душа.

Но тоска — это другое чувство. Там не окменение сердца, а необъяснимый ужас, как будто змея присосалась к груди пустынника или диавол подошел к нему и дышит ему в лицо ледящим

дыханием. Это искушение дается не сразу. Те, кто не укрепились в молитве, не выдержали бы его. Тоска и уныние дают монаху необходимый для него опыт — опыт собственной немощи и беспомощности, когда человек ясно понимает, что без благодати Божией он не может бороться со своим бесплотным врагом. Когда испытываешь тоску, надо говорить: «Господи, молитвами отца моего духовного, помилуй меня», — и по мере твоего послушания будет дана тебе помощь, ради духовного отца».

Я вспомнил, что подвижнику схархимандристу Херувиму, который жил последние годы в Фрузии в селе Ахкерпи, было дано это огненное искушение тоской. Он говорил игуменье Марии (Соловьевой) незадолго перед смертью: «Я чувствую адскую тоску, дай Бог, чтобы вы не испытали ее».

«Иногда демон приходит во время сна, — продолжал отец Кассиан, — вернее, это какое-то среднее состояние между сном и бодрствованием. Обычно это бывает под утро. Человек мыслит ясно, как наяву, но в то же время тело его погружено в сон. И вот именно тогда демон приходит к пустыннику. Когда приближается сатана, чувствуешь тело и душа. Сатана гнусен, сатана ужасен. Человек узнает своего убийцу и пытается помолиться, но не может вспомнить слов молитвы, он не владеет своим телом, оно как бы застыгло, подобно трупу; человек чувствует себя как в преддверии ада. Но надо постараться мысленно наложить на себя крест (сразу почувшишь облегчение, как будто порвутся веревки, связывающие тебя) и повторять первые слова молитвы “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его”.

Схимонах Ефрем подвергался сатанинским испытаниям наяву. Демоны мучили его, били и вытаскивали из кельи. Братия говорила, что видели на лице и руках его синяки — следы побоев».

Когда-то монах Кассиан рассказал мне о кончине схимонаха Ефрема. «В его келью, — говорил он, — не заходили ни странники, ни охотники, только лесник-обездчик иногда добирался до его жилища. Однажды он постучал в дверь кельи, но ответа не было. Он вошел внутрь и увидел, что отец Ефрем лежит мертвым с четками в руках. Его похоронили около кельи, но после него уже никто не решился жить там. У отца Ефрема были две монашеские одежды: в одной его похоронили, другую мы взяли себе как его благословение. Отец Виталий не хотел, чтобы схима, доставшаяся от схимонаха Ефрема, лежала в их кельи без употребления, и спрашивал, не знаем ли мы схимника, который нуждается в монашеском одеянии. Он говорил, что тот, кто не имеет схимнического пострига, не должен даже держать одежду схимника в руках. Но такого монаха не нашлось...».

Я помню ночь в пустыне на Барганах. Деревья казались черными изваяниями, а при порывах ветра — колдоблющимися тенями. Ветер гнал по небу тучи, как пастух — стада темношерстных овец. Протяжные порывы ветра в ущелье и шум качающихся ветвей казались мне стоном и плачем. В кельи горели свечи, изготовленные монахами; они походили на длинные стелби камыша и могли гореть по нескольку часов. При их свете пустынники читали свое правило. В кельи было тихо. Монахи были погружены в краткий сон от вечера до полночи. Наверное, у некоторых из них молитва

не прерывалась даже среди сна. Эта келья, как будто затерянная среди пустынных гор во мраке ночи, где безмолвие пустыни нарушалось порывами ветра, который, как странник, стучался в окна, прося приюта, и тремел чем-то на крыше, будто кто-то ходил по потолку в железных сапогах, — эта келья с горящей свечой казалась мне кораблем, плывущим в огромном океане.

Самое прозное оружие, которым обладает государство, хранится в потаенных засекреченных местах — в подземных арсеналах; во времена опасности сокровища увозили в горы или закапывали в землю, а здесь, в пустыне, хранится самое сильное оружие на диавола и великое духовное богатство — молитвы подвижников. Каждое слово Иисусовой молитвы продлевает время существования самой Земли.

СКОРЫЕ ПОМОЩНИКИ

В пустыне жил монах по имени Георгий. Он говорил мне, что имеет особое молитвенное усердие к Архангелу Михаилу и святому Георгию и что они часто избавляют его от рук разбойников и от нападения зверей в лесу. Однажды зимой его окружила стая волков. Бежать было некуда, смерть казалась неминуемой. Он лег на землю лицом вниз и стал молиться святому Георгию. Приподнял голову и видит: волки сидят вокруг, но какая-то сила препятствует им броситься и растерзать его. Прошло время, и вдруг один волк завыл, а за ним другие; они словно просили у кого-то разрешения: «Ведь мы голодные, допусти нас к нашей добыче». Друг стая срывается с места и убегает по направлению к лесу.

Вспоминал он и другой случай. «Я зарабатывал на пропитание тем, что делал из дерева креслы и ложки, а также покупал воск и выливал свечи. Потихоньку я относил их в город в одну семью, они продавали мои изделия и покупали провизию, которую я относил в пустыню. Однажды недалеко от города меня остановили милиционеры и спросили, кто я и что здесь делаю. Затем сказали: “Пойдем в милицию и там разберемся”. Друг послышался какой-то крик, и мы увидели двух человек, которые быстро шли по дороге из

города. Милиционеры окрикнули их. Те, казалось, не обратили внимания и только ускорили шаг. Милиция бросила меня и погналась за ними. Я сошел с дороги и спрятался в кустах. Через несколько минут я услышал, как ругались милиционеры, что меня потеряли и тех не догнали. Просидев два часа, я продолжил свой путь».

МЕРТВОЕ СЕЛО

Ч возвращаюсь из пустыньки в Сухуми. Монах Георгий взялся провожать меня. У пустынников есть обычай: они не отпускают гостей одних, а обязательно доводят их до шоссейной дороги, как бы далеко ни отстояла от этого места их келия.

Горы за озером Амткел не похожи на пустыню, о которой мы читаем в житиях египетских подвижников. Весной она похожа на прекрасный сад, ороженный стенами гор; в сравнении с ней мир кажется пустыней, а она — оазисом, где с гор сбегают ручьи, а ветви деревьев, подобно огромному зеленому шагу, дают путнику тень и прохладу. Только зимой пустыня как бы вступает в свои права. Замирает жизнь. Не слышно ликующего пения птиц; зеленый покров деревьев сменяется белым одеянием, как будто деревья поседели, как старцы, и стоят под тяжестью снега, как под тяжестью прожитых годов. Из всех красок осени зимой в пустыне остаются только два цвета, которыми окрашены земля и небо: днем — это цвет снега и облаков; ночью — черный цвет, когда тучи одевают в траур небосвод, и звезды вместе с месяцем кажутся флотилией кораблей, которые поглотила бездна моря. Впрочем, в лунные ночи вид пустыни меняется. Снег становится похожим на серебро, а далекие звезды — на драгоценные камни, чьей-то

рукой разбросанные по черному бархатному небосводу. Свет луны отливает мертвой голубизной. Трудно сказать, что кажется холоднее: снег или свет луны. Пустыня особенно величественна в своем безмолвии.

Монах Георгий вел меня по краткой дороге, не знакомой мне. Он предусмотрительно срезал для меня ветку дерева и очистил от сучьев — без нее мне было бы трудно идти по снегу. Вдруг моим глазам предстала картина, которая навсегда врезалась в мою память, как раскаленное железо — в дерево. Передо мной лежало небольшое горное село. Не слышался отсюда лай собак, не мерцали огни в окнах домов, не было видно дыма от очагов. Село было пустым. Дома, засыпанные снегом, без окон, были похожи на черепа с зияющими черными провалами глазниц. Даже на кладбище бывает отдалнее: туда все-таки приходят люди, чтобы навестить ушедших в другой мир; а здесь не было никого, словно мир забыл об этом месте, где когда-то жили люди.

Монах Георгий рассказал мне, что это было греческое село. В 40-х годах его жителями, как и других греков, выселили из тех мест, которые уже стали родиной их дедов и прадедов. Их сослали в Казахстан, как преступников. В селении стояла маленькая церковь. Говорят, что, покидая свои дома, греки просили, чтобы эту церковь не ломали: они надеялись, что вернутся сюда снова.

Пустынники иногда заходили в это село; они чинили крышу храма, а двери и окна забили досками, чтобы пастухи не загоняли туда скот на ночь. После высылки греков, которые могли взять с собой только самое необходимое, их имущество

было куда-то увезено. Рамы со стеклами, ворота — все, что можно было унести, постепенно исчезло; через несколько лет село стало похоже на разграбленную гробницу.

...Мне кажется, что в этом месте еще глубже, чем в глухой пустыне, можно размышлять о скорогечности времени, о превратностях жизни, о неизбежной смерти, о том, что, подобно этому селению, великие царства и города были разрушены и стерты с лица земли.

МОНАХИНЯ АНГЕЛИНА

В пустыне жила монахиня Ангелина, по происхождению мордвинка. Она отличалась красотью нрава и необычайной добротой. Один из ее подвигов заключался в том, что она приносила пищу из города некоторым немощным пустынным кам и помогала им заготавливать дрова. Она с радостью встречала странников и посетителей и делилась всем, что было в ее убогой кельйке. Будучи малограмотной, мать Ангелина не могла читать молитвы по книгам; те, что знала наизусть, произносила с ошибками. Но молиться с ней было очень легко, как с ребенком, который едва лепечет слова молитвы. Она никого не осуждала. Господь попускал ей тяжёлые испытания. Однажды в ее келью пришли разбойники и стали требовать у нее денег, а затем стали бить ее ногами так, что сломали ей ребро. Рассказывая это, она прибавляла: «Какое чудо Божие! Меня бьют, а мне не больно, как будто бьют не по мне, а по полену». Затем с ней случилось другое искушение. Монах, находившийся в прелести, поджег ее келью, а сам сидел со своим послушником в лесу за деревьями и смотрел на пожар, приговаривая, что если она подвижница, то не должна иметь ничего. Ангелина не роптала на это испытание, а только жалела, что в огне сгорели ее иконы. Узнав об этом, сухумский архиерей возмущился и сказал на проповеди, что сжечь

монашескую келью — это такой же грех, как съездить в храм.

Мне вспоминается моя первая встреча с монахиней Ангелиной в пустыне. Я был простужен и еле стоял на ногах. Она говорила со мной так, словно мы были знакомы много лет, а теперь неожиданно встретились друг с другом. Мать Ангелина предлагала мне поселиться в пустой кельйке и обещала принести мне пищу и все необходимое для жизни, чтобы я не был обременен заботами, которые отвлекают человека от молитвы. В ее обличье, в тоне голоса, во взгляде было то, что можно назвать святой простотой. Я поблагодарил ее и отправился дальше со своими спутниками, а она сказала: «Приходи сюда в любое время, когда захочешь; для тебя найдется келья, а если нет, то мы все вместе выстроим ее».

До сих пор в моей памяти сохранилась картина. Зима. Небо покрыто пеленой молочного цвета. Деревья утопают в снегу, они кажутся огромными цветами с короной из белых лепестков. Тишина. Слышен хруст снега под ногами; если нечаянно заденешь ветку, то с деревьев падает снег, как белый дождь. Снег, как огнем, обжигает лицо. Душа чувствует особую красоту белого цвета как символа вечности и безграничного простора, как символа душевной чистоты и безмолвия, и кажется, что белый цвет — самый прекрасный и глубокий из всех цветов. На тропинке стоит монахиня Ангелина, кланяется нам и взглядом провожает нас. Она кажется мне хозяйкой леса, которая вышла из своего терема, чтобы попрощаться со своими гостями.

ВСТРЕЧА В БАРГАНАХ

В горах Кавказа, в пустыне, называемой Барганы, мы с двумя моими спутниками посетили схимонаха Серафима.

Его вид порастил меня с первого взгляда. Он казался мне героем из древней былинны, старым певцом из сказаний, дожившим до наших дней, чтобы не только словами, но и своим обликом поведать потомкам о славе минувших времен. Это был высокий худой монах, слегка сторбленный от старости. Ему было около ста лет. Седые волосы спадали на согнутые плечи; густая борода доходила до пояса, будто прозрачно-белое снежное покрывало было наброшено на его голову. Вид его был строгий, даже суровый, и вместе с тем величественный. Казалось, что его тонкие губы никогда не улыбались.

Мы слышали, что схимонах Серафим — имяславец, изгнанный с Афона во время известной смуты, и хотели, чтобы он, как очевидец этих событий, рассказал нам о том, что произошло тогда на Святой Горе; я собирался также спросить его об Иисусовой молитве, как понимают ее имяславцы. Мы попросили его побеседовать с нами, и он сказал, чтобы мы пришли к нему попозже, после молитвенного правила.

Дом, в котором жил старец, был разделен на две части. В другой его половине жили монахи

Кассиан (тогда Всеволод) и Виталий. Когда келерник отца Серафима позвал нас и мы вошли в келию старца, он усадил нас на широкую скамью, сколоченную из грубых, неотесанных досок, а сам сел напротив на табурет, похожий на ящик. Мы стали спрашивать его об афонской смуте. Он отвечал кратко и как бы нехотя, как будто мы прикоснулись к его старой ране. Спор на Афоне шел о том, является ли имя Иисус Богом, существовало ли оно предвечно, или это имя — только человеческое наименование Бога, принадлежавшее времени. Казалось, отец Серафим до сих пор не может понять, почему русских монахов изгнали с Афона, что они плохого сделали, чем оскорбили Господа. Он рассказывал, что для увещевания монахов на Святую Гору были присланы ученые-ботоголовы, которые доказывали, что имя Иисус — человеческое слово, принадлежавшее определенному времени и языку; а имяславцы утверждали, что это имя божественно и вечно. Но вопрос этот относился не к области философии, а к области жизни духа, к Иисусовой молитве, поэтому монахи больше доверяли опыту своих старцев, чем знаниям академиков. Схимонах Серафим считал, что если бы Святейший Синод послал на Святую Гору не ученых теологов, а монастырских монахов, опытных в духовной жизни, чтобы на месте исследовать суть разногласий, тогда спор не окончился бы изгнанием монахов со Святой Горы и не оскудели бы русские обители на Афоне.

Слушая его, я думал, что обе стороны, полемизируя об имени Божием, говорили на разных языках, поэтому так и не поняли друг друга. Схимонах Серафима, по его словам, выслали с Афона

из-за того, что он не подписал какую-то бумагу, касающуюся имени Господа Иисуса Христа. «Никогда такого не было на Афоне, — говорил он, — чтобы у монахов требовали расписки в том, как они должны молиться».

На Афоне не особенно доверяли академикам (так называли выпускников духовных академий). Дух рационализма, проникший в профессорскую корпорацию, и революционные настроения среди части студентов были хорошо известны афонским монахам.

Хотя отец Серафим оказался на стороне имяславцев, он не одобрял тех монахов-экстремистов, которые выступали против монастырских властей, отстранили игумена от управления монастырем, вели себя вызывающе дерзко и называли Синод и Патриархов еретиками. Вообще, отец Серафим говорил об изгнании имяславцев с Афона сдержанно, словно боясь или не желая выступать в роли судьи. Он стремился объяснить афонскую трагедию недоразумением, демонскими кознями и попушением за грехи.

Я стал спрашивать отца Серафима о книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа»*, на которую ссылались имяславцы. Он ответил кратко, с оттенком грусти: «Иларион родился слишком поздно». И больше об этой книге не сказал ничего.

Знаменательно, что другой пустынный, отрядивший имяславие, на мой вопрос ответил теми же словами: «Иларион родился поздно». Что значили эти слова? Возможно, схимонах Серафим хотел сказать, что наши современники перестали понимать язык святоотеческих творений. В этом

* См. примеч. на с. 211.

есть своя правда: общее снижение духовности, недостаток внутреннего молитвенного опыта, отход от жизни древнего монашества выводят современных богословов и отчасти монахов из русла мистического предания, и их попытки рационалистически объяснить тайну и определить ее в словесных умозаключениях приводят к непониманию, разномыслию и опшиокам. С тайной можно соприкоснуться только через символы и иноскания. Духовный мир, открывающийся в молитве, не может быть адекватно передан словами; в него надо включиться, его надо внутренне пережить. Однако этот упрек в не меньшей степени можно отнести и к самому схимонаху Илариону, автору книги «На горах Кавказа». Его язык, отличающийся несомненными художественными достоинствами, способный захватить и увлечь читателей, слишком эмоционален; суждения распыляются, неточны, а иногда неверны и вместе с тем излишне категоричны. Описание духовных состояний неравноценны, некоторые из них отпадают как какой-то горячность и, позволю себе сказать, невозможность. Чувствуется, что здесь духовный опыт не вполне чист, в него вторгается воображение. Эта эмоциональная напряженность и гиперболизм речи отпадают от спокойной трезвости древних православных мистиков, творения которых излучают тихий и ровный свет.

Сам схимонах Иларион, как я слышал, меньше всего желал стать ересиархом или раскольником, но он не избежал того же рационалистического соблазна: дать определение тайны богословения в словесных формулировках, раскрыть ее в расщепочной плоскости. И, кажется, до конца

жизни так и не понял своей опшиоки. Имяславие могло остаться поэзией молитвы, но схимонах Иларион захотел стать богословом молитвы и этим перешел грань между гимнографией и богословием. А священник Павел Флоренский и другие ученые апологеты имяславия сделали из него новую отрасль гностицизма.

Схимонах Серафим не разделял взглядов тех монахов-имяславцев (назовем их радикалами имяславства), которые буквально понимали слова предподобного Григория Синаита: «Молитва есть Бог»*. Он говорил, что это высказывание относится не ко всякой молитве, а только к благодатной. Из этого я заключаю, что отец Серафим не разделял слепого буквализма, подобно буквояверию старообрядцев. К тайне можно приблизиться только через символ. Именно в молитвенном делании человек ощущает приближение символа к Символизирваемому. Высший словесный символ — это имя. В глубокой молитве символ как бы оживает в душе человека, и он субъективно воспринимает действие Божие через имя и само имя — в некоем мистическом единстве с Именнымым. Объективно они не становятся тождественны друг другу, символ и Символизирваемый не могут стать односущными или моноэнергетическими — они разноприродны, и символ не имеет своей автономной энергии. Но в благодатном состоянии молитвы человек может субъективно воспринимать их не расщепочно-аналитически, а в некоем эмоциональном единстве.

* *Предподобный Григорий Синаит*. Главы <...> zelo полезныя, словеса различная о заповедех, догматах, мукх и обетованиях: еще же о помыслех, страстех, добродетелех, безмолвии и молитве // *Добротолюбие*. В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 196.

Язык мистиков имеет свой стиль, свои средства выражения: иносказания, образы, метафоры и т.д. Он призван выявить ассоциативные связи и найти подобное между видимым и невидимым, чтобы помочь душе включиться в родственный ей духовный мир. Для мистика слова: «Имя Иисуса есть Бог» — это воспоминание о переживании в молитве и о том состоянии, когда душе человека, призвавшего имя Божие, через благодать открывается Бог. То же самое выражение на языке богословской терминологии будет представлять собой неясность, а попытка догматизировать символический образ может перейти в ересь.

В самом имяславстве не было единства. Только на первый взгляд это учение могло показаться цельным. На самом деле, оно, как и старообрядчество, состояло из нескольких течений и представляло собой целый конгломерат мнений и взглядов. Схимонах Серафим принадежда, если можно так сказать, к умеренным имяславцам.

Одну, немногочисленную, часть имяславцев составляли монахи, которые испытали глубокие мистические переживания и благодатные молитвенные состояния. Имя Иисуса Христа было дыханием их сердца и светом их жизни. Они хотели прославить имя Иисуса, но в этом порыве отождествили словесный образ с живым Первообразом. В своем воодушевлении они не поняли, что эмоциональное познание не может быть абстрагировано от непосредственного мистического опыта и заменено словом. Они не столько утверждали, что имя Иисуса есть Бог, сколько боялись через отрицание потерять это имя из своего сердца. Они боялись, что после такого, по их мнению, отречения

от благодати испытываемый ими в молитве свет имени Иисуса Христа ослабится или померкнет в их душах. Здесь можно говорить о неточности, о неправильной интерпретации мистического опыта, но еще не о ереси.

По мысли святителя Григория Богослова, для спасения достаточно очищения души, а для занятия богословием необходимо знание философии. Святый Пимен Великий на вопрос: «Как сохранить мир души?» — отвечал, что для этого надо пребывать в своем чине (и не выходить из него)*. Мне кажется, что эти два совета были нарушены духовными вождями имяславцев.

Другую значительную часть имяславцев представляли монахи-простецы, которые, как мы уже сказали, больше доверяли своим старцам, чем приедем из столичных академий России богословам. К грехам они также не испытывали доверия, так как подозревали их в тайном желании эллизировать весь Афон. Кроме того, они считали, что меньший грех ошибиться в чрезмерном возвышении имени Иисуса, чем в Его возможном унижении и оскорблении.

Была еще часть монахов — постоянно недолжных монастырской жизнью: игуменом, распорядком дня, уставом, работой и т. д. — монахов-своевольников, которым был по душе всякий протест и возможность пошуметь, даже точно не представляя, в чем суть спора. Они больше всего мешали диалогу между «академиками» и «афонцами», превращали встречи в митинги и, не слушая никого, кричали, как старообрядцы во времена папы Пустосвята: «Победили, победили!».

* См. примеч. на с. 36.

Была и весьма немногочисленная прослойка в монашестве (и не только в афонском), состоявшая преимущественно из интеллигентов и бывших дворян, которые по своему мышлению и гордости ума, а также по прошлым увлечениям в миру, были враждебны к теософской мистике (скрытому пантеизму и магизму) и не до конца изжили ее инерцию, даже находясь в монастырях. В имяславстве они увидели, скорее почувствовали, то, чего желали: особый способ молитвы, основанный на тождестве именовании и реалий, благодаря которому можно влиять на духовный мир через энергию самого слова. Эти интеллигенты-монахи, за немногим исключением, не пользовались авторитетом у собратий, чувствовали в них что-то чужое и тяжелое, но смуга подняла их на поверхность, как пену морской волны или пузырьки кипшей воды.

Надо сказать, что плеяда русских софиологов также рассматривала имяславство как монашеский или мистико-аскетический гностицизм, хотя не употребляла этих выражений из-за понятных причин. Это было для них чем-то родным и похожим на христианизированное пифагорийство и платонизм.

В имяславских спорах каждая сторона апеллировала к святым отцам (приводила цитаты из святоотеческих творений), но это не убеждало другую сторону, которая также указывала на святых отцов и приводила альтернативные цитаты. Надо сказать, что вообще подобная аргументация мало что дает, так как отдельные цитаты представляют собой разрозненные фрагменты, выдернутые из контекста, словно отдельные куски, вырезанные

из полотно картины. На основании одного или нескольких фрагментов нельзя воссоздать целое. Более того, из цитат, выбранных и расположенных по определенному, заранее заданному плану, можно составить или подтвердить ими почти любое учение. Ведь в основе ересей лежит монтаж фрагментов Библии. Чтобы понять святоотеческие творения, надо рассмотреть их, как и Библию, в цельности, найти основную идею, и тогда будет понятен смысл каждой цитаты. Поэтому в Церкви всегда существовали вероопределятельные книги.

Имяславцы не поняли, что гимнографический стиль, уместный для описания мистических переживаний, нельзя перелагать на язык богословских понятий, тяготеющих к четкой философской терминологии, а противостоящая сторона словно забыла, что кроме догматического богословия существует еще богословие мистическое, имеющее свои средства и формы языкового изображения, и что недостаточно только опровергнуть оппонента, но необходимо еще понять его язык. Приведем такой пример. В гимнографии Господь Иисус Христос часто сравнивается с солнцем. В акафисте написано: «Иисусе, Солнце Правды». Человек, читающий акафист, духовно воспринимает этот образ эмоционально переживает его: Иисус — солнце его души, свет его ума, теплота его сердца. Но если на основании акафиста мы станем утверждать, что Иисус и солнце — это тождественные понятия, то есть солнце — это Божество, то мы впадем в язычество или в ересь, схожую с манихейством и розенкрейцеровством. В первом случае, при молитвенном чтении акафиста, душа воспринимает Иисуса как источник Божественного света; во втором

случае, при переводе образа в словесное понятие, этот же образ, подвергшийся логической интерпретации, становится плоским, одномерным, материализованным и превращает Иисуса в соларное божество. В первом случае мы видим прославление Иисуса через образ видимого солнца, а во втором — уклонение в языческий космизм. Если бы человеку, испытывавшему благодатное состояние, подобно озарению во время молитвы (чтения акафиста), вдруг сказали бы: «Подпишись, что Иисус не есть солнце», то возможно, что он отказался бы сделать это, указав, что акафист Иисусу Сладчайшему со словами: «Иисусе, Солнце Правды» благословлен Церковью и по нему молились христиане в течение многих веков. Так что с психологической стороны нам понятно смущение имяславцев.

Мы не заметили в отце Серафиме сурового фанатизма. Узнав в беседе, что я священник, он встал и взял у меня благословение. Мы не слышали от него обличения иерархии — этой лаковой пищи для раскольников всех толков. Он признавал Церковь, но не интересовался, что происходит в ней, как видно, считая, что пришел в пустыню, чтобы осуждать и обличать только самого себя. И все же, сравнивая отца Серафима с другими пустынниками, я чувствовал, что между нами стоит какая-то преграда душевной отчужденности, тонкая и невидимая, как прозрачное стекло.

В духовном мире существует своя иерархия — это иерархия святости и духовности, которую ощущает и признает душа человека. Старцы стоят на высоких, но не одинаковых ступенях этой иерархии. Сами они понимают это, а народ инту-

итивно чувствует благодать, которую они стяжали, как бы степень духовного света, излучаемого ими. При встрече с пустынниками мы чувствовали эту духовную иерархию, но в то же время — и некое единство. Это ступени одной лестницы, где бы ни находился человек: около ее подножия или у вершины.

В общении с отцом Серафимом было нечто другое: чувство уважения к нему, преклонение перед многолетним подвигом пустыничества — и в то же время ощущение, что мы беседуем с двух берегов узкой, но глубокой реки, разделяемые ее потоком. Что это такое? Я точно не могу ответить. Мне кажется, что его смирение было в значительной степени снисхождением к немощи и непрощенности собеседников со стороны человека, который считает, что он обладает некой тайной, которую мы не можем постичь. Он признавал Церковь, и в то же время чувствовалось, что он внутренне полностью не включен в нее, а только примирен с ней, что он считает высшей церковью имяславцев своего направления, как бы церковь в Церкви, а нас — душевными христианами, не вмещающими тайны духа, тайны имени Иисуса. Он отделил себя от имяславцев-радикалов, которые называли греческих патриархов, а также российских иерархов еретиками и восставали против игуменов («Подняли звон на весь Афон»), но считал, что надо было всем проявить терпение: страсти бы улеглись, и дело прояснилось.

Отец Серафим говорил, что Барганы стали для него вторым Афоном и что он завещал похоронить его недалеко от кельи, в которой он прожил несколько десятков лет. Живя в пустыне, схимонах

Серафим старался уклониться от каких-либо бесед, особенно споров с другими монахами о имени Божием. У него было двое послушников. Во время нашей беседы со схимником они вышли из кельи и занимались какими-то делами во дворе. Это была монашеская деликатность: оставлять посетителей для беседы со старцем наедине.

Когда мы спросили схимонаха Серафима об Иисусовой молитве, то он отказался поделиться с нами своим внутренним опытом, может быть, усмотрев в этом нашу нескромную любознательность или желание испытать его и заглянуть в чужую душу. А может быть, он, не без основания, считал, что опыт молитвенного делания, приобретенный десятками лет жизни в пустыне, не может быть так легко передан незнакомым людям, впервые пришедшим к нему. Он ответил, что об Иисусовой молитве достаточно написано у святых отцов и посоветовал читать «Добротолюбие» на славянском языке.

В монашеской жизни отец Серафим ценил умеренность; он не одобрял чрезмерных подвигов, которые брали на себя некоторые молодые монахи. Но сам он, кроме своих послушников, никого не учил, а только кратко отвечал, если его спрашивали о духовной жизни. Он старался быть со всеми в мире, но в то же время имел свои правила, приобретенные еще на Афоне, от которых не отступал. Приведу маленький пример. Монах, перед тем как войти в келью к своему собрату, должен сказать: «Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» или: «Сыне Божий, помилуй нас», и только после ответа «аминь» он может войти в келью. От Пас-

хи до Вознесения монахи, жившие в пустыне, говорили пасхальное приветствие: «Христос воскрес!» перед дверью кельи и ожидали, пока изнутри им ответят: «Воистину воскрес!». На старом Афоне, в Пантелеимоновом монастыре, гость читал пасхальный тропарь до половины: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ», а хорзанин продолжал: «...и сущим во гробех живот даровав» — и тогда открывал двери. Когда пустычники говорили у кельи отца Серафима: «Христос воскрес!», то он отвечал: «...и сущим во гробех живот даровав», считая, что не должен изменять монастырской традиции и благословлению афонских старцев. Он считал, что пасхальным приветствием монахи должны обмениваться не через дверь, а лицом к лицу и затем целовать друг друга в плечо.

Разговор коснулся иеросхимонаха Антония (Бугатовича), бывшего гвардейского офицера, принявшего монашество и написавшего апологию в защиту имяславия*. Схимонах Серафим ответил: «Написал он эту книгу не для нас, а для интеллигенции. — Затем продолжал: — Пришла Бугатовичу мысль (буквально — «блажь») — эфиопов исцелять, чтобы обращаться в Православие, и, не спросив благословения у старцев, поехал он к эфиопскому царю, который уже умирал, и обещал его вылечить. Стал мазать освященным маслом, а тот все равно помер, и вышел такой конфуз. На Афоне у нас были старцы, которые могли исцелять

* Иеросхимонах Антоний (Бугатович; †1918) — в 1907–1913 годах — насельник Андреевского скита на Афоне; имелся в виду его книга «Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус». М., 1913.

и чуждеса совершать, но делали это скрыто, через тайную молитву, не выявляя себя».

В России антицерковные и антиправославные силы, разумеется, не упустили случая воспользоваться афонской смутой для новых нападений на Церковь. С другой стороны, последователи Владимира Соловьева увидели в имяславстве возможность для создания новых гностических концепций, как бы источник философских вдохновений. Эти «ученые мужи» оказали имяславству «медвежьё услугу», приписав ему магические манипуляции с именами и, тем самым, связь с давно отвергнутым и осужденным Церковью языческим оккультизмом — в общем, в полемическом задоре накиннули на него еще одну петлю. Хотя Святейший Синод Русской Церкви и восточные патриархи категорически осудили имяславие как инсиглавие, но осудили с позиции догматики и сотериологии, недостаточно учитывая мистику молитвы и своеобразие языковых средств (различие между идеей и символом). Образ, воспринятый как конкретизация идеи, привел к неправильному богословскому осмыслению феномена внутренней мистической жизни. К сожалению, часть монахов-имяславцев, изгнанных с Афона, не разглядев опасности, приняла помощь богословствующих философов-платоников для своих апелляций, то есть воспользовалась «шпарталками» гностиков, и, разумеется, такие апологии ничего хорошего не дали и не прояснили позиции имяславцев, а еще более затемнили и исказили суть вопроса. Когда седювлясье изгнанники с Афона пытались оперировать такими терминами, как «моноэнергетизм» и «динамика имен», подкажанными Флоренским,

Лосевым и другими, то в глазах православных богословов это учение становилось еще более подозрительным и опасным.

Из беседы с отцом Серафимом мы вывели заключение, что большинство монахов-имяславцев не стремились к каким-либо богословским открытиям и к «талисману молитвы», а в простоте сердца считали, что в имени Иисуса Христа открывается душа Богу.

Что касается той части имяславцев, которые хотели догматизировать свое учение и сыгались на аллегорические и метафорические выражения древних мистиков, то они повторяли в новом варианте джеучения антропоморфистов с их плюским буквализмом в понимании духовного мира. Но все-таки жаль, что посланники Синода, защищая Православие, поторопились применить силу, не оставив возможности (хотя бы нескольких лет) очиститься мутной воде страстного противостояния. Во всяком случае, тогда картина стала бы яснее и догматические контуры ереси — более четкими для самих имяславцев. Господь сказал: «Дайте пшенице и плевелам вырасти вместе, чтобы затем отлучить их»*. А здесь была вырвана можда поросль, еще не определившая себя.

Пастырский жезл Синода ударил по имяславцам, но, к сожалению, другим концом удар припелся на всю «афонскую Русь». События на Афоне в чем-то напоминают смуту в Александрийской Церкви (конец IV века), когда архиепископ Феодил, борясь с ересью оригенизма и антропоморфизма, при помощи войска разогнал монахов Нитрийской пустыни, причем пострададо немало

* См.: Мф. 13, 24–30.

православных. Как известно, святой Иоанн Златоуст заступился за нескольких изгнанных монахов, так называемых «долгих братьев», что послужило еще одной причиной враждебного отношения архиепископа Феофила к Константинопольскому патриарху.

Впоследствии, в годы революции, большинство монахов, высланных с Афона, окончили жизнь мученически, и может быть, в этом был Промысл Божий. Для нас афонская трагедия — урок, как осторожно следует прикасаться к чуждому сердцу. Чтобы говорить о вере, необходимо стараться понять своего собеседника, а для этого нужны любовь и терпение. Но самому любовь нельзя подменить беспринципным соглашательством, в котором нет ни правды, ни любви.

Наверное, уже нет в живых отца Серафима, и теперь недалеко от келии, где он подвизался, путников на Барганы встретит его могила с простым монашеским крестом. Я до сих пор вспоминаю высокого седлого старца в светлом холщовом подраснике. Он напоминает мне одинокую сосну, стоящую в зимнем поле: она склонила ветви под тяжестью снега, как этот старейший пустынник — плечи под тяжестью прожитых лет. И все-таки, когда я вспоминаю нашу встречу, у меня снова возникает то двойственное чувство, которое я испытывал тогда. Старец вызвал у меня глубокое уважение, но правильнее было бы сказать — почтение перед его величественным видом и подвижнической жизнью. Когда я беседовал с другими пустынноиками, то в сердце своем ощущал мир, какой-то неземной покой, как будто я входил в поле, освещенное незримым светом. Мое сердце раскрывалось,

оно хотело впитать в себя окружающий их дух, как песок воду. Казалось, что ум безмолвствует, лишённый помыслов, и внимает сердцу. Часто бывает так: когда идешь к старцу, то много вопросов волнует тебя, а увидишь его — и все вопросы как будто забываются и исчезают, а если спросишь, то о самом главном — о духовной жизни и спасении. Около старца уже не беспокоит то, что творится в миру. Волны страстей, привязанностей, обид, забог и стораха затихают, как улеглись волны Галилейского моря, когда Господь запретил буре, и она стала тишина*. Около старца-пустынника кажется, что если все, что имеет человек в миру, что он ценит и чем дорожил, с чем связывал свое счастье, вдруг пропадет, то в это время его сердце останется спокойным. Как будто все внешнее — это не твое, оно чуждо душе, а единственное, в чем состоит истинная жизнь для человека, — это вечный Божественный свет, и ради него можно отречься от всего. Около старца оживает дух, ум становится более ясным, но человек забывает свои вопросы и проблемы, словно их и не было, именно потому, что причины, вызвавшие их, теперь кажутся ничтожными. Может быть, в этом и поучает душа ответ. А когда я говорил с отцом Серафимом, то чувствовал нечто другое. Я слушал его внимательно, но это был скорее интерес раскудка, а сердце не раскрывалось, оно жило своей жизнью. Разумеется, я оценивал достоинство старца: разумом я одобрял, что он не отошел от Церкви, что его позиция в империализме очень умеренна и сдержанна, что он верит в благодать, пребывающую в Церкви, и даже не чуждается взять благословение

* См.: Мф. 8, 23–27.

у незнакомого ему священника. Но почему-то, когда я увидел его, передо мною предстал образ древнего анахорета, а старого богатыря из былин, певца-баяна. У меня не было предубеждений к нему, он принял нас с монашеской приветливостью, но, покидая его келию, я чувствовал, что получил все, что он мог дать мне, и вряд ли мое сердце снова потянет меня к нему. Странная вещь, я уважаю его, но ощущаю что-то невидимое, разлучающее нас, хотя ни одного противоборствующего слова не прозвучало во время нашей встречи. Внешне, так сказать, формально, все было в порядке, не было лишь одного: душа не соприкасалась с душой. Все-таки мне кажется, что невозможно полностью включиться в Церковь, четко и твердо не отвернув того, чего Церковь не принимает. Господь сказал: *Иде сокровище ваше, там будет сердце ваше**. Между двумя государствами обычно существует полоса земли, называемая нейтральной зоной. Человек вышел из одной страны и еще не вступил в другую. Мне кажется, что близизително в таком состоянии был отец Серафим. Он шел вдоль границы; разум его как будто нашел средний путь между Православием и имяславием. Он принимал Тайнства от православных священнослужителей, но я думаю, что сердце его оставалось по ту сторону границы, где начиналось имяславие. Это состояние нельзя назвать ересью. Оно скорее походило на «икономию» со стороны старца, на неравный союз по необходимости. Но Православие — это единство. Оно требует всего человеческого сердца и послушания ума. Даже сравнительно небольшое отклонение уже отража-

* Ср.: Мф. 6, 21; Лк. 12, 34.

ется в мистическом общении душ. Поэтому в чинах присоединения к Православию требуется категорическое отрицание лжеучений, неправильных мнений и взглядов, а не просто согласие с Православием.

Может быть, мои воспоминания об отце Серафиме и размышления о нашей беседе лишены строгой последовательности и целостности, но я не стремился к этому, я хотел записать то, что переживал.

Мы поблагодарили схимонаха Серафима за беседу с нами. Он проводил нас до порога келии. По легкому движению его губ можно было предположить, что он творил Иисусову молитву.

Вернувшись в келию отца Кассиана и отца Виталия, мы застали там еще двух незнакомых монахов, которые сидели за трапезой. Во время их пребывания в келии мы услышали от них только несколько фраз. Казалось, что они по дороге и в гостях продолжали заниматься исихией. После трапезы они пропели благодарственные молитвы, трижды поклонились иконам, а затем каждому из нас, и вышли во двор по какому-то делу вместе с отцом Кассианом. Не то они передали ему послышку, не то он дал им какой-то инструмент.

Молчание — это язык монахов, это благородство души пустынника. Молчание — это один из знаков Иисусовой молитвы, творимой в сердце. Молчаливые уста — это как бы замок, запирающий вход в ограду внутреннего духовного сада, где имена Иисуса Христа и Божией Матери цветут, как дивные небесные цветы.

Пора было расставаться. Нас взяли провождать монах Кассиан. Счастливый монахи, живущие

в пустыне. Царь открывает свои сокровища, хранимые в тайнике, только самым близким друзьям. А Господь сохранил от мира красоту пустынных гор, чтобы дать их как наследие отшельникам и скитским монахам. В Псалттри написано: «Ты дивно светишь с гор пустынных»*. С этих гор в мир изливается незримый свет, который не дает погнубить миру. Велика радость монахов, для которых пустыня стала родным домом. Кто любит келию, как свою духовную невесту, никогда не променяет ее ни на что на свете; тот, кто прожил в пустыне хотя бы несколько лет, а затем ушел из ее безмолвного царства, забудет всю жизнь тосковать по ней и даже во сне видеть пряды гор, прорезанных глубокими ущельями. Он будет вспоминать леса, где царит тишина, прерываемая только шестом ветра в листве деревьев, перенем одинокой птицы или тихим шумом ручья.

Меняется времена года, меняется лик пустыни, но она одинаково прекрасна зимой и летом, осенью и весной, и во все часы суток: на рассвете, в полдень, на закате и глубокой ночью. С наступлением темноты горы какутся тенями, брошенными на землю из далеких космических пространств. Не только земля, но и небо над пустыней другое. В городах оно кажется подернутым плотной вуалью, через которую едва пробивается тусклый свет звезд. В пустыне небо похоже на картину, с которой сняли слой пыли, и она засияла обновленными красками. В городе звезды какутся искрами затухающего костра, которые едва мерцают среди пепла, а в пустыне они похожи на драгоценные камни, которые лежат на дне огромного прозрачного озера.

* См.: Пс. 75, 5.

Глубокой ночью в келиях монахов загорается свет. Они встают на молитву. Святые отцы заповедовали делить ночь между сном и бодрствованием. Иногда безмолвие ночи прерывается шумом ветра в ущелье, который похож на дыхание спящего исполина.

На заре первыми просыпаются горы. Их линии на фоне неба становятся четкими и как бы упругими. Ущелья еще потружены в сон и мрак; кажется, что из их глубин поднимаются клубы темносизого дыма. Заря своим дыханием гасит звезды, словно ветер тушит свечи огромного паникадила. Невидимая рука стирает ночную чернь с хрустальной сферической поверхности небосвода, и он светлеет с каждой минутой.

Вот на востоке засияла заря, будто радуга после дождя. Ее нежные, прозрачные краски какутся лепестками небесных цветов, которые выросли за ночь и теперь распустили свои дивные бутонь. Выпхнув на небосводе разноцветными огнями, словно приветствуя землю с наступающим днем, она исчезает, будто тает и тонет в холодной синеве бездонного небесного моря.

...Стояла осень. На земле, как мягкий ковер, лежала опавшая листва. Сквозь поросли пожелтевшего кустарника виднелись каменные ребра скал; особенно были красивы блестящие черные камни. Красота весенних цветов сменилась осенней красотой камней, которые казались мне черными розами гор или остатками звездного дождя, когда-то пробившего скалы.

Есть места в горах, где вид камней наполняет душу какой-то тревогой: они встречаются путника, как стражи врага. Одни из таких камней похожи

на глаза змеи, другие — на обломки черепов, иные на клыки, выступающие из скалы, как из пасти зверя. Но когда идешь мимо этих камней в другой раз, то кажется, что они узнают тебя, как пес узнает гостя, который раньше уже приходил в дом.

В некоторых местах тропинка над обрывом сужается настолько, что по ней не могут пройти рядом или разминуться два человека. Путник, видя пропасть у ног, прижимается к скале, как к своему другу, и чувствует тепло от ее каменной груди.

Отец Кассиан шел с нами по лесу, где не было тропинки. Казалось, он узнает путь по деревьям, как по дорожным вехам. Лес начал редеть и затем сменился кустарником. Мы вышли к пологому склону горы, спускавшемуся в долину. Горизонт перед нами точно раздвинулся вперед и вдаль и захватил новые пространства в свои владения. В лазурном лучистом небе застыли облака, как острова из белых кораллов.

«Какая красота!» — воскликнул я, обращаясь к отцу Кассиану. Он взглянул на меня как бы с удивлением и спросил: «Где?». Я показал на небо. Он посмотрел по направлению моей руки, словно пытаясь увидеть что-то необычное, постоял и затем сказал: «Похоже, будет хорошая погода, успею переделаться у себя кровлю». Потом добавил: «Старцы благословляли нас идти отдельно в дороге, шагов на двадцать-тридцать друг от друга, чтобы не мешать молитве». Я подумал: «Вот в чем красота для пустычника. Зачем ему смотреть на небо? У кого в сердце имя Иисуса Христа, у того там и небо».

МОНАХИНЯ АКИНДИНА

В пустыне жила монахиня по имени Акиндина. В молодости своей она была послушницей схимонаха Илариона, автора книги «На горах Кавказа»*. Эта книга послужила причиной так называемой «афонской смуты» и империалистической ереси. Но мать Акиндина меньше всего походила на еретичку: в ней не было и следа той духовной гордости, той душевной разгоряченности, которая деляет еретика глупым к учению Церкви и нередко проявляется по отношению к несогласным с ним во вспышках гнева, в озлобленности и даже в ненависти. Напротив, в ней чувствовался внутренний мир и собственные молитвы монахам старшего поколения спокойствие и рассудительность. Она принадлежала Церкви и, казалось, не могла жить и мыслить иначе. Она избегала осуждать кого-либо, особенно священников или архиереев. Надо сказать, что люди, сочувствующие даже в каком-то уголке души ереси и расколу, стараются оправдать это чувство перед собой и другими, как борьбу за правду, осуждая священников и иерархов. О чем бы ни говорил такой человек, он все равно будет возвращаться, как зверь на прежние свои следы, к поношению священства. Монахиню Акиндину уважал архимандрит Серафим**, это

* См. примеч. на с. 211.

** Речь идет о схимархимандрите Серафиме (Романове).

было в моих глазах лучшим доказательством ее православия. Жила она со своей послушницей — молчаливой и безропотной монахиней. Главным ее занятием в течение десятков лет подвижнической жизни была Иисусова молитва.

Однажды я посетил ее пустыньку и стал спрашивать об Иисусовой молитве и о схимонахе Иларионе. Монахиня Акиндина рассказывала, что схимонах Иларион до самой своей смерти считал себя чадом Православной Церкви и говорил, что имяславские споры — это какое-то страшное недоразумение; он не вступал в эти дискуссии, а как бы стоял в стороне. Несколько раз он обращался к епископу с попыткой разъяснить учение об Иисусовой молитве, но словно петля все туже и туже загибалась вокруг этого вопроса. Это принесло схимонаху Илариону большие скорби и отчасти послужило причиной его смерти. У него началась болезнь сердца, а затем водянка, от которой он умер. Он застал своим ученикам быть в послушании Церкви, а некоторых из них, в том числе монахиню Акиндину, благословил на пустынножительство. После революции тонение на Церковь на Северном Кавказе приняло особо жестокие формы, так как к нему присоединилась еще борьба с казачеством, в результате которой были уничтожены многие станицы и села. Вместе с несколькими монахинями мать Акиндина пришла в Грузию и поселилась в сухумских горах. Она затрундилась отвечать мне на некоторые вопросы об Иисусовой молитве или же не хотела обнажать того, что было для нее самым святым и сокровенным, — не знала. Но, как я понял, она считала, что слова «Имя Иисуса есть Бог» означают, что в имени Иисуса присутствует и открывается Бог или, дру-

гими словами, в молитве через священное имя Божие открывается сердце для благодати Духа Святого и присутствия Иисуса Христа. Не всякий молящийся достигает такого состояния, напротив, теперь это удел немногих. В Псалтири написано: *Господь во храме святем Своем**, но это не значит, что храм есть Бог, и далеко не все входящие в храм ощущают присутствие Божие. Храм — это место, где вседущий Господь открывается душе человека, а имя Иисус — это то имя, через которое Господь — выше всякого слова и имени — открывается душе, и тогда имя Иисус и благодать Божия в сердечной молитве воспринимаются нераздельно, как соединенные воедино друг с другом. Но это область мистического, субъективно-то переживания, а не богословских определений. Побоноу мысль я услышал от схимонаха Серафима**, который был выслан с Афона по обвинению в имяславстве. Он говорил: «Схимонах Иларион родился слишком поздно», имея в виду, что его не поняли ни те, кто его обвинял, ни те, кто его защищал.

Мистика не поддается философской интерпретации. Это мир новых для человека реалий, с которым он соприкасается, мир не передаваемый словом духовных существей, о которых можно говорить только образами, аллегориями и символами. Поэтому язык мистика может быть правильно понят лишь теми, кто имеет личный мистический опыт и знает всю условность человеческого языка. Здесь слово не адекватно реалии, открывающейся через духовное переживание, оно — некая заметка, знак, зарюбка, оставляемая на пути. Здесь слово выбирается как ассоциативное звено между двумя

* Пс. 10, 3.

** О встрече со схимонахом Серафимом см. выше, с. 303–324.

религиями, духовной и материальной, не похожими друг на друга. Здесь личный опыт должен восполнить недостающее, и чем ближе он к святоотеческой традиции, тем он более правдивен и глубок.

Раньше даже светская литература содержала в себе аллегорию, притчи, инсказання. Теперь мистика вытеснена рационализмом; этот рационализм, ставший диктатором современного мышления, убивает благовение и старается сорвать покров с тайны. Защитники и противники имяславства говорили на языке рационалистической схоластики, в частности это касается иеросхимонаха Антония (Булганова)*, который построил защиту имяславства на софистике. Может быть, схимонах Серафим имел в виду изменения в мышлении и духовном видении современного человека.

Затем в имяславский спор включились новые силы, близкие к гностицизму и пантеистической философии, спор ушел еще глубже, в область абстракции, и в декадентских крутах имяславство приобрело привкус оккультизма. Теперь этот спор вспыхнул с новой силой, уже не в монашеской среде, а среди околоцерковной интеллигенции с очень скудным опытом Иисусовой молитвы и православной аскезы, зато с немалым самонением и стремлением к изобретательству. Можно полагать, что здесь снова сухой религиозный рационализм, который сам по себе не вреден, но дает мало пищи для души, столкнется с рационалистическим оккультизмом непрошенных защитников имяславия, который явится одной из форм борьбы оккультистического пантеизма (демонизма) с Церковью.

* См. примеч. на с. 315.

Мать Акиндина рассказывала, что перед ее монашеским постригом духовник сказал ей: «Сколько в Церкви есть имен святых угодников Божиих, а люди выбирают преимущественно одни и те же имена. Большинство имен теперь почти забыто, а ведь угодники Божии хотят, чтобы на земле жили люди, с которыми они были бы связаны через их имя. Поэтому я дам тебе имя мученика Акиндина, которое редко кто носит в наше время».

Я был у монахини Акиндины вместе с уже покойным иеромонахом Зосимой. Она представила нам одну из келий для ночлега, а утром с перьями лучами расвета разбудила нас, сказав, что нам пора собираться в путь. Она громко пропела несколько стихов из псалма, уже не помню какие, и мне тогда вспомнилось, как в детстве мать будила меня, чтобы я скорее вставал и шел в школу, а мне в то время особенно хотелось спать.

Вспоминая наши разговоры об Иисусовой молитве, я думал о том, что мышление древних мистиков было иным — многогранным и объемным, а у современных людей оно стало плоским и ползучим, так что они, даже ссылаясь на святых отцов (в своем понимании), часто переносят объемное изображение на двухмерную плоскость, и в результате получается не чертеж, а ерунда.

Пустынник монах Иларион, живший в горах Малой Сванетии, считал, что выражение: «Имя Иисуса есть Бог», повторяющееся в книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа», гождественно словам преподобного Григория Синаита: «Молитва есть Бог»*. Но мне кажется, что это не совсем так. Молитва есть действие, если угодно,

* См. примеч. на с. 307.

синергическое действие, а имя — это символ и орудие молитвы. Оно священо в том смысле, что символ связан с символизирuemым, а имя Иисус является высшим символом, связанным с Божественной Личностью. (Имя Иисус, относящееся к другой личности, например, Иисус сын Сирахов, принадлежит к числу обыкновенных человеческих имен.)

Впрочем, отец Иларион указывал, что слова преподобного Григория Синаита относятся не ко всякой молитве, а к тем молитвенным состояниям, в которых явно действует благодать (когда Дух Святой глаголет в сердце молитвенника «Авва Отче» Своим безгласным дыханием). Некоторые из таких состояний назывались у аскетов «изумлением» и «восхищением». («Изумление» — от слов «из ума», то есть выход из плена плотского рассудка, новое видение мира, духовное прозрение, которое наступает чаще всего при нежданном явлении Божества. «Восхищение» — от слова «восхитить», взять, как само добычу, повлечь за собой — говорить о действии благодати, схватившей, как бы пленившей душу. В этом состоянии исчезает само время и для человека остается только одна реальность — Божество и духовный мир.)

Не нам писать об этом. Мы ясно понимаем, что не нам, но мы хотели сохранить для христиан то, что может навсегда исчезнуть; сохранить от времени и забвения как духовное достояние хотя бы смутные силуэты пустыни или ее неясные тени в своих воспоминаниях; мы также хотели предостеречь наших современников от возможных ошибок на духовном пути. Только в этом мы видим оправдание своей дерзости.

* * *

Как-то в Сухуми мне встретился юноша из Сванетии. Он приехал сюда учиться. Его отец был объездчиком в так называемой Малой Сванетии, в селении Латы. Он говорил, что там много лет жили монахи, а затем они куда-то ушли. Отец рассказывал ему об иеромонахе Авеле, человеке святой жизни. Сваны уважали его и прятали от властей во времена гонений. Но какие-то недобрые люди напали на отца Авеля и избили так, что он заболел и умер. Местные жители просили его назвать имена тех, кто его покалечил, но он отказался и сказал, что прощает их. Юноша говорил, что когда монахи жили в лесу, то он с отцом, а иногда один, приходил к ним, и тогда радость была у него на сердце, а когда монахи ушли, то вместе с ними «ушла» и эта радость.

Я видел много самоотверженных людей в миру. Я видел старцев, живущих в монастырях и преобладающих большинством в молитве. Но у пустынников чувствуется какая-то особая благодать, словно они носят в сердце своем тишину пустыни, словно на их лицах сияет отблеск будущего преображения. И теперь мне кажется, что эти люди — самые счастливые на земле.

БЕСЕДА ОБ ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЕ

Иеромонах сказал схимнику-пустынножителю: «После пострига я постоянно занимался Иисусовой молитвой; впрочем, будучи еще мирским юношей, я по временам творил ее, поэтому имел уже некоторый навык. Первое время молитва шла хорошо, а затем, по непонятным мне причинам, начала постепенно остывать, как угли погасшего костра, и оскудевать, как вода в засыпанном камнями источнике. Я сопротивлялся и старался удерживать ее, но все было напрасно. Тогда я взял себе за правило: читать книги святых отцов об Иисусовой молитве. После чтения молитва снова оживала, но ненадолго. Мое внимание рассеивалось, и у меня возникало такое чувство, что сама молитва хочет покинуть меня, как птица — улететь из открытой клетки. Сначала я пытался заполнить Иисусовой молитвой все свободное от служебного времени, но затем стал забывать о ней и творил ее только по временам, точно пловец, который то ныряет в воду, то показывается на поверхности. Эти периоды оставления молитвы все более увеличивались, и иногда у меня было такое состояние, что мне казалось, будто я вообще никогда даже не слышал и не читал об Иисусовой молитве. Душа моя стала чуждаться молитвы и как бы дичать. Я не понимаю, что со мной происходит. Вместо того, чтобы приобретать, я теряю то, что как будто

бы имел; в чем причина этого?». Схимник отвечал: «Святые отцы учат, что молитва неотделима от жизни человека, а твоя жизнь не соответствует такой духовной мере, как пребывание в непрестанной молитве. Первое время благодать молилась за тебя, и ты подумал, что сам уже приобрел молитву. Не ты первый задаешь такой вопрос. Даже некоторые из монахов, живущих в пустыне, говорили мне: “Что случилось? Мы в миру имели молитву, а в безмолвии потеряли ее”. Знают, они не смирили свой дух и начали крыть крышу, не построив стены. Святой Григорий Богослов пишет, что начертать письменна на камне трудно, а на алмазе — невозможно. Видишь, чем материал тверже, тем труднее изобразить на нем что-либо. От гордости и страстей сердце становится твердым и не воспринимает в себя имя Иисуса Христа, который есть Любовь и Смирение. Птицы имеют два крыла; у души одно крыло — молитва, а другое — жизнь по Богу. У тебя образовался разрыв между молитвой и заповедями Евангелия. Начни исполнять их, и твоя душа получит второе крыло».

Иеромонах спросил: «Какие терния заглушают цветы молитвы?». Схимник ответил: «Первый враг молитвы, как я уже сказал, — гордость. Душа гордого не может молиться, так как вайне она считает, что ни в чем не нуждается, и потому, пронося слова молитвы, на самом деле не молится, то есть искренне не просит у Бога ни прощения, ни помощи. Она думает, что ей достаточно своих собственных сил. Сердце гордого отталкивает от себя молитву, подобно тому как вода выталкивает дерево, погруженное в нее. Когда такой человек

кончается молиться, то в сердце от молитвы не остается и следа».

Иеромонах спросил: «Что нужно для молитвы?». Схимник ответил: «Смирение. Иисусова молитва — это покаянный плач, а для покаяния нужно видение своих грехов; смиренное сердце становится прозрачным и мягким, как горячий воск. Только оно сможет воспринять и удержатъ благодать».

«А как приобрести смирение?» — спросил иеромонах. Схимник ответил: «Приобрести смирение так, как покупают вещь — книгу или одежду — невозможно. Его нужно приобретать всю жизнь в постоянной борьбе с собой. Лучший и самый скорый способ — это жить в послушании и замкнуть свои уста, словно замок на ключ. Как купец считает каждую монету, прежде чем отдать ее, так ты будь скуп на слова; старайся отдалиться от дерзких и надменных — их болезнь заразна, а общайся с тем, в ком ты чувствуешь благодать смирения как духовное благоухание».

Иеромонах спросил: «Что значит слова Екклесиаста: *Всему свое время**? Можно ли эти слова приложить к молитве?». Старец сказал: «Если человек заранее не уврачает свою душу милостью к людям, то не сможет стяжать непрестанную молитву ни в монастыре, ни в пустыне. Некоторые пытались насильно соединить не очищенный от внешних впечатлений ум со страстным сердцем и после молитвы ощущали раздражение и беспричинный гнев, словно они растревожили незажившие раны. Они только раздражили диавола, как ребенок, который, не умея обращаться с оружием, вызывает на бой война».

* Еккл. 3, 1.

Иеромонах сказал: «В “Добротолюбии” святые отцы заповедают отдалиться от мира и избегать людей, чтобы творить молитву». Старец ответил: «“Добротолюбие” написано главным образом для преуспевающих монахов, а мы по сравнению с ними не стоим даже на первой ступени послушничества. Их духовный путь начинался в миру, продолжался в монастыре, заканчивался в пустыне. Многие люди оправдывают себя мнимым подвижничеством; под видом молитвы они скрывают свое безразличие и немилосердие к братьям. Они прячутся от людей не ради Бога, а чтобы не беспокоить себя. Такие люди до старости похжи на незрелые плоды, которые висят до зимы на оголившихся ветвях. Они великого не приобрели и малое потеряли. Служение братьям — необходимый период в духовной жизни. Камень шлифуют о камень, чтобы он стал гладким. Без служения братьям нельзя победить гнев, стяжать терпение и начатки любви. Кто из новоначальных не идет трудиться с братией, оправдываясь молитвой, или закрывает двери перед людьми, как безмолвник, тот получит мзду не подвижника, а ленивца».

Иеромонах спросил: «Значит, безмолвие опасно для молитвы?». Схимонах ответил: «Старцы учили приближаться к безмолвию постепенно; надо сначала научиться жить с людьми, чтобы потом в одиночку бороться с бесами. На крутую гору идут медленно, проверяя каждый шаг, чтобы не сорваться вниз. Кто уносит неиспеленные ступати в пустыню, тот уносит с собой за паухой змей. Кто хочет без борьбы добиться непрестанной молитвы, того эти змеи покусают. Непосильная тяжесть

надрывает тело, а такой человек от безмолвия может повредиться умом».

Иеромонах сказал: «Объясни мне это подробнее. Я сам не раз чувствовал после усердной Иисусовой молитвы вместо покоя раздражительность и тнев». Схимник отвечал: «Возьмем в пример музыкальный инструмент: если струна не натянута, она не издает никакого звука, а если перетянута, то звук от нее глухой и как бы надтреснутый. Такая струна рвется от сильного удара, а иногда даже от неосторожного рывка. Нервы внутренне раздвоенного человека, который хочет совместить безмолвие со светским образом жизни, натянуты, как струна. Каждое прикосновение отдается болью, каждое неосторожное слово может вызвать вспышку негодования, которую он не в силах удерживать. Теперь чаще всего, oddly говоря, главный нерв души протянут у такого человека между крестом и телевизором, поэтому он всегда воспален и напряжен. Некоторые неискусные наставники отвечали людям, которые обратились за советом, что они неправильно творят Иисусову молитву (впрочем, не объясняя, что это значит, так как сами не понимали, в чем дело), и советовали изменять ее другими молитвами. Но я считаю, что надо изменить не молитву, а жизнь и что причина такого болезненного состояния, иногда похожего на истерику, иногда — на депрессию, заключается в невозможности «совместить» Иисусову молитву со страстями, которые постоянно питает сам человек, не понимая или не желая это понять. Страсти кажутся ему естественными чувствами, а зрелища и книги, пропитанные ядом блуда, — невинными удовольствиями, без которых современный человек не может обойтись».

Иеромонах сказал: «Я служу на приходе и считаю, что Литургия — это самая большая милость людям и поэтому — высшее исполнение заповедей. Некоторые богословы пишут, что Литургия освещает не только землю, но и весь космос. Разве это не достояние для меня?». Старец отвечал: «Это милость Божия, а не твоя добродетель; я спрашиваю тебя: имешь ли ты в сердце сострадание к людям, полагаешься ли на волю Божию в своей жизни, даешь ли милостыню бедным, или ты утвердился и успокоился в мысли, что достаточно совершать службу в церкви и она заменит собой все евангельские заповеди? Приняв в свое сердце демонов лести и сребролюбия, ты потерял любовь к людям и потому потерял любовь к Богу. Иисусова молитва не находит места в твоей душе и покидает ее, как гость чужой дом, где его не приняли».

Иеромонах спросил: «Какая страсть после гордости наиболее пагубна для Иисусовой молитвы?». Старец отвечал: «У каждого из нас своя болезнь; это та страсть, которая тайно пленила сердце, с которой воля не хочет бороться, а ум оправдывает ее. Любимая нами страсть — самая большая опасность, это пегелька в сети птицелова, за которую птица зацепилась коготком и уже бессильна скрыться от врага. Она завязла в сети, как в болоте. Святые говорят, что у змеи уязвимое место — это голова: если разобьешь ее, то убьешь змею; так у каждого человека есть главная страсть, как бы голова всех грехов. От этой страсти, если ее не искоренять, постепенно мертвоет сердце, и молитва высыхает, как ручеек в знойное лето. Со стороны легче увидеть и определить эту страсть; самому человеку это сделать трудно».

Иеромонах сказал: «Отцы последних времен советуются книгами; как ты согласишься на это?». Схимонах ответил: «Древние праведники книг не имели, но пребывали в непрестанной молитве, потому что стужали чистоту сердца. Ее не заменил никакие книги. Благодарят, как голубица, летает над морем человеческого греха и вглядывается: не остался ли где островок или утес, чтобы опуститься на него и свить себе гнездо. Благодарят сама ищет чистые сердца, чтобы обитать в них».

Иеромонах сказал: «Отче, твое обличение — бальзам для моих ран; ты прав, сердце мое окаменило от грехов и стало жестким к людям. Я не смиловился над братом, не подал нищему, не разделил трапезу с голодным; я думал, мне достаточно одной молитвы, — и потерял ее. Страсти мои становятся все бесстыднее и безобразнее. Демон обманул меня; но скажи мне, как начать свое исправление?». Старец ответил: «Чтобы приблизить молитву к жизни, старайся делать людям то, что испрашиваешь у Бога для себя. Говоришь “просты”, и сам прощай; говоришь “помилуй”, и сам будь милостив. Иисусова молитва — это Евангелие, сжатое до восьми слов. Если хочешь стужать ее, то старайся исполнить все, что написано в Евангелии. Господь сказал: *Кто любит Меня, тот заповеди Мои исполнит**. Иисусова молитва — это любовь Божия, проявляемая через заповеди. Выучи их наизусть, повторяй их как молитву; без них всякое преуспеяние ложно и нетвердо».

Иеромонах спросил: «Отче, ты справедливо говоришь о борьбе со страстями и эгоизмом. А раз-

* Ср.: Ин. 14, 15, 21, 23.

ве Иисусова молитва не убийца страстей? Ведь все святые отцы говорят о том, что без внутреннего трезвения невозможно очистить сердце». Старец ответил: «Я говорю о таком состоянии, когда человек молится, не желая изменить свою жизнь, бороться с греховными привычками и страстями, а думает через молитву примирить непримиримое, найти путь между храмом и блудилищем. Для спасения нужен и внешний, и внутренний подвиг. Внутренний — это молитва, а внешний — добрые дела. Некоторые люди читали в книгах об Иисусовой молитве, но забыли о том, что святые писали свои наставления монахам, которые проводили преимущественно пустынный или скитский образ жизни. Мы находимся в других условиях, поэтому должны проявлять больше осторожности. Вся наша жизнь должна стать деятельным стяжанием благодати. Преподобный Антоний Великий сказал: “От ближнего зависит наша жизнь и смерть”*. Святые отцы учили также, что к созерцанию приходят через деяние; от внешнего идут к внутреннему, от более легкого — к более трудному. Попытка преждевременно соединить многозаботливый и омраченный ложью мир ум со страстным сердцем приводит человека к надрыву, и он, продолжая заниматься молитвой, чувствует гнев не только против окружающих людей, но также вспоминает прошлые обиды и мысленно воюет со своими врагами, как бы извлекая их из глубин памяти. Преподобный Иоанн Лествичник пишет, что он видел затворников, которые бежали в своей келии, как разъяренные

* Достопамятные сказания. Об авве Антонии, 9. С. 421.

куропатки *. Без покаяния и надежды человек не сможет читать молитву внимательно, переживая ее сердцем; она станет непонятной для него и эмоционально чуждой ему. Он будет проиизносить молитву не как обращение к живому Богу, а как заученные звуки».

Иеромонах спросил: «Что же мне делать? Идти снова в мир, чтобы творить добрые дела и укрощать страсти среди людей?». Схимонах ответил: «Мы с тобой и так находимся среди народа, и поэтому возможность исполнять заповеди всегда с нами. Надо только по-другому посмотреть на человека, помня, что в мире случайностей нет и именно этого человека посылает к нам Господь для нашего испытания, исправления и спасения».

Иеромонах спросил: «Как понять это?». Схимонах ответил: «Положи в основу общения с людьми две заповеди: милосердие и смирение. Смирись перед человеком свой гордый дух, считай себя ниже его, подумай, чему ты можешь поучиться у него; желай оказать ему помощь и услугу, по крайней мере, скажи ему доброе слово и в сердце помолись о нем. Есть еще один вид духовной милости — это простить своего обидчика. Не надо идти в мир и пускаться в путешествия — оставаться на месте, соблюдай заповеди по отношению к тем, кто около тебя. Нищий Лазарь всегда лежит у ворот, а ты не хочешь видеть его. Беда в том, что твоя душа не боится за других, не соперничает их страданиям, втайне ты даже радуешься неудачам и бедствиям людей и, не понимая своего состояния, хочешь мысленно взойти на Голгофу

* См.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Деяния. Степень 8. О безгневии и кротости, 18. С. 187.

и обლობязать Крест, на котором был распят Христос. Поэтому, как дерзкий и недостойный, ты бы-ваешь отвергнут. Иисусова молитва — это любовь Божия, и она должна быть основана на любви к человеку. Ты можешь проверить это на маленьком опыте. Когда, идя в храм и встречаясь с нищим у дверей, ты подашь ему милостыню с приветливым лицом и скажешь в сердце своем: “Это придверник, который может открыть и закрыть для меня двери небесного Храма”, то почувствуешь, что молитва твоя идет легче и свободнее, а если ты обойдешь его и отвернешься в сторону или упрекнешь в душе за то, что он просит подаяния, то молитва твоя будет звучать глуше, как будто сердце твое стало узким и маленьким и молитва не умещается в нем. Старцы учили, что только через послушание и труды можно постепенно переходить к уединению и безмолвию, а ты, служа на приходе, совершая Литургию, в остальном жил по своим страстям, полагаясь на собственный разум, увлекаясь привязанностью или недоброжелательством к людям, наслаждался тщеславием и так далее, поэтому Иисусова молитва оставила тебя так же, как улетает от дыма голубь».

Иеромонах сказал: «В наше время трудно найти старца; куда мне идти и что мне делать?». Схимонах ответил: «Надо молиться, чтобы Господь указал на старца; а чтобы молиться, надо хотеть. Но предположим, в чем я сомневаюсь, что ты не мог найти духовного отца: тогда обратись к со-брату более опытному, чем ты, чтобы он прежде всего помог тебе определить, какая у тебя главная страсть, и начни бороться с ней, а вместе с этой страстью отступят и другие. Получится подобное

тому, что происходит с молитвой, когда ты даешь милостыню, только в большей степени. Сердце, омертвевшее в страстях, начнет оживать, как замерзший птенчик, которого принесли со двора в теплую комнату».

Иеромонах сказал: «Когда я чувствую свою греховность и ощущаю опасность, словно окружен со всех сторон стайей волков, то молитва становится живее и глубже, а когда превозношусь сердцем, то молитва кажется мне голосом, слышащимся издалека или как бы через стену». Схимонах сказал: «Человеческую душу нельзя обмануть; когда человек считает себя грешным и кается, то внутренний голос говорит ему: “Не отчаивайся и не бойся, у тебя есть Спаситель, Который пришел на землю, чтобы спасти тебя”. А когда человек превозносится в сердце, тот же голос говорит: “Грехи твои остаются при тебе неисцеленными”. Когда Ангел-хранитель отходит от человека, то в его душе появляется или глухая тревога, или тяжелое бесчувствие, но мира нет. Чем больше человек оправдывает себя и обвиняет других, тем больше нарушается его душевный мир. Поэтому мы опытно знаем, что в покаянном плаче скрыта радость, а в беззаботном смехе — горечь».

Иеромонах спросил: «Я не понял, нужно ли мне читать книги об Иисусовой молитве или только молиться, и сама молитва всему научит? Ты сказал, что древние праведники не читали книг, но всегда были с Богом». Старец ответил: «Они были просты и чисты сердцем, как дети: их учили благодать, а также знания о молитве они получали от устного предания, которое существовало со времен Адама. Ты помнишь, в Библии сказано

о Енохе: *Он ходил перед Богом**, то есть имел постоянную память о Боге, чувствовал Его присутствие, знал, что все его дела, слова и тайные помыслы сердца открыты пред всевидящим оком, и потому страшился хотя бы на мигновение нарушить волю Божию. Люди давно потеряли эту простоту и поэтому нуждаются в книгах, как больной в лекарствах. Для тебя книга — это костыль, на который ты опираешься и хотя хромаешь, но все-таки идешь, а без книг ты упал бы, споткнувшись о первый камень, и не знал бы, как встать. Чем сложнее человек, тем больше он нуждается во внешней помощи. Но должен тебя предупредить, что некоторые люди читают духовные книги страстно; они восхищаются ими, как в миру восхищались романами; проливают слезы и не могут выйти из круга мечтательности и воображения, тогда как книги огцов должны вести к упрощению и трезвости души. Не делай из них развлечение, не читай их эмоционально, а смотри как на карту дорог, по которым ты должен идти. Но все-таки не ограничивайся одними книгами, а открывай свое духовное состояние старцу или духовным братьям, имеющим молитвенный опыт».

Иеромонах спросил: «Что особенно пагубно для Иисусовой молитвы?». Старец ответил: «Первого врага я назвал — это гордость. У гордого в сердце написано его собственное имя, и он не хочет менять его на имя Божие. Вторым враг — блуд. Молитва — это соединение души с Богом, а душа блудника — в блудилище. Если даже он покается, то ему сразу же присугупать к Иисусовой молитве опасно, как опасно после запоя идти по стروпилам строящегося

* Быт. 5, 22, 24.

дома. Старцы советуют на некоторое время замнить ее чтением Псалтири, Покаянного канона и мытаревой молитвы. Будднику, как и одержимому, трудно стоять в храме, он хочет выбежать отсюда. Если человек, пребывая в нечистоте и смраде этого греха, захочет заниматься внутренней Исусовой молитвой, то разрыв между святостью имени Божия и его состоянием будет настолько велик, что он может впасть в безумие и неистовство. Однако есть еще обширная область мысленного блуда — это мирская литература, пропитанная страстями и тонким запахом тления. Читать мирскую литературу — значит соперничать чужим страстям. В душе при этом, как на экране, должны изобразиться состояния убийц, блудников, влюбленных, игроков и так далее. Читая мирскую литературу, человек как бы расчесывает свою старую рану, и она не может зажить. Еще более пагубное влияние оказывает телевизор. Это спрут, который охватывает своими щупальцами душу человека и пьет из нее кровь. Это блудлище, которое человек открыл в своем собственном доме. Это типноз, во время которого диавол влгает в подселание человека свою программу. Если раньше ходили в театр несколько раз в год, то теперь телевизор смотрят по несколько часов в день. Монах, имеющий в своей келье телевизор, становится предателем своих обетов и самой сути монашеской жизни как отречения от мира. Когда в доме прорвалась канализационная труба и грязная жижа течет по полу, только безумный станет приглашать в свой дом дорогого гостя, как бы не замечая этого и не перекрывая трубу. Постъ оскорбился бы таким приглашением, а здесь человек зовет Господа

в свою душу, не переставая осквернять ее картинами греха».

Иеромонах сказал: «Теперь даже в домах священников и в монастырях стоят телевизоры самых новых марок, и люди, видящие блуд во всех его проявлениях и тем самым выпивающие его в свою душу, или не осознают этого, как пьяные, которые не чувствуют боли, или лгут, говоря, что их интересуют только фильмы о животных, последние новости, путешествия, а на остальное они если и смотрят, то бесстрастно». Старец ответил: «Если бы они были бесстрастны, то не смотрели бы телевизор. В древние времена существовала секта адамитов, члены которой собирались на молитву натими и говорили, что они не испытывают похоти, а наоборот, закаляют свою волю и достигают бесстрастия. Телезрители — точно современные адамиты. Один священник исповедовался у меня и говорил, что и бросив смотреть телевизор, он долгое время не мог отделиться от воспоминания об одной картине, которая преследовала его даже в храме».

Иеромонах сказал: «Да, отче, невозможно со-вместить продолжающийся блуд и благодать в одном сердце. А теперь скажи, каковы более тонкие и скрытые враги молитвы?». Схимонах ответил: «Шутки и смех; они в миру не считаются грехом, а наоборот — признаком хорошего настроения и добродушного нрава. А ведь человек — образ и подобие Божие, и из него делают посмешище. Недаром диавола называли шутом. Смех уничтожает благоговение. Душа становится грубой и дерзкой. Часто с шуток начинается вольность в обращении, а затем — падение. Шутки отгоняют от

человека скромность и стыд. Я не встречал ни одного делателя Иисусовой молитвы, который хотя бы и говорил забавные вещи. У этих подвизников глаза были полны слез. Я видел монаха, который, увлекшись шутками, произнес кощунство неожиданно для самого себя. Человек — это высшее создание. Он является как бы тенью Бога на земле; подумай, над кем ты смеешься, подражая демону».

Иеромонах спросил: «Я читал, что великий старец Амвросий Оптинский нередко облекал поучения и предказания в форму шуток, но, несмотря на это, он имел непрестанную молитву». Схимонах ответил: «Старец Амвросий, как и его учитель иеросхимонах Лев, старались скрывать от мира свою прозорливость и святость, прибегая к языку юродивых. Это легкое юродство служило для них защитой от превозношения, но они сами никогда не смеялись над шутками, а говорили их как притчи, которые надо было разгадать. Целыми днями они были окружены народом, можно сказать, слава, как тень, постоянно следовала за ними, а они бежали от нее, как от огня. Но нам такое юродство не нужно, ведь нас с тобой никто не хвалит и не прославляет».

Иеромонах ответил: «Да, отец, я каюсь в том, что шучу и смеюсь, забывая о молитве, хотя после этого чувствую пустоту и потерю. К шуткам идет какая-то мутная сладость, вроде щекотания, возникающая в области чрева, которая похожа на блудную страсть. Но скажи, какие еще препятствия в Иисусовой молитве?». Схимонах ответил: «Многословие и многослышание. Все делатели Иисусовой молитвы старались уклоняться от про-

должительных бесед, они говорили кратко и по делу и спешили окончить разговор так, как будто опаздывали на отчаливающий корабль. Многословие — сестра клеветы и осуждения и одновременно — мать и дочь любопытства. Многословие рассеивает молитву, как свинья ломает цветы в саду, и наполняет душу помыслами, как тучами мух. После долгих разговоров человек чувствует потребность благодати, которую украли духовные воры. Святые отцы говорили: “Через раскрытые уста уходит сердечная теплота”, как жар от печи — через разбитые окна дома».

Иеромонах сказал: «Я вынужден на приходе выслушивать многих людей. Иногда исповедь длится часами. Кроме того, ко мне подходят за разрешением разных житейских вопросов. Я сам чувствую, что утопаю, как в бурной реке, в потоках слов, большей частью — пустых и ненужных. Что мне делать, я не знаю. Как вырваться из этого плена? Когда я прерываю людей, то они обижаются и уходят огорченными». Схимонах сказал: «Прости меня, брат, но я думаю, что ты, сам того не зная, подаешь повод к многословию, так как сам интересуешься новостями и мирскими событиями, а “рыбак рыбака видит издалека”. Ты уверен, что терпишь людей ради любви, но на самом деле там нет любви, а скорее — боязнь, что на тебя обидятся и о тебе подумают плохо. Это вид тонкого тщеславия. Вместо того чтобы учить людей, как надо исповедоваться и говорить с духовником, ты удовлетворяешь свои и чужие страсти. Свядтой Иоанн Златоуст пишет, что оторвать человека для его спасения не грех. Пусть он даже вначале обидится, но потом, размыслив, будет благодарен тебе

за урок, который, может быть, сохранит на всю жизнь. Не бойся и не стесняйся прерывать чужое время, а особенно того, кто осуждает людей за глаза, как будто может их детем; это диавольское помазание зловонием языка. Пророк Давид говорит в псалме: *Тайно клеветущего на ближнего своего изгонях**. Сам учись и других учи говорить кратко. Не проявляй интереса к мирским делам, это почувствует душа твоего собеседника».

Иеромонах сказал: «Да, отец, я сам нередко продлеваю ненужную беседу, как чревоугодник трапезу, и забываю о главном — направить ум человека к Богу. Наоборот, я хожу вместе с ним по грязи земных дорог, рассматриваю, что продается на рынках, и сужу о том, что происходит в домах у моих знакомых. Но помолился, чтоб я имел твердость пресекать ненужные разговоры, как вервь, которую плетет демон, чтобы связать мою душу. Теперь я хочу задать тебе вопрос. Если я чувствую, что во мне действуют неискорененные страсти, то что мне делать с Иисусовой молитвой — ведь она находится в противоречии с моей жизнью?». Старец ответил: «Во грехе мы родились, во грехе мы умрем, но я говорю о другом — об отношении ко греху. Видно, ты не вполне понял меня. Если ты стараешься бороться с грехом — падаешь и вновь встаешь, то это еще не погребельное состояние — тогда дерзай творить молитву, как утопающий хватается за спасательный круг. Но если же ты внутренне примирился с грехом как с неизбежностью, не хочешь сопротивляться ему и, что еще хуже, — оправдываешь себя, будучи прикованным стра-

* Ср.: Пс. 100, 5.

стями к земле, и в то же время хочешь взойти на степень непрестанной молитвы, то в таком состоянии ты похож на человека, который, не вымывши рук, сильно хватается святыню: тогда происходит явный разлад между духом и душой, молитвой и состоянием сердца, тогда молитва или гаснет сама собой, как пугстая лампада, или, что еще опаснее, разгорается страстным, нечистым, как бы коптящим пламенем: проявляется мечтательность, разгоряченность, мутная сладость от разжжения плоти, которую грешник принимает за духовные утешения, и другие болезненные состояния, которые оканчиваются скрытой одержимостью, навязываемой прелестью. Признаки неправильной молитвы: гордость, раздутое самолюбие и мысли о своей святости. По мере очищения от страстей постепенно надо переходить от внешней молитвы, совершаемой устно или молча, по четкам, к внутренней молитве, когда сердце сочается со словами молитвы и переживает их. По мере приобщения смирения можно переходить к безмолвию, так как в безмолвии молитвеннику придется бороться с гордым демоном, который входит в гордую душу, как хозяин в свой дом».

Иеромонах спросил: «А как человеку унять меру своего смирения, ведь считать себя смиренным — это тоже гордость?». Старец ответил: «Признаки смирения вначале — неосуждение и молитва за обидящих, середина — твердость в послушании, жажда оскорблений как очистительного питья и любовь к своим врагам, а конца смирения не существует, так как оно — подражание распятому за нас Христу. Сердце смиренного само открывается для Иисусовой молитвы и притягивает к себе

ум; тогда три становятся единым. Иисусова молитва подобна алтарю храма, а смирение — его стеном: без стен алтарь разрушится, а не будет алтаря — храм останется пустым».

Иеромонах спросил: «Какие искушения бывают в Иисусовой молитве у новоначальных, а какие у людей, имеющих опыт в молитве?». Схимник отвечал: «Новоначальные обычно совершают ошибки, впадая в две крайности. Первая — это леность и нерадение; с молитвой происходит то же, что и со святильником: без едеа она угасает. Вторая крайность более опасна — это разгоряченное воображение, которое рисует картину собственных подвигов. Человеку кажется, что скоро он начнет исцелять больных, прозягать дары прозорливости, что через него обратятся к Богу тысячи людей, что после его смерти тело не истлеет, а станет негленными мощами. Таким образом человек витает в бесовской высоте; обычно такой монах избирает послушания, скрывает свою жизнь от старцев и в глубине души презирает их, как невежд, и смотрит на них свысока. Такое состояние оканчивается или падением в плотские грехи, или душевным расстройством, а иногда явным помешательством. Поэтому святые отцы сказали: “Если молдой лезет на небо, то слерни его за ногу вниз — это ему полезно”. Что касается искушения для продвинувшихся в духовной жизни, то здесь чаще всего действует скрытая духовная гордость. Человек считает, что он может добиться непрестанной молитвы и благодагного состояния своим трудом, а не милостью Божией. Господь сказал: *Без Меня не можете творить ничего**. Поэтому благодать

* Ин. 15, 5.

отступает от возгордившейся души, чтобы дать возможность человеку почувствовать свое бессилие. Человек внутренне падает, как бы катится с горы. Тепло молитвы покидает его сердце, опять он чувствует в себе темноту и сухость, он продолжает молиться, но молитва идет как повторение заученных слов, а то и даже звуков, так как сами слова не доходят до его сознания. Из молитвенника он превращается в «твердислова». Раньше его сердце было похоже на светлую комнату, где было радостно пребывать его уму, а теперь оно похоже на заброшенный дом с пустыми окнами, в котором холод и мрак. Единственная возможность выйти из этого состояния — покаяться в своей гордости и самоуверенности и начать все заново, с послушания».

Иеромонах спросил: «Я читал, что богооставленность испытывали святые, неужели они возгордились?». Схимник отвечал: «Такое испытание было дано святым не потому, что они возгордились, а для того, чтобы они не возгордились. Но это все-таки разные состояния. Святые переживали ад в своем сердце, а здесь — потеря, мертвенность и чувство, что между тобой и Богом выроста стена, которую ты не можешь преодолеть. Такой человек похож на ветряную мельницу, которая машет крыльями, но стоит на одном месте».

Иеромонах сказал: «Да, отец, я забывал, что только благодать Божия может дать жизнь моему сердцу и соединить с ним ум, и стремился замнить это внешними знаниями о молитве, выучивая слова святых отцов наизусть, но не чувствуя их силы. Но скажи мне, как сохранить молитву в миру, будучи окруженным людьми?». Схимонах

ответил: «Надо считать молитву главным делом жизни, остальное — второстепенным, как бы породствуя в обращении с людьми. Это давало им внутреннюю независимость и возможность не падать под иго своего собеседника. К юродивому приближаются осторожно, как к огню, который может внезапно обжечь. Другие брали за правило всегда говорить правду в глаза человеку, и люди, гордые сердцем, сами отходили от них, как падают с ветви, которую трясут. Если к тебе пришел человек за духовной помощью, не отталкивай его, но в то же время не давай права распоряжаться твоим временем и приносить в твою келью кучу мусора со всех дворов. Не чувствуй себя зависимым от человека, кем бы он ни был. Бог стоит над ним и над тобой. Проверь, исполнил ли человек твои благословения: если нет, то не отвечай ему, пока он не выполнит то, что ты уже сказал. Если человек задает один и тот же вопрос, значит, он не относится со вниманием к тому, что ты сказал. Твоя беседа с людьми должна быть подобна школьному уроку. Урок имеет ограниченное время и тему, а затем ученика спрашивают, как он выучил урок; от долгого разговора твой собеседник забудет то, что ты ему сказал. Один епископ дал иеромонаху правило: когда к нему приходят для собеседования, зажигать маленькую 30-копеечную свечку и предупредить посетителя: “Наш разговор продолжится, пока горит свеча; когда она догорит — время беседы закончится, — такое я поучил благословение и не могу отменить его”. Когда свечка погаснет, то прерви разговор, хотя бы это было на полуслове. В следующий раз этот чело-

век будет более собран и еще другим расскажет про твою свечку. Этот иеромонах не только зажег свечу, но и давал посетителю держать ее в руке, как во время молитвы. Когда свеча догорала и начинала жечь руку, то человек сам тушил ее или, не выдержав боли, бросал на пол. Иеромонах говорил, что он благодарен епископу за такое правило».

Иеромонах спросил: «Я читал в некоторых книгах, что лучше творить Иисусову молитву, чем читать Псалтирь, акафисты и каноны. Как ты благословишь поступать мне?». Старец ответил: «Непрестанная Иисусова молитва — это правило для совершенных, а нам с тобой нужна разнообразная духовная пища, так как наш ум, будучи обременен внешними впечатлениями, не может заключать в себе постоянно восемь слов Иисусовой молитвы, он не выдержит такой непривычной для него тесноты».

Иеромонах спросил: «Что особенно полезно читать для поддержания Иисусовой молитвы?». Старец ответил: «Акафист Иисусу Сладчайшему, он похож на развернутую Иисусову молитву. Каждый его стих — это небесный цветок, который, расцветая, падает на землю. Молитва — это дыхание монаха. Раньше монахи, встречаясь друг с другом, вместо приветствия спрашивали: “Как идет молитва?”, а в некоторых монастырях монахи знаками напоминали друг другу о молитве. И ты спрашивай сам себя: “Душа моя, как идет молитва? Время проходит, спеша приобрести как нетленное сокровище имя Иисуса Христа”».

Иеромонах спросил: «Как мне утвердиться в своем уме память о смерти?». Схимонах сказал: «Некоторые монахи имели в своей кельи гроб, в который

ложжились спать, как в ложе; другие — череп и кости, а еще чаще — картинку с изображением смерти, которая ожидает нас с серпом в руках. Посмотри на часы: движение стрелок подобно шагам к могиле. Везде в окружающей нас природе мы видим образы смерти. У древних монахов было правило: некоторое время после молитв посвящать размышлению о смерти. Если человек не будет постоянно помнить о смерти, он не сможет освободиться от обольщения этого мира. Посмотри на небо: каждый закат и наступающая ночь — это образ смерти. День и ночь подобны лезвиям ножиц, режущим нить нашей жизни».

Иеромонах спросил: «А как исполняли заповеди те люди, которые уходили в пустыню?». Схимник сказал: «Каждая заповедь содержит в себе три ступени добродетели: телесную, душевную и духовную. Они объемлют внешнюю и внутреннюю жизнь. Первая заповедь: *блаженны нищие духом*... * Это смирение сердца. Не смиряв себя, человек не может бороться с демоном — духом гордыни. Вторая — *блаженны плачущие*... * Святые видели гибну падения человека и плакали о своих грехах. Третья — *блаженны кроткие*... * Пустынник должен быть кротким даже с дикими зверями и уметь изглаживать из памяти обиды прошлого, о которых напоминает ему демон. Если человек, не укротив гнева, захочет вести безмолвную жизнь, то в пустыне он может обезуметь и впасть в неистовство. Четвертая — *блаженны алчущие и жаждающие правды*... * * * * * Вышшая правда — это Христос. Пя-

* Мф. 5, 3.

** Мф. 5, 4.

*** Мф. 5, 5.

**** Мф. 5, 6.

тая заповедь: *блаженны милостивые*... * Молитва пустычника — это милость миру. Шестая заповедь: *блаженны чистые сердцем*... * Цель живущих в безмолвии — очистить сердце, чтобы свет Божества отразился в нем. Седьмая заповедь: *блаженны миролюбивы*... * * * * * Это молитва примиряет людей с Богом. Серафим Саровский говорил: “Стяжи мир, и тысячи спасутся около тебя” * * * * *. Восьмая заповедь: *блаженны изгнанные правды ради*... * * * * *

Праведная жизнь навлекает на человека особую ненависть демона; в миру диавол через людей мучает его, а в пустыне нападает сам. *Блаженны, егда поносят вам*... * * * * * В душах людей возникла непонятная для них самих злоба против тех, кто стремится жить по Богу. Часто святых людей их же собратия называли прельщенными и безумными. Только сатанинской ненавистью к подвижникам, чьей молитвой держится мир, можно объяснить разгром монастырей, сожжение храмов, пытки и казни ни в чем не повинных людей лишь зато, что они молятся Богу. Из этого заключи, какую силу имеет безмолвие и Иисусова молитва. Молитва пустычников — это свет миру, а мы, живущие с людьми, должны стяжать молитву через послушание и милосердие».

* Мф. 5, 7.

** Мф. 5, 8.

*** Мф. 5, 9.

**** См.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардаговского уезда, с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой: В 2 ч. / Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). СПб., 1903. С. 360.

***** Мф. 5, 10.

***** Ср.: Мф. 5, 11.

О ЧЕТКАХ

Вспомню, как в 60-х годах, во время моего пребывания в Сухумской епархии, между духовенством произошел спор: имеет ли право мирянин молиться по четкам. По моему мнению, этот спор показал только одно: насколько бездуховным стало наше время. Люди, которые по своему сану и долгу призваны учить молитве, перестали понимать, что значит внутреннее молитвенное предстояние перед Богом, которое называется также «презвением», «тайным поучением», «памятью Божией» и Иисусовой молитвой. Они считают, что слова апостола Павла: *непрестанно молитесь** — относятся не ко всем христианам, а только лишь к избравшим особую аскетическую жизнь, то есть в настоящее время к монахам.

Четки — это одно из внешних орудий молитвы: пользуясь ими, человек, согласно церковным правилам, может заменить суточные службы и другие молитвословия (разумеется, кроме церковных Таинств) определенным количеством Иисусовых молитв. Кроме того, четки являются постоянным напоминанием человеку о молитве.

В исторической литературе сохранилось немало свидетельств о том, что еще два столетия тому назад четки носили ремесленники, крестьяне и даже солдаты. В греческих церквах и на Востоке

молитва по четкам никогда не вызывала сомнений и принималась как церковное предание. Теперь потеря внутренней молитвы, переход на внешнюю деятельность с забвением самого главного — сочувствия сердца с Богом — привела современных христиан к искаженному пониманию молитвы, как будто она должна ограничиваться только определенным временем и местом и кроме этого ум и душа могут беспретственно вращаться в кругу земных предметов и представлений. Поэтому теперь многие смотрят на четки только как на атрибутнику монашества наравне с клобуком и мангией. При виде четок на руках мирянина они говорят: «Кто позволил ему носить четки; что он — монах? Это нарушение правил!» — а каких, не знают сами. Надо сказать, что древнее предание — молиться по четкам — осталось не только у православных на Востоке, но также и в таких конфессиях, как монофизитство и католичество, кроме того, в старообрядчестве, представляющем собой консервативно обрядов Русской Церкви XVI–XVII столетий; четки существуют также у мусульман, буддистов и так далее.

В древних монашеских уставах, где объясняется символическое значение монашеских одежд, нет упоминания о четках. В Третьяках, изданных до XVIII столетия, также нет обряда благословения четками, так как в то время четки были обычным предметом христианской жизни, и только в XVIII веке надо было ввести в чин монашества благословение на непрестанную молитву вместе с четками именно потому, что такая молитва стала забываться. Я спрашивал об этом архимандрита Серафима*. Он ответил, что «четкоборчество»

* Фес. 5, 17.

* Речь идет о схииерхимандрите Серафиме (Романове).

происходит от незнания, но прибавил, что монастырские старцы считали, что мирянам надо почитать от духовного отца — старца благословение «на четки», так как для Иисусовой молитвы нужно руководство и обучение, особенно в первое время; он считал, что ношение четок требует от человека непрестанного молитвенного труда, иначе сами четки на Суде Божиим будут обличать его в нерадении или в лицемерии. Отец Серафим говорил, что глиняские старцы благословляли своих чад на молитву по четкам, но из-за богоборческого времени не советовали носить четки открыто.

Одна старая монахиня рассказывала мне, что ее бабушка была в Палестине и привезла оттуда икону Рождества Христова, вырезанную на дереве, и четки, также сделанные из дерева и украшенные тонкой резьбой. Впоследствии дети разделили между собой эти четки по двадцать бусинок и по ним читали Иисусову молитву. Она говорила, что особым искусством делать резные иконы и четки славились православные арабы Вифлеема. Многие паломники привозили с собой четки из Палестины, и они хранились в их семьях как святыня. Я видел четки из кожи, которые были распространены в Древней Руси, они назывались лествицей (что значит на церковнославянском «лестница») — молитва по ней возводит ум человека от земли к небу. На Кавказе многие христиане постоянно носили четки из янтаря. У епископов и князей были четки, сделанные из слоновой кости и драгоценных камней. Дьявол, когда не может разрушить христианство путем тонений и клеветы, старается лишить человека внутренней духовной жизни и сделать христианство внешним. Поэто-

му враг восстал против Иисусовой молитвы и Причастия, внушив многим людям, в том числе и священникам, что Иисусова молитва — это дело одних монахов, а частое причащение может лишить человека благословения и привести к предельной, то есть к духовному обольщению.

Когда в 60-х годах я служил в Сигнахи, в храме святого Георгия*, то мне захотелось посетить Хиреский монастырь, где находится гробница одного из учеников преподобного Иоанна Зедазенского — святого Стефана Хиреского**. Недалеко от Сигнахи в небольшом кахетинском селении жил священник. Он уже не мог совершать храмовые службы, а крестил у себя на дому детей, отпевал усопших и исполнял другие требы в своей и соседних деревнях. К сожалению, я забыл его имя. Он иногда посещал Бодбийский монастырь. Я решил попросить его провезти меня в Хирси и вместе с церковным старостой отправиться в его деревню.

Кахети — это уголок Грузии, где можно увидеть картины минувших веков: дома из деревянных бревен, посуда из старой керамики, оружие, передающиеся из поколения в поколение. Пожилые кахетинцы на праздники любят надевать свой традиционный костюм: препоясанную чоху и небольшой

* Имеется в виду храм во имя святого великомученика Георгия Победоносца в Бодбийском монастыре (в местечке Кедели), возвытнутый над могилкой святой равноапостольной Нины (†335).

** Преподобный Стефан Хиреский и еще двенадцать сирийских подвижников во главе с преподобным Иоанном Зедазенским в VI веке прибыли в Грузию из Антиохии. Они разошлись по пределам Грузии и явились основателями грузинского монашества. Угелом Стефана и его сподвижников стала Кахети. Память преподобного Иоанна и его учеников совершается 7/20 мая.

шапку, похожую на монашескую скуфейку. Там время не гонит человека, люди живут, не торопясь и не спеша, и кажется, будто над Кахетинской равниной само солнце движется медленнее.

Старый священник сразу же согласился проводить нас в заброшенный и опустевший монастырь, с которым, как я узнал впоследствии, было связано его детство. При Хирском монастыре до революции действовало духовное училище. Когда-то здесь был один из духовных очагов, откуда свет христианства распространялся в восточные области Грузии, называемые Эрети, а также в западную область Кавказской Албании. Много древних храмов, построенных грузинами, находится в Саингило*, древней части Эрети, населенной грузинами, которые приняли мусульманство во время персидских завоеваний, но часть из них до сих пор осталась православной. Они говорят на особом диалекте грузинского языка, сохранившем много исторических архаизмов. Эта область была просвещена частично при царе Бакаре в IV веке, затем учениками Иоанна Зедзенского в VI–VII веках. Послеаравской экспансии и насильственного насаждения ислама этот край был вновь просвещен царем Давидом Строителем (XI–XII века). В XIII веке здесь прославились своими миссионерскими трудами преподобные Антоний и Пимен**. В середине

* Область Саингило ныне находится на территории современного Азербайджана, в районе городов Кахи и Закагалы.

** Подвизники XIII столетия. Преподобный Пимен Юродивый – монах Давидо-Тареджийской Лавры, обличал вероотступничество и безнравственность, не взирая на лица. Преподобный Антоний Мехи – его соратник и ученик. Преподобные Пимен и Антоний проповедовали христианство ингилойцам, дагестанцам и лезгинам. Память их совершается 16/29 марта.

XVIII столетия великий святитель Иоанн, митрополит Манглийский*, которого можно назвать последним равноапостольным мужем, основал монастырь, одной из целей которого было обращение ингилойцев-мусульман в Православие.

Мой сиутник рассказывал, что Хирское училище было бесплатным. В воскресные и праздничные дни ученики присутствовали на всех богослужениях: они пели на клиросе, а некоторые прислуживали в алтаре. День начинался и оканчивался молитвой. Нередко игумен присутствовал при утренних и вечерних молитвах. Молитвы читал лучший из учеников, это было для него наградой. В монастыре был обычай: монахи перед тем, как расходиться по келиям, собирались вместе, и один читал Иисусову молитву, а другие слушали в молчании, затем расходились по келиям. Такой обычай существовал во многих монастырях: монахи собирались в церкви и в полумраке, при свете только нескольких лампад, занимались Иисусовой молитвой.

Священник рассказывал, что он в молодости хотел стать монахом, но родители были против. Он послушался их и вступил в брак. У него были дети, и он решил у себя дома сделать подобие маленького монастыря. По вечерам вся семья молится вместе. Он обучал детей читать молитвы и сам проощрял их к чтению. Он говорил, что молitava вместе с малыми детьми доставляет особое утешение, сравнимое с тем, которое приносит молитва монастырская. Как в монастыре, после вечерних молитв дети по очереди читали Иисусову молитву. В житии святителя Василия Великого написано, что когда он был еще младенцем, то его

* Память его совершается 28 марта / 10 апреля.

учила Иисусовой молитве старшая сестра Маркиана. Святитель Василий впоследствии вспоминал, что первыми словами, которые он произнес, было имя Иисуса Христа.

Я помню также, как в 70-х годах в Самтаврском монастыре остановилась молодая мегрелка с четырехлетним ребенком. Этот ребенок удивительно любил храм и молитву и не отходил от стаях монахинь. Они шпили ему длинную рубаху, похожую на подрясник, и дали ему четки. Ребенок молился по четкам и показывал эти четки посетителям монастыря; он даже пробовал объяснить им, что это такое. Некоторые из преподавателей семинарии, находившиеся при монастыре, порицали монахинь и говорили, что четки — это не детские игрушки. Но мне кажется, что сердце ребенка могло глуже, чем наши сердца, понять силу и дивную красоту имени Иисуса Христа. Никакой садовник не скажет, что еще рано поливать молодое растение, а нужно, чтобы вначале оно выросло. В древности были семьи, где все занималась Иисусовой молитвой; она прививалась детям с первым проблеском их сознания. Дети, которые читают Иисусову молитву, озарены благодатью и становятся другими.

Хиресский храм похож на каменный утес или накрепостную башню, господствующую над окрестностями. Когда-то здесь находилась епископская кафедра. Недалеко от собора, в бывшем церковном дворе, теперь расположилось музыкальное училище. Доносившиеся оттуда звуки фортепиано диссонировали с величественной картиной древнего святгилица; они как будто врывались в безмолвие древнего монастыря, как захватчики —

дикие кочевники — в города и села. Но священник, мой проводник, не слышал этих звуков, он забыл о нас, он казался погруженным в прошлое.

Я выходил из монастыря с двойственным чувством: радости, что посетил эту святыню, поклонился гробнице преподобного Стефана, был на месте, освященном в продолжение четырнадцати веков молитвами монахов и кровью мучеников за Христа, и — скорби, сжимавшей сердце, как будто я видел царственного пленника, закованного в цепи.

За стеной монастыря — кладбище. Когда мы проходили мимо, то слышали плач: женщина в черном одеянии стояла над могилкой — холмиком недавно вырытой земли — и громко рыдала. Мне показалось, что это образ Грузии, которая скорбит о своих поруганных святых.

Я спросил священника, когда прощался с ним, есть ли у него четки и читает ли он Иисусову молитву. Тот посмотрел на меня с обидой и сказал: «Я храню четки, которые получил еще в молодости в Хиресском монастыре, но надеваю их редко, чтобы они не истерлись и не разорвались; а как мне, священнику, не читать Иисусову молитву, неужели, по-твоему, я магометанин? Я читаю ее даже когда работаю в своем саду. Мои дети развехались по сторонам, некоторые из них уже умерли, я остался один, но когда я молюсь, то не чувствую себя одиноким, я знаю, что Господь со мной».

О четках я спрашивал у пустынников. Один из них сказал мне: «Многие великие старцы, жившие в пустыне, не носили четок; им четки были уже не нужны — молитва непрестанно текла в их сердце, они только прислушивались к ней». Он говорил: «Для пустынников четки — это только период

обучения молитве». Я спросил: «А какие последующие периоды в делании молитвы?». Он сказал: «Многие старцы учат соединять молитву с дыханием. Само дыхание напоминает о молитве, как внутренние четки. Но затем, когда ум соединяется с сердцем (молитва как бы “садится” в сердце), тогда уже ум не следит за дыханием, а молитва более обращена к биению сердца и сочетается с ним; дыхание при этом сдерживается само собой; но и это не последний предел молитвы, а только ее ступень». Я спросил: «А что дальше?» — и услышал ответ: «Не знаю; старцы не любили говорить об этом». Я спросил опять: «А как у тебя идет молитва?». Он ответил: «Я вспоминаю свои грехи и прошу: “Господи, помилуй мя” — вот и вся моя молитва. Некоторые говорят, что надо молиться так, как ребенок просит своего отца, а я, как избогота, взываю ко Господу о помощи и спасении». Я вспомнил слова одного опытного старца: «Где нет покаяния, там нет Иисусовой молитвы. Иисусова молитва — это продолжительный внутренний плач о своих грехах. К Богу можно приблизиться только через покаяние».

МОЛИСЬ И НАДЕЙСЯ

Одна из прихожанок Сухумского собора сказала мне, что хочет познакомиться со своим духовным отцом. Этот человек был простым монахом с несчастью сложившейся жизнью. Он был послушником Ново-Афонского монастыря, а после революции ушел из обители. Чтобы избежать уже начавшихся гонений, он стоворился с одной послушницей в фиктивный брак и жить как брат с сестрой и поступил на какую-то службу. Старцы категорически запрещали вступать в такие браки. В общем, дело закончилось тем, чем должно было закончиться. За непослушание благодать отходит от человека. У них родился ребенок. Через несколько лет женщина умерла, сын с детских лет стал проявлять признаки безумия. Отец казлся в совершенном грехе как в отступничестве от монашества (хотя он не имел пострига, но его в монастыре благословили подраясником). Когда сын вырос, отец оставил ему дом, сам построил себе каморку на окраине города и стал проводить одиночную жизнь. Сухумский архиерей благословил его принять монашество. Его духовная дочь говорила мне, что он всегда занимается Иисусовой молитвой, избегает общения с людьми и никого не осуждает. И вот однажды вечером она пришла ко мне домой с монахом лет шестидесяти, одетым в длинный плащ, и сказала с какой-то особой

нежностью: «Это мой духовный отец». Затем она извинилась, что должна идти по своим делам, и оставила нас вдвоем. Странная была у нас беседа. Он говорил тихо, был сосредоточен и немногословен. Наш разговор прерывался паузами, казалось, что мы больше молчали, чем говорили. Но в то же время у меня было какое-то чувство душевного покоя и теплоты от общения с этим человеком. Я чувствовал, что он занимается Иисусовой молитвой и говорит со мной так, между прочим, в перерывах между молитвами. Видно, он сам хорошо не понимал, зачем его привели сюда. Я стал спрашивать его о жизни в монастыре. Он сказал, что это была райская жизнь, но и в раю можно пасть, если не иметь послушания. Он рассказывал, что в скиту жил его духовный отец, который подвергал его разным испытаниям: «Пошлет за нескольکو верст в горы к старцу-пустыннику со словами: “Спеши, он ждет тебя”, а тот отвечает: “Я вовсе не звал тебя, может быть, старец послал к другому?”. Я вернусь утомленным, а духовный отец говорит: “Я вспомнил, тебя звал такой-то схимник”, — и указывает в противоположную сторону. Или во время поста дает поесть мне скоромное, а затем кричит: “Теперь иди к служащему священнику и исповедайся, что ты нарушил пост”. Уже после моего ухода из монастыря я встретился со своим старцем незадолго до его смерти, и тот сказал: “Много ты пережил, потому что не имел всецелой надежды на Бога, но за твое малое послушание Господь не оставит тебя. Вспомни, что я говорил об Иисусовой молитве, старайся творить ее, и Сам Господь укажет тебе дорогу”. И вот, оставшись один, я стараюсь творить Иисусову мо-

литву везде, где бы я ни был, особенно по ночам в своем сарайчике. И кажется мне, что я снова в монастыре». Я спросил его: «Как старец учил тебя молиться, не можешь ли рассказать мне об этом?». Тот ответил: «Старец молился так, как научил его раньше духовный отец, это, я думаю, особый способ, мало кому известный». Я стал просить его рассказать об этом подробнее, и он сказал: «Нужно набрать воздух, задержать его глубоко в груди и после вдоха читать про себя Иисусову молитву сначала хотя бы пять раз; через некоторое время довести число молитв между вдохом и выдохом до десяти и более, только нужно приучать себя постепенно». Затем он спросил меня: «А сколько ты можешь, вдохнув, произнести Иисусовых молитв?». Я попытался сделать это и затем ответил: «Можу свободно произнести пять молитв, при усилении — семь-восемь». Тот сказал: «Для начала это хорошо, только говори молитвы медленно и неспешно». Затем он встал: «Уже темно, а мне надо идти на окраину города», — попрощался и ушел. Этот способ действительно помогает сосредоточению мысли, но все-таки он не благословлен святыми отцами. Один из подвижников писал, что люди, пытавшиеся надолго задерживать дыхание и молиться таким образом, повредили себе легкие. Святые отцы советуют несколько задерживать дыхание, но главное — дышать поверхностно, без резкого и глубокого вдоха и выдоха, так что дыхание становится как бы незаметным для самого человека. Их совет был: «Дыши незрзостно», — потому что сильное и глубокое дыхание «рассеивает мысль», то есть ум, который посредством внимания надо собирать и закрпчать в слова молитвы.

Но я не хочу сказать, что у этого старого инока была ложная молитва. Он добился определенных результатов: Иисусова молитва вернула ему то, что он потерял.

Этого монаха по имени Николай я встретил еще один раз на улице города. Он слегка улыбаясь мне, как человеку, которого посвятил в какую-то тайну или которому сделал духовный подарок. Я поцеловал его в плечо и почувствовал от нашей встречи какое-то тепло и утешение.

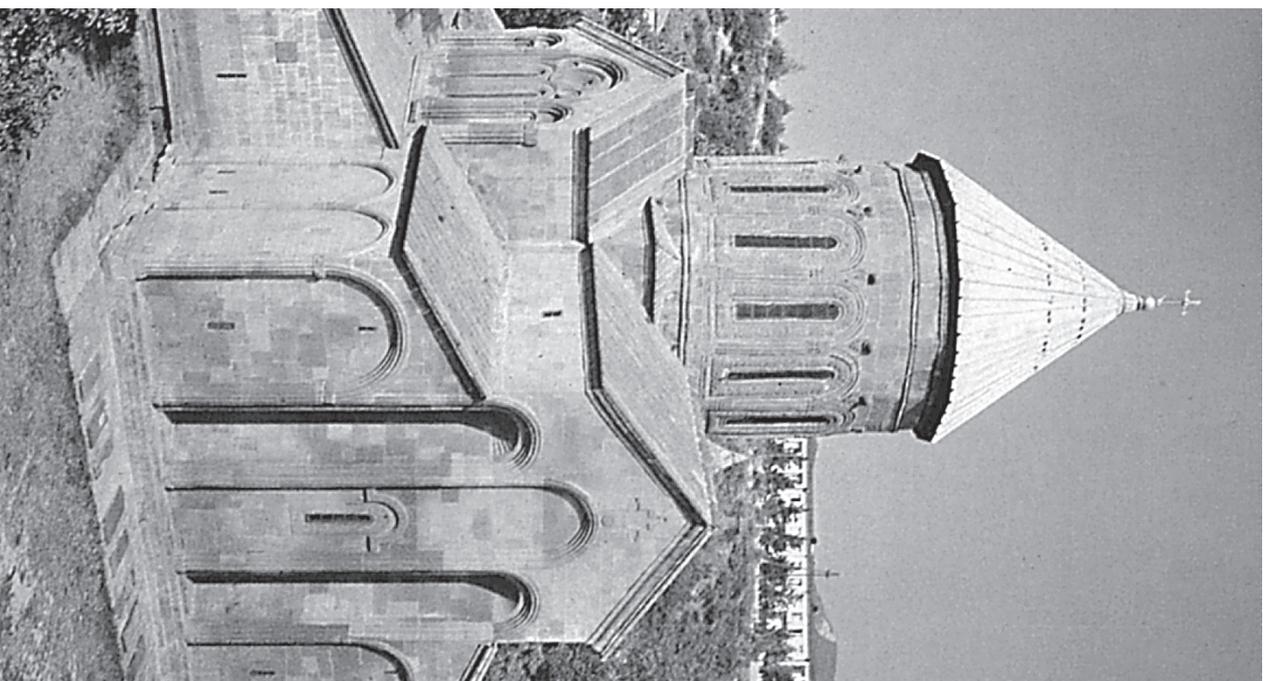
ВСТРЕЧА В САМТАВРО

Однажды в Самтаврском монастыре я познакомилась с пожилой дамой, по виду старой аристократкой, которая в 40-х годах работала в Министерстве иностранных дел переводчицей и говорила на великоленном литературном русском языке, теперь вырождающемся и исчезающем. Она рассказала мне эпизод из своей жизни.

«Грузию посетил высокопоставленный англичанин, который хотел остаться инкогнито. Поэтому ортаны безопасности не настаивали, когда он отказался от охраны, а может быть, охрана следовала за ним незаметно. Я должна была сопроводить его в качестве переводчицы. Он пожелал поехать в Иоанно-Зедазенском монастыре*, и мы отправились на гору по тропинке, проходящей среди леса. Из беседы с ним я узнала, что он окончил Оксфордский университет и работает в дипломатическом корпусе. Он хорошо знал философию и искусство. Мне показалось, что в душе он был скептиком, но, как полагается джентльмену, избегал говорить о своих убеждениях.

Чудная картина открывалась с вершины горы, где расположен монастырь, и англичанин долго

* Монастырь, основанный на горе Зедазени преподобным Иоанном, знаменитым сирийским подвижником VI столетия, по повелению Божией Матери отправившимся со своими учениками в Грузию для укрепления в этой стране христианства.

Самтавро

стоял у обрыва, любуясь открывшейся ему панорамой. (Говорят, что с этого места видна четверть всей Картли, от снежных Кавказских гор до предместий столицы.) Затем мы вошли в храм. Там шла служба, которую совершал архимандрит Исе. Больше никого не было. Архимандрит Исе — высокий монах с худым и бледным лицом — один пел молитвы на какие-то древние монастырские напевы. Через некоторое время я оглянулась: англичанина рядом со мной не было. Я подумала: наверное, он вышел, чтобы снова полюбоваться видом, открывающимся с горы. Вдруг я услышала звук, похожий на плач, — это рыдал англичанин, закрыв лицо руками, рыдал как ребенок. Когда служба окончилась и мы вышли из храма, он сказал мне: «Я часто посещаю Лондонскую капеллу, но это скорее традиция; я бывал на папском богослужении в соборе святого Петра, я объездил всю Европу; побывал в Балканских монастырях, но нигде я не испытывал такого чувства, какое пережил в этом бедном, полуразрушенном храме. Здесь я воочию увидел то, что называется святостью».

На обратном пути он был молчалив и задумчив. Я предложила ему посетить другие места, но он сказал: «С меня достаточно» — и отказался».

Эта же женщина рассказывала: «Мало кто знает, что Патриарх Калистрат в течение долгого времени находился под домашним арестом, имея притом право приходить в Сионский собор для богослужения. Епископов же, священников и посетителей он принимал на своей квартире, где находилась его канцелярия. Он пережил все ужасы самых страшных лет, был лишен всех прав. Его дочь арестовали и сослали, и он не мог даже помочь

ей. Но я видела, как в этих нравственных страданиях преображается его душа: одним человеком он вошел на патриарший престол, а другим — духовным, просветленным старцем — сошел в мотилу. Один чекист признался ему: “Святейший, мы боремся с Церковью, но любим вас!”».

Диакон Амвросий из Кутаиси, служивший в Тбилиси в Сионском соборе, а затем в храме святого Александра Невского, рассказывал, что когда он вернулся из ссылки, где подвергался истязаниям, то при встрече спросил Патриарха Калистрата: «Как вы могли молчать, зная, где мы и что делаем с нами?!». Тогда Патриарх встал перед ним на колени и сказал: «Прости меня».

«Я тогда не представлял, — говорил отец Амвросий, — что Патриарх был таким же бесправным узником, как и мы, только узником без решетки и проволоки. — И добавил: — Те пытки, которые я перенес во время следствия и заключения, я забыл. Но воспоминание о том, как Патриарх смиренно стал передо мной на колени, до сих пор жжет мое сердце».

КОГДА ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО

Есть грузинские женщины, которые обладают каким-то особым врожденным аристократизмом, в них с самого рождения дышит дух древнего благородства, еще не уничтоженного нашим развратным и меркантильным временем. Этот аристократизм чужд манерности, а тем более выскомерия, свойственных чаще всего низким и пустым натурам. Напротив, такие люди просты и непосредственны, но эта простота не переходит в вульгарность; она проникнута особым утонченным и в то же время естественным внутренним изяществом. Эти люди, даже приняв монашество, не теряют душевного обаяния; оно как бы соединяется с духовностью и придает ей в общении с людьми особую красоту и мягкость. Я употребил слова «есть женщины», а может быть, надо сказать «были», как говорят о розах глубокой осенью. Такой женщиной была монахиня по имени Марфа, родом из Пшави — горного района, из одного села, расположенного около Тианети. Судьба этой монахини сложилась необычайно и во многом трагично. В юности она увлеклась верховой ездой и была искусной наездницей, ее даже несколько раз просили сниматься в кинофильмах, когда нужно было снять какие-то особо опасные эпизоды. Однако во время скачек конь не смог преодолеть преграды и упал на землю. Она разбилась так сильно, что

уже не могла продолжать свои занятия. Затем последовал брак, кончившийся глубокой травмой: она полюбила правнука знаменитого поэта Важа-Пшавела, который давно домогался ее руки. Родные Марфы были категорически против этого замужества, считая, что ее жених унаследовал от своего великого деда только имя. Они поставили Марфе ультиматум: если она выйдет замуж за него, то пусть забудет свой родной дом, сестер и братьев — она становится чужой для них навеки. У горных народов такая клятва похожа на анафему, и они считают долгом чести исполнить ее. Но Марфа решила на замужество, и здесь ее постигло разочарование, вернее, потрясение, способное убить человека. Родные оказались правы. Она осталась одиночкой в мире, но приняла удар как волю Божию и решила, что это — призвывая посвятить свою жизнь Богу. Нередко Бог отнимает у людей все, чтобы дать им несравненно больше — Себя Самому. Она приняла монашеский постриг и с каким-то мужеством и решимостью пошла по этому трудному пути, где духовные ямы — преграды, возводимые демоном, пламя наших страстей, призраки прошлой жизни — делают его более трудным, чем путь каскадера. Казалось, что она рождена для монашества, а ее прежняя жизнь служила только периодом испытания, чтобы показать ей, как непрочна радость этого мира, в какую горечь превращается его призрачное счастье, какая ложь таится в глубине человеческих сердец.

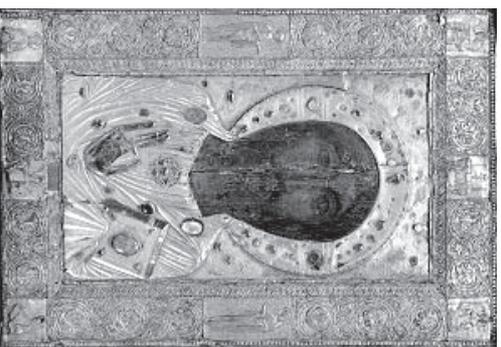
Даже внешне монахиня Марфа была необычайно красивой. Когда она шла по улице, то, слушаясь, люди останавливались и засматривались на нее. Казалось, что она сошла со старинного порт-

рета, на котором художник постарался запечатлеть красоту царевны. Но главное в ней было — духовная красота. Лицо ее озяло внутренним свет, тихий и ровный; особенно поразительны были ее глаза, в них чувствовалась какая-то сокровенная тайна — это тайна молитвы. Что отражалось в ее взоре? Она смотрела на всех с состраданием, так, как будто понимала боль каждого человека и хотела сказать ему: «Я пережила подобную боль, а теперь нашла свое счастье; это счастье открыто для всех, и оно недалеко от тебя».

Аристократизм в обращении — это не подчеркнутое, не наигранное, а внутреннее уважение к каждому человеку. В ней была какая-то особенная ласковость, но не ласкательство, скорее ласковость, связанная со строгостью, та ласковость, которая не допускает ни одного грубого слова или движения, которая не может оскорбить или уязвить другого человека, кто бы он ни был. Казалось, что если бы она жила во время гонений, то могла бы с чувством сострадания за своих палачей.

Впервые я встретился с ней у Музея искусств Грузии. Был праздник Нерукотворного Образа Христа Спасителя. Один из древнейших списков Нерукотворного Образа, прославившийся своими чудотворениями и называемый Анчисхати*, находится в Музее искусств. Я решил после службы в церкви поклониться чудотворной иконе. Но вышло так, что праздник совпал с теми днями, когда музей был закрыт, только охранники сидели у дверей. Они сказали, что никого из сотрудников

* Именованье этой чудотворной иконы связано с названием города Анчи, который ныне находится на территории Грузии; «хати» (груз.) — икона.

«Анчисхати» — икона Спасителя из Анчи (I век)

шил хотя бы помогиться у здания, где находился чудотворный образ. Это была бывшая Тбилисская Духовная семинария, давно закрытая большевиками и превращенная в музей. В это время подошла монахиня и, взяв у меня благословение, спросила, почему я стою у двери. Я объяснил ей, что, к сожалению, музей не работает, и мне посоветовали прийти на следующий день. Она сказала, что тоже пришла помолиться перед Анчисхатским образом, и, войдя в вестибюль, начала что-то говорить охране. Друг подошел человек, который окказился заместителем директора музея. Он работал в своем кабинете над диссертацией и зачем-то спустился вниз. Монахиня обратилась к нему и затем, выйдя из вестибюля, позвала меня. Заместитель директора музея сказал, что он сделает исключение и сам проводит нас. Охранники удивленно переглядывались друг с другом. Мы вошли в зал,

называемый Золотым фондом, где хранилось самое большое сокровище Грузии — старинные иконы, большинство из которых были сделаны на металле.

Я слышал, что это самое богатое в мире собрание кованых на серебре икон. Не раз я бывал в этом зале, но там всегда толпились туристы. Искусствоведы громко объясняли им, к какому веку и к какой школе принадлежит икона, — так, как будто это была коллекция светских картин. Туристы смотрели на иконы словно невидящими глазами. Я постоянно ощущал, с одной стороны, присутствие благодати, как бы невидимого светового поля около древних святых, а с другой стороны, не соответствующий святые дух выставки, монотонный шум голосов, словно я видел перед собой драгоценный камень, вложенный в коробку из-под сигарет, — этот постоянный диссонанс иконы с чудодой ей средой, в которую она перенесена. Иконы в музее казались мне мучениками, заключенными в тюрьму. Обычно я становился поодаль от образа и молился в промежутках между двумя группами туристов, одна из которых отошла, а другая еще не подошла к иконе. Эта пауза молчания между двумя зазубренными словом в слово монологами гидов-искусствоведов казалась мне каким-то световым коридором, через который я мог, собравшись с мыслями, приблизиться к образу. И опять в краткое, как будто сжатое пространство тишины, в котором едва успела сделать вдох душа, врывается гул посетителей, над которыми властвует, как над сталом сигналы вожака, металлический монотонный голос гида, которого могла бы свободно заменить запись на кассете. Впрочем, в музее

искусств посетители и служащие вели себя корректно и не позволяли себе развязных выкриков и смеха, как случалось во время экскурсий в храмах, когда гиды, чтобы привлечь внимание своих подопечных, которыми было глубоко безразлично, в каком году храм был построен, а в каком — капитально отреставрирован, начинали шутить и издеваться над религией, а в ответ им, вроде аплодисментов, слышался хохот туристов, похожий на свинной визг.

Многие из посетителей музея искренне восхищались блестящей техникой древних мастеров, но они не видели самого главного — духовного плана иконы, того духовного света, который льется в мир через нее. Они восхищались иконой так, как восхищаются живописью Рембрандта или картинами фламандских художников. Я вспоминаю рассказ из византийской хроники. Греческий царь Василий, названный Болгаробойца, захватил в плен десять тысяч воинов. Он велел выколотить им глаза, оставляя каждому сто первому по счету воину один глаз, а затем отпустил их на родину: каждую сотню слепых сопровождал пленник с выколотым глазом. Так они вернулись на родину, но не узнали ее, слышали голоса своих родных, но не видели их. Пусть простят меня служащие музея, но туристы казались мне слепыми, не понимающими, где они, а гиды — их одноклазьями проводниками, которые видят только одну сторону иконы, только линии и краски...

Но надо сказать, что даже во времена гонений и хрущевской похабщины большинство работников музеев относились к священнослужителям с вежливостью и участием, как будто они чувство-

вали в глубине души, что владеют чужим, церковным, имуществом, что икона создана для молитвы, что место ее в церкви. Надо отметить, что во время коммунистического режима, когда молитва в общественных местах была запрещена как административное и даже уголовное преступление, служащие музеев обычно не делали замечания верующим, которые опускались на колени перед иконами и целовали их.

Каждый раз я входил в Золотой фонд музея, как в царскую сокровищницу, как в пещеру, где были спрятаны от мира груды золота и алмазов, о которых я читал в детстве.

Главная добродетель для христиан — смирение; но если говорить о величии народа как о духовном величии, то оно приоткрывается — через завету истории, через мглу минувших веков — в этих нескольких заглах, где собрано немногое из того, что было, что чудом уцелело в пламени нашествий и революций, и это немногое остается главным сокровищем Грузии. Даже если бы от прошлого осталось только лишь несколько икон, необычайных по своей глубине, то они, как «Картлис цховреба»*, поведали бы о тех веках, когда Грузия и Православие были синонимами для крестносно-го народа.

Но икона — это не памятник, даже не памятник славы. Икона — это одна из форм мистической жизни Церкви. Я видел каменную лестницу в горах, она вела к пещерному монастырю. Огромные каменные плиты, служившие ступенями, были в течение многих веков истерты, как будто отшлифованы, монахами-подвижниками, которые

* См. примеч. на с. 76.

поднимались по ним вверх и спускались вниз к точнику воды. Эти камни стали гладкими и блестящими, как мрамор. Каждая икона, хранящаяся в музее, подобна лестнице, нижняя ступень которой касается земли, а верхняя уходит в необозримую высоту небес. Я видел ночью в горах огонь; мне казалось, что он рядом, но мой спутник сказал мне, что это костер, который пастухи разожгли на склоне соседней горы, и нас разделяет много верст. Икона с нами, мы можем коснуться ее рукой, дотронуться своими губами и ощутить металл, как знак того, что икона чувствует наш поцелуй. Мы можем ощутить сердцем силу благодати — этот невидимый нимб, которым икона окружена. И в то же время она смотрит на нас из вечности, свет ее льется с Небес, начало и конец ее — в духовном мире; она одновременно с нами и далеко от нас, но далеко для того, чтобы приблизить нас к тому источнику света, который, отражаясь в ней, падает на землю.

Наша жизнь соединена со смертью; это две стороны, обнявшиеся друг с другом. Их взаимные объятия — это время, которое сделало их неразлучными спутницами. Духовный мир — это мир, где нет смерти, где не властвует время; это мир вечного света, где нет черных теней небытия, где настоящее не исчезает в пропасти прошлого, где благодать Божия преобразует все Его творения; это мир богоподобия, который открывает, к кому рому зовет и в который включает душу человека икона. В молитве перед чудотворной иконой душа ощущает неведомую ей вышнюю реальность бытия. Освобождение от рабства времени — это союз прикосновение конечного с бесконечным.

Икона — это пророчество о преображении мира и начало его преобразования, это картина богоподобия, которая становится дверью в мир бесконечного богоуподобления как содержания вечной жизни, начинающейся внутри нас.

Больше всего в музее сохранилось икон Спасителя, Божией Матери и святого великомученика Георгия. Божия Матерь — символ любви. Святая царица Тамара называла Деву Марию «Госпожой и Царицей Грузии». Святой Георгий — символ мужества; он покровитель иноков. Образ святого Георгия — свидетельство о том, какой огромной ценой — крови и жертв — сохранил грузинский народ Православие. Если бы можно было собрать кости мучеников за веру и сложить из них башню, то она достигла бы горных вершин; если бы можно было собрать кровь, пролитую за Православие, то она могла бы окрасить реки и озера Грузии в алый цвет. Если бы кто-нибудь захотел записать все имена замученных за имя Христа в книгах, то ему не хватило бы для этого целой жизни. Первый царь, который после монгольского нашествия вновь объединил земли Грузии в единое государство, был Георгий*. Царь, который поднял Грузию из руин после нашествия монголов, был Георгий, получивший имя Блистательный**. Последний грузинский царь был Георгий***. Но во все времена защитником Грузии был Георгий Победоносец. Можно сказать, что Грузия окружена, как крепостными стенами, храмами святого Георгия. В каждом

* Царь Георгий I (†1027).

** Царь Георгий V (†1346).

*** Царь Георгий XII (†1800).

*Последний царь Грузии
Георгий XII*

мень с изображением святого Георгия свидетельствует о том, что ему было посвящено это древнее святилище.

Я вошел в залы Золотого фонда, как в царский дворец, где должен предстать перед лицом Царя Неба и земли, Ангелов и людей, Творца видимого и невидимого мира, Владыки вечности и времени. В духовной жизни всегда все новое. Если человек будет молиться перед иконой, то увидит, как оживает ее лик. Это не визионерство и не внушение, это действие благодати на душу человека, когда открывается ему в иконе проекция духовного мира и его собственной души. Я чувствовал благодарность к людям, которые сохранили эти иконы ценой огромных трудов и лишений; хотя некоторые из этих людей были неверующими, они любили свою родину и смотрели на иконы как на часть ее истории. В истории бывали случаи, когда государство устраивало резервации для сохранения жизни какой-нибудь части населения, кото-

рой прозигло уничтожение или вымирание. Эти люди были оторваны от своей жизненной среды, помещены в другую, искусственную среду. Благо это или зло? — И то и другое. Так и иконы были спасены от уничтожения, словно вырваны из рук новых вандалов, или от продажи за деньги в частные коллекции новыми иудами, но теперь, с окончанием гонений, сам музей, где находятся иконы, стал походить на резервацию, отороженную степной. Иконы сохраняются, но в то же время они пленники. Большая заслуга в сохранении древних икон принадлежит грузинской эмиграции, но сами иконы, вынесенные из храма, становятся похожими на людей в эмиграции и изгнании, покинувших свою родину.

Икона — принадлежность церкви, она сделана для храма; более того, икона требует молитвы. В Евангелии есть притча о человеке, который, получив займы талант от своего господина, зарыл его в землю; он не растратил серебро своего господина, он не потерял его, но серебром лежало без действия, и когда он вернул его своему владыке, то вместо похвалы получил прозвонный укор и наказание*. Икона вне своего предназначения — молитвы и поклонения народа — остается талантом (слитком великой ценности), закопанным в землю. Разве нельзя выделить определенные дни, когда в залы, где хранятся иконы, могли бы придти верующие для молитвы и священник служил бы перед иконами молебны? Разве нельзя оборудовать один из храмов или помещение при храме так, чтобы туда можно было переносить чтимые иконы для поклонения верующих, для которых

* См.: Мф. 25, 14–30.

созданы эти иконы и которыми они принадлежат? Ведь охраняются выставки картин, среди которых есть дорогие полотна и экспонаты. При современной технике, в том числе электронной, можно протверждать попытки похищения или порчи икон. Мы считаем надругательством над иконами вывоз их из Грузии для демонстрации в качестве произведений искусства. Магомедане, иудеи и большинство протестантских конфессий смотрят на икону, как на рецидив язычества в христианстве, как на идолов, которых создали христиане в подражание язычникам. Так что протестант, мусульманин или иудей будет подходить к иконе с чувством внутреннего презрения или отвращения. Мы были свидетелями, как гости-протестанты, приглашенные на церковную конференцию в 1987 году, выражали свое презрение к православной святыне — нетленным мощам Киево-Печерских подвижников, а один из них во всеуслышание сказал: «Ох, как страшно: наверно, этой ночью я буду плохо спать». Что можно ожидать от экспонирования этих икон в неправославных странах? Магомеданин скажет: «Глава аллаху, кто я не идолопоклонник», а хасид плюнет при виде икон на пол или в свой платок; протестант скажет: «Надо бедным православным, потибающим в духовном невежестве, вновь, как в апостольские времена, проповедовать Евангелие». Неверующий заглянет на выставку из любопытства или чтобы сказать друзьям, что он участвовал в культурном мероприятии, и будет рассматривать иконы со жвачкой во рту и на всякий случай поинтересуется, во сколько она оценена. Конечно, есть люди на Западе, которые ищут Бога, но скорее они найдут Его в пра-

вославном храме, чем у святыни, вынесенной на стены музея или картинной галереи. В лучшем случае на Западе икона будет воспринята как произведение искусства и займет в шкале художественных ценностей какое-нибудь среднее место между фресками Леонардо да Винчи и изображением блаженно улыбающихся будд.

В истории Грузии были случаи, когда во время вражеских нашествий иконы увозили в горы, прятали в пещерах, иногда замуровывали в стены, но когда опасность проходила, их снова возвращали в храмы, как в их дома. Христиане подвергали себя лишениям и опасностям, часто жертвовали всем, что имели, сохраняя главное — свои святыни в надежде, что перед чудотворными иконами будут молиться не только они, но и их дети и далекие потомки.

...Заместитель директора музея сам открыл дверь в залы Золотого фонда, пропустил нас вперед и остановился недалеко от входа. Мы подошли к Нерукотворному Образу Спасителя, как подходят к трону, на котором восседает царь, и опустились на колени. Что я чувствовал в это время, взирая на лик Спасителя? — Его близость к падшей человеческой душе, близость Любви. Мне казалось, что Его лик, потемневший от времени, в этот день стал особенно четким и ясным. Я ощутил в своем сердце некое удостоверение, что Он смотрит на меня и внимает моей молитве, что Он исполнит мою молитву. Но в это время мне не хотелось молиться ни о чем другом, как только о прощении моих грехов и о вечном спасении моей души. Еще я почувствовал, что грехи и страсти — это безумие души. Затем я начал молиться о спасении

своих родных и близких. Поодаль, позади меня, молилась монахиня Марфа. Я тихо спросил у нее: «Как зовут твоих родных?». Она назвала несколько имен. Тогда я снова спросил: «А как зовут твоих врагов?». Она удивленно посмотрела на меня и переспросила: «Каких врагов? У меня нет врагов». Я продолжал: «Тех, кто обидел тебя или был несправедлив к тебе». Она ответила: «Никто не обидел меня, я не помню, чтобы кто-либо поступил несправедливо со мной, все люди всегда были добры ко мне». Она снова погрузилась в молитву: в ее глазах светилась любовь к Богу и какая-то тихая радость. Я почувствовал нежность и даже глупость своих вопросов. Какие могут быть враги, если благодать цветет и благоухает, как цветок, в сердце человека! Я поднялся с колен. В залах было пусто, стояла необычайная тишина. В безмолвии душа ощущает поле Божественной благодати, которое, как нерукотворный нимб, окружает иконы.

В престольные праздники Господь и святые особенно близки к людям. Поэтому в древности люди проходили пешком десятки верст, чтобы попасть в храм в престольный день.

Наш проводник и благодетель стоял недалеко от дверей. Он был настолько деликатен, что ни одним движением не хотел напомнить нам о своем присутствии. Он как-то задумчиво смотрел на монахиню Марфу, как будто в ее лице ему открылось то, что он не мог вычитать ни в каких книгах, — это был отблеск благодати на лице человека, луч преобразования, в котором скрыта тайна человеческого бытия.

Монахиня Марфа подошла к нему и стала благодарить его за оказанную доброту. Неожиданно

этот человек сказал таким тоном, как будто просил что-то очень дорогое у нее: «Приходите еще сюда, — и добавил: — Помолитесь».

Прошло несколько месяцев, и я услышал от прихожанки Сионского собора Цисаны, у которой останавливалась монахиня Марфа, когда приезжала в Тбилиси, что ее уже нет в живых. Когда она перешла на улицу около памятника Важа-Пшавела, ее сбила машина. Умирающую монахиню привезли в больницу. У нее вытек глаз, лицо было разбито, но она в полубеспамятстве говорила: «Неужели этот человек из-за меня попадет в тюрьму?». Ее невольным убийцей оказался юноша, который горько плакал о ее смерти. Он говорил: «Я не понимаю, как это случилось. Мне показалось, что какая-то черная птица взмахнула крыльями передо мной, раздался удар, больше я ничего не знаю». Католикос-Патриарх Илия II распорядился, в случае, если не придут за ее телом родные, перенести ее в церковь и здесь совершить погребение и похоронить как монахиню на монастырском кладбище. Но в последний день перед похоронами за ней приехал брат из Тианети. Монахиню Марфу погребли на кладбище неподалеку от могил ее родных.

Через некоторое время после того, как я узнал о ее смерти, я увидел сон. Какой-то чудесный город, обнесенный стенами. Мне говорят: «Здесь живет монахиня Марфа, но ты не можешь войти туда». И вдруг я вижу Марфу, она передает мне запечатанное письмо и говорит: «Возьми его и отнеси Католикосу-Патриарху Илию, пусть он прочитает все, что написано там, иначе я положу это письмо перед Престолом Божиим».

Я написал об этом необычайном сне Патриарху. Как мне известно, он послал милостыню в церкви и монастыри, чтобы сорок дней поминали монахию Марфу.

Однажды Цисана предложила мне поехать в Трианети и посетить могилу монахини Марфы. Я ответил, что это будет для меня большой радостью. Она сказала: «У меня есть знакомый юноша, который несколько раз возил меня к могиле Марфы, я думаю, он не откажет отвезти нас; в какой день мы поедем?». Мы договорились на четверг, когда у меня не было уроков в семинарии. В четверг утром за мной заехала Цисана. Из машины вышел молодой человек и молча открыл мне двери. У меня было такое чувство, что он не хочет смотреть на меня, как будто в чем-то виноват передо мной. Цисана сказала: «Возьми благословение». Он послушно взял благословение и, что меня удивило, за всю дорогу не проронил ни слова. Как я узнал потом, это был тот самый человек, который нечаянно убил монахию Марфу. Он старался сделать все, что в его силах, чтобы как-нибудь искупить свое невольное преступление. Он навещал родственников Марфы и помогал им как своим родным. Цисана сказала ему, что лучшим подарком для Марфы будет его молитва о ней, и если он хочет сделать ей радость, то должен еженедельно посещать храм и молиться на Литургии. С тех пор он стал ходить в церковь, словно монахиня Марфа своей смертью изменила жизнь этого человека.

Одна женщина рассказывала мне, что когда она ехала с монахиней Марфой на святое место в монастырь, расположенный в горах где-то за Мцхетом, с ними сидел в машине молодой монах, кото-

рый увлекался поэзией и сочинял стихи. Он начал читать вслух свою лирику, а затем наизусть стихи Важа-Пшавела. У монахини Марфы глаза наполнились слезами, но она молчала. Увидев это, женщина после поездки спросила ее: «О чем ты заплакала? Может быть, этот монах не зная твоей жизни, невольно причинил тебе боль?». Та ответила: «Нет, я думала о другом: как трудно монаху бороться со своими страстями и искушениями. А он, бедный, как ребенок, играет с огнем». Она повторила: «Мирские песни и стихи для монаха — это огонь, который может сжечь его душу». К сожалению, ее слова оправдались. Этот монах женился, заимел семью и впоследствии ходил по церквям, прося помощи для пропитания своих детей, а что еще хуже, вместо покаяния проповедовал, что где «любовь», там нет греха и будда, что любви все дозволено. Вообще, монах, увлекающийся наукой или мирским искусством, если даже внешне он хранит обеты целомудрия, похож на птицу с опасными крыльями, которая не может ни парить в небе, ни ходить по земле.

Дорога в горы похожа на путь духовной жизни. Человек осваивается от атмосферы города, отравленной миазмами страстей, как от пресса, который давит его душу. Он как будто впервые видит небо и землю. В городе земля скрыта асфальтом, словно могильной плитой, а синева неба окутана в пелены дыма, как будто задернута серым туманом.

Мы проехали несколько сел, которые казались вымершими; только крик петуха и собачий лай напоминали о том, что здесь живут люди. В начале пути дорога казалась аллеей между деревьями,

но их становилось все меньше и меньше, только кустарник и трава покрывали отлогие склоны. Четкие контуры гор, как будто начертанные твердой рукой на голубом холсте небес, плыли дущу какой-то особой строгой бесстрастной красотой. Облака, повисшие на небе, были похожи на огромные лепестки водяных лилий, которые колеблются на тихих волнах горного озера. Вот, наконец, перед нами кладбище. Я не знаю, что это: окраина города или селение. По склону разбросаны вдалеке друг от друга дома; не видно ни одной души, как будто мы случайно набрали на мертвый город в пустыне.

Мы вышли из машины. Цисана привела меня к одинокой могилке, на которой стоял деревянный крест. «Мы еще не успели сделать надпись», — как бы извиняясь, сказала она. Но нужна ли эта надпись, нужно ли писать здесь имя той монахини, жизнь которой была сокровенна от мира? Я подошел к могиле с таким чувством, с каким подходят к колыбели ребенка. Я понял, что сама Марфа хотела быть погребенной здесь — тот, кто родился в горах, не может забыть их. Мертвой она вернуться в свой дом, из которого она была изгнана жестокостью людей.

Горы похожи на монастырь. Там царит безмолвие, там дышит вечность, там нет ярких цветов и раскрашенных масок житейского карнавала — там цветет и дышит сама тишина.

Мы отслужили панихиду у могилы Марфы. Петь было некому. Я прочитал все молитвы и песнопения. Говорят, что некоторые монахи, живущие в пустыне, не поют, а прочитывают службы; они не хотят услаждать слух свой даже пеннием. Когда

я читал молитвы, то мне казалось, что не я молюсь о ней, а она молится о нас.

Я помню праздник Нерукотворного Образа Спасителя, когда мне казалось, что Господь так близок к нам, как будто Он сошел со Своего трона и приблизился к грешным людям, стоящим на коленях перед Его чудотворной иконой. Я помню, что когда в молодости был в Давидо-Гареджийской пустыни*, то видел, как в небе, напоенном солнечными лучами, подобно золотому морю, высоко-высоко парит одинокий орел. Такой орлицей, взлетевшей в небеса, казалась мне душа покойной монахини. Эта молитва на могиле была моей последней встречей и прощанием с Марфой. Монашество твое да помянет Господь во Царствии Своем. Аминь.

* Давидо-Гареджийская пустынь — Лавра, основанная в горах Кахети, в 60 км от Тбилиси, предположительно Давидом Гареджийским (VI—VII века; память его совершается в первый четверток после Вознесения), учеником преподобного Иоанна Зедзенского.

СИДЯЩАЯ АНАСТАСИЯ

В моей жизни мне приходилось встречать людей, которые жили в атмосфере какого-то постоянного чуда, как будто физические законы, мощи человеческого тела, страсти, колеблющиеся душу, не существовали, как будто, если выразиться образно, для них не было самого притяжения земли. Таким человеком была Анастасия, которую в народе называли «сидящей Анастасией». Она говорила с людьми притчами и загадками, но сканное ею сбывалось всегда. Ее подвиг превращал человеческие силы, как подвиг древних столпников. Если бы я не видел своими глазами, а только бы слышал об Анастасии, то в сердце своем сомневался бы, как может быть, усомниться и те, кто прочитают эти строки. Но есть еще в живых свидетели — люди, видевшие это явление чудю на земле. Я не знаю, как она могла быть, я даже не знаю точно, причащалась ли она, я только говорю о том, что видел сам и слышал от людей, достойных доверия, как, например, игуменья Мария (Соловьева), жившая в селе Ахкерпи с несколькими монахинями после закрытия их монастыря. Это слова игуменнии Марии: «То, что скажет Анастасия, должно сбыться».

Несколько десятков лет во дворе своего дома, под навесом, сидела, не вставая, эта подвижница. Зимой она укрывалась лишь длинной шалью. Ста-

да она очень мало, обычно под утро, склонив голову к коленям. Ее почти всегда окружал народ. Некоторых она принимала с особой лаской и кормила из своих рук, а других встречала бранью и даже бросала в них камни. Она постоянно беседовала с теми, кто находился в мире, невидимом для наших глаз. Про нее рассказывали, что в молодости она была необыкновенной красавицей. У нее рано умерла мать, и воспитывала ее мачеха, которая ненавидела падчерицу, завидуя ее красоте. Однажды Анастасию увидел гвардейский офицер и сразу же решил, что она должна стать его невестой. Очевидно, Анастасия ответила ему взаимностью и согласилась, но точно не знаю. Он стал свататься к ней, но мачеха под всеми предлогами откладывала женитьбу и наконец, запрев Анастасию в доме, сказала ему, что его невеста сошла с ума, что ее связали и увезли в больницу, что она признана неизлечимой и о свадьбе уж нечего и думать.

Эта весть так поразила офицера, что он выхватил револьвер и застрелился тут же, у порога дома. Вышла Анастасия и увидела жениха своего мертвым. Тогда она и начала юродствовать. Заехала в хлев, где жили свиньи, и не выходила из него, питаясь помоями, которые приносили животным. Прошло время, и Анастасия приняла на себя необычайный подвиг: она села во дворе на низкую скамью и не вставала с этого места. Когда нужно было немного привстать, она упиралась руками в два камня, лежавшие около нее, но никогда не вставала на ноги. Прошли десятки лет, ноги под коленями как бы срослись, и она уже не могла ими двигать. В некотором роде такой подвиг труднее, чем столпничество, по крайней мере столпник мог

двигаться по площадке стола, спать, опираясь на перила, сходить во внутренний комнату. Кроме того, обычно столпники полагали множество поклонов. Анастасия, сидя почти неподвижно, по всем законам природы должна была умереть в первую же зиму от переохлаждения, но ветер и снег, казалось, не действовали на нее, как на каменную статую.

Однажды игуменья Мария рассказывала, что она как-то пришла к Анастасии со своей родственницей. Анастасия молча сняла крест с родственницы, надела его на мать игуменню и так повторила три раза. Вскоре эта родственница принесла игуменнии Марии огромное горе. Я не хочу рассказывать об этом подробно: быть может, эта женщина еще жива и давно рассказала в своем поступке.

Один мой знакомый — Лева Саакян, который теперь переехал в Ереван и преподает философию в институте иностранных языков, — говорил мне, что, услышав об Анастасии, решил посетить ее и просил у матери десять рублей, чтобы сделать ей подарок. Семья его в то время нуждалась, и мать запротестовала, но сын настаивал, и мать со слезами положила деньги на стол. Когда он увиделся со мной, то рассказывал, что мало что понял из слов Анастасии, но сам тон ее голоса был такой проникновенный и задумчивый, что как бы сорвал его. Прошавсь, он хотел положить около нее деньги, но она сказала: «Неси назад, а то у меня из-за этих денег будет скандал!».

Я несколько раз был у Анастасии и как же жалею теперь, что не бывал у нее чаще! Однажды тязжего заболела моя мать. Я пришел к Анастасии, рассказал о своем горе и просил, чтобы она помо-

лилась о моей матери. Анастасия дала мне яблоко и сказала: «Пусть она съест его». Я вернулся домой с этим яблоком. Как легко было у меня на душе! Я ожидал чуда, и оно свершилось! Мать, съев яблоко, выздоровела в тот же день.

Однажды я спросил у Анастасии, как мне спасти. Она ответила: «На Афон». Тогда дорога на Афон была совершенно закрыта, и я снова спросил: «А если я не попаду на Афон, то спасусь или нет?». Она ответила: «Не знаю».

И вот наступило время, когда слова Анастасии, сказанные как бы в притче, исполнились. Архимандрит Зинорий (впоследствии митрополит) сказал, что Патриарх хочет рукоположить меня в священник сан и послать на приход в Лагодехи. «Какой ты выбираешь путь: белого или черного духовенства?» — спросил он. Когда я пришел к Анастасии, она встретила меня словами: «Через три дня ты искупаешься в большой ванне». После моего нашествия пострига я снова пришел к Анастасии. Было утро. Она сидела закутанная в шаль, как в саван, закрывая с головы до ног. Я окликнул ее по имени, она не ответила. Я сказал, что принял монашеский постриг, спросил, как мне теперь жить, — в ответ молчание. Я долго стоял около нее, но она даже не пошевелилась, как бабочка в непрозрачном коконе, в своей черной шерстяной шали. И я подумал: «Вот тебе ответ — будь таким же для мира». Но если это было благословение старицы, то я его не исполнил и до сих пор ежедневно меляю лучшее на худшее.

Почти все люди, посещавшие Анастасию, рассказывали, как сбывались ее вещи слова. Повторили, что ее несколько раз посещал Патриарх

Мелхиседек, но не знаю, так ли это. Патриарх сам был необычайной личностью. Митрополит Зинвий говорил о нем: «Его не понял мир».

Рассказывали, что особенно много народа приходило к Анастасии во время войны, чтобы узануть о судьбе своих близких. Если она давала землю, то это означало, что человек был убит. Бывали случаи, когда в пост она давала посетителю мясо. Это смущало некоторых людей, но тем самым она приточно показывала, как мы держим свой внутренний пост, в каком состоянии наше сердце.

Перешагнув порог дома, где сидела Анастасия, человек, казалось, из одного, привычного для него, мира, попадал в другой, неведомый. Говорят, что, когда у нее заболела сестра, Анастасия велела вынести себя из-под навеса под открытое небо и в течение четырех месяцев молилась, говоря: «Надо приготовить ей путь».

Я уехал в Сухумскую епархию, а когда вернулся в Тбилиси, то мне сказали, что Анастасия умерла и похоронена на верхней стороне Куккийского кладбища. Я долго не мог узануть, где ее могила. Наконец одна прихожанка церкви святого благоверного князя Михаила Тверского, Вера, вызвалась показать мне это место. Вместе с иконописцем Виктором Криворотовым мы пришли на кладбище. Вера указывала нам путь среди могил; одни из них были отмечены камнем или маленькой оградкой, а над другими стояли надгробия, как мраморные дома. Я просил Виктора зарисовать дорогу, но он сказал, что у него хорошая зрительная память и он и так запомнит ее. Мы пришли к могиле, на которой был водружен крест, и я почувствовал себя так же, как много лет тому назад

во дворе Анастасии. У меня было такое чувство, словно я забыл обо всем окружающем меня, словом. Я ни о чем не думал и ни о чем не просил, я только чувствовал ее присутствие, и слезы лились из моих глаз. Виктор и Вера, чтобы не мешать мне, потихоньку отошли от могилы и стали в стороне, не говоря ни слова. Я благодарен им за эти минуты молчания. Я шел назад с каким-то смешанным чувством радости и скорби: радости — от этой встречи, а скорби — от расставания.

Через несколько месяцев я попросил Виктора пойти со мной на могилу Анастасии, но он сказал, что, к сожалению, забыл дорогу. Веры я больше не видел. Несколько престарелых прихожан, которые знали Анастасию при жизни, ответили мне, что уже не помнят ее могилы. Все меньше остается в живых моих сверстников, как ягод на оставшейся кисти винограда, которую выклеивают осенние птицы. Укажет ли мне кто-нибудь домик, где жила Анастасия, если он уцелел, или ее могилу?

Проходит год за годом, как проплывают картины лесов и полей за окном вагона. Смерть приближается к человеку, как волки к путнику, которые сначала обегают его широкими кругами, затем эти круги все больше сужаются, как бы сжимаются, затем они подходят к жертве и — последний смертельный прыжок... Я не знаю, найдут ли могилу Анастасии, но знаю, что рано или поздно найдут свою могилу и тогда увижу ее в день Воскресения мертвых.

Я повторяю, что пишу только факты, без всякой моей личной интерпретации. Мне ничего не известно о ее внутренней жизни и о ее дерковности,

поэтому я ничего не утверждаю, а только свидетельствую.

Я вспоминаю, что у Анастасии была редкая икона, написанная на металле, включавшая в себя несколько изображений Божией Матери. Она говорила: «Икону надо выкупить», — возможно, она хотела напомнить нам, что икона в доме требует молитв, что без этого духовного «выкупа» икона будет лишь обличением нашего нерадения и что жизнь должна быть подвигом.

Вспоминаю я и еще одну подробность из впечатлений Левы Саакана об Анастасии. Он спросил ее: «Как найти истину?». Для философа это был профессиональный вопрос. Она ответила очень просто: «Живите по истине и найдете истину». Мне кажется, что это был лучший из ответов, которые можно услышать. Но он стал распрощивать дальше. Тогда она заговорила своим приторным языком о книге жизни, которую надо выписать в библиотеке, и он ничего не понял. Однако все же решил послушаться ее, пошел в ближайшую библиотеку, чтобы спросить книгу жизни, но увидел там двух девиц с маловыразительными, как говорил он, лицами, стоял и пошел назад, так ничего и не спросив.

К сожалению, и в этом случае слова Анастасии, как мне кажется, оправдались. Истину он стал искать в библиотеках и увлекся штайнеризмом...

Я хотел бы еще сказать о глазах Анастасии. Они не светились тем мягким светом, который я видел в глазах схимонаха Лавриила. Они были похожи на лучи или огни двух прожекторов, которые освещали ночное небо. Ее взгляд как бы пронизывал человека насквозь, и человек невольно чувствовал при этом какое-то изумление, похожее на испуг,

понимая, что этот взгляд видел все в его душе: его жизнь, его прошлое и будущее.

К концу своей жизни Анастасия еще более усилила свой сверхчеловеческий подвиг. Женщины, омывавшие ее тело, рассказывали, что она клала на свою скамеечку пустую банку от консервов и садилась на нее; острые края врезались в тело почти до костей, но оно не гнило.

Проходит время жизни. Прошла молодость, как весна, промелькнула в грозе и буре страстей, но были в это время ясные дни, когда душа ощущала духовную красоту монашеской жизни и как бы обогнала благоухание гайнственных цветов. Юность полна ошибок и грехов, взлетов и падений, но душа еще не обросла жесткой и твердой корой, и после грехов наступают искреннее покаяние, как будто кровавые слезы сердца омывают грязь греха.

Зреющий возраст похож на лето. Это время для работ земледельца. Человек становится более трезвым и осмыслительным, но одни страсти сменяются другими, горячность юности — расчетом, заботами не столько о вечности, сколько о завтрашнем дне, как будто небо становится дальше, а земля все больше проступает из мглы. Грехов становится, кажется, меньше, но и сердце уже не горит покаянием.

Затем старость — это осень жизни. Это скудная осень: цветы весны увяли, не дав плодов, и нерадивый земледельец чувствует приближающийся голод — скоро наступит зима.

Меня окружают люди, которые думают, что я лучше, чем я есть на самом деле. Они добры ко мне, я благодарен им, но мне больше хочется беседовать с мертвыми, чем с живыми, с теми, кто опередил меня на пути из времени в вечность.

ЛЮБА-ЮРОДИВАЯ

Во дворе Илорского храма, в деревянном доме, сиделась женщина по имени Люба. Кто она была, большая или юродивая, одержимая бесом или тайная подвижница, — неизвестно. Раздобыв метлу, совок и лопату, она целый день с утра до ночи убирала двор, чистила туалет, мыла пол и соскабливала грязь с плит, которыми был выложен вход во двор храма под колокольней. Она ходила босиком, как видно, никогда не умывалась, и ее ноги и лицо были покрыты слоем грязи. Она почти не отдыхалась, все время находила себе работу. Но при этом сквернословила. Когда Люба видела приезжих паломников, она выбегала им навстречу, бранилась, а иногда кричала: «Ура!». Ей были свойственны странные выходы, похожие на детские проказы: то сдернет с головы женщины платок, то спрячет обувь паломников, остававшихся на ночь, но это ей прощали как большой. Старый священник Димитрий Какубава ценил ее за труды.

Храм святого Георгия каждый день посещали паломники, чаще всего из Мертели, и приводили скот в жертву. К рогам козла или барана прилепляли зажженные свечи и трижды обводили животное вокруг храма. Затем пламенем свечи делали отметку на лбу животного. У храмовой стены было специальное место, где животных реза-

ли, подвесив их к перекладине за задние ноги. Тут же стоял большой котел: считалось, что мясо жертвенного животного должно быть вареным. Потом паломники садились за трапезу, часть мяса отдалась служащим церкви. Люба очищала землю, пропитанную кровью, посыпала это место песком. Внутри храма она никогда не заходила, также никогда не отдыхалась в сторожке, где горел бухар.

В Илорском храме находилась выкованный из железа полукруг в форме лука — напоминание о победоносном оружии святого Георгия, и у богомльцев был обычай трижды проходить через этот лук, держа за железную тетиву; считалось, что это особенно помогает бесноватым и душевнобольным. Бывали случаи, когда в Илорский храм приводили буйных одержимых. Один раз в храме большой разорвал веревки и хотел ворваться в алтарь; только несколько человек смогли с трудом удержатъ и связать его. На моей памяти в Илорском храме случались чудеса и исцеления: так, например, большой, о котором я упоминал, через несколько недель пришел в храм здоровым.

Люба постоянно сквернословила, но глаза ее были добрыми, и на лице иногда появлялась улыбка, застенчивая, как у девушки. Все это не вязалось с бранью, которой она поносила людей. Некоторые считали ее юродивой, а другие — одержимой бесом и смотрели как на прибудущую собаку, которая прижилась в чулке двора. Когда никто не останавливался на ночь в храме, то она спала в доме для паломников, а если там был народ, то уходила в угол двора и спала там между стеной и туалетом. Вставала она раньше всех и начинала уборку двора. Когда священник встречал

ее приветствием, она не отвечала. Тогда он обратился к ней с ее любимым «ура», и она радостно кричала в ответ: «Ура!». Некоторое время, слыша ее брань, спрашивали отца Димитрия, почему он не выгонит ее; священник отвечал: «Может быть, она человек Божий, и если я выгону ее, то случится какая-нибудь беда».

Однажды в храм приехал епископ Леонид (Жвания). Увидев женщину, которая размахивает руками и бранится, он позвал ее к себе. Она подбежала; он посмотрел на нее и сказал спокойно: «Как будто ожидал увидеть ее во дворе храма: «Зачем вы волнуетесь? Если вам что-нибудь не нравится и вы недовольны, то можете обратиться по инстанции». Эти слова, как видно, были неожиданными для Любы, и она ответила: «Нет, я всем довольна». Епископ благословил ее и сказал: «Все будет хорошо» — и пошел в храм. Люба следовала за ним поодаль, держа какой-то кусок материи, кажется, скатерть, в поднятой руке, как флаг, и радостно кричала: «Ура!». После встречи с епископом она стала заметно меньше сквернословить. Прошло ровно шесть месяцев, и она так же внезапно исчезла, как и появилась. Кем она была: бесноватой или юродивой, которая дала обещание жить при храме полгода, — кто знает?

Однажды в Илорский храм приехал иеромонах с послушницей, молчаливой девушкой, которая смотрела в землю, не поднимая глаз. Он вошел ее по монастырям и даже в пустыню. После посещения храма он выразил неудовольствие священнику в том, что Люба, вместо того чтобы подойти под благословение, продолжала сквернословить. Отец Димитрий ответил примирительно:

ным тоном: «Надо носить тютю и болезни друт друта». Иеромонах продолжал: «Если бы я был один, то не обратил бы внимания, но со мной девушка, я обязан защищать ее от оскорблений». Тогда священник вспыхнул и, отведя его в сторону, сказал: «Очень жаль, что вы, монах, не один, — с вами девушка; это большее оскорбление для монашества, чем брань юродивой, — и добавил: — Что у юродивых на языке, — показав на Любу, — то у некоторых в уме; она, может быть, обличает нас». Иеромонах оскорбился и уехал вместе с послушницей, отказавшись от трапезы.

ЛИДИЯ

Преподобные Варсонуфий и Иоанн, затворники Газские, на вопрос монаха, что лучше: читать Псалтирь или Иисусову молитву, — дали такой ответ: «Надо одно делать и другого не оставлять»*.

Современные подвижники монах Кассиан и схиархимандрит Виталий (когда он жил в пустыне) ежедневно прочитывали всю Псалтирь. Монах Иларион из селения Латы знал наизусть не сколько акафистов и канонов, а также значительную часть псалмов. Ежедневно он читал акафисты Иисусу Сладчайшему, Божией Матери и святителю Николаю. А когда шел по дороге в пустыню или город, то любил петь ирмосы канонов.

Иисусова молитва, совершенная внимательно, требует от человека постоянного сосредоточения и напряжения мысли; по сравнению с ней в книжных молитвах больше разнообразия и, следовательно, простора для ума. Когда монах сжимает ум в восьми словах молитвы и пребывает в них, то ему открывается таинственная глубина этих слов. Но Иисусова молитва должна опираться на книжные молитвы, особенно — на Псалтирь, как стена дома — на фундамент. Это правило еще в большей степени относится к людям, проживающим в миру.

* *Преподобные Варсонуфий Великий и Иоанн Пророк.* Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошания учеников. Вопрос 126. — М., 1995. С. 89.

Если они захотят заменить все молитвенное правило одной Иисусовой молитвой, то их ожидает неудача: или Иисусова молитва постепенно иссохнет, как обмелевший ручей летом, или же, что еще хуже, из-за перенапряжения ума наступит нервный срыв. В древние времена во многих монастырях от монаха требовалось в течение первых трех лет выучить наизусть всю Псалтирь и Евангелие, и сама Иисусова молитва изливалась из уже подготовленного сердца, как ручеек — по очищенному от камней руслу.

В одном из селений, находившемся недалеко от Тбилиси, жила женщина уже преклонных лет, по имени Лидия. Однажды, прочитав книгу об Иисусовой молитве, она затрелась желанием приобрести непрестанную молитву; это стало главной задачей ее жизни. Она была человеком решительным и самоотверженным. Жила она в бедности. У нее был маленький домик с двумя комнатами, одну из которых она превратила в курятник, и небольшой огород. Можно сказать, что единственным ее имуществом были книги. Она часто приходила к нам домой и рассказывала о том, что прочитала об Иисусовой молитве. Особенно ей нравилась книга о молитве Журавского*, которую в то время перепечатывали на пишущей машинке. Я не раз говорил ей, что святые отцы считали необходимым для христиан чтение Псалтири. Святитель Иоанн Златоуст писал, что «лучше солнцу не светить, чем

* Имеется в виду кн. «О внутреннем христианстве: Тайна Царствия Божия, или Забытый путь опытного богопознания» [Б. м., ок. 1950]. Этот труд имел широкое хождение в самиздате и ошибочно приписывался прот. Иоанну Журавскому. Ее автор — мон. Сергей (Ситников). (См.: Жизнеописание иеросхимонаха Стефана (Игнатенко). М., 2002)

людям не читать Псалтирь»*. Но Лидия отвечала, что Псалтирь она плохо понимает и что не у всех одинаковый духовный путь. Так как работа по хоздействию отвлекала ее ум от молитвы, она купила магнитофон, записала Иисусову молитву на всю ленту и, когда занималась каким-нибудь делом, слушала ее. Она считала, что таким образом молитва у нее не прекращается.

Прошло несколько лет ее духовных трудов. Однажды поздно вечером я сидел с одним из моих друзей, священником, у себя дома. Друг раздался громкий стук в дверь. На пороге стояли три женщины: Лидия и ее соседки — мать и дочь. Вид у них был взволнованный и встревоженный. Когда они увидели незнакомого священника, то смугтились еще больше. «Лидия заболела, — сказала одна из них, — мы не знали, что делать, и привели ее к вам. Можно, чтобы некоторое время она побыла у вашей мамы?». Позвали мать, которая сказала, что, конечно, посмотрит за Лидией, пока она не выздоровеет. Но тут Лидия выдала сама себя: она была совершенно пьяной и вместо приветствий громко закричала: «Я всех вас приглашаю в ресторан!». — «Лидия, садись, отдохни, потом мы поговорим», — сказал я. «Я вас всех угощаю, поехали на фрункулер», — каким-то хриплым голосом продолжала она. Священник был шокирован и быстро ушел. Моя мать, которая любила Лидию, поняла, что произошло что-то особенное, и сказала: «Конечно, Лидия, мы пойдем в ресторан, но для этого нам надо спать в платье, а то не в чем идти». Но Лидия еще долго не унималась и говорила, что

* Это изречение святого Иоанна Златоуста приводится в предисловии к Псалтири Следованной.

купит для всех шампанское. Женщины извинились перед моей матерью, что привели Лидию сюда — боялись оставить ее одну, так как она вырывалась из их рук и пыталась бежать куда-то. Еле уговорили ее приехать в Тбилиси.

На другой день Лидия рассказала, что у нее внезапно появилось непреодолимое желание напиться пьяной, а затем она почувствовала себя словно одержимой дьяволом, стала бегать по комнатам и уже не понимала, что с ней происходит. Она только помнила, что ей хотелось умереть и какой-то голос шептал ей: «Бросься в овраг или повесься». Хорошо, что соседки, увидев Лидию в таком состоянии, привели ее к нам. Разумеется, здесь виноваты не Иисусова молитва, а неразумное стремление быстро взойти на высокие духовные ступени, о которых она читала, и самоуверенность, соединенная с непослушанием.

Все-таки соседки сказали правду, что Лидия была больна: она просудилась во время своих приключений; похоже, у нее началось воспаление легких, но, побыв у нас два дня, она стала проситься назад в свой домик, говоря, что куры у нее закрыты и могут слохнуть. После этого происшествия она как будто изменилась: говорила уже не с таким жаром и спорила не так решительно; даже больше: она начала прислушиваться к советам и взялась читать утренние и вечерние молитвы, но признавалась, что читает их с неохотой и думает о том, как бы скорее закончить правило и заняться Иисусовой молитвой.

Прошло время. Ее силы стали ослабевать, она все реже спускалась из селения в город, но все-таки ничто не предвещало ее скорой смерти.

Меня не было в Тбилиси, когда Лидия умерла. Ее соседи рассказывали, что нашли Лидию мертвой в комнате. Над ней совершили церковное отпевание и так похоронили. Однажды около церкви я увидела у человека, продающего книги, «Письма Георгия Затворника», перепечатанные на ксероксе. Эту книгу я когда-то подарил Лидии. Я помню, как она схватила ее двумя руками, словно боясь, что я раздумую и отниму подарок, и прижала к груди, как ребенка. И вдруг при следующей встрече она заявила, что Затворник писал письма к светским лицам и она не нашла там ничего нового об Иисусовой молитве, что в этих письмах другой дух. Мне нравилась творения Георгия Затворника, и ее слова огорчили и смущили меня: я подумал: «Неужели она действитель-но воображает, будто достигла такой молитвенной концентрации, что письма Затворника могут рассеять ее ум?». В душе я сожалел, что дал ей книгу. Теперь, словно отвечая на мои мысли, Лидия возвратила мне мой подарок, как бы в знак раскаяния о своем прежнем непослушании.

Смерть человека всегда остается тайной. Подумала ли Лидия то, что хотела? Дал ли ей Господь непрестанную молитву — то, к чему она стремилась в последние годы своей жизни? Я надеюсь, что она смирила свое сердце и на этом фундаменте вновь построила внутренний храм молитвы. Я написал про нее, не изменяя имени, для того чтобы некоторые из тех, кто прочтет эти строки, помоглись бы об упокоении души рабы Божией Лидии. В ней до старости осталось много детского, а Господь сказал о детях: *Таковъ естъ Царство Небесное**.

* Лк. 18, 16.

По какой-то ассоциации я вспоминаю военные годы. Из-за нехватки электроэнергии — темнота на улицах и в домах. Мы освещали дома керосиновой лампой, называемой «Молния». Она нередко коптила, но все-таки давала нам свет. Даже несовершенные молитвенники, с их непослушанием и срывами, излучают миру, лежащему в духовном мраке, незримый живоносный свет.

О ПЛОДАХ СВОЕВОЛИЯ

На примерах моих духовных собратий, не говоря уже о горьком опыте своей жизни, я могу подтвердить слова преподобного аввы Доротея, что единственная причина падения монаха — это вера в свое мнение и установка на критическое восприятие слов наставника*, то есть повторение греха Адама, имя которому — гордость и непослушание. Мир пронизан духом гордыни, его кулытура и искусство вскисли и поднялись на дрожжах своеволия. Человек стал похож на гнойник, наполненный ядом гордыни, малейшее прикосновение к которому даже дружеской руки вызывает боль. Самолюбие и самолюбование — два импульса, которые всегда присутствуют в человеке. Поэтому так опасно верить своему расудку. Наши страсти похожи на море, а расудок — на корабль: когда начинается буря на море, то корабль швыряет из стороны в сторону. Нужен опытный кормчий, чтобы вести его, а наш ум опьянен самой страстью и становится как бы слепым: видя — не видит и зная — не помнит. Столь необходимой здесь твердой рукой является слово старца. Поэтому тот, кто думает спастись только собственной силой, собственными рассуждениями, собственными до-

стоинствами и своей мнимой чистотой, ввергает сам себя в кипящую пучину страстей. Иногда волны выбрасывают его, измененного и разбитого, на берег. Но чаще он бесsilно тонет.

Есть еще одна опасность, которая называется у святых отцов прелестью, — это состояние самообольщения ложной святостью, когда человек, обуреваемый гордыней, становится сподвижником сатаны, а в некоторых случаях получает от темных духов способность прорицать будущее или совершать нечто подобное чудесам.

Мир не может отлучить духа света от духа тьмы. Он видит только внешнюю силу, внешний подвиг, а диавол — великий артист, поэтому мир часто хвалит и прославляет этих самообольщенных людей как святых, а истинную святость не замечает, так как она смиренна и скромна и старается укрыться от взоров мира. Часто святых людей при жизни не ценили и гнали, над ними нередко насмехались, их считали слишком простыми. Только после смерти открывалось истинное величие их духа. А мир ищет внешних впечатлений, чего-нибудь необычайного, ему нужен эффект, который чаще всего оказывается только театральной постановкой.

Монах без послушания подобен человеку, который скользит по ледяной поверхности скалы, не зная, за что ухватиться. Конец этой пропасти — блуд или сатанинская гордыня, то есть духовная тьма. Особенно страшно, когда падает монах, достигший духовной высоты. В книге «Лествица» есть рисунок духовной лестницы, которая нижним концом упирается в землю, а верхом — в небо. По ее ступеням поднимаются монахи. Около них, как

* См.: *Преподобный авва Доротея*. Духополезные поучения и послания. Поучение 5. О том, что не должно полагаться на свой разум. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 75.

пчелы, летают демоны; они стараются столкнуть монаха со ступени лестницы, сбросить его вниз. Некоторые, почти достигшие вершины, оказываются добычей темных духов. Это падение и потегает дом вместе со всем имуществом человека, оставляя хозяину только черневшие от дыма камни. У многих ли хватит сил, чтобы на развалинах строить новое жилище, чтобы глубоко смирить свой дух и принести покаяние? Благодать приходит в душу тем путем, которым она покинула ее. Падение произошло от непослушания, поэтому восстановление души, ее воскресение из могилы греха, может произойти только через послушание. Но здесь выступают новые демоны — тоски и отчаяния, ропота и озлобления. Гордая душа склонна искать причины своего падения в случайностях, обстоятельствах жизни, в насилие со стороны других — только не в собственной развращенной воле. Такая душа даже упрекает Бога, зачем Он попустил ей пасть в грех. Это одна ловушка — уныние; второго — тщеславие. Человек боится не греха, а мнения людей о себе. Поэтому он скрывает свой грех даже на исповеди и начинает притворяться перед людьми.

Грех не дает счастья человеку, но имеет в себе силу какого-то дьявольского притяжения: он обезволивает человека, которому трудно вырваться из плена греха, как узнику разорвать веревку. Поэтому многие, впад в грех, уже не могут противостоят ему, он засасывает их, точно топкое болото. И опять, здесь нужна помощь наставника, чтобы помочь несчастному выйти из притяжения греха, как утопающему веревка, за которую он может

ухватиться. Уже в Библии написано: *Надеющийся на себя падет надеием дивным**, то есть падением неожиданным, непостижимым.

Я знал одного монаха, который отлучался высокими духовными дарованиями. Он начал подвижнический путь с детства. Самоотверженность его была необычайна. Он казался исполненным любви к каждому человеку, и наверно, это было так. Многие считали его при жизни святым. И тут произошло нечто в духовном плане страшное. Он сам поверил в свою святость и принял похвалы людей, не отвергнул их. Он находился в послушании и, казалось, имел все, что нужно для спасения. Но он начал превозноситься самим послушанием: рассказывал о своем послушании в назидание другим. Он сделал то, что, по словам святых отцов, означало вынести свое богатство наружу и положить его перед глазами воров. И после этого послушание его стало ослабевать. Он стал меньше советовать со своим старцем и даже избегать его. Он поверил в свое бесстрашие и хотел демонстрировать его, как бы повторяя пример Симеона, Христа ради юродивого. Мы не будем говорить о результатах таких рискованных опытов. Но настало время, когда его духовный отец — опытный подвижник — сказал ему о его бедственном состоянии, вернее, предупредил о последствиях. И он не мог понести слов своего отца. Здесь его воля, как будто отсеченная многими годами подвижничества, восстала против воли его духовного отца. Он покинул своего старца и переехал из пустыни в город, сменив наставника. Второго отца при живом отце он найти не смог. Своеволие оказалось

* См.: Притч. 11, 28.

клеткой, в которую он попал. И все-таки этот человек, находясь даже во внешнем послушании, не потерял до конца то, что приобрел раньше. Он понимал мне орла с опаленными крыльями. Он мог утешать людей, проводить долгие часы в молитве, быть милостивым к бедным до самоотвержения. И все равно что-то ложное вкрадлось в его жизнь, какая-то неизгладимая печать легла на его лицо. Он оставался подвижником, да только уже другого уровня. По временам он проявлял духовную мудрость как остатки прежнего состояния. Но произошла деформация: тот, кто мог стать светочем монашества, святым последних времен, превратился в просто доброго монаха. И в таком состоянии он был примером для многих. Но сам он знал, что потерял. Он утешал себя любовью к нему людей, но в глубине его сердца не могла зажить рана — потеря первого отца, который был единственным для него.

Я знал другого монаха, жизнь которого напоминала детектив. В молодости своей он был «кукольником»*, то есть самым отвязленным мошенником. Но как-то он посетил монастырь, неизвестно с какой целью, и благодать коснулась его сердца. Он бросил свое грязное ремесло, перестал пьянствовать, исправил свою жизнь. Родные не узнавали его. Он стал часто посещать церковь, а через несколько лет решил пойти в монахи. Его знали как бывшего вора, и поэтому срок испытания затягивался. Ему давали в монастыре поручения, послушания, но местный епископ был про-

* Кукольник (*жапа*) — мошенник, подменяющий деньги на свертки с нарезанной бумагой; тот, кто обманывает путем подлога.

тив приема его в число братии — несколько раз он получал отказы. Наконец после долгих колебаний епископ подписал прошение о приеме его в монастырь. И здесь новый послушник проявил исключительные способности. У него открылся дар иконописца, и он стал нести послушание в монастырской иконописной мастерской. Оказалось, что он также обладает хорошим слухом и голосом. Он пел на клиресе и впоследствии даже руководил хором. Обладая пытливым умом, он стал самостоятельно изучать богословие и творения святых отцов, поэтому через несколько лет он стал одним из самых начитанных и образованных монахов. Иногда старцы посылали к нему для беседы посетители, которые любили задавать много вопросов, но мало делать. И он оказываясь находчивым в разговоре с ними и мог говорить о вере на их языке. Между тем он обладал искренностью, прямотой характера и не скрывал своего прошлого, которое было для него тяжелой школой жизни, обычно кончавшейся тюрьмой. Он рассказывал своим собеседникам, что привело его в монастырь, ради чего он отказался не только от преступной, но и мирской жизни, что он получил в монашестве.

Святые отцы говорят, что всякая крайность от бесов, и советуют выбирать средний путь. Есть особая ревность к Православию, которая идет не от любви и благодати, а от тайного горделивого желания казаться в глазах других людей, да и своих собственных, героем и защитником веры. В этом нет духа Православия, но тщательное соблюдается форма, а скорее, здесь постоянное подозрение всех в отклонении от канонов и формы. Старцы учились, бывали все условия жизни человека, его характер

и способности. Они как бы брали его на себя, obviously говоря, вживляли свою артерию в его сердце и переливали в него свою кровь. И в то же время учитывали, что это сердце единственное, неповторимое, которому нужен особый подход. Старцев характеризует трезвость и вместе с духовностью житейский реализм. Они понимают, что значит наша современность, вернее, чувствуют ее. Их советы никогда не бывают абстрактными тезисами и лозунгами; они всегда предлагают возможное для человека в данных условиях, чтобы не надломить его сил. Они не требуют геройства, но воспитывают героев; они не требуют самопожертвования от других, но взращивают в них, как прекрасный цветок, ту любовь, которая готова на жертвы. Бездушное Православие — это только жесткая оболочка, в которой нет ее главного содержания — любви. Такие люди могут иметь сильную волю, даже искреннюю веру в Православие как единственно спасительное учение; но для них Православие существует прежде всего как требование, как императив; для них исчезают живые люди, а остается только своя собственная правда, не имеющая внутреннего подтверждения, поэтому они ищут этого подтверждения вовне: в уставах, сборниках правил, канонах и так далее. Возникает странный парадокс: их Православие, доказываемое канонами, становится лишенным евангельского духа.

Монах, о котором идет речь, подвергся подобному искажению. Он стал критиковать монастырскую жизнь, пренебрежительно отзываться об архиерее и спорить со старцами монастыря. Во время хрупцевских гонений он стал громко требовать,

чтобы было прекращено поминание безбожных властей, как будто готовился к мученичеству. Но вышло другое. Когда закрыли монастырь и монахи остались бездомными странниками в этом чудном и враждебном для них мире, то духовно выжидали те, кто находился в послушании у своих старцев. Этот же монах остался без обители и без старцев — со своей собственной правдой, которая на самом деле питалась внутренней гордыней. Старцы не отвергли его, но он отверг их.

В миру он вначале устроился неплотхо, служил ретентом в одном из храмов, писал иконы, но лист, огорвавшийся от ветки, рано или поздно должен был зачахнуть и увянуть. У него начались искушения, которые он скрывал от наставников и братии. Для монаха есть страшная внутренняя пытка — это потеря благодати. От боли сжимается его сердце, даже физически он чувствует огонь, опалющий его, как будто он выпил чашу горькой полыни. Здесь один путь — покаяние и смиренное послушание. Но он оказался неспособным к этому. Потеря благодати — это переживание собственной смерти. И вот, чтобы забыться от всего происходящего, чтобы уйти от действительности, как от тяжелого сна, он начал пить, как будто открылись его старые раны и начали гноиться уже давно зажившие язвы прежней жизни. Через несколько мучительных лет он превратился в горького пьяницу. Он вспоминал о своих прежних братьях и друзьях только для того, чтобы попросить у них денег, которые тут же пропивал; иногда он лежал пьяным у церковной ограды. Что осталось от его Православия? Он перестал молиться, а когда хотел выпросить денег для покупки вина, то хватливо

рассказывал, как в монастыре он защищал Православие в то время, когда другие молчали; как он обличал игумена за то, что на службе поминается безбожная власть. Впрочем, у него были времена отрезвления, когда он видел глубину своего падения и горько плакал. Но к старцам он обратиться не мог, какой-то страх связывал его. Он готов был бежать от старцев куда глаза глядят, как бесноватый от заклинательных молитв. Однажды он пришел к своему бывшему другу архимандриту и стал, как всегда, просить о помощи. Тот поделился с ним чем мог, вернее, дал ему ту сумму денег, которую он просил на дорогу. И вдруг этот монах тихо сказал: «А ты не можешь дать мне нагельный крест?» — «Ты потерял крест?» — спросил архимандрит. «Нет, я снял его, чтобы забыть о Боге. Я не хочу верить, я не хочу быть с Богом, но и без Бога не могу...». Он судорожно взял крест, зажав его в руке, затем сказал: «Может быть, я его надену снова». Этот монах бежал от старцев, я сказал бы дерзновенно, как Адам от лица Божия после грехопадения. Но куда мог скрыться праотец от всевидящего ока, куда мог скрыться бедный монах от молитв старцев, которые не оставляли его, где бы он ни был, что бы он ни делал?

Этот монах переехал в другую епархию, рассказал о своей жизни архиепископу. Тот простил его и дал место в одном из храмов. Прошло время. И опять срыв, опять полное безумие. Он тяжело заболел. Осознавая, что умирает, он перед смертью попросил причастить его Святых Таин и поособоровать. Священник говорил, что редко слышал такую покаинную исповедь.

Теперь он предстает не человеческому, а Божественному суду, где открываются глубины челове-

ческого сердца. И все-таки первый случай, о котором я писал, для меня был более трагичным, хотя там внешне как будто ничего особенного не произошло. Святой Игнатий (Брянчанинов) написал скорбную песнь о падшем монахе*, и когда я вспоминаю этого подвижника, то мне кажется, что святой Игнатий пропел эту скорбную песнь не только о своем друге, но и о нас.

Монах, который без причины покинул своего старца, уже осудил его, разорвал ту духовную близость, крепче которой нет ничего на свете, предал свою собственную душу и лишился дара сыновства, то есть прежнего состояния, способности быть истинным сыном своего наставника. Тот, кто меняет старца на другого, обычно вместо отца приобретает дядю. Дядя может быть добрым, почтеным, мудрым и богатым; но какая разница между ним и отцом, пусть бедным, неказистым, но зато родным отцом!

У монаха, который меняет старцев, появляется в сердце внутреннее сопротивление к тому, что скажет ему любой наставник. Ему кажется, что старец не способен быть его отцом, а на самом деле он сам не способен быть сыном.

* См.: *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Приношение современному монашеству. Ч. 3. Плач инока о брате его, впадшем в искушение греховное. Сочинено другом для друга и для брата братом, к взаимной пользе и сочинителя, и читателя // Собр. творений: В 6 т. М., 2004. Т. 4. С. 455–589.

«НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ К ПОМАЗАННЫМ МОИМ...»

В Псалтири написано: *Не прикасайтесь к помазанным Моим, и на избранных Моих не глаголите зла**.

Мне известны многочисленные случаи, когда осуждение архиереев и священников кончалось падениями и несчастиями для тех, кто неосторожно произносил над ними свой суд.

Около Сухуми жила юродивая схимница по имени Досифея, которая пользовалась славой прозорливцы среди народа. Одна монахиня расказывала мне, что в молодости была послушницей у этой схимницы-пустынницы и видела ее великие подвиги. Она спала очень мало и молилась ночи напролет. Вечером она говорила послушнице: «В храме зажгли паникадило, пошли на службу». Та отвечала: «Матушка, какой в пустыне храм?». Схимница говорила: «В Божий храм, посмотри на небо, Ангелы зажгли лампады, вставай на молитву». А после положенных молитв эта схимница говорила слова, которые послушница плохо понимала: «Господи, помилуй тех, за кого никто не молится», — и долго повторяла эту молитву, перебирая четки. Когда к ней приходили люди, она при них порицала священников и епископов. Это воспринималось как право юродивой —

* Ср.: Пс. 104, 15.

обличать, невзирая на лица и сан. Но с этой схимницей случилось страшное несчастье. Одну жепину, возвращавшуюся от схимонахини Досифеи в Сухуми, встретили разбойники: они стали требовать у нее деньги. Не подумав, она сказала: «Я была у монахини Досифеи и отдала деньги ей». Те спросили, много ли было денег. Она ответила: «Нет, люди собрали пожертвования, и я купила продукты, а денег осталось очень мало». Разбойники сказали: «Веди нас к ней». Женщина отказывалась, но они стали бить ее и угрожали повесить на дереве на собственных волосах. Та повела их к пустынице, а по дороге плакала и говорила: «Матушка, прости меня». Когда разбойники вошли во дворик к схимнице, то женщина бросилась бежать в Сухуми расказывать о происшедшем. Разбойники взяли у Досифеи все, что было, перевернули всю келию, пытались найти у нее деньги, но нашли очень немного, и поэтому от злости стали бить схимницу. Затем решили изнасиловать ее. После этого повергли ее истязаниям. На другой день приплыли из Сухуми люди, унесли схимонахиню на руках в город. Она была совершенно безумна и ничего не понимала. Через несколько дней она умерла.

Почему Господь попустил такую смерть этой подвижницы? Я думаю, по двум причинам. Первое: она обличала тех, у кого должна была брать благословение даже на подвиг юродства. Юродивые, которые обличали неправедливых судей и князей и даже самих царей, не дерзали всенародно поносить и унижать архиереев и священников, по крайней мере, ни одного такого случая в их житиях мы не могли найти. Если надо было исправлять священнослужителя, то говорили ему

наедине, большей частью притчей. Второе: она молилась: «Господи, помилуй тех, за кого никто не молится». А Церковь молится за всех православных христиан и, кроме того, об обращении в христианство неверующих и заблудших. Кто же такие те, за кого никто не молится? Из усопших это те, кто остался за вратами Церкви, а также самоубийцы — за них не молится Церковь и запрещает молиться, чтобы не обольщать живых ложной надеждой. Еще из молитвы земной и Небесной Церкви исключен сатана и падшие ангелы — за них никто не молится. Юродивые стоят над миром с его обычаями и суетой, но не над Церковью и иерархией, иначе их ждет крах.

Вот еще один случай подобного наказания монахини, которая постепенно потеряла главное украшение монашествующих — смирение и кротость. Она прислуживала старому архиерею, к которому приезжало и приходило много народа. Одним из ее послушаний было докладывать архиерею, кто хочет видеть его, и затем передавать посетителю время приема. Постепенно эта монахиня стала чувствовать себя хозяйкой помещения и стала обращаться со священниками высокомерно. Надо сказать, что она много потерпела за Христа в своей жизни: прошла через тюрьмы и лагеря, была сослана на Север и только в 40-е годы получила свободу. Она была очень трудолюбива и аккуратна. Несмотря на пожилую возраст, работала с утра до ночи, но уже преподобный Исаак Сирин предупреждал, что честь и положение в миру изменяют человека, а ее портили сами люди, обращаясь к ней, как ко второму лицу после архиерея. И все же она вовсе не была испорченным лестью

человеком; она была по-своему добра и внимательна к людям, однако с духовенством обращалась, как барыня с деревенскими священниками, живущими в ее поместье. На замечания епископа она могла ответить: «Это не ваше дело». Но не стоит говорить об этом подробно. Когда умер архиерей, ей было около 90 лет, и из-за уважения к покойному епископу ее оставили жить в небольшой комнате при храме. И случилось то, чего никто не мог предугадать. Эта старая монахиня, которая сохранила девство в тюрьмах и ссылке, где люди были бесправны как перед уголовниками, так и перед сторожами тюрем, к 90-м годам жизни ночью подверглась насилию от неизвестных лиц. После этого, недолго побыв, она умерла.

Я был свидетелем многих случаев, когда Господь явственно карал людей за осуждение священника, а священников за осуждение архиерея и даже других, как будто с их языка срывались не слова, а пламя, которое затем возвращалось к ним и жгло их самих. Они говорили, что борются за правду, но мне казалось, что в большинстве случаев в их осуждении присутствовало какое-то тайное наслаждение чужими недостатками. Обычно борются за правду те, кто молится за согрешающих и с любовью призывает грешников к покаянию.

Церковь имеет иерархическое устройство. Поэтому если грех священника или епископа причиняет вред Церкви, то можно, а иногда необходимо и обязательно обратиться к более высокой инстанции. В церковной иерархии высший нравственно ответственный за низшего; грех низшего, не пресекаемый им, становится его грехом. Каждый христианин ответствен за чистоту веры и богослужения — это

принцип соборности. Но в случае неправильности и ошибок, допущенных духовным лицом, нельзя церковный суд в лице епископа или Синода подменять самосудом. Во всех случаях мы должны стараться осудить не человека, а его ошибки и грехи, которые приносят вред прежде всего ему самому, и действовать по установленным канонам, но при этом сохранять уважение к его сану. Но даже в таких обстоятельствах мы считаем, что надо посоветоваться с тем духовным лицом, к которому мы имеем доверие, а не слишком полагаться на собственную правду. Общим правилом у нас должна стать заповедь: *Не судите, да не судимы будете**.

* Мф. 7, 1; Лк. 6, 37.

УПАВШАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Ребенком в осенние вечера я любил смотреть на падающие звезды, которые, прочертив сверкающие полосы в небе, исчезали, будто таяли во тьме, не достигнув земли. Мне говорили, что есть поверье: когда падает звездочка — это значит, умер человек, его душа разлучилась с телом. И уже в детстве, наблюдая звездный дождь, я думал о том, что такое смерть, почему умирают люди, куда исчезают они, и мою душу охватывал страх перед тайной смерти.

И теперь звездное небо безмолвно говорит душе о вечности. Звезды похожи на острова и архипелаги в бескрайнем океане ночного неба, за которыми мирами открываются другие миры. Неподвижные звезды мчатся в стремительном полете, только далекие, немыслимые пространства скрывают их движение от глаз человека, и они кажутся застывшими на месте, как бы приколотыми к шелковому полотну ночи. Почему душа ощущает какой-то мистический трепет перед величественной картиной звездного неба? Почему она стремится подняться выше, в ледяные пространства Сириуса и Арктура? Она смотрит в бездонные просторы; словно птица, она хотела бы взмахнуть крыльями и взлететь к неведомым мирам, но крылья души сожжены огнем древнего грехопадения, ее удел — влачиться по земле и тосковать о небе.

Я помню, как однажды, еще задолго до моего монашеского пострига, мой знакомый Георгий Мазурин, художник и поэт, сказал мне в откровенной беседе: «Я учился в художественной академии, и тогда пришла мне мысль, что лица людей надо писать, употребляя зеленую краску. Меня обвинили в сюрреализме и исключили из академии. Теперь я думаю, как нарисовать картину звездного неба: хочу найти цвета, но у меня ничего не получается. Обычный темный фон и желтые точки от золотистого до кровавого цвета — это не ночное небо, а скорее, жуки, которые копошатся в черноте. Я пробовал рисовать небо багряным, а звезды — зеленым, но это вызывало какое-то чувство тревоги, как будто смотришь на агонию больного. Багряный цвет поглощал звезды и казался заревом пожара. Я пробовал применить принцип негатива, написал фон золотистым цветом, а звезды — черным, но вышло еще хуже: когда посмотрел на рисунок, то показалось, что огромные стаи ворон кружатся над землей. Решился я на другое: одухотворить звезды и написать их похожими на человеческие лица,— и опять неудача: я увидел перед собой парад отрубленных голов. Тогда я попробовал изобразить звезды в виде светящихся многоугольников, но это оказалось холодной абстракцией, какой-то геометрической игрой воображения. У меня нет денег, чтобы купить несколько холстов, и я стираю одну картину, чтобы написать на ее месте другую. Затем я решил изобразить звезды с длинными заостренными лучами, которые пронизывали бы всю картину, но получила какая-то сеть, подобная паутине. Потом я хотел изобразить звезды, как вспышки электричества на

стылке двух проводов, и опять вышло не то: звезды превратились в искры бенгальских огней, которые зажигают дети на елке. Я решил изобразить звезды в движении, начертав их траектории в виде пересекающихся эллипсов разных цветов, но на картине вышло оперение каких-то сказочных птиц. Я так и не нашел красок для бесконечного. Я стер последний рисунок, загрунтовал холст и теперь хочу написать какой-нибудь пейзаж для продажи».

Прошло несколько лет. Я принял монашество. Наши пути разошлись. Однажды я случайно встретился с ним на проспекте Руставели — этой главной артерии Тбилиси. Мазурин шел со своими друзьями, наверно, поэтами. Увидев меня, он подошел ко мне, протянул руку и заговорил так, как будто мы находились не в шумном потоке людей, а где-то наедине. После нескольких ничегото не значащих вопросов он сказал: «Я болел: я перенес два инфаркта и, наверно, третий будет для меня роковым. Я думаю, ты хочешь спросить меня, остался ли я таким же безбожником, как прежде, или поверил в Бога. Но пока отложим этот вопрос. Я хочу сказать тебе о другом. Последнее время меня преследует мысль, которую я не могу отогнать: что находится за пределами видимого мира — там, выше звезд. Я думаю, что не верю в Бога, но иногда мне кажется, что я обманываю сам себя. Я ловлю себя на том, что часто в разговоре стал произносить слово “Бог”. Почему — не знаю сам». Я ответил: «Потому что звездное небо стало для тебя встречей с тайной».

Прошло время. Я узнал о смерти Георгия Мазурина из некролога, напечатанного от имени

Союза писателей Грузии. Там были слова: «Он ушел от нас, но с нами остались его стихи и полотно». Я подумал: «Нет, он унес с собой еще нечто сокровенное — это предчувствие тайны вечности, о которой забыло большинство из вас». Нашел ли он ответ на роковой вопрос: что найдется выше звезд? Об этом знает только его последний спутник — Ангел смерти.

Может быть, в тот вечер, когда умер Мазурин, маленький ребенок задумчиво смотрел на небо и увидел, как упала звездочка, блеснув и исчезнув во тьме.

ТРАГЕДИЯ ОДНОЙ ДУШИ

В те времена, когда меня рукоположили в иеромонахи, в стране царил голод, особый голод — не на хлеб, а на духовные книги. В предыдущие десятилетия религиозная литература большей частью была уничтожена. В библиотеках периодически проводились чистки, в результате которых книги, не отвечающие коммунистической идеологии, подвергались изъятию и затем перерабатывались как вторсырье или сжигались. Перепечатывать духовную литературу даже на пишущих машинках считалось преступлением, за которое человек мог быть привлечен к уголовной ответственности. В период репрессий многие люди сами выбрасывали из своих домов книги, в которых упоминалось имя Христа или был помещен, например, портрет царя, чтобы эти книги, найденные при обыске или попавшиеся на глаза соседям-доносчикам, не послужили к обвинению в «агитации против существующего строя». Затем террор ослабел: перед нами лежало выжженное поле с немногими оставшимися колосьями. Каждая духовная книга, которую в то время мог приобрести или прочитывать верующий, была для него большим подарком.

Однажды схиигумена Мария (Соловьева) сказала мне, что хочет познакомить меня с одной из своих духовных дочерей, у которой имелась

большая по тому времени библиотека духовной литературы. Хозяйка приняла нас очень тепло и радушно и прежде всего предложила нам трапезу. При этом она беспрерывно повторяла, что обед сегодня у нее не получился; а я в ответ возражал, утверждая, что мне редко приходилось есть такую вкусную пищу. Игуменья слушала нашу «полемику», а затем сказала: «Благодарю тебя за труды; но если даже обед не получился таким, как ты хотела, то все равно не нужно бранить и порицать пищу, которую кладешь в рот; надо благодарить за нее Бога как за великую милость». Хозяйка немало смутилась и ответила: «Я хотела повкуснее приготовить для вас, я сама несколько раз переедала голод и, пока не устроилась на работу, сдавала кровь, чтобы прокормить себя и мать. Я знаю цену куска хлеба и благодарю за него Бога».

Хозяйку звали Ларисой Ветошниковой. Она происходила из древнего дворянского рода, ведущего свое начало от XVII века: в документах упоминается, что ее предок служил дьяком в посольском приказе, только фамилия его была Ветошкин, которую «неблагодарные» потомки переделали на Ветошников как более благозвучную. Но объяснению Ларисы, его должность на языке современных понятий означала «заместитель министра иностранных дел». Ее дед служил офицером на Северном Кавказе и, кроме военных подвигов, отличился тем, что похитил черкешенку знатного рода, разумеется, с ее согласия, и с несколькими друзьями привез ее в крепость, где стоял русский гарнизон. Побег был сразу же обнаружен, и братья черкешенки устроили погоню. Завязалась

стрельба, во время которой произошло что-то необычайное. Черкешенка, влюбленная в офицера, потребовала оружия, чтобы отбиваться от своих братьев. К счастью, никто не был убит или ранен, а после свадьбы произошло торжественное примирение.

Отец Ларисы Виктор стал офицером казачьих войск и считался одним из лучших снайперов в полку. Это неожиданно выглекло его в неприятную для офицера историю. Из-за какого-то пустяка его сослуживец, бывший приятель, прислал ему вызов на дуэль. Виктор отказался, сказав, что вызов он не может принять, так как силы неравны: тот плохо видит и носит очки, а он снайпер, который может всадить пулю в середину колды, не задев ободка. Тогда ему сказали: а ты не стреляй или стреляй в сторону. Виктор ответил, что не хочет изображать собой мишень для дурака, да и не ручается, как поступит сам, если выйдет на дуэль. После этого ему предложили перейти на другую службу. Он руководил этапом для сельских каторжан. Лариса говорила, что сельские любил ее отца, так как он всегда стремился облегчить их участь. Она рассказала, что однажды с матерью собирала цветы в лесу. Женщины отошли от тропинки и заблудились. Вдруг они видят перед собой нескольких мужчин, сидящих около костра, как потом оказалось, разбойников из беглых каторжан. Один сказал: «Я знаю их. Это дочь и жена Ветошникова, не трогайте их». Тогда разбойники, посовешавшись друг с другом, решили помочь им, провели по лесу, вывели на дорожку недалеко от поселка и сказали: «Теперь идите с Богом».

Лариса говорила: «Они не только сохранили нам жизнь, но сами рисковали своей жизнью, проводив нас к поселку, где их мог встретить пагубь».

Во время русско-германской войны отец Ларисы был ранен. Пролежав в госпитале несколько месяцев, он скончался. Перед смертью он часто говорил жене и дочери: «Какой ужас — крутом измена. Мы были хорошо подготовлены к войне; у нас было все: огромная армия, вооружение не хуже, чем у германцев; лишь к одному мы не были готовы — к такой страшной измене».

После революции Ларисе с матерью пришлось бежать из родного края. Они нашли временный приют у своих родственников — черкесов, но те вскоре потребовали, чтобы Лариса и ее мать (по происхождению гречанка) приняли ислам, и грозили Ларисе насильно увести ее в горы и выдать замуж за черкесского князя. Поэтому им пришлось вторично бежать — уже от своих; так они оказались в Грузии. В Тбилиси Лариса устроилась лаборанткой на каком-то предприятии и затем приобрела комнату недалеко от Александро-Невской церкви. Несмотря на уговоры матери, замуж она не вышла. После смерти матери ее жизнью стало посещение храма и чтение духовной литературы. Она собрала немало духовных книг. Кроме того, ее соседом был инженер Ломидзе, сын известного в свое время теософа Никола Мидзе, который в 10-х годах XX века выпускал спиритуалистический журнал. Его сын сохранил часть библиотеки отца, в которой были и книги православных авторов. Этими книгами пользовалась Лариса. Книги она читала с каким-то упоением, как будто жила ими. Особенно восхищал ее епископ

Феофан Затворник своими глубокими психологическими наблюдениями. Затем ей подарили два тома епископа Игнатия Брянчанинова, и его творения захватили ее душу. (Епископы Феофан и Игнатий тогда еще не были прославлены Церковью.) Сам епископ Игнатий происходил из дворянского рода, служил в армии, учился в Главном инженерном училище, затем бросил светскую жизнь и принял монашество. Все это импонировало ей — он был человеком ее круга. В творениях святителя Игнатия глубокий духовный опыт сочетается с блестящей стилистикой языка и поэтическим даром. Все это восхищало Ларису. Она говорила: «В жизни я однолюб, а здесь чувствую, что изменяю своей первой любви — Феофану Затворнику».

Надо сказать, что в молодости у Ларисы были жених, которого убил его бывший друг, казачий офицер, перешедший на сторону большевиков. Он с торжеством сообщил об этом Ларисе. Она вспоминала, что в тот момент почувствовала, как теряет сознание, но взяла себя в руки и ответила «черному вестнику»: «Наверно, вы по своей привычке стреляли ему в спину. Я удивлена, что такой подлец, как вы, не отрезал у мертвого голову и не принес мне ее в качестве своего трофея». Тот продолжал: «Я пришел, чтобы сообщить вам, что вы свободны от вашей помолвки. Вы можете найти себе лучшего мужа». Лариса ответила: «Убей также и меня или донеси, чтобы нас расстреляли». Он помолчал, а затем медленно процедил сквозь зубы: «Нет. Это слишком легкий конеп. Поживи, помучайся». Лариса не изменила своему жениху и сохранила ему верность до смерти.

Я стал часто бывать в гостях у Ларисы. Она не только давала мне читать книги, но некоторые дарила, что было для меня большим счастьем. Мы часто беседовали на духовные темы. Теперь я думаю, что если бы вернулось прошлое, то я говорил бы меньше о том, чего сам не достиг.

В молодости Лариса, как многие из ее круга, увлеклась теософией, и, хотя это увлечение было кратковременным и неглубоким, скорее, данью моде и духу времени, оно наложило на ее душу определенный отпечаток. Однажды в ответ на какой-то ее вопрос я пошутил: «Вы разговаривая аскетесса», и через некоторое время она, припомнив нашу беседу, сказала: «Никакая брань и оскорбление не причинили бы мне такой боли, как эти слова».

В другой раз я сказал ей: «Беда в том, что вы не любите Христа». На следующий день она пришла в храм, где я служил, и сказала мне: «Я прошу вас зайти ко мне и объяснить, что значат ваши слова — они сказаны не просто. Я чувствую, что это так, но все-таки понять не могу. Ведь, кроме Христа, теперь у меня нет другой жизни». Я, конечно, пришел к своей благодегельнице, и она повторила вопрос, требуя, чтобы я был откровенен. Я ответил: «Я могу ошибиться, но скажу то, что думаю. В Иисусовой молитве Христос для вас не Живой Бог, Которого бы вы ощущали как вашего Спасителя, а средство для стяжания особого внутреннего состояния. Вы не обращаетесь к Христу как к живой Личности, а ищете благодати как духовной силы и из Иисусовой молитвы сделали систему. Чтение духовных книг для вас — это усовершен-

ствование той же внутренней системы, а не подчинение своей души и жизни Богу. Вы обращаетесь ко Христу не как к живой Личности, а как к источнику определенных духовных переживаний, тогда как в Иисусовой молитве грешник умоляет Спасителя о прощении грехов, не думая ни о каких мистических состояниях или дарах. Утопающий хватаясь за веревку, не кричит стоящим на берегу: «Помогите получить мне должность» или «Дайте мне богатство», а кричит: «Вытащите меня из воды, пока я живой». В молитве человек должен почувствовать свое бессилие, а вы, по сути говоря, свою систему основываете на себе, на своих силах, на своем знании. Знания необходимы, но беда теософов (в том числе бывших теософов) в том, что они преувеличивают значение знаний, которые в лучшем случае являются только географической картой для путника. Они живут преимущественно той духовной жизнью, отключенной от сердца, которое в духовном плане остается холодным, хотя бы переживало самые разнообразные чувства. Вы свободно обращаясь к Богу с молитвой, а Бог свободен отвечать или не отвечать вам. Система — скорее предостережение от ошибок, а Богу нужна любовь».

Выслушав меня, Лариса сказала: «В ваших словах есть какая-то правда. Я думаю о стяжании Духа Святого, а о Христе как Спасителе забываю. Но я не знаю, как полюбить Христа. Некоторые говорят: считай себя хуже всех. Я пробовала, но не выходит; не могу я считать себя хуже доносячков, падачей и насильников. Я только уговариваю себя, но на самом деле я уверена, что есть люди намного хуже меня».

Я ответил ей: «Я сам не стаял любви ни ко Христу, ни к людям, но все-таки советую вам избегать в молитве медитации, а помнить, что это беседа с Живым Богом. А возможность беседовать с Богом сама по себе является великим даром. Нужно бороться с гордостью не с конца, а с начала: состояние александрийского кожевника, который говорил: “Все спасутся, один я погибну”*, — это степень преподобного Антония Великого, а не наша. Однако мысль: “Я хуже этого человека” — перебивает у нас охоту осуждать его. Надо вам начать с небольшого легкого, но обязательного послушания».

Она сказала: «Если бы была открыта Оптинская обитель, то я на крыльях полетела бы туда; купила бы поблизости маленькую каморку и жила бы у ног старцев».

Я спросил: «Вы сами говорили, что у вас есть на Северном Кавказе духовный отец иеромонах Димитрий и вы имете возможность писать ему письма и хотя бы раз в год видеться с ним, ведь у него большой духовный опыт. Вы уверены, что нашли бы в Оптином монастыре то, о чем мечтаете, — непрестанную молитву?». Она ответила: «Когда я читаю об отце Амвросии и о других старцах, то мне кажется, что Оптина — мой родной дом, там мое сердце, но Оптина разрушена, и я остаюсь как птица без гнезда».

Я сказал: «Вы можете руководиться отцом Димитрием, а братъ благословение и испрашивать совета у архимандрита Зиновия». Она ответила:

* *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Отечник. Антоний Великий, 199 // Сообр. творений: В 6 т. Т. 6. С. 57.

«Когда у меня бывает какад-нибудь трудность или заболевает кто-то из близких людей, то я бегу к отцу Зиновию и прошу его молитв. Я чувствую, как помогают его молитвы; но я говорю о другом». Затем она задала мне несколько вопросов, и разговор перешел на другую тему.

Незадолго до закрытия Глинской обители Лариса поехала туда. Через несколько недель она вернулась, сияющая радостью. Она рассказывала, что в Глинской обители монахи относятся к приезжим богомольцам с вниманием и любовью, как к своим родным, что там царит дух, подходящий тому, который ощущали посетители Оптины, что там, как и в Оптиной, жива традиция старчества — ежедневное откровение помыслов. Особенно привлек ее душу один старый схимонах, и она стала просить его, чтобы он согласился стать ее духовным отцом. Он долго не соглашался: она умоляла его и даже становилась на колени. Наконец он сказал: «А вы не будете потом искать другого схимонаха?». Она ответила: «Этого не может быть. Здесь я нашла то, что давно искала». Вскоре Глинскую пустынь закрыли, ее духовный отец переехал в Грузию, и она получила возможность чаще встречаться с ним.

В эти годы я служил в Сухумской епархии и виделся с Ларисой редко. Помню, как однажды она сказала мне откровенно, с глубокой скорбью: «Как я жалею, что оставила отца Димитрия. Если бы я могла вернуть то, что потеряла!». Я сказал: «Лариса, а что мы с вами имеем, чтобы потерять?». Она ответила: «Все это только слова. Неужели вы не понимаете, что значит променять отца на

наставника? — Затем добавила: — Никакой молитвы, кроме боли в сердце, я не приобрела».

Прошло время. Скончался отец Димитрий, в схиме иеросхимонах Стефан; умер ее второй наставник — глинский схимонах. Прошло еще несколько лет, Лариса тяжело заболела и по благословению митрополита Зиновия была пострижена в мантию с именем Лидия. Оказывается, она уже была тайно пострижена в иночество в Глинской пустыни и, может быть, поэтому не могла вернуться к своему прежнему духовному отцу, а говорила: «Уже поздно...».

СУДЬБА ЛЕВАНА

Одним из моих друзей в юности был Леван Багдинов, мой ровесник. Он резко отличался от окружающих меня людей. Главной чертой его характера была сострадательность: чужое горе он принимал как свое и часто мучительно искал средства, чтобы помочь людям. Он пережил тяжелое детство. Отца взяли на фронт, семья голодала. Десятилетним ребенком он уже зарабатывал деньги для своей семьи. Мать пекла какие-то пышки, и он продавал их раненым во дворе больницы, превращенной в госпиталь. Среди них были разные люди. Одни жалели ребенка, другие, пользуясь беспомощностью мальчишка, обижали его: отнимали испеченный хлеб, от которого зависело пропитание семьи, при этом некоторые как бы в насмешку говорили: «Приходи завтра, я заплачу тебе», — а другие еще возмущались: «Мы кровь за тебя проливали на фронте, а ты от нас денег хочешь!»». В таких случаях он приносил домой только слезы. Несколько раз его ловила, как преступника, милиция. Он вспоминал: «Приведет меня милиционер в участок с таким видом, как будто поймал опасного бандита, затем отберут все, что у меня было, да еще побьют, за что — сами не понимают, так, для порядка».

Часто ложился он голодным, ходил в разорванной обуви. Но бедность и несправедливость людей

не озлобили его. Когда отец вернулся с фронта, он, окончив школу, поступил в институт. И здесь он отличался своим характером среди сверстников. Его постоянно мучил вопрос: почему люди делают зло друг другу, кто ожесточил их сердца? В то же время он вовсе не был каким-то «отшельником» в миру или мизантропом: у него было много друзей, он занимался спортом и участвовал в физкультурных парадах. Он отличался большой физической силой, мог подтягиваться на турнике на одной руке. Не раз вмешивался в уличные драки, чтобы защитить слабого. Он был духовным сыном протоиерея, впоследствии митрополита, Романоза (Петришвили), который очень любил его. Впоследствии владыка Романоз рассказывал мне, как познакомился с Леваном. Он увидел в Сионском соборе юношу, который стоял в углу и внимательно наблюдал за всем, что происходило в храме. Кончилась служба. Затем отец Романоз, который в тот день был дежурным священником, повенчал супружескую пару, покрестил нескольких детей, а тот все стоит, молча смотрит на него. Протоиерей Романоз сам был отзывчивым человеком, он подумал: может, у этого юноши какое-то горе и он стесняется обратиться к нему. Он спросил об этом юношу. Тот в ответ как-то странно улыбнулся, так, что священник подумал: наверное, у него какая-то психическая болезнь; но после нескольких минут разговора с ним он уже упрёкал себя, что допустил такую мысль. Леван спрашивал у него: «Как мне помочь людям, вокруг меня столько страданий; вот, маленький ребенок у моего друга смертельно болен, я стоял и молился за него». Отец Романоз сказал: «Приходи ко мне, и мы каж-

дый день будем служить молебн об этом ребенке». Так началось их духовное сближение. Меня удивило, что, когда мы с Леваном приходили к протоиерею Романозу, он говорил с ним, как будто с равным себе, как беседуют между собой старые друзья. Надо сказать, что Леван постоянно носил с собой маленький, похожий на медальон образ Спасителя, сделанный на эмали. Он часто вынимал этот образ, смотрел на него, как будто о чем-то спрашивал. Он был очень добр к своим друзьям. В трудные минуты своей жизни я чувствовал, что он ближе ко мне, чем мои родственники. Он был необычайно щедр, хотя мало что имел. Однажды нищий мальчишка попросил у него милостыню. А он, увидев, что тот босой и дрожит от холода, тут же снял с себя туфли и отдал ребенку.

В то время в школе ввели новый предмет, называемый трудоведением, и Леван решил поступить в школу педагогом. Преподавание предмета — это было для него внешним, главное — он хотел учить детей добру. До этого я знал, что он ищет общения с ворами и наркоманами, как бы вдохновенный идеей исправить их. Но затем наступило то, что было для меня неожиданным, непонятным и страшным. Он встретился с человеком, который занимался экстрасенсорикой, и тот уверил его, что научит, как исцелять больных. Затем Леван начал изучать учения индийских йогов по совету этого экстрасенса и вскоре соскльзнул к тем методам, которые христианство называет оккультизмом. Он говорил об этом протоиерею Романозу. Тот ответил: «Помнишь, как мы молились об исцелении ребенка, а я вижу, что ты скоро захочешь сам исцелять меня».

Я принял священный сан и вскоре посетил своего старого друга. Он встретил меня радушно, но я чувствовал, что между нами возникло какое-то напряжение, как невидимая стена. Он показал мне книгу отъядов, где было написано, скольким людям он помог через экстрасенсорнику. Он взял мою руку и сказал: «Что ты ощущаешь?». Я действительно почувствовал, будто ток проходит в мое тело, точно небольшие электрические заряды шли от прикосновения его пальца. Я стал объяснять ему, что это опасная и неизвестная нам сила. Он внимательно слушал меня, но ничего не ответил. Он рассказал мне, что наш общий знакомый Лева Саакян, который впоследствии заведовал кафедрой философии в Ереване, стал верующим после тяжелого духовного кризиса. У него были сильные головные боли, подозревали, что это рак мозга. «Я постарался вылечить его», — рассказывал Багдинов. Беседуя с ним, я почувствовал и другое. Он работал в школе с детьми. В ту пору дружба со священником могла послужить причиной серьезных неприятностей. Он не был трусом, но, видимо, считал, что мое присутствие у него может повредить его делу. Он не говорил мне этого, но иногда невысказанная мысль звучит между словами. Уходя от него, я сказал, что моя жизнь сложилась так, что я вряд ли смогу часто видеться с ним. Очевидно, мои слова сняли какой-то камень с его души. Затем я слышал от своих знакомых, что к нему домой ходят наркоманы, пьяницы, уличные дети; он беседует с ними и помогает им как может. Я узнал, что своим лечением биотоками он начал зарабатывать значительные средства, но раздавал их людям.

Прошло несколько лет. Однажды я встретился с его сестрой, и она сказала мне: «Леван ищет вас, он лежит больной, он просит, чтобы вы навестили его». Я тотчас пришел к своему бывшему другу и увидел его лежащим в постели: это был живой мертвец; у него выпали волосы, щеки ввалились, шея казалась тонким стебельком, на которм качается голова; только огромные черные глаза по-прежнему горели огнем, как бы свидетельствуя, что он еще жив. У него был рак. Боллезнь быстро прогрессировала, она буквально выедала его внутренности. Леван знал, что умирает. Он стал просить меня, чтобы я помогился о нем. Я долго сидел у него. На мой вопрос: «Причастился ли ты?» — он сказал вместо ответа: «Они приходили ко мне». Я спросил: «Кто — они?». Он ответил: «Йоги». Когда я уходил, его сестра вышла меня проводить и сказала: «Прошу вас, приходите к нему чаще, ему будет легче. При этой болезни целовек испытывает страшные боли». В то время я служил в Сухуми. Когда я приехал в Тбилиси в следующий раз, моя мать сказала, что Леван умер. Она несколько раз навещала его. Моя мать говорила: «Когда я в первый раз увидела его лежащего в постели, бледного как смерть, я не могла сказать ему ни одного слова, даже поздороваться, а стала плакать. Он увидел это и сам заплакал. Он обнял меня, и мы вместе молча плакали. Потом он поцеловал мою руку и поблагодарил за то, что я пришла навестить его. Я заходила еще несколько раз и всегда уходила от него в слезах. Из объявлений в газете я узнала, что он умер. Уже не было времени сообщить тебе об этом. Я пошла на погребение попрощаться с ним и увидела много народа,

особенно молодых людей, которые стояли во дворе и на широкой веранде. Я подумала: это те люди, о которых болела его душа, которым он старался помочь, наверно, в этой толпе стоят бывшие воры и наркоманы. Как бы ни сложилась их жизнь, они будут вспоминать Левана — человека, который искренне желал им добра. Видя, что я одета в траур, некоторые спрашивали меня: “Вы, наверно, его родственница?”. Я отвечала: “Нет, он друг моего сына”».

Для меня судьба Левана Багдинова является страшным примером. Этот человек решил использовать для помощи людям оккультные силы. Он соприкоснулся с демоническим миром, и этот мир сжег его, как свою добычу, в невидимом пламени. Этот мир оторвал его от Церкви и в то же время обольстил образами добра, к которому он всю жизнь стремился. Не знаю, создавал ли он, что целительство йогов и приемы экстрасенсов — это то, что называется белой магией. В черной магии человек осуществляет свою связь с демоническим миром для греховных целей; здесь он создает, что служит злу, и идет в ад с открытыми глазами. А белая магия более коварна: демон, скрывая свое лицо, говорит человеку о новых возможностях и способах делать добро людям, о таинственной силе, которой может овладеть человек, о древней мудрости, которая лежит в забвенье, как клад зарытый в земле, — нужно знать только место, чтобы добыть сокровище и раздать людям. Леван отошел от Церкви и тем самым стал игрушкой в руках тех невидимых существ, которых оккультисты называют архонтами, зонами, духами звезд и планет, повелителями астрала и так далее, а мы, христиане, — демонами.

Во время последнего нашего свидания с ним я чувствовал, что он ищет от меня чего-то, и в то же время я стесняю его, словно мое присутствие давит на него, и он сам не понимает, что с ним происходит. Я помню, как при прощании со мной он сказал сестре: «Открой шкаф и дай книгу Иоанна Кронштадтского»; это был его последний подарок мне. Но я предпочел бы, чтобы он умер с этой книгой на груди. Его смерть еще раз подтвердила, что истина хранится только в Церкви, что вне ее — вечная тьма, подобная космической ночи; что всякая иная «духовность» делает душу жертвой темных сил.

Леван не понял, что такое благодать Божия, он надеялся на собственные силы. Сатана может явиться ангелом света. Вне благодати Божией, вне Церкви невозможно разгадать, каков настоящий облик незнакомца, манищего душу к себе. Сатана лишил его Церкви, уверил в силе собственного целительства, а затем, как бы в насмешку, сжег его на медленном огне мучительной болезни.

СТРАННАЯ ВСТРЕЧА

После моего рукоположения меня некоторое время обучали практическому богослужению в Александро-Невской церкви. Надо сказать, что я с трудом усваивал церковный устав и обрядность. Я был в то время в каком-то состоянии отключенности от внешнего — никак не мог повторить, что я священник; мне казалось, что алтарь, куда я вхожу, священническая риза, в которую облачаюсь, — это только сон; я не мог сосредоточиться на словах, которые мне говорили мои учителя — старшие священники. Однажды протоиерей Николай Кигурадзе, добрейший человек, рассердившись, что я не мог повторить за ним правильного порядка каждения, потеряв терпение, воскликнул: «Или он дурак, или я дурак, или мы оба дураки!». С трудом меня научили основам литургики и потом отправили для дальнейшего изучения устава в Ольгинский монастырь.

Именно тогда у меня произошло знакомство с одним человеком, которое было непродолжительным, но оставило память на всю жизнь.

Однажды ко мне подошел мужчина заметно старше меня (мне тогда было 24 года), которого я иногда видел в Александро-Невской церкви. Он был русскоязычный, но в то же время на русского не похож; национальности и имени его я так и не узнал, да это было и не нужно. Обычно он стано-

вился в углу храма, где теперь надгробие митрополита Зиновия. Молча стоит во время службы, не обращая ни на кого внимания, а по окончании ее тотчас выходит. Видел я его и в других храмах: и там он стоял на службе неподвижно, у стены, словно желая втиснуться в нее, чтобы его никто не видел. Он казался углубленным в молитву, только иногда судорога боли пробежала по его лицу. Когда ему задавали вопросы, он не отвечал, словно не слышал их. В церковь приходит много больных, они чувствуют благодать Божию, и прихожане решили, что этот человек тоже со страданиями, и не обращали на него внимания.

Однажды после службы этот человек догнал меня в церковном дворе и сказал, что хочет поговорить со мной. Я предложил ему пройти в квартиру моих родных, где я в то время остановился. Он согласился. Родственники были на работе, в комнате оставались мы одни. Я предложил ему сесть на диван, а сам присел напротив. Странное дело: он молчал, и я ни о чем его не спрашивал. Так мы сидели в тишине, каждый из нас погруженный в свои мысли. Нервно стучали часы на стене, словно торопя нас начать разговор. У меня было чувство, что он ушел отсюда куда-то, в моей комнате только его тело, а мыслями он где-то далеко. Я помню, что не удивился этому, как будто все шло так, как надо. Если я окликну его, то послушно так же невежливо, как если бы стал трясти и тянуть за волосы спящего, чтобы он проснулся. Я взял книгу, лежащую на столе, и стал читать. Вдруг он посмотрел на меня взглядом, исполненным боли и в то же время жалости, и тихо спросил: «Верите ли вы в существование демона?». Я ответил, что

не только верю, но и ощущаю демоническую силу в искушениях, которые постоянно борют меня. Тот сказал: «А что вы знаете об искушениях?»* — таким тоном, каким раненый в боях говорит ребенку: «А что ты знаешь о войне?». Теперь я посмотрел на него с удивлением. Мой путь к Церкви был сложным и неровным. После монашеского поста нападения темной силы стали более изощренными, хотя и более тонкими и скрытыми. Сколько раз я был обманут демонической силой, сколько раз изнемогал в борьбе, а этот светский человек говорит мне: «Что вы знаете об искушениях!» Я почувствовал какое-то глухое раздражение, но сдержал его и спросил: «Мы до сих пор с вами не знакомы, как ваше имя?». Он ответил: «Можно не называть его? Я продал свое имя». Я сказал: «Имя, как и благодать Крещения, нельзя потерять». Он опять спросил: «А если это имя продано дьяволу?». Я ответил: «Все человечество было отдано дьяволу, но Христос пришел на землю, чтобы спасти всех нас — рабов и пленников дьявола. А Христос не был, а есть, не только спас, а спасает». Тот спросил: «А если человек при жизни своей уже горит в аду?» Я ответил: «Христос пришел не только на землю. Он душой сошел во ад, чтобы спасти тех, кто жил в покаянии и с верой в Него или же принес раскаяние в последние минуты жизни, как многие из людей во время Всемирного потопа; Христос спасает всех, кто хочет спастись». Опять спросил этот человек то же самое, как будто эта мысль преследовала его, как собственная тень:

* Через много лет я услышал эти же слова от пустынноика Илариона. Он имел в виду жестокую мысленную борьбу, которую ведут монахи в пустыне.— *Авт.*

«А если согрешит человек, как дьявол?». Я ответил: «Если человек согрешит, как дьявол, то он сам не захочет спастись, — в этом разница между демоном и грешником: оба добровольно отдали себя греху, оба добровольно стали врагами Божиими, но для грешника есть надежда, а для дьявола — нет; он презирает свою надежду, ненавидит любовь и смеется над верой. Я читал в житии преподобного Антония, что если бы сатана покаялся, то его простил бы Господь. Но сатана — это дух всецелой гордыни, смирится для него так же невозможно, как перестать существовать». Он сказал: «Я каюсь и исповедывался, стараясь ничего не утаить, но, наверно, у меня нет надежды, поэтому в душе моей постоянная тревога и тоска».

Прошло еще некоторое время, я отложил книгу. Он сказал: «Хотите, я расскажу свою жизнь?». Я ответил: «Если вы исповедовались, то в этом нет необходимости, может быть, лучше не вспоминать прежних грехов, а только молиться о прощении их». Тот ответил: «Я все-таки хотел бы, чтобы вы выслушали меня, я постараюсь быть кратким». Я ответил: «Если вы считаете, что это принесет вам облегчение, то, пожалуйста, я слушаю вас». Он начал свой рассказ. Я заметил, что он смотрит мимо меня, куда-то в пространство. Голос его был сдавленным и глухим, а взор пустым, как будто погасшим.

«Кто я и откуда, не имеет значения. Я воспитывался в христианской семье. Мое детство прошло на годы жестоких гонений на Церковь. Но родители сохранили Библию, жития святых и другие книги. Я помню, у них стоял чемодан с этими книгами, а в шкафу был сделан тайник, заложенный доской; там стояла икона и горела лампада.

Мои родители вынимали доску и молились перед иконой. Если бы стало известно, что мой отец верующий, то нашей семье грозила бы ссылка. Но все-таки мои родственники тайком водили меня в церковь в другом городе. Я помню, что несколько раз к нам домой вечером приезжал какой-то человек. Он оставался у нас на ночь, а потом уезжал. Отец и мать о чем-то наедине беседовали с ним. Теперь я думаю, что это был священник, который тайно приходил исповедовать и причащать их. Я верил в Бога и с радостью становился на молитву вместе с родителями. Помню, один раз они не позвали меня. Я так оторчился, что впихомолку плакал и думал, что теперь Бог не будет меня любить.

Затем жизнь моя изменилась. Окончив школу, я уехал и поступил в вуз, получил диплом, устроился на работу, женился и через несколько лет стал отцом двух детей. Веру я не терял, но она постепенно слабела. Я молился только иногда, в трудные минуты моей жизни. К этому времени скончались мои родители, почти одновременно: сначала отец, потом мать. Приехав на похороны, я даже не взял с собой родительскую икону как благословение, а подарил ее и священные книги своим родственникам, сам же занялся тем, чтобы продать дом и вещи. Впрочем, я оставил своим родным деньги на заочное погребение и поминовение моих родителей в храме. Однако после похорон я даже не пошел на могилу матери, а уехал к себе домой.

И здесь я познакомился с кружком спиритов. Мы собирались по вечерам и занимались тем, что вызывали души умерших, которые через медиума отвечали на наши вопросы. Иногда эти ответы

были поразительно точными, иногда нелепыми, иногда насмешливыми, как будто вызванная душа издевалась над нами. Теперь я знаю, что там присутствовала темная сила и под видом душ умерших нам являлись демоны. Но это было столь увлекательное занятие, что часто мы проводили ночи напролет за «говорящими» столиками. В то послевоенное время уже окончились кровавые тонения на верующих, но тайная слежка за ними продолжалась, они считались потенциальными противниками строя, но так или иначе нас не трогали.

У хозяйина дома, где мы собирались для спиритических сеансов и чтения литературы, преимущественно Кардека, была большая библиотека, доставшаяся ему от отца. Каких книг там только не было! Рядом с творениями святых отцов стояли руководства по магии, книги Рамачарака и Вивекананды по йоге, теософская литература, истории инквизиции, номера журнала «Ребус» и вместе с тем труды европейских ученых по психологии, истории и этнографии. Я стал жадно читать эту литературу и постепенно пришел к мысли, что христианство — это религия для детей, что она по своему прекрасна, но надо познать тайны мира и человека глубже, чем учит об этом христианство. Надо изучить энергетические силы, заложенные в человеке, и управлять ими, как учит йога; надо заниматься не только молитвой, но и теми упражнениями медитативного и физического характера, посредством которых душа может выходить в астрал и общаться с другими мирами, а придерживаться одного христианства — это значит жить спиритическому кружку принадлежали люди,

посещающие церковь, более того, к нам иногда приходил священник, разумеется, в светском костюме. В прошлом он был обновленцем, и на спиритических сеансах вызывал «души» епископов-обновленцев Антонина и Евдокима*. Впрочем, на одном из сеансов «душа» Антонина сказала: «Слава Ленину — лучшему из христиан», чем вызвала конфуз у присутствующих, и они просили его не беспокоить покойных архиереев.

В этом кружке я сблизился с двумя молодьями людьми. Они принадлежали к какой-то тайной сатанинской секте и уговаривали меня вступить в нее. Учение этой секты представляло собой странную смесь учений альбигойцев, манихеев, шиваитов, буддийского тантризма и демонизма в той форме, в которой он описан в черной магии. Я согласился, скорее из любопытства. Меня в то время увлекла теософия. Я изучал книги Штайнера и Блаватской. Штайнер казался мне одним из «великих посвященных», подобно тем, о которых писал Шюре**, но язык его отталкивал меня своей сухостью и серостью. На нем лежала печать немецкого педантизма, и требовалось усилить воли, чтобы дочитать его. В противоположность Штайнеру, книги Блаватской были похожи на картину, написанную сочными красками: они читались, как увлекательный роман. Но главное, что я извлек из всей этой литературы, было оправдание Люцифера. Он представлялся как тайный благодетель человечества. Его падение рассматривалось как наказание за желание, чтобы люди сразу покинули

* Антонин (Грановский) и Евдоким (Мешерский).

** Имеется в виду книга: *Шюре Э.* Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. Калуга, 1914.

материальный мир, освободились от гнета вещества и стали бы подобными космическим духам. Само люциферянство представлялось как высший спиритуализм, а миссия Люцифера — миссией будущею.

В моих новых знакомых я видел интеллигентных и дружелюбных людей. Так началось наше общение. Я приходил в дом одного из них. Мы читали мантры, писали каббалистические знаки, определенное время отводили молчаливой медитации и т. д. Этот кружок посещали еще несколько лиц, в том числе и женщины. Одна особенно интересовалась жизнью цыган и говорила, что у них своя религия, что цыгане только внешне принимают веру тех народов, с которыми живут, а на самом деле остаются демонопоклонниками. По ее словам, искусство гадать передается у цыган из поколения в поколение: это конспиративная наука, секреты которой тщательно скрывают от посторонних глаз. Она говорила, что у цыган есть свой язык, своя история, свое управление; что цыганский табор подобен еврейскому гетто в Средние века. Она также утверждала, что у цыган есть своя народная медицина, что редко можно видеть больного цыгана, даже старика. Далее она рассказывала о другом племени — иезидов, выходящих из горной Сирии, которые почитают дьявола, называя его Мелик-Тауз, и считают, что настанет эра Мелик-Тауза. Дьявола они изображают в виде петуха, который будит людей от сна и первым приветствует солнце. Обращаясь к своему жрецу, называемому шейхом или пиром, иезид обязательно приносит к нему живого петуха. Эта женщина называла себя аспиранткой какого-то института

истории или этнографии. В общем, разговоры сводились к тому, что христиане напрасно относятся к сатане с пренебрежением и отвергают его мощь.

Наступило время, когда мне сказали, что если я желаю вступить в союз «сыновей Люцифера», который они называли «братством», то должен пройти определенную инициацию. Я согласился. Странное дело, я жил двойной жизнью. На службе я числился хорошим специалистом и дисциплинованным работником, в семье любящим отцом, хотя мою жену беспокоили мои отлучки. Она не разделяла моих увлечений, ей скучно было читать книги, которые я приносил домой, но она сдерживала свое недовольство, наверно, надеясь, что это со временем пройдет.

Наконец настал день моей инициации. Мы собрались вечером. Такие вечера бывали у нас раз в неделю. После обычных мантр и упражнений руководитель группы сатанистов прочел заранее написанное на листке прошение к Люциферу, в котором я просил его принять меня в число его «сыновей», обязался хранить тайны «братства», полагать им во всех нуждах, и вручал Люциферу свои душу и тело, чтобы он помогал мне в земной жизни, а после смерти возвел мою душу в свое огненное царство (было написано буквально «к огненным высотам»). Я прочел и заколебался. Я знал из Евангелия, что демон — это злой дух, противник Бога, — почему я должен был отдавать ему свою душу? Меня объял страх, как будто мне предлагали прыгнуть в пропасть. Я спросил: «Почему я должен сделать это? Вы говорите о свободе, что рабом христианского Бога быть постыдно, а здесь

я становлюсь рабом неизвестного духа». Руководитель сказал: «Как — неизвестного? Сколько времени ты служишь ему? Кто посылал души умерших говорить с тобой на спиритических сеансах? Кому мы здесь читали мантры, кого призывали на помощь, кого называли кабабалистическими именами? Мы не носим креста, но у нас есть свои тайные знаки. Ты удивляешься, почему мы никогда не читаем Евангелие; но у нас есть своя Библия, которая называется «Книга Каина». У нас есть евангелие от Иуды. Это сокровенные книги, а Библия, о которой ты говоришь, — для профанов. У нас есть свои «святыне» — это Каин и Иуда. Потом ты узнаешь, что совершили они для человечества и как неблагодарно люди поступили с ними. Ты давно стал рабом Люцифера, а теперь мы хотим, чтобы ты стал его сыном и познал те высоты и падения, которых не испытывал никогда. Впрочем, Люциферу нужны мужественные люди; если ты боишься, то можешь оставить нас». И опять какое-то жгуче чувство овладело моим сердцем: что это за взлеты и падения, что это за вершины и бездны, куда возводит своих поклонников Люцифер? Я колебался: уйти или остаться? Но какое-то чувство, подобное опьянению или сильной страсти, овладело мной. Я помнил учение оккультистов и теософов: «Надо испытать все — и добро и зло, чтобы стать мудрым». Наконец я сказал: «Дайте мне чернила, я подпишу прошение Люциферу». На это руководитель ответил: «Ты должен расписаться своей кровью — это древний обычай; в крови пребывает душа человека, кровью соединены люди друг с другом, кровью ты соединяешься с Люцифером». Мне дали иглу, похожую на

заостренную спицу, чтобы я проколол себе руку, но я попросил бритву. Как только я прикоснулся бритвой к коже, ощутил невыносимую боль. Это было вторичным предупреждением. Чувство боли было необычайным, как будто вместо кожи был один нерв. Я огложил бритву в сторону. Увидев это, руководитель сказал: «Читай за мной мантру — обращение к Люциферу». После этого я снова взял бритву, разрезал руку и подписался кровью на листе. Мне показалось, что что-то оборвалось в моей груди, что мое сердце окаменело. У меня не было ни радости, ни раскаяния. Когда я пришел домой, жена спросила меня: «Что с тобой, ты болен?». Я как мог успокоил ее, но она показала мне совершенно чужим человеком. Наутро, когда дети подбежали ко мне, я должен был внутренне убедить себя, что это мои дети, — у меня пропала любовь к ним. Прошло некоторое время. Я, как артист, играл любящего супруга и отца, а в сердце жегал, чтобы моя супруга и дети умерли или оставили меня.

У сатанистов есть своя обрядность; большей частью это кощунственное подражание Таинствам Церкви. У них есть свой календарь, где отмечаются дни античных философов, Платона, Порфирия, императоров — тонителей христианства, особо известных оккультистов, ересиархов и т. д. В дни их памяти совершались особые собрания. У них был обряд, пародирующий Причастие. По очереди одна из женщин должна была изображать собой живой престол: разжигали камин, устроенный из старой голландской печи; женщина, обнаженная, ложилась на пол, на грудь ее ставили какой-то сосуд с вином, напоминающий чашу без нож-

ки; она должна была лежать не шевелясь, чтобы не пролить ни капли вина, иначе обряд считался недействительным. По окончании мантры с ее груди брали чашу и каждый пил из нее; все, что оставалось, должна была допить сама женщина. До этого в вино бросали щепотку золы из очага. Я не буду рассказывать вам о всех мерзостях, которые совершали сатанисты. Когда-то в молодости я читал «Историю инквизиции», тогда подобные вещи казались мне бредом психически ненормальных людей, но теперь я пережил все это сам. Мне стали понятны бессмысленная жестокость, ненависть к Богу, разрушение церквей и монастырей в недавнем прошлом, — это был коллективный сатанизм, это была одержимость, которая охватила часть народа, они исполнили волю демона. Почему они убивали и жгли — они сами не знали, но они действовали не только по приказу атеистической власти, но и по влечению другой, непреодолимой, невидимой силы. Это была демоническая оргия на огромном пространстве страны.

Что я переживал в это время — трудно сказать. Иногда у меня бывали приступы какого-то веселья, как у пьяного: когда хочется хохотать, не понимая, над чем, но они быстро сменялись глубокой тоской, и если бы меня в то время спросили, чего я хочу, то я ответил бы, что я хотел бы покончить жизнь самоубийством, но прежде взорвать этот мир огромной бомбой. Какое странное чувство — испытывать приступы веселья, похожие на приступы пароксизма, но никогда не ощущать радости.

У сатанистов особый культ разврата. Это не просто патология, а именно ритуал — осквернение человеческого тела, осквернение человеческого

семени как возможности новой жизни. Сам раз-врат рассматривался как форма демонопокло-нения. Но не буду останавливаться на этом; самое страшное было для меня впереди».

Затем этот человек обратился ко мне и сказал: «Я, наверно, утомил вас, но мне почему-то захотелось рассказать вам об этом. Я прошу помощи, если она возможна». Я ответил: «Нет, я внимательно слушаю вас, но скоро начнется вечерняя служба, и мне надо идти в храм; я нахожусь там в роли ученика — это моя семинария». Тот ответил: «Я постараюсь говорить кратко, хотя мне это нелегко».

Он продолжал: «Руководитель, или, как его называли, “старший сын Люцифера”, сказал мне однажды, чтобы я готовился к инициации в сле-дующую ступень (в их общине было несколько ступеней). Я принял это спокойно, скорее даже с удовольствием. Если у меня осталось еще какое-нибудь чувство, то это было чувство азартного игрока, хотя в своей игре я только проигрывал. Мне сказали, что при этом ритуале человеку за-вязывают глаза. Я ничего не возразил — что надо, то надо. Затем меня повезли куда-то. Машина оста-новилась у незнакомого дома. Мы сошли по ступеням в нижнее помещение, похожее на большой подвал. Со мной было три человека: один — руко-водитель, а двое — неизвестные мне. На столе ле-жал какой-то узел. Руководитель сказал: “Ты дол-жен принести жертву Каину, он первый из людей принес жертву Люциферу”. Узел развязали, там оказался грудной ребенок. “Ты должен убить его своей рукой”, — сказал мне руководитель. И вдруг со мной произошло что-то необычайное. Как буд-то я разделился надвое и смотрю со стороны, что

делает мое тело: оно подходит к столу, как автомат, берет в руки нож, а затем говорит: “Я лучше заду-шу его” — и душил ребенка; затем у мертвого разре-зает горло, раздается какой-то хрип, в моей руке окровавленный нож, и я пришел в себя. Нельзя ска-зать, что я сделал это бессознательно, под каким-то гипнозом, нет, сознание мое было совершенно яс-ным; я хотел это сделать, чтобы угодить сатане. Совершенно спокойно я вытер нож о пелены ре-бенка. Мне снова завязали глаза, предупредив, что никто не должен знать о происхождении.

Дальше у меня начались кошмары. Хотя я не-рестал быть человеком, но, видимо, не превратил-ся в демона. Меня стала мучить совесть. Это был ад, и теперь я нахожусь в этом аду.

Я сказал вам, что понимаю, почему была кро-вавая бойня христиан в 30-х годах, я сам пережил тогда эту ненависть к Богу: прохода мимо храма, я думал, что хорошо бы взорвать его динамитом или устроить оргии в самом алтаре. Но то боои-ще — это только предлюдия к всемирной гекатом-бе, к концу мира, когда осатанеет человечество. Почему не развратничают животные и звери, по- чему до этого додумался человек? — Потому что людей хочет погубить демон; а разврат — это тоже обряд демонопоклонения, только люди не пони-мают этого.

Я пришел в церковь и исповедовался у священ-ника. Он смотрел на меня как-то удивленно, но про-чел разрешительную молитву и сказал: “Пусть Бог простит тебя”. Но советь продолжала терзать меня. А после обращения моего к Церкви темная сила стала еще более жестоко мучить меня — так, как хозяин обет своих непослушных слуг. Я пришел

к одному старцу, который жил недалеко от города, и исповедовался у него снова. Он высугивал меня внимательно и сказал: “Если не умиротворится твое сердце, то пойди и заяви на себя, что убил ребенка, только не называй своих сообщников, скажи, что ты сделал это один, сам”. Я обратился этому совету и попросил, чтобы меня принял прокурор. Имя его я называть не буду. Тот решил, что я пришел к нему с какой-нибудь жалобой, и вежливо предложил сесть. Я сказал, что прошу арестовать меня немедленно, что я убил человека. Они пристально посмотрели на меня и сказали: “Расскажите, в чем дело”. Я стал рассказывать, и вижу, что лицо его меняется, что нечто вроде улыбки появилось на губах. Он сказал: “Мы сделаем все, чтобы помочь вам, пожалуйста, пожалуйста, в приемной”. Я вышел и стал ждать. Через час меня позвали снова. У прокурора сидел какой-то мужчина довольно оригинального вида, пожилой человек с черной тростью, которую он не выпускал из рук, а около него лежала его собака. Он был одет подчеркнута неряшливо. Прокурор говорил с ним, как со своим близким знакомым. Как видно, он уже вкратце рассказал мое дело. Этот человек стал задавать мне вопросы. Как я впоследствии узнал, это был известный психиатр. После беседы я вышел и услышал, как он говорит: “Бред рептильного содержания, мания преследования и в то же время навязчивая идея самоубийства. Нуждается в немедленном лечении. Представляет потенциальную опасность для общества, особенно для своих родных, за последствия я не ручаюсь”.

Вместо тюрьмы меня отправили в дом умалишенных и долгое время кололи разными препара-

тами. Работы меня, разумеется, уволили, но дали причинную пенсию. Может быть, этот диагноз выручил меня, а то бы мне трудно было отделаться от сатанистов. А так — что можно требовать от сумасшедшего?

Теперь я хожу по церквям, но никто не понимает, как мне тяжело. Жена и дети тоже считают, что со мной произошло что-то неладное, и жалуют меня. Я хотел бы быть сумасшедшим, но беда в том, что я не сумасшедший. Я отдал кровь свою и невинного ребенка, как залог сатане. Можете ли вы чем-нибудь помочь мне?»

Я сказал: «Иоанн Златоуст в одной из своих проповедей произнес дерзновенные слова: “Если бы Иуда покаялся, то Господь не только простил бы его, но принял бы его как апостола. Но Иуда отчаялся, потому что погубил”. Поэтому берегитесь больше всех грехов, которые вы сделали, — отчаяния. Апостол Павел пишет: *Надежда не осрамляет**».

Тот опять спросил: «А что же мне делать?» Я ответил: «Если вы спрашиваете моего совета, то я думаю, что вам лучше всего оставить вашу пенсию семье, поступить в какой-нибудь монастырь и нести епитимию за свои грехи. Или же найдите духовного отца и всецело вверьтесь ему. Но мне кажется, первое лучше для вас».

Он поблагодарил меня и ушел. Прошло несколько недель, и я снова встретился с ним. Он с какой-то робкой улыбкой сказал мне: «Я, кажется, наговорил вам что-то несурраное, забудьте об этом. Я ведь подвержен галлюцинациям».

Вскоре меня перевели на другой приход, и я больше не видел этого человека. Не знаю, было ли

* Ср.: Рим. 5, 5.

то в действительности, что он рассказал мне, или это была только галлюцинация больного. Но, так или иначе, он приоткрыл мне сатанинские глубины. Для меня стало понятным и почти зримым, что мы находимся на внешней оболочке земли, а под нами ее ядро — огненное царство ада, и волны из преисподней все с большей силой выплескиваются на поверхность земли.

Я написал об этой встрече почти через 50 лет. К тому же его рассказ был в какой-то степени похож на исповедь, поэтому я прошу тех, кто прочитает эти строки, помолиться о рабе Божием, имя которого знает Господь.

О СМЕРТИ

Я стою у безвестной могилы со сломанной железной оградой. Земля осела, и могильный камень вошел в глубину нее, как опускается тонущая лодка в воду. Кажется, что мертвец в стнившем гробу чувствует тяжесть навалившейся на него земли и надгробной плиты, с которой уже давно стерлась надпись. И мне слышится, что мертвец отвечает на мои мысли из могилы: «Мы, мертвые, не ощущаем тяжести земли, как вы, живые, не чувствуете тяжести небытия. Но я изнемогаю от груза, который лежит на мне — от тяжести моих грехов. Единственное, что осталось со мной, — это грехи. Все остальное превратилось в прах, все исчезло: стнил гроб, истлела одежда, в которую меня одели, черви съели мое тело. Мои кости почернели, стали трескаться и крошиться под тяжестью земли, однако я не чувствую этой боли. Я смотрю на свое тело, как на снятую одежду. Но кто освободит меня от моих грехов, которые превратили мою душу в живого мертвеца? Я кричу: “Помогите мне, спасите меня, помолитесь обо мне, дайте, как выкуп за мою душу, слезы своего сердца”, — но никто не слышит меня. Беззвучный голос мертвого не достигает слуха живых. Мне не страшны дожди, затопившие мою могилу; не страшны змеи, обитающие в норах рядом со мной; не страшны черви, облепившие меня, как лист дерева — гля,

которая сосет его сок. Тело мое — из земли; оно отдано земле и теперь превращается в землю, но моих прехов земля поглотить не может, — их способен сжечь лишь огонь, невидимый огонь благодати. Скажите тем, кто приходит на кладбище, что это город мертвых, в котором много нищих и голдных. Они ждут милости, они ждут подаяния. Когда проходишь мимо могилы, остановись хоть на мгновение, как около нищего, подай милостыню мертвому, скажи: «Господи, помилуй раба Твоего...». Живые сами могут заработать себе на пропитание своими руками, а у мертвых руки связаны, поэтому не обойдите своей милостью мертвых; они больше нуждаются в жалости и сострадании, чем живые».

Я стою у могилы с черным холмиком недавно насыпанной земли, поверх нее пока не успели положить камень и водрузить крест. Еще недавно очи покойника видели солнечный свет, а теперь они сомкнулись навеки. Если бы даже он смог открыться, то вокруг него была бы все та же непроницаемая мгла проба. Он увидел бы ту же тьму, которая, как черная повязка, покрывает его лицо. И мне кажется, что я слышу его голос: «Слепо тело мертвого, но у души есть свои очи, и то, что я увидел в первые дни после моей смерти, было так тяжело и страшно, что я поблагодарил саму смерть за то, что она взяла меня от живых. Я увидел, что этот мир прогнил во лжи, как труп в могиле; что любовь — это только сон, который проходит на рассвете, или игра, в которой выплывает опытный шулер, для которого нет правил; что слова “совесть” и “честь” — это только рваные тряпки, которыми хотят прикрыть наготу. Душе дано три дня посещать те мес-

та на земле, которые она пожелает увидеть. Я был в доме моих друзей, слышал их беседы. Они интересовались больше всего, какое будет застолье после похорон; был у своих родных: они уже спорили о том, кому что достанется из моих вещей, интересовались, не имел ли я денег, а если имел, то где их хранил. Я видел у собственного гроба, как моя супрута сквозь слезы украдкой бросала взгляд на моего друга. Единственный, кто горевал о моей смерти, — это моя собака, которая залезла в конуру и не хотела принимать пищи. Мне было дано на несколько мгновений увидеть души людей. В них ползали отвратительные черви, как в телах погребенных покойников. Я видел мир как огромное кладбище душ. Я видел живых мертвецов, которые играли в людей. Я не завижду живым. Теперь мне легче в могиле. Только молось, чтобы Господь простил мне грехи, простил годы жизни, растраченные в пустых страстях. Я видел изнанку жизни — нити, которые заставляют двигаться кукол. Смерть делает человека мудрым; но зачем мне эта мудрость, если я сам не могу уже ничего исправить, а только прошу, как милостыни, молить о себе?».

Я стою у могилы, где был похоронен священник, и думаю: теперь молчат его уста, которые проповедовали Евангелие; к кому теперь он обратится со словом благовестия, когда на том свете вера превратилась в очевидность, а надежда — в явь? И как будто слышу голос из могилы: «Уста души моей не закрыты. Я день и ночь молю Бога о своей пастве и о тех, кого поминал во время своего служения. Здесь не нужен список, их имена всегда перед моими глазами. Я от юности до смерти

служил Богу, но что значит наша земная правда перед непреступным светом Божества? Я грешил как человек, каялся и грешил снова. Я подлучил от Бога милость, но в душе моей остались некие темные пятна, поэтому скажи моей пастве, чтобы она молилась обо мне, особенно во время Литургии, и тогда у меня будет больше сил молиться о своих духовных чадах. Пусть они иногда приходят на мою могилу: она — звено между ними и моей душой, она свидетельство, что я с ними и слышу их еще яснее, чем при жизни».

Особенно ощутимы тишина и безмолвие кладбища в предутреннее время, когда бледнеют темно-синие краски неба, когда исчезают, словно растворяются в предрассветной мгле, звезды, как будто пальцы зари срывают их, как драгоценные камни, с ночного покрова небес. В этот час стволы деревьев стоят как черные силуэты, нарисованные тушью, а их кроны отливают красно-красным цветом, как угли потухающего костра. На кладбище царит тишина. Над могилами висят, будто клубы дыма, багряные обрывки ночного тумана. В это время хочется слушать тишину, затаив собственное дыхание.

Кладбище похоже на подземный город. Кажется, что время в нем остановилось. Неужели это место вечной разлуки? Сколько моих друзей поконится уже в земле! Могилы некоторых из них орошены слезами, а где другие — никто не помнит. Время стирает их образы из памяти близких, как ребенок стирает резинкой рисунок с листа бумаги. Для кого написаны имена на каменных плитах? Имя — символ души. Пройдет одно или два поколения, и это имя станет незнакомым и чужим

для тех, кто прочтет его. Земля съедает тело мертвого, а время — память о нем. Неужели кладбище — это только остров забвения в море жизни или царство вечного сна?

В предутренние часы на кладбище нет ни одной души, разве только какой-нибудь бродяга, облюбовав склеп, где нашел защиту от ветра и дождя, спит, прижавшись к холодному мрамору. Ему не тесно рядом с мертвыми, а у живых он приюта не нашел. Может быть, среди могил прячется и какой-нибудь преступник, как дикий зверь среди камней. Роса покрывает плиты могил и заснувшие на ночь цветы...

И вдруг на ветке дерева громко запела птица. Этот звук прозвенел в воздухе: он точно расколол тишину, как брошенный камень — зеркальную поверхность озера. Птица пела радостный гимн наступающему рассвету, и ее песня казалась мне свидетельством о будущем воскресении мертвых, когда среди ночи смерти разнесется весть о том, что жизнь победила смерть, и земля отдаст небу тех, кого держала в своих недрах, как младенцев в колыбели. Лучи зари, похожие на радугу, как будто откликнулись на пение птицы. Их сверкающие потоки расплескались по небосводу, они казались гимном победы над ночью и образом вечного незаходимого света.

КТО ЗАЩИТИТ МЕРТВЫХ ОТ ЖИВЫХ?

Кладбище кажется нам островком вечности в непрерывном потоке времени. Время — огромная космическая река, в волнах которой плавают, как мячик, брошенный в воду, наша маленькая звездочка — Земля. А на кладбище шум этого невидимого потока затихает. Войдя в ворота кладбища, мы входим в другой мир. Здесь — пронизывающее душу безмолвие; здесь — все иное; здесь деревья стоят, как стражи могил, и когда при дуновении ветра чуть слышно шелестит их листва, то кажется, что они беседуют с мертвыми. Тополя и ели, стройные, как колонны, — словно зажженные свечи, горящие зеленым пламенем; ивы и осины, склонившие ветви к земле, похожи на плакальщиц, окружающих гроб; тенистый кедр распростирает шелковый наряд своих листьев, как шатер, где можно укрыться от непогоды, а одинокая сосна стоит у ограды могилы, словно вдова, погруженная в скорбь.

Деревья на кладбище не похожи на другие деревья: их корни питаются соком земли, где, как соль, брошенная в воду, растворены тела усопших; теперь они невидимыми частицами своего существа пребывают в растениях. Может быть, потому так задумчивы деревья на кладбище, потому раньше не срывали плодов и не собирали цветов у могил.

Здесь небо и земля — другие. Туман над кладбищем кажется минувшим лет, брошенным на землю, образом минувших лет, которые уходят все дальше во мглу забвения. Лучи южного солнца, которые летом кажутся острыми лезвиями клинка, здесь, на кладбище, теряют свою жгучую силу: они как будто нежно ласкают землю, согревая мертвых своим теплом. Шум ветра в деревьях пронисится словно вздох или тихий стон над могилой. Небо во время грозы кажется одетым в траур, а струи дождя похожи на слезы неба, как будто дождь утешает тех, кто не был оплакан по смерти. Цветы на могилах едва покачивают головками, точно говорят: тише, не тревожьте сон мертвых, те, кто настрадался в жизни, пусть спокойно спят в могилах. Недра земли таят закопанные клады, а здесь, во гробах, может быть, лежат забытые миром герои, спасавшие родину, или неизвестные людям подвижники, или те, кто всю жизнь был преследуем и гоним и нашел приют только в могилах.

Цветы на погосте как будто поют безмолвную песнь своими разноцветными красками. Они — как живой венок на могилах; венок — это знак погребья, это знак того, что побеждена смерть.

Кладбище наполняет сердце каким-то особым покоем, словно уходят вдаль заботы, забываются скорби, усмиряются волны страстей. Даже земля кладбища, напоенная запахом трав, теплом солнца и еще чем-то необъяснимым — духом могил, — другая. Здесь время похоже на мерные удары колокола.

Но эти островки исчезают, точно тают на наших глазах.

Живые позавидовали мертвым и отняли у них то, что те имели: ямы для гробов и холмики земли над ними. Живые объявили войну мертвым, и на кладбище, как на военный лагерь, были брошены бульдозеры, будто колонны танков на дзоты врага. Бесславная победа одержана: ограды и кресты снесены, могилы раскопаны. На месте, превращенном в пустырь, валялись кости, как трупы на улицах города, захваченного дикими кочевниками. Часть костей собрали и увезли куда-то или закопали в одной могиле. Возможно, чтобы не терять времени, их выбросили на свалку или высыпали в какой-нибудь глубокий овраг — кто знает? Другая часть костей смешалась с землей.

Когда завоеватель отнимает чужую территорию, его называют агрессором и преступником. Теперь живые отняли землю у мертвых, может быть, своих предков, выбросили их кости, выседали их из жилищ и взяли, как трофей, этот кусок земли, на котором будет построен многоэтажный дом. От таких завоевателей мертвые не смогли укрыться в могилах. Бульдозеры вырвали их из земли и выбросили вон, как вражеских солдат из окопов. Смерть вырвала их из жизни своими зубами; а теперь их кости снова разгрызли и перемололи стальные зубы машин. В одном месте лежит череп, в другом — кости рук и ног, поодаль — поломанный крест. Кто защитит мертвых от живых? Машины вырывают котлован, землю с частями костей утрамбуют, и прохожие будут топтать их ногами. Строящиеся дома, словно огромная каменная стопа, наступают на место, где были могилы. Те, кто будет жить в этих домах, может быть, услышат по ночам стоны умерших. Гробокопате-

ли и грабители могил брали из гроба только то, что можно было продать за деньги, оставляя мертвеца в могиле. А здесь извлекли из земли исплеванные кости, как будто их можно продать. Знают ли живущие в этих домах, кто покоился в этих могилах, сколько слез было пролито на этом месте, сколько молитв было вознесено к небу? Каждая могила — это безмолвная летопись человеческой жизни. Есть легенды о мертвецах-вампирах, которые по ночам пьют кровь живых. А сегодня живые готовы съесть мертвых. Куда укрываются мертвым? Потомки выкопают своих предков из домов и выбрасывают их кости, как сор со двора. Главной клятвой у древних считалась клятва своим очагом и могилами предков. Сами могилы мертвых согревали, как невидимый очаг, жизнь их потомков. Хам глумился над живым оптом*, хамы глумятся над мертвыми. Разрушение кладбищ чем-то напоминает разрушение храмов и монастырей, когда из их священных камней делали амбары, а на месте алтарей строили клубы.

Те, кто не уважает могилы, лишаются благословения предков, они остаются безродными в этом мире. Уничтоженное кладбище — это разорванное звено истории, а на разорителе кладбища лежит тень отцеубийства.

* См.: Быт. 9, 18–27.

О ДЕТЯХ

Встречал детей с недетским выражением лица, словно перекошенного судорогой злобы. Они с какой-то ненавистью смотрели на родителей, как будто хотели отомстить им за свое рождение. Я видел, как маленький ребенок на руках отца царапался, точно зверек, и бил его по лицу. Отец говорил, словно оправдываясь: «Мой сын нервный с самого рождения». Такие дети агрессивны: они ломают свои игрушки, хватают вещи в чулке дома и бросают на пол; с какой-то наглостью они смотрят на окружающих их людей; в храме они кричат, бегают во время службы, точно нарочно мешают людям молиться; иногда их взгляд бывает таким жестоким и мрачным, что кажется, это глаза демона, а не ребенка. Я однажды спросил схииерхимандрита Серафима*, как надо поступать с такими детьми, нужно ли совершать над ними чин на изгнание злых духов. Он ответил: «Некоторые из них действительно одержимы демоном или рождаются уже большими, особенно от пьяниц и наркоманов, но большинство из них не больны, а развращены неправильным воспитанием. Порою родители считают, что детей нельзя наказывать, а ведь грех живет даже в маленьком ребенке. Если его не пресекать, то грех будет разрастаться. Некоторые родители стараются исполнить все

* Речь идет о схииерхимандрите Серафиме (Романове).

желания и прихоти своих детей, и те начинают требовать, чтобы отец и мать подчинялись каждому их слову. Так вырастают маленькие хамы, первыми жертвами которых становятся их собственные родители. Ребенка надо разумно наказывать, иначе он вырастет несчастным и неблагодарным человеком». Я спросил: «А как можно наказать ребенка, если ему всего один или два года?». Отец Серафим ответил: «Надо погрозить ему пальцем и строго сказать “нельзя”, и ребенок поймет. Он больше понимает тон голоса, которым ему говорят, чем слова». Я спросил опять, можно ли физически наказывать ребенка; не станет ли он от этого пугливым и нервным. Он ответил: «Иногда необходимо наказать ребенка, только надо делать это без злобы. Больше вреда нервам ребенка приносит родители, которые наказывают и тут же ласкают его, как бы извиняясь за наказание. Полезнее физически наказать ребенка, чем часами пилить его словами». Старец считал, что раньше, в старое время, лучше умели воспитывать детей; умеренная боль от ремня или розги вовсе не вредит ребенку, а отрезвляет его.

Однажды известный американский психолог Роджерс гостил в Тбилиси. От своих коллег он узнал, что здесь существует неофициальная группа молодежи, которая изучает психологические проблемы, особенно проблемы взаимоотношений и общения. Он заинтересовался их работой и выразил желание познакомиться с руководителем этой группы Виктором Криворотовым. После беседы с ним Роджерс сказал: «Вы хотите на основе христианской концепции решать вопросы психологии, например, вы даёте ребенку уже готовую

нравственную программу, а на самом деле надо создавать условия для свободного развития естественного нравственного потенциала, заложённого в самом ребёнке, без внешнего воздействия и принуждения». На это Криворотов ответил: «Если в своем саду вы создадите возможность для свободного роста и размножения всех растений без разбора и устранения вмешательства садовника, то сорняк заглушит цветы». Роджерс не смог ничего возразить и только произнес авторитарным тоном: «Этого не будет», почти буквально повторив известное выражение чеховского героя: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»*. Присутствующие молча улынулись, и то слегка, чтобы не обидеть престарелого гуманиста, который был их гостем.

* * *

Несколько лет я служил настоятелем Свято-Георгиевской церкви в селе Илори. Этот храм всегда был очень почитаемым в Западной Грузии. В храме хранились две иконы, кованные из серебра, которые пожертвовал в церковь мерельский князь Леван Далиани. Они почитались чудотворными. Клятва перед иконой святого Георгия считалась священной и ненарушимой. В народе ходили предания о том, как за измену клятве, данной перед великомучеником Георгием Илорским, клятвopеступника постигло суровое наказание. Возмездие как тень преследовало его. Были случаи, когда подвергались бедствиям и даже полному исчезновению фамилии, в которых один из предков ложно клялся или нарушал слово, данное в Илор-

* Фраза из рассказа А. П. Чехова «Письмо к учёному селу».

ском храме. Глава о чудесах от икон святого Георгия, можно сказать, облетела всю Западную Грузию. Не было деревни, где не знали бы о силе великомученика Георгия, невидимо пребывающего в Илорском храме. Здесь многие получали исцеления, особенно от душевных болезней и того состояния, которое называется одержимостью демонами.

Во времена гонений, когда храм святого Георгия был закрыт, паломники не переставали ходить к его стенам, а местные жители с риском для себя сохранили иконы Великомученика, и когда храм вновь был открыт, то принесли их в церковь.

Множество паломников из Мегрелии приходило на поклонение святому Георгию, особенно в период от Пасхи до Пятидесятницы.

Однажды в Илори приехала женщина из Ткварчели с просьбой, чтобы я поехал причастить ее больного ребёнка. Я взял Святые Дары, и мы отправились в город, находящийся в горах. Дорога представляла собой петли, как будто обвивающие горы. Вся окрестность утопала в зелени. Я первый раз был в Ткварчели: он расположен на нескольких площадках — широких горных полянах, возвышавшихся друг над другом. Когда-то здесь было небольшое горное селение, но в этой местности нашли залежи угля, и деревня стала рабочим поселком, а затем быстро разрослась в город. Рассказывали, что река Гализга, протекающая мимо Ткварчели, раньше была прозрачной и чистой, как слеза. Старики говорили: «В Гализге половина воды, половина рыбы». Теперь она превратилась в чёрный мертвый поток, где промывают уголь. Там нет жизни, как в Мертвом море Палестины.

Многоэтажные дома в Ткварчели, построенные по стандарту, похожи друг на друга, как близнецы или отражения в зеркалах одного и того же лица. Мы поднялись на третий этаж и вошли в комнату. Мужчина, супруг моей спутницы, быстро поздоровался с нами и вышел. На кровати сидел ребенок, облокотившись на подушки. Когда я посмотрел на него, у меня затрепетало сердце, мне вспомнилась икона «Детство Иоанна Крестителя»: строгий, даже величественный вид был у этого десятилетнего мальчишка, как будто он был не большим ребенком, прикованным неизлечимой болезнью к постели, а царевичем, принимающим гостей. Ребенок был слепым. Мать, сама фельдшерша, рассказала мне, что у него через три года после рождения обнаружил водянку мозга: врачи сказали, что жить ему недолго. «У нас в доме, — рассказывала она, — была икона Казанской Божией Матери, благословение от родителей. Я там же в палате, где лежал мой сын, бросилась на колени и представила, что я стою перед иконой Божией Матери. Я стала горячо молиться, чтобы сын мой не умер, чтобы Господь послал мне любовью крест, только не смерть сына. И свершилось чудо. Мой сын остался жить, но был обречен всю жизнь проводить в постели: он ослеп и у него отнялись ноги. Я ухаживаю за ним, как за младенцем». Я задал вопрос, наверно, неуместный и грубый: «А если бы вы знали, что ваш сын будет таким страдальцем, то могли бы о его жизни?». Она посмотрела на меня как бы с укором и сказала: «Он — мое счастье, я люблю его больше всего на свете, мы молимся вместе с ним. Когда я на работе, то думаю: скорее бы прошло это время, и я побежала бы к сво-

ему сыну. Мы с моим мужем сменяем друг друга у постели ребенка; он также любит сына, но он неверующий, и для него болезнь ребенка еще больше горе, чем для меня. Мой сын иногда говорит мужу: «Почему мы не молимся с тобой, как с мамой?». Тот отвечает: «Ты молись, а я буду слушать тебя». Он неверующий, но умный человек и не хочет отравить своего сына ядом неверия».

Я видел в своей жизни великих старцев и подвижников, но дерзая сказать, что почувствовал подобную благодать в этом десятилетнем слепом ребенке. Его мать сказала мне, что он постоянно молится: другой жизни у него нет.

Я исповедовал и причастил мальчишка. Я сказал ему об Иисусовой молитве, о книге, которая называется «Рассказы странника»*. Он внимательно слушал меня. На лице его была радость, тихая и глубокая радость от Причастия. Меня поразило еще тон его голоса. Обычно дети говорят эмоционально, как бы спешат поделиться тем, что они думают, что они видели, а он говорил со спокойствием и твердостью, как обычно говорят люди, прошедшие долгий жизненный путь. Это был ребенок-мученик и в то же время избраннык Божий, я думаю, самый счастливый из своих сверстников.

Я видел в своей жизни благодатных детей, слово отмененных особым знаком. Некоторых из них Господь берет к Себе в детстве, чтобы они не осквернились в болоте этого мира. Я видел одного

* Имеется в виду книга об умном делании неизвестного автора второй половины XIX века «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»; впервые в России напечатана в 1884 году (в Москве), в 1911 году издано дополнение к ней.

умирающего ребенка: он упал в котел с кипятком и получил смертельные ожоги. Этому ребенку было три или четыре года. До этого мать часто приносила его в церковь для Причастия. Он умирал в тяжелых мучениях, но не кричал, не плакал; когда я пришел к нему, то он задал неожиданный для меня вопрос: «Почему хорошие дети умирают рано?». Я ответил: «Потому что их ждут Ангелы, чтобы взять к себе». Он открыл глаза, и мне пока- залось, что он тихо улыбнулся на мои слова.

Я читал у одного из святых, что Господь принимает обращение человека во всякое время, но лучший возраст для духовной жизни — это детство, когда душа мягкая, как горячий воск. Поэтому лучший возраст для Иисусовой молитвы — раннее детство: чем раньше научиться ей ребенка, тем лучше. Уже над новорожденным ребенком мать должна читать эту священную молитву. Ребенок ближе к духовному миру, чем мы. То, что мы пытаемся понять рассулком, он чувствует непосредственно и как бы впитывает в себя. Некоторые родители считают, что ребенок должен созреть, чтобы учить его христианству. Это великая ошибка. Душа ребенка обладает способностью особого духовного видения и духовного проникновения, позже она теряет этот дар и становится похожей на молодое нежное дерево, которое постепенно обрастает жесткой корой. Есть предание о том, как к Сократу пришла мать с младенцем и спросила его, как надо воспитывать дитя. «Какого он возрастает?» — спросил мудрец. «Ему только два года», — ответила мать. «Поздно; его уже надо не воспитывать, а перевоспитывать», — сказал Сократ.

* * *

Однажды меня вызвали в Зугдиди на погребение. Похороны в Мегрелии считаются одним из самых важных событий. Попрошачься с покойником и выразить соболезнование семье съезжаются родня и знакомые, до нескольких сот человек из разных городов и сел. В Мегрелии существует сложный ритуал — оплакивание покойника и его погребение с ярко выраженным и не лишним некоторой торжественности трагизмом. Эта традиция ведет свое начало с античных времен, что дадо повод древним историкам писать о «культе мертвых» в Колхиде (Западной Грузии).

Поминальная трапеза, как обычно, кончилась поздно, и меня пригласила к себе ночевать верующая семья, которая до этого не раз приезжала с друзьями богомольцами в Илори. Отец семейства — мегрел, скромный и даже застенчивый человек, в молодости каким-то образом, непонятным для меня, попал в заключение в Сибирь и там познакомился со своей будущей супругой. У них было двое детей, пяти и семи лет. В комнате на нижнем этаже, похожей на полупустую залу, горел бухар, спать никому не хотелось, и мы долго беседовали. В то время не было духовных школ и почти не осталось духовной литературы. Люди учились христианской вере по рассказам друг от друга, хватывая слова на лету. Разговор зашел о сухумских пустынноиках. Хозяева спрашивали у меня, зачем надо людям уходить в горы, что они делают там. Я в ответ стал как мог рассказывать им о непрестанной Иисусовой молитве, которой занимаются в безмолвии пустынноики. Мои радужные хозяева просили меня объяснить подробнее, что такое

Иисусова молитва. Беседа продолжалась до полуночи. Мне казалось, что дети уже спят, но они, притаившись, слушали нас. На другой день перед отъездом хозяйка сказала мне: «Мой сын сегодня утром рассказал мне, что, послушав нашу беседу, он стал читать Иисусову молитву и повторял ее долго, пока не заснул. Он с удивлением говорил: “Как хорошо мне было этой ночью и утром, когда я проснулся, до сих пор у меня радость на сердце”». Мы попрощались, как родные. Меня отвели назад в Илори, где я обнаружил сюрприз: в машину положили полную сумку провизии от поминального стола. В Мегрелии не принято готовить на похороны мясо, так что у нас была монашеская трапеза.

Я рассказал отцу Георгию (Будискерия) эту маленькую историю об Иисусовой молитве, и он сказал: «Очень хорошо, ребенок будет часто вспоминать эту молитву».

Мне рассказывали другой случай. Одна девушка поехала в Загорск*, где старцы научили ее Иисусовой молитве, и она с тех пор старалась всегда иметь молитву в сердце и на устах. Через несколько лет она вышла замуж, но среди мирских забот и попечений не оставляла Иисусову молитву. Когда она готовилась стать матерью, то читала молитву вслух для того, чтобы ее слышало еще не родившееся дитя, и ей казалось, что ребенок во чреве молится вместе с ней. Затем после родов, когда она нянчила младенца, то читала над ним Иисусову молитву; тогда ребенок переставал плакать и затихал на ее руках. В ее комнате было несколько икон в святом углу, а на противополож-

* Ныне Сергиев Посад.

ной стене висели фотографии и картины. Она стала замечать, что ребенок часто устремлял свой взор в одну сторону — на икону Христа, сидящего на троне; долго и пристально смотрел он на этот образ, как будто узнавал давно знакомое и родное. Иногда выражение лица ребенка было такое, будто он видит кого-то в комнате, хочет сказать об этом, но не может.

Мать должна читать над головой своего младенца Евангелие и молитвы, особенно Иисусову молитву: это тот небесный бальзам, который она изливает на его душу. Когда ребенок начинает говорить, то первыми словами, которыми должны обучить его родители, пусть будут имя Иисуса Христа и Иисусова молитва. Преподобный Иоанн Лествичник пишет, что когда человек проснется утром, то первой его мыслью должна быть мысль о Боге, — этим он освятит весь день (принесет начатки своих дел Богу)*. А детство — это утро жизни. В детстве закладывается духовная основа человека. Один из святых сказал: «Первая краска, которой окрашены одежды, не смывается».

* См.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Лествица. Степень 26. О рассуждении помыслов и страстей и добродетелей, 104. С. 368.

НЕ НАВРЕДИ!

В первые годы моего служения в Илорском храме святого Георгия, а затем в Сухумском кафедральном соборе я еще застал монахов и монахинь, которые чудом уцелели во время кровавых гонений, продолжавшихся 30 лет. Наверно, каждый из нас видел, как обычно прокладывают дорогу. Ее заливают нефтяной смолой, и затем чутунный каток выравнивает еще не застывший асфальт своей тяжестью. Огромный каток тонений в течение десятилетия разрушал и сметал монастыри и храмы, давили священников, монахов и наиболее преданных Церкви людей, так что вся земля была пропитана кровью. Но как после уратана, который вырывает с корнем деревья и ломает столетние дубы, на некоторых веточках случайно остаются немногие плоды, так в Сухумии и его окрестностях остались несколько чудом уцелевших старых монахов и монахинь.

В Средние века существовал особый род пытки. Людей не подвергали физическому истязанию, а приводили смотреть на пытки: они слышали крики, видели искаженные болью лица и с ужасом думали, что скоро может настать их черед. Это была психологическая пытка. Монахи, которые остались в живых, прошли через такую пытку. Они помнили, что каждую ночь их могут схватить, как преступников, сослать или расстрелять без суда, что каждый день жиглице, где они обитают, может быть

оцеплено вооруженным отрядом, как будто там спрятались вражеский десант, что их могут пытать для того, чтобы они подписали ложные свидетельства на своих собратьев. Так что такая свобода могла быть более мучительной, чем тюрьма, а такая жизнь более страшной, чем в лагерях смерти.

Мне пришлось познакомиться с некоторыми из этих монахов, которые посетали храм. Хотя время кровавого террора уже прошло и сменилось друtimi видами гонений, я чувствовал, что память о страшных 30-х годах осталась в их сердце и иногда как бы отражалась в их глазах. Им казалось, что послевоенная оттепель — это только затихшее перед новой бурей, и времена репрессий могут снова повториться. Одна из старых монахинь по имени Евгения говорила мне, что самым страшным испытанием для нее было предательство некоторых священников и монахов, которых сильно заставили написать прошение правительству о закрытии монастырей как «гнезд контрреволюции». Она рассказывала: «Перед разгромом монастыря в Мокви туда вместе с чекистами приехало несколько священников, которые стали упрекать илумению и сестер в неповиновении власти. Они вели себя дерзко и развязано, но в то же время старались отвращивать от нас и не смотреть в глаза». Какой ад был в душах этих людей, согласившихся стать иудами!

Старые монахини ходили в церковь, но не причащались. Они говорили, что чувствуют благодать, пребываящую в храме, но не знают, как поступить: их духовный отец, освободившийся от многолетнего заключения после войны, говорил им, что обновленчество не побеждено, что Патриарх Сергий еще до революции пробовал изменить богослужебные

книги, что на время заглавишися обновленцы затем постепенно поведут в Церкви свою программу: будет введен григорианский календарь, искажен церковный язык, незаметно изменится богослужение, начнут рукополагать во священники двоженцев и троеженцев, а епископы станут жениться, то есть открыто блудить после монашеского пострига, и тогда от Церкви отойдет благодать. Я убеждал их, что на сегоднешний день в Церкви ничего не изменено, а думать о том, что случится в будущем, — это не наша мера. Я говорил, что церковные каноны запрещают брак епископа и хиротонию многоженцев, а если имеются такие случаи, то это личный грех, а не грех Церкви. Монахины слушали, но отвечали уклончиво, что они должны еще подождать и посмотреть, что происходит, чтобы убедиться в том, что Церковь не отступила от Православия. И тут я, по своей неопытности, допустил ошибку, о которой сожалею до сих пор. Я стал часто в проповедях тоном обвинения говорить о том, что спасение без Церкви невозможно, что участь раскольников и еретиков одна и та же, что те, кто отвергает Таинства Церкви, совершают грех против Духа Святого. Конечно, монахины, и не только монахины, поняли, о ком я говорю. В результате такого «усердия» я добился только одного: они перестали ходить в церковь. Уже потом я понял, как осторожно надо касаться человеческого сердца, а часто лучше терпеливо ожидать и молиться о человеке, мысленно вручив его Богу. Не только врач, но и священник должен помнить заповедь: «Прежде всего, не навреди». Я каялся в своей опрометчивости перед архиереем, который сказал: «Надо унычтожить в самом себе инквизитора. Сердце человека открывается не насильем, а любовью».

О ЛЖИ КАК ОБ ИСКУШЕНИИ НА ДУХОВНОМ ПУТИ

Если спросить меня, какое самое тяжелое искушение я испытал на своем духовном пути, которое причинило незаживающую рану моей душе и стало причиной многих моих грехов и ошибок, то я скажу: ложь человека, которому я духовно доверял. Его уже давно нет в живых; имя его я не хочу упоминать, он стоит перед Божиим, не человеческим, судом, и я желаю, чтобы этот суд был милостив для него. Это был настоятель храма, в который я был направлен вскоре после моего рукоположения. Вначале я смотрел на него как на пример для себя в служении Церкви и людям. Одно время я считал его своим духовным отцом. Я видел его труды, его милосердие к людям, даже больше — его любовь к молитве, и долгое время не хотел поверить самому себе, что этот человек мог спокойно, смотря в глаза собеседнику, говорить ложь, что это православный иезуит, который считает, что ложью во имя Бога можно угодить Богу. Чтобы иметь искреннее внутреннее послушание, нужно верить, что через духовного наставника говорит Христос. Когда духовное чадо убеждается, что его руководитель лжет, то у него пропадает вера в то, что он через человека слышит голос Христа, что, отдавая свою волю наставнику, он отдает ее не его страстям, а Богу. Может быть,

в древние времена послушники находились на такой духовной высоте, что верили наставнику вопреки очевидности и могли искренне сказать: «Пут мой уши, лгут мои глаза, лжет мой разум, но отец мой говорит правду; а если даже и говорит неправду, то это его дело, я слушаю его во имя Христа». Тогда они были укреплены особой благодатью, чтобы выдерживать особые искушения. Они искали унижения, в том числе унижения ложью как испытания, которое надо преодолеть. Но теперь другое время. Человек не может отказаться от своего расуждения, от оценки слов и действий своего духовного отца. Поэтому современные духовные отцы должны быть правдивыми по отношению к своим духовным чадам, чтобы не надломить их. Древние отцы иногда давали послушания, которые казались нелепыми, и смотрели, как послушник исполнит их: как благословил отец или же как подкашивает ему его собственный разум. Иногда они употребляли в беседе с учеником абсурдные утверждения, чтобы посмотреть, не будет ли ученик возражать на них и приводить свои доводы. Но теперь, когда оскудела благодать, такие методы причиняют только вред: ученик или возмутится «невежеством» своего руководителя, или же хуже — «раскусив», в чем дело, станет лицемерно соглашаться, считая в душе, что он «перехитрил» своего старца. Теперь люди болеют гордостью, и старец, зная это, должен наблюдать справедливость по отношению к своим послушникам и лечить их от гордости постепенно и осторожно, ведь больному, ослабленному болезнью, не дают сразу сильных лекарств.

Люди ищут в Церкви правду, ту правду, которую потерял мир. Они утратили чувство собствен-

ной греховности, той гнилой язвы, которая разъедает их душу, а ищут правды вовне. Древние монахи искали оскорблений и унижений, чтобы через боль этот гнойник был вскрыт и отрава постепенно выходила из него. Современному послушнику нужно, чтобы старец любил и уважал его, иначе он не выдержит послушания, он просто сломаётся под ударом. Теперь духовный отец должен учить прежде всего своим собственным примером и не допускать в своих словах и поступках того, что способно уязвить душу, большую гордостью, или служить взглядом для послушника, который может, совершая грех, оправдывать себя примером своего старца.

Этот процесс — оскудения благодати — начался давно. Духовный уровень снижается. Из гордых послушников получаются неумелые и страстные руководители. Раньше старцы опущали благодать в своем сердце и говорили от благодати. Теперь духовный отец должен прежде всего проверять самого себя: не говорит ли он от своих собственных страстей, не ищет ли от послушания выгоды для самого себя. Раньше старец мог наказать своего послушника без видимой причины, чтобы смирить его дух для его скорейшего преупения. С теперешними монахами так поступать нельзя. Гордость может принять наказание, если человек будет знать, что оно справедливо. Прежде духовные отцы имели более сильную молитву, и когда наказывали послушника, то брали на себя особый подвиг молитвы за него. Теперь современным наставникам надо знать меру собственной молитвы и создавать, что, наказывая другого, они часто примешивают к этому свои страсти. Только

по отношению к самым преуспевающим ученикам можно допустить унижения или насмешку.

У меня было искушение через ложь моего наставника. И кончилось оно самым печальным образом. Будучи зависимым от него или не решаясь порвать с ним, я оказался в состоянии какой-то постоянной раздвоенности. Во мне нарастал внутренний протест, я как бы реализовал его в том, с чего начал он, — стал лгать и хитрить с ним, и вместо моего послушания своему отцу и отсечения своей воли между нами образовались другие отношения — противостояния и тайной скрытой борьбы. Я несколько раз пробовал говорить с ним, но видел, что мои слова он воспринимает как обиду и оскорбление. Спрашивал других, но мне отвечали: «Тебе это все внушает диавол». Я старался поверить, что внушает диавол, но не мог победить себя в этом. Особенно мне было тяжело, что мой наставник благословлял меня говорить ложь. Я понимал ложь как грех, как потерю благодати, как трусость, которую может допустить человек только по одной причине: когда он стоит на таком низком уровне, что не выходит выхода из положения, и поэтому выбирает из двух зол меньшее: а если бы он мог подняться нравственно вверх, то увидел бы, как исполнить свое дело без хитрости и лжи, так что даже в самых крайних случаях ложь надо рассматривать как уступку своей немощи, а не оправдывать ее. А тут мне внушалась другая: что есть два вида лжи — добрая и злая; «добрая ложь» приносит пользу людям, и поэтому она скорее не грех, а мудрость. Вообще, я пришел в такое состояние, что оправдывал свою ложь и

порицал чужую ложь. Я понимал, что остаюсь без послушания и как бы беззащитным перед демоническими искушениями, и в то же время не мог принять учение о «святой лжи», которое казалось мне кощунством и потерей спасения. Часто, видя свои нравственные падения, я решался отдалиться послушанию и не обращать ни на что внимания. От этого я вначале получал облегчение, как будто бы все становилось на свои места, но проходило время, и вновь ложь, которая образовала какое-то плотное поле, казалась мне невыносимой. Наконец случилась событие, которое развязало этот узел. Я сильно согрешил перед своим настоятелем. Я колебался: открыть ему это или скрыть, но все-таки решил рассказать. Он пришел в негодование и сказал мне, чтобы я искал другого духовника. Вместо того чтобы попросить у него прощения, чего, я думаю, он ожидал, я ответил: «Благословите». Он продолжал: «Теперь у нас будут только служебные отношения; а в остальном не спрашивай у меня ни совета, ни благословения и не исповедуйся у меня». После этого моим духовником стал один архимандрит, который не имел никого образования, был очень прост, даже наивен, его часто обманывали люди; были случаи, когда он попадал под влияние духовных проходивцев, но этот человек даже в ошибках своих был правдивым, и я обрел духовное спокойствие. Я вообще не хочу сказать, что мой духовный путь стал ровным, но снялось какое-то внутреннее напряжение; эта игра, которая изнуряла меня и держала в постоянной раздвоенности, прекратилась: теперь стало ясно, где добро и зло, где правда и ложь.

Поэтому я храню в сердце своем благодарность к этому уже почившему архимандриту. Через свой горький опыт я вижу, как много зла может принести наставник, который не построил жизнь свою на правде. Поэтому я прошу священных духовных отцов не искушать ложью своих чад. Это будет не испытанием, а отравой. Когда пропадает вера к духовному отцу и доверие к его словам, то искривляется вся духовная жизнь. Лучше строгость со справедливостью, чем мягкость с ложью; лучше потерять и остаться с правдой, чем приобрести и запачкать приобретенное ложью.

В Ветхом Завете есть правило о жертвах. Священник осматривал жертвенное животное, и если находил в нем какой-нибудь недостаток — бодензь или уродство, то не принимал его. Жертва могла быть самой малой и скромной, но при одном условии: она должна была быть безупречной. Поэтому духовные наставники не должны достигать цели, какой бы доброй она ни была, через прязь лжи.

Теперь послушников, которые отдали бы себя в беспрекословное, полное послушание, нет. Но, добавим, теперь нет и старцев, которые могли бы мудро распорядиться таким послушанием. Теперь в основе духовных отношений должна лежать справедливость, и послушание ученика должно основываться на правде учителя.

Ложь может вызвать только два последствия: или ученик, обманувшись, будет порицать старца и этим согрешать перед Богом, или ученику понравится путь лжи — как более легкий путь, и этим он опять будет согрешать перед Богом.

Я знал одного подвижника, который часто говорил: «Ложь — конь во спасение»*. Знаменательно была его смерть. Он успел поисповедоваться, но умер, когда Чашу с Причастием несли к его постели.

Я не пишу имена этих людей, чтобы не осудить их. Еще живы многие из тех, кто знал их и кому дорога их память. В то же время я хочу, чтобы те, кто прочтет эти строки, помогли о них, дабы бездна милосердия Божия поглотила человеческую немощь, а благодать стерла те грехи, которые в хартии человеческой жизни остались неисповеданными.

Когда я впервые стогкнулся с ложью духовного лица, мне показалось, что пошатнулось само небо. Если бы он знал, что я пережил тогда, то, наверно, не стал бы лгать. Возможно, его научили этому греху его руководители — кто знает. Святые отцы сказали: «Первая краска одежды не стирается до конца».

Сейчас мир все более и более потрущается в нравственную тьму; ложь и обман становятся нормой жизни. Дьявол хочет, чтобы они стали привычными для храмов и монастырей. Поэтому, духовные отцы, дайте подышать своим ученикам тем чистым воздухом, который называется правдой; не учите их ради ради добра: где нет правды, там нет ни добра, ни любви.

* Это — часто неправильно толкуемые слова псалма 32 (ст. 17) «Ложь конь во спасение, во множестве силы своей не спасется», что означает: «Обманчив конь для спасения: великую силу своею он не спасется». Под концем в этом стихе Псалтири разумеется войско царя (см.: Пс. 19, 8; 32, 16; 146, 10).

тогда я прошу его». После этого протоиерей Хелидзе замолчал и отошел от Патриарха.

Протоиерей Мелхиседек Хелидзе говорил о Католикосе-Патриархе Калистрате: «Это мой отец и вождь. Я слышал, как Болгарский Патриарх Стефан на Соборе в 48-м году сказал ему: "Вас следовало бы назвать Патриархом Патриархов"».

Он рассказывал, что Патриарх Калистрат в своей частной жизни был очень скромен, никогда не брал подарков от своих подчиненных, а наоборот, помогал многим из них и поэтому сохранял внутреннюю независимость и свободу в отношении к епископам и священникам.

Он говорил: «Я часто видел, как Патриарх разменивал деньги у свечницы для раздачи бедным и затем каждому нищему, стоявшему у дверей собора, собственноручно давал милостыню, а некоторых при этом целовал в голову».

Рассказывал старший певчий Сионского собора: «Однажды я стоял у дверей храма. Патриарх, приняв меня за нищего, дал мне рубль. Я хранил этот рубль при себе как благословение Патриарха. И, несмотря на трудные времена, никогда не оставался без денег; я сам не знаю, как и откуда они приходили ко мне. Я приписываю это благословению Патриарха».

Католикос-Патриарх Ефрем (Сидамонидзе) любил выращивать цветы. Когда его арестовывали, то при обыске, в поисках денег, разбили цветочные горшки, но, конечно, ничего не нашли. Патриарх Ефрем сказал: «У меня с цветами одна

ЗАРУБКИ В ПУТИ

Когда Патриарх Давид (Девдариани) перед архиерейской хиротонией принял монашеский постриг, то сказал, что с этого дня уже никогда не переступит порога своего дома, и действительно, сдержал свое слово. Даже когда умерла его бывшая супруга, он не пришел попрощаться с ней, а передал, что для покойницы достаточно молитвы. Так он охранял свое монашество.

Келейник Католикоса-Патриарха Калистрата протоиерей П., овдовев, женился вторично. Патриарх запретил его к богослужению. Друг священного священника протоиерей Мелхиседек Хелидзе стал ходатайствовать о нем перед Патриархом Калистратом, оправдывая П. тем, что у него дети, которых надо воспитывать. Тот ответил: «Если я допущу его, то должен буду допустить к священнодействию и других вторображенцев, и этим самым я разрешу моим священникам вступать во второй брак. Неужели он не мог найти родственников, которые бы смотрели за детьми, или взять старую женщину в прислугу?». Протоиерей Хелидзе продолжал: «Вы правы, ваше Святейшество, но грешных надо любить и жалеть больше, чем праведников». На это Патриарх Калистрат ответил: «Если грешников надо больше любить, как ты говоришь, то пусть он женится в третий раз,

участь: их сломали и бросили на пол, а меня уведут в тюрьму».

Патриарх Ефрем рассказывал, что когда ночью его привели в тюрьму, то все места на нарах были заняты, и он лег на полу. Увидев это, татарин-магометанин уступил ему свои нары. Патриарх (тогда еще епископ) сказал: «Тут хватит места на двоих», но татарин ответил: «Я недостойн лежать рядом с Божьим человеком».

Около резиденции Патриарха Ефрема пилили дерево. Он вышел и стал указывать, как надо пилить, чтобы ствол дерева при падении ничего не повредил. «Вы откуда знаете, Святейший, наше дело?» — спросили рабочие. «Я шесть лет был на лесопилке, как мне не знать», — ответил Патриарх.

Однажды Патриарх Ефрем увидел, что двор перед его резиденцией не убран, и, взяв метлу, начал сам подметать. Прибежала провинившаяся монахиня и стала отбирать у него метлу, но он не отдал. Она громко заплакала и упала перед ним на колени, тогда он отдал метлу.

Прихожане одной церкви жаловались Патриарху Ефрему на священника. Он приехал к вечерней службе, стал у дверей, а когда служба кончилась, то вошел на амвон и сказал: «Я хочу носить шелковую рубаху, но денег нет, приходится носить простую из ситца. Вы хотите безгрешного священника, а у меня такого нет. У вас в храме поют “Господи, помилуй”, а этого вполне достаточно для вашего спасения» — и вышел из храма.

Послушав проповедь одного иеромонаха, Патриарх Ефрем сказал ему: «Говоришь ты складно, но на твоём месте я не говорил бы так много при архирее».

Говорил он также этому иеромонаху: «Несколько слов игуменни, сказанные от ее многолетнего опыта, имеют больше силы, чем твои проповеди».

Рассказывал архимандрит Парфений (Алпиаури): «Когда я был отроком, то мать (мачеха) сама привела меня в Шии-Мгвимский монастырь. Там мне дали послушание пасти коров. Когда я громко молился, то коровы не уходили далеко, не разбегались в стороны, они паслись вблизи меня, как будто слушали молитву. В 20-е годы настоятелем Шии-Мгвимской обители назначили молодого иеромонаха Ефрема (Сидамонидзе), будущего Патриарха Грузии. Однажды он спросил у меня: “Ты знаешь, что значит открывать и закрывать монастырские ворота?”. Я ответил, что делаю это уже несколько лет. Он сказал: “Дожась спать, поутрой в уме какой-нибудь стих Псалтири и засыпай с ним, этим ты закроешь от дьявола свое сердце. Утром, просыпаясь, прежде всего произнеси Иисусову молитву, а затем наизусть какие-нибудь стихи из псалма, этим ты посветишь начало своего дня Богу. С Его именем начинай день: открывай ворота монастыря”. Эти слова я принял как благословение игумена и, каким бы я ни был уставшим, перед сном читал Псалтирь, затем повторял один из прочитанных стихов и так погружался в сон. Я чувствовал, что и во сне читаю молитву».

На беседе с Патриархом Ефремом один молодой иеромонах признался, что его мучают плотские страсти. Патриарх Ефрем, выслушав его, слегка улыбаясь и сказал: «Что делать — романтически настроенный иеромонах». На другой день перед службой в Сионском соборе этот иеромонах подошел к нему, поклонился и попросил благословения. Вдруг Патриарх сказал: «Ты что мне, как товарищу, руку подаешь? Лучше прямо скажи: не благословите, а здравствуйте!». Иеромонах опешил, а Патриарх продолжал: «За несколько лет ты ничему не научился; большой грех сделали те, кто рукоположил тебя, но мы исправим их ошибку. Уходи отсюда». Иеромонах, так и не получив благословения, отошел в сторону со слезами на глазах. Прошло несколько дней. Иеромонах снова встретился с Патриархом. Он увидел его во дворе Сионского собора и стал поодаль, не зная, что ему делать. Патриарх поманил его пальцем к себе и спросил: «Ну как, швиго (чядо), ты поживаешь, ты, кажется, на что-то жаловался мне». Тот ответил: «Ушли все плохие мысли; до них ли мне теперь». Патриарх сказал: «Так и продолжай дальше». Потом добавил: «У меня был диакон, который говорил: “Сегодня Патриарх со мной служит”; если бы ты знал, сколько времени надо было, чтобы он наконец догадался, что не Патриарх с ним, а он с Патриархом служит». Иеромонах понял, что одной из главных причин его искушений была гордость, и ушел обрадованным.

Один иеромонах попал в искушение и женился. Патриарх Ефрем, узнав об этом, написал ему письмо со следующими словами: «Если ты раска-

ешься и вернешься, то твой грех я беру на себя перед Богом, как будто сделал его не ты, а я». Люди, знавшие строгость Патриарха Ефрема, были удивлены, но Патриарх сказал: «Я могу наказать человека, когда тот стоит на ногах, а если он упал, то старалось поднять его».

Когда, будучи в Санкт-Петербурге (в ту пору — Ленинграде), Патриарх Ефрем совершал Литургию, то на Великом входе один из епископов помянул его как «Патриарха всех грузин и армян». Патриарх, как бы для ответного поминовения обернувшись в сторону этого епископа, тихо сказал: «Сам ты еретик» — и продолжал службу.

На одной из конференций Совета Мира Патриарха Ефрема попросили сказать речь. Он поднялся на трибуну и, обращаясь к американцу, сидящему в первом ряду, спросил: «Ты, американец, хочешь войны?». Тот ответил: «Конечно, не хочу». Патриарх сказал: «Я тоже не хочу» — и сошел с трибуны. Это было самое краткое из всех выступлений, но оно вызвало самые продолжительные аплодисменты.

Однажды Патриарх Ефрем в присутствии уполномоченного принимал какую-то иностранную делегацию. Эти люди были хорошо осведомлены о том, что творится в Советском Союзе, они выдавали себя за защитников прав человека и религиозной свободы, но, питая внутреннюю неприязнь к Православию, стали задавать Патриарху каверзные вопросы с целью, очевидно, поставить его в неловкое положение. Один из них спросил: «Какие отношения у вас с правительством?».

Патриарх ответил: «У меня с уполномоченным по делам религии самые доброжелательные отношения: я забочусь о его душе, а он — о моем теле». Собеседник снова спросил: «А разве нет в Грузии фактов притеснения Церкви?». Патриарх ответил: «Антиохийский Патриарх имеет реидентичию не в Антиохии, а в Дамаске; Александрийский Патриарх — не в Александрии, а в Каире. Как видите, они оказались в роли изгнанников. А я нахожусь в родном Тбилиси, и нашу резиденцию никто не трогает». У гостя опять получилась осечка, он задает третий вопрос: «Свободны ли вы в своих действиях? Например, можете ли вы поехать на какой-нибудь завод и прочитать лекцию или произнести проповедь?». Патриарх ответил: «Если пригласят, то поеду. У нас традиция, в отличие от протестантов, не ходить в гости без приглашения». На этом беседа закончилась.

Патриарх Ефрем всегда с чувством уважения вспоминал Патриарха Христофора (Цицкивили)¹³, которого многие считали излишне уступчивым атеистическому правительству. Патриарх Ефрем говорил: «Я знаю его, он готов был бы отдать свою жизнь за Христа, если бы это нужно было для Церкви, но ему выпала тяжелая участь полководца, который должен отступить под натиском врага, чтобы не потерять своего войска. В своей личной жизни он был аскетом, а прагматика аскетами не бывают. Он очень уважал в душе Патриарха Амвросия¹⁴, но внешне, для вида, противостоял ему; однако они делали одно дело, только по-разному».

По вечерам Патриарх Ефрем выходил во двор Сионского собора, садился на скамейку и беседовал с соседями по двору, рассказывая им случаи из своей жизни. В нем была особая простота. Как жаль, что его рассказы никто не записал!

Когда умер схиархимандрит Иоанн*, то Патриарх Ефрем сказал: «Умер великий старец. Он был оптом для всех нас».

Когда гроб с телом схиархимандрита Иоанна опустили в землю рядом с его духовным братом архимандритом Иоанном**, то Патриарх Ефрем со слезами сказал: «Подвиньтесь, отцы, чтобы и мне лечь рядом с вами».

Митрополит Романоз (Петриашвили) задолго до начала архиерейской службы в подряннике заходил в алтарь, надевал епитрахиль и, когда священник совершал проскомидию, он вынимал из просфор частицы, а потом через пономарку уходил к себе в дом, находившийся в церковном дворе. Затем к началу Литургии под колокольный звон он входил в храм с подobaющей архиерею честью.

Митрополит Зиновий (Мажуга) в последние годы своей жизни служил раннюю Литургию, а затем шел в келию и ложился отдыхать — так ослабел от постоянных болезней. Он не мог долго стоять на ногах и старался, чтобы служба не затгивалась. Исклочением была Херувимская песнь, во

* Схиархимандрит Иоанн (Мхеидзе; †1961).

** Архимандрит Иоанн (Мамсурадзе; †1957).

время которой он вынимал частицы за живых и усопших. Тогда он как будто забывал о времени и о своих немощах, а было ему около 90 лет.

Митрополит Зиновий говорил, что в заключение он особенно усердно молился Божией Матерью и чувствовал Ее помощь.

Владыка Зиновий также говорил, что один из глинских монахов, которого заставляли доносить на своих собратьев, рассказывал ему, что после допросов и пыток, когда его, избитого, снова бросали на заливный водой пол камеры, он чувствовал не боль, а необыкновенную, ни с чем не сравнимую радость не только в душе, но и во всем своем теле и горячо благодарил Бога, что не стал из-за страха клеветником, не предал Христа в лице своих братьев.

Инок Виталий* говорил: «Когда я в первый раз посетил владыку Зиновия, то увидел, что у него непрестанно течет Иисусова молитва в сердце».

Мне вспоминается один случай: Я служил утреню в Александро-Невском храме. Вдруг отец Зиновий (тогда еще архимандрит) быстро вошел в алтарь и сказал мне: «Открой Царские врата». Шла ежедневная служба, читался канон: я подумал, что архимандрит Зиновий ошибся, и решил напомнить ему, что по уставу Царские врата не открываются. В это время через боковую дверь вошел митрополит Ефрем (будущий Патриарх). Отец Зиновий хотел встретиться с ним, как положено встречать архиерея, с открытыми Царскими вратами, но я не мог догадаться об этом, а слушаюсь с пер-

* Впоследствии схимандрит, Виталий (Сидоренко).

вого слова — не привык. Теперь я понимаю, что послушание не медлит, а смирение не прекословит и не многословит.

Один иеромонах рассказывал: «Когда я был еще юношей, то попросил у владыки Зиновия дать мне молитвенное правило. Тот сказал: "Ежедневно читай канон Иисусу Сладчайшему и канон Божией Матери из чина Акафистного пения". Я читал эти каноны, и они казались мне самыми лучшими на свете. После одного искушения, случившегося со мной, митрополит Зиновий переменял правило и сказал, чтобы я читал покаянный канон Господу Иисусу и молебный канон Божией Матери, "певаемый во всякой скорби". После этого я боялся дохнуть до прежних канонов, как недостойный читать их. Когда через несколько лет меня рукоположили в иеромонахи, я рассказал об этом митрополиту Зиновию. Тот как бы удивился и сказал: "Я дал тебе на время другое молитвенное правило, но не запретил читать прежние каноны, когда ты захочешь". Когда я снова прочел канон Иисусу Сладчайшему, то у меня была такая радость, как будто я открыл ящик и неожиданно нашел там драгоценную для меня вещь, которую считал утерянной. Когда я читал этот канон, то чувствовал себя как перенесенный в незабвенные годы юности, когда делал первые шаги. Я понял, что все, что происходит с нами, не исчезает, а хранится в памяти нашего сердца, хотя мы не знаем об этом».

Один иеромонах спросил митрополита Зиновия: «Некоторые подвижники вместо Иисусовой молитвы произносили только имя Иисуса...».

Митрополит Зиновий посмотрел на него с укором и сказал: «На какую высоту ты лезешь? Они не могли оторвать сердца от имени Иисуса, а тебе в твоём состоянии более, чем Иисусова молитва, подходит молитва мытаря».

Во время хрущевских гонений молодой священник Александр приехал в Сухуми и колёнопреклоненно просил епископа Леониды (Жвания) дать ему любое место, хотя бы пономаря или певчего. Епископ Леонид пожалел его и устроил священником в кафедральном соборе. В то время это было сопряжено с большими трудностями для архиерея. Он должен был специально ходатайствовать о разрешении у властей. Священник снял комнату у прихожанки собора и сблизился с ее дочерью. Как ни странно, сама мать являлась сводницей. Она с гордостью говорила: «Теперь я пристроила свою дочь». Узнав об этом, епископ Леонид тотчас отстранил священника от служения и запретил даже входить в алтарь. Он сказал священникам собора: «С этим человеком нельзя причащаться из одной Чаши; если я допущу его до священнодействия, то сделаюсь перед Богом соучастником его греха. Епископ — страж Церкви и не должен допустить осквернения алтаря». Вскоре этот человек выехал из Сухуми не то на Урал, не то в Сибирь, затем стало известно, что он снял сан, отрёкся от Христа и занялся составлением атеистических статей для газет. Но, возможно, этот отступник совершил бы не меньший грех, если бы, оставшись в сане, совершал Литургию и продал жал блудить. Это был наглядный пример того, как нераскаянный грех убивает веру.

Сторож Сухумского кафедрального собора хотел прогнать нищего безногого калеку со ступеней храма, так как надо было постигнуть ковер для встречи архиерея, но тот, вместо того чтобы уйти, стал ругаться и поднял на него палку. Епископ Леонид, узнав, в чем дело, сам подошел к нищему, дал ему рубль и сказал: «Это русская душа: "Хлеб есть — правду режь"».

Схиархимандрит Андроник (Лукаш) завещал своим чадам никогда не снимать с себя нагельного креста, даже если человек моется в бане. Он рассказывал случай из своей молодости. Однажды юноши пошли на речку, и его сосед, лучший пловец среди них, перед тем как зайти в воду, снял с себя крест и положил на берегу. Отец Андроник почувствовал что-то неладное и спросил у него, зачем он это сделал. Тот ответил: «Дух мне сказал». Отец Андроник предупредил его: «Ты знаешь, какой дух боится креста?». Но тот уже по-другому стал оправдывать свой поступок: «Как я натгм буду носить крест? Когда поплаваю, тогда надену снова». Он, как будто вложив какой-то силой, бросился в реку, нырнул и больше не выплыл. Домой принесли только его одежду и оставленный на камне крестик.

Старец говорил: «Христианин без креста подобен воину, оставившему свое оружие... Как охотник сторожит свою добычу, так диавол день и ночь следит за человеком. Когда увидит, что человек снял крест, то свободно действует в его душе, как входят в дом без ворот».

Один старый прихожанин рассказывал: «Во время Первой мировой войны я был контужен и

несколько месяцев находился в лазарете. Я видел много смертей, но особенно поразила меня одна смерть. Недалеко от моей койки лежал тяжело раненый солдат, неподвижно, как труп: только стонал. Врачи много дней боролись за его жизнь. Вдруг он заговорил, вернее, прохрипел: “Мне тяжело, снимите с меня крест”. На его слова не обратили внимания как на бред: тогда он привстал, дернул тесьму с крестиком на груди так, что она разорвалась, отбросил крест в сторону, закричал не человеческим, а каким-то звериным голосом, и упал на койку мертвым».

Я вспоминаю, как после моего рукоположения старая монахиня-певчая подошла ко мне под благословение и хотела поцеловать мне руку. Я отдернул руку, сказав, что я грешный и недостойный. На это монахиня ответила: «Ваши грехи — это ваше личное дело, а я беру благословение у Господа через священника и целую руку Христа, а не человека». Я помню до сих пор, как после такого ответа краска стыда залила мое лицо за это неуместное «смирение», каким глупцом я почувствовал себя тогда.

Однажды меня позвали отслужить молебен о болящем. Это был калека с ампутированными из-за гангрены ступнями ног. После молитвы он спросил: «Почему я так мучаюсь, неужели я грешнее всех людей на свете, какое преступление я сделал? — И затем сам ответил: — Я думаю, что я не был верен ни Богу, ни диаволу, а служил то одному, то другому, и они ударили меня с двух сторон». Как ни странно, но это наивное расуждение ка-

деки помогло мне понять, почему часто в истории самые худшие силы берут верх над своими соперниками, в том числе откровенные бандиты — над теплоглазными христианами.

Староста Сухумского кафедрального собора Зинаида рассказывала: во время войны она была арестована по обвинению в антисоветской агитации; она знала, что от нее будут требовать ложных доносов, и поэтому решила покончить жизнь самоубийством. Кроме того, следователь прозил ей, что он поместит ее в камеру с мужчинами, сами-ми отъявленными преступниками, — так, как мясо бросают зверям. Обычно во время следствия заключенных сначала сажали в одиночную камеру. У них снимали даже пояс от одежды, чтобы они не могли повеситься. Она долго думала, как покончить жизнь самоубийством: голодной смертью? Но в таких случаях кормили насильно. Наконец она догадалась: разбила маленькое окошко и осколками стекла перерезала себе вены. Она уже истекала кровью, когда дежурный солдат случайно заглянул в глазок ее камеры. Привезли откуда-то врача; видимо, он был не тюремным врачом, потому что дрожал от страха. Он сделал ей перевязку, затем ее полуживой отправили в тюремную больницу. Приближалось время суда, ее больше не допрашивали. Она думала, что после приговора от нее могут снова требовать ложных показаний на близких ей людей, и поэтому решила вырвать у себя смертный приговор для себя. Когда обвинитель спросил ее: «Правда ли, что вы говорили, что поражение Советского Союза в войне неизбежно?», то она ответила: «Я говорила, что немецкие

генералы и фельдмаршалы — потомки древних рыцарей, для которых война была родной стихией — делом жизни и чести, а Сталин способен воевать только против своего собственного безоружного народа. Он уничтожил старых офицеров, а сам ничего не понимает в военном деле». Судья поблуднел, он испугался, что его обвинят в том, что он допустил такую речь при народе, — это был показательный суд. Присутствующие на суде стали кричать: «Смерть ей; такую надо расстрелять на месте». Зинаида говорила: «Я в душе ликovala, что добилась своего, как будто я выиграла этот судебный процесс; теперь меня убьют, и все будет кончено. На самом деле я не говорила о Сталине те слова, которые сказала нарочно на суде. Но почему-то меня не расстреляли, а дали 10 лет со строгой изоляцией, которую затем заменили ссылкой. После смерти Сталина мне разрешили вернуться в Суххуми. Я и раньше считала себя верующей, но не понимала, что это значит. Там, в ссылке, произошло мое обращение к Богу. У меня двоюродный брат — полковник авиации, который получил много наград. При встрече со мной он сказал: “Ты поступила правильно, по-боевому, хотя из-за тебя я лишился звания генерала”».

Однажды, когда я служил в Суххумском храме, в алтаре молился отец Савва (Остапенко). У него болели ноги, и часть службы он сидел в кресле. Когда начали читать Апостол, он встал и уступил мне место. Я отказывался, но он строго сказал: «В это время Литургии служащий священник представляет собой Христа, Который сидит одесную Бога Отца и посылает апостолов на всемирную проповедь. Поэтому не спорь, а садись».

Схиигумен Савва благословил своего духовного сына-иеромонаха по временам прибавлять к Иисусовой молитве обращение к святым, например: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами святителя Николая помилуй нас».

Этот иеромонах рассказывал: «Однажды, молясь в алтаре, я не мог сосредоточиться и преодолеть сурхость сердца: оно как будто окаменело. Каждое слово я проносил с трудом, и мне хотелось поскорее закончить молитву и уйти из храма, как сбрасывалют с плеч непосильную тяжесть. Я повторил Иисусову молитву то вслух, то про себя, но до моего сознания не доходили ее слова, как если бы я кричал, уткнувшись лицом в полупику, и мне казалось, что такая молитва может только прогневать Бога. Но все-таки я удерживал себя и сидел в алтаре, продолжая тянуть четки. В этот же день ко мне подошла старая монахиня, которая жила при храме, продавала свечи и убирала церковь. Она сказала: “Я легла отдохнуть и увидела в тонком сне, что у вас в руке драгоценные блестящие камни и вы перебираете их один за другим”. Я понял, что этот сон должен был укрепить меня в надежде, что Господь принимает молитву, творимую одним усилием воли, когда, по поупению Божию, сатана сковывает ум и сердце».

Один монах спросил схиигумена Савву: «Бывают случаи, когда я поневоле говорю неправду. Ко мне приходят люди с пустыми разговорами, и я передаю, что меня нет дома». Отец ответил: «А ты скажи: “Я дома, но не могу принять вас”».

Однажды отец Савва, сделав вид, что рассердился на духовного сына, сказал ему: «Паршивая

овца все стадо портит». Тот опустил ся на колени и просил прощения. Авва слегка ударил его по лицу. Тот попросил: «Ударьте еще, чтобы бес убежал». Отец сказал: «Что, я должен исполнять твою волю?». После этого удара на душе у духовного чада стало необычайно легко.

Отец Савва мог смирить себя перед малым ребенком и в то же время мог быстро сбить спесь с самовлюбленного гордеца, этим он напомнил мне преподобного Льва Оптинского и блаженного Иоанна Корейшу. Однажды элегантно одетый господин пришел поговорить с ним, будучи уверен, что оказывает старцу большую честь, а через несколько минут вышел из кельи пятясь, с растерянным видом*. Но большинство из тех, кого обличал отец Савва, впоследствии признавали, что получили по заслугам, и не питали к нему обиды. Отец Савва мне казался врачом, который имел чудодейственный бальзам и мог делать глубокий разрез на теле, а затем заживлять его, так что не оставалось даже следа.

Иногда отец Савва слегка юродствовал. Однажды к нему пришли посетители, а он вышел им навстречу в трусах, обернутый простыней, и сказал: «Вы ко мне? А я спешу: иду купаться в море».

* Как только этот человек зашел в келью отца Саввы, тот вместо приветствия громко крикнул: «Куда вы идете, стойте у двери. В моей кельи только что вычистили ковер, а у вас грязные ноги, надо умыть чужой труд. Можете говорить со мной отсюда, только громче, потому что я плохо слышу». Гость от неожиданности ошел, что-то пробормотал и поспешил уйти. — *Авт.*

Однажды отец Савва, находясь в своей кельи, повесил на плечо холщовую суму, взял посох и, пройдя несколько раз по кельи, сказал, обращаясь ко мне: «Я был странником, и ты не принял меня, — потом добавил: — Я был болен — и ты не посетил меня. Я был голоден, и ты не накормил меня, а зачем ты теперь пришел ко мне?».

Однажды схиигумен Савва встретил инока Виталия на Новом Афоне, когда тот вместе с богомольцами возвращался из часовни Иверской Божией Матери, расположенной на вершине горы. Инок Виталий подошел к игумену Савве, поклонился ему в ноги и сказал: «Благослови, святыи отче, пустого пустытника». Отец Савва благословил его, пристально посмотрел и сказал: «Нет, ты уже не пустытник, а архимандрит». Окружающие подумали, что отец Савва говорит притчей, но его слова исполнились в буквальном смысле. Инок Виталий переехал в Тбилиси, здесь был рукоположен в иеромонаха и затем получил сан архимандрита.

Схиархимандрит Виталий (Сидоренко) любил повторять слова аввы Дорофея: «Христос приходит к нам в образе человека; что сделаешь для человека — сделаешь для Христа»*. Он старался не пройти мимо нищего, не подав ему милостыню. Это было его правилом, которое он заставлял исполнять своим чадам. Случалось, что когда у него не было денег, он давал нищим что-нибудь из своей одежды, и не только нищим. Однажды в разговоре

* *Преподобный авва Дорофей.* Духшеполезные поучения и послания. Сказание о блаженном старце Досифее, ученике святого аввы Дорофея. С. 12.

он узнал, что у его брата старые, порванные брюки. Он тут же, в метро, быстро снял брюки и отдал ему, а так как он был одет в подтяжки и длинный плащ, то это обнаружилось не сразу.

Он говорил: «Если ты несешь деньги, чтобы отдать долг, а по дороге встретится нищий и в твоей душе будут бороться помыслы: вернуть долг или дать милостыню нищему, — то подай милостыню; лучше остаться должником у человека, чем у Бога».

Те, кто общался с отцом Виталием, отмечали, что его поучения и советы запоминаются надолго, как будто врезаются в память.

Однажды его попросили сказать проповедь в праздник преподобного Серафима Саровского. Он вышел на амвон и медленно прочитал тропарь преподобному Серафиму, как бы влагая свою душу в эти слова, потом благословил народ, поздравил с праздником и вернулся в алтарь. Многие говорили, что им казалось, будто до этого дня они никогда не читали тропарь преподобному и только теперь раскрылся для них его смысл.

Схиархимандрит Виталий знал наизусть три акафиста: Спасителю, Божией Матери и святому Николаю, и когда был в пути, читал их вслух по памяти.

Отец Виталий рассказывал: «Моя мать привел к вере схиархимандрит Андроник, и затем она приняла монашество с именем Андроника. Я всю жизнь молился, чтобы Господь дал ей хотя бы перед смертью покаяние. А Господь дал больше, чем я просил: она умерла в ангельском образе».

Схиархимандрит Виталий, будучи юным послушником у схиархимандрита Серафима, раздал в отсутствие старца все его рясы и подряски. Когда старец вернулся, то сказал: «Милостыня без послушания в монастыре считается воровством; пойди к тем, кому ты подарил, и скажи: "Отец, я украл, отдай назад, чтобы я вернул хозяину"».

Когда у отца Виталия украли присланные ему деньги, то братья стали возмущаться поступком вора. Отец Виталий сказал: «Он взял не мое, а свое». Братья сказали: «Мы на эти деньги собирались купить провизию на зиму, гвозди и инструменты». Виталий ответил: «Считайте, что это я у вас украл, и, если хотите, наложите на меня епитимью за воровство». Услышав это, братья простили вора и больше не вспоминали о пропаже.

Народ окружал отца Виталия днем и ночью, а он как будто не уставал от людей, наверно, любовь давала ему силы. Но те, кто ухаживал за ним, говорили, что после ухода гостей он в изнеможении падал на свой одр. Он отличался от других старцев тем, что не умел быть строгим к людям и обличать их. Он старался утешить всех приходящих к нему, а если надо было указать человеку на его грехи, то говорил притчами, часто как бы обличая себя самого.

Отец Виталий беседовал с верующими в доме оудной прихожанки. Был вечер — зимой темнело рано. Девушка по имени Нина торопилась идти домой, так как она жила на окраине города и нужно было проходить в пустынном месте через мост.

Отец Виталий сказал: «Не бойся, тебя проведут». Она подумала: «Из мужчин никого нет, может, он сам проведит меня?» — и с радостью осталась. По окончании беседы отец Виталий сказал: «Теперь пойдем», довел ее до двери дома и прочел молитву, в которой призывал на помощь многих угодников Божиих, и сказал: «Иди без страха, ты не одна, святые проведут и сохранят тебя».

Однажды больной инок Виталий остановился на несколько недель у иеромонаха, служившего в приходском деревенском храме. Узнав об этом, многие люди стали приезжать к отцу Виталию и засиживались допоздна, обременяя больного. Иеромонах сказал: «Ты приехал отдохнуть, а тебе и здесь не дают покоя. Может быть, мне не пускать народ?». Отец Виталий ответил: «Если тебя беспокоит этот помысл, то скажи себе: "Меня здесь нет" или: "Я давно умер, какое мне дело до народа и Виталия?" — и обретишь мир».

Отец Виталий, как и другие монахи, был против экуменизма и считал его искушением для Церкви. Но иерархов, вступивших в экуменическое движение, старался не осуждать, и когда об этом заходил разговор, то замолкал и закрывал глаза, как будто погружался в сон. Он говорил, что осуждать архиерея — это брать огонь себе за пазуху.

В пустыне монахи никогда не купались и не мыли голову. Они изредка протирали тело тряпкой, намоченной в воде, а волосы смазывали кедросином, затем расчесывали и вытирали насухо платком.

Один монах говорил: «От керосина волосы блещут, как грива у коня».

В пустыне монахи спали не раздеваясь. Часто зимой не снимали даже валенок, хотя из-за обилия дров в кельи в морозы все время топились печь: так им было легче вставать на ночные молитвы.

Отцы заповедовали монахам (пустынникам) ложиться спать препоясанными с четками в руках.

У пустынницы была бутылка масла на зиму. Когда зашли к ней по пути монахи, то она дала им пищу без масла. Узнав об этом, схиархимандрит Виталий сказал ей: «К тебе приходил Христос, Которому ты день и ночь молишься, а ты пожалела дать Ему немного масла». Она залдела и поклонилась ему в ноги со словами: «Помолись за меня». Тот сказал: «Христос приходит в образе человека, что сделаешь для человека, сделаешь для Христа».

Молодая пустынница призналась другой, что чувствует привязанность к одному духовному брату и, сидя в кельи, все время беспокоится о его здоровье. А та сказала ей: «Если бы ты знала, какие он слухи распускает про тебя, как будто ты воруешь у сестер передачу, которую им посылают, и что ты имеешь в кельи спрятанную бутылку вина, к которой часто приглядываешься». Пустынница возмущилась и перестала волноваться о здоровье духовного брата. При встрече с ним она даже не ответила на поклон и, опустив голову, быстро прошла мимо.

Я видел в местности, называемой Барганы, двух монахов-пустынников: иеродиакона Онисифора

и монаха Пахомия. Отец Онисифор охотно беседовал с нами и подробно отвечал на наши вопросы. Казалось, что он был рад помочь нам своими советами и многолетним опытом. Разговор касался Иисусовой молитвы. Мы говорили о книгах Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника (эти святители тогда еще не были прославлены). Затем мы пришли к отцу Пахомию. Он вышел из кельи и сел у дверей на каменную ступеньку. Я спросил его: «Где находитесь сердечное место, о котором пишут святые: выше или ниже левого сосца?». Он посмотрел на меня так, будто только что заметил, и ответил: «Не знаю». Наступило молчание. Его взор был устремлен куда-то мимо нас, в сторону леса. Мы сидели молча минут десять, затем старец встал и сказал: «Мне пора». И ушел в келию. То, что говорил мне отец Онисифор, я забыл, так как не был внутренне подготовлен к такой беседе, а молчание отца Пахомия помню до сих пор.

Отец Онисифор имел у себя в кельи сухую засоленную рыбешку, которая висела у него на нитке, протянутой вдоль стены кельи. Он сам ее не ел, а держал специально для гостей и путников.

Некоторые братья, живущие в пустыне, упрели отпа Меркурия в том, что он занимается пчеловодством — работой, которая требует много времени и забот. Отец Меркурий отвечал: «Если бы я был совершенным монахом, то занимался бы непрестанной молитвой у себя в кельи. Но это не моя мера, и поэтому я по своей немощи держу пчел, имея помysel, что я исполняю монашеское

послушание. Часть меда я раздаю пустынноикам и странникам, а другую часть обмениваю на продукты». Братья спросили: «А если твои пчелы погибнут или улы украдут, то ты примешь это как волю Божию, чтобы не заниматься больше пчеловодством?». Отец Меркурий ответил: «Я приму это как испытание, но пойду в город и куплю новые улы».

Мать Зосима нашла пещерку около Сухуми на склоне крутой горы, под которой был овраг, представляющий собой высохшее русло, и поселилась там. Благоговение на это она ни у кого не взяла. Однажды, спускаясь вниз, она увидела в овраге труп человека с разбитой головой. Она поняла, что этот человек хотел ночью взобраться на гору, morrer бытъ, проследив, где она находитcя, но сорвался и упал с высоты. Она сказала об этом одному из своих благодетелей, живших в Сухуми. Они решили никому не сообщать, вырыли в овраге могилу и закопали труп. После этого мать Зосима ушла с того места; вернее, само место вытнало ее как поселившуюся без благоговения старцев.

Схимонахиня Зосима говорила: «Когда кака-нибудь вещь мне не нужна, я не думаю, что делать с ней и кому подарить ее, чтобы этими размышлениями не отрывать ум от молитвы. Я отдала ее первому встречному или кладу у дороги».

Мать Зосима ходила зимой в жилете из плащевой парусины и в калошах, одетых прямо на носки. Увидев это, благодетели подарили ей пальто из хорошего материяла и ботинки. Когда наступила весна и потеплело, то мать Зосима, не желая

хранить пальто до осени, сняла его с себя и на улице отдала незнакомой женщине. Та сначала боялась: не заклопочается ли в этом какой-нибудь подвох, но затем взяла пальто и благодарила.

Отец Виталий рассказывал притчу. Некий старец в монастыре посетил монаха, у которого келия была чисто вымыта и убрана, все вещи находились на своих местах. Старец сказал: «Наверное, брат не может терпеть грязи — ни духовной, ни телесной — и так же очищает свое сердце». Затем старец вошел в келию другого монаха, который долго не прибиралась: вещи валялись разбросанными где попало. Увидев сор и беспорядок, он сказал: «Наверное, брат настолько занят молитвой и духовной жизнью, что уже совсем забыл о земном». Так старец мудро избежал греха осуждения.

Один иеромонах рассказывал подробности личной жизни своего собрата, которые он наблюдал, живя у него в гостях, и осуждал его. Тогда монахиня Аркадия, с которой он беседовал, встала с места, поклонилась ему и сказала: «Теперь я вижу, что вы прозорливее и обличили меня во всех моих грехах, словно в воду смотрели». Иеромонах опешил и огорчился, но потом часто с благодарностью вспоминал мать Аркадию.

Иеромонах по дороге повстречался с игуменией и поклонился ей, сказав: «Магюшка, благослови», но та посмотрела на него и молча прошла мимо, ничего не ответив. Послушник, сопровождавший иеромонаха, спросил: «Отче, как объяснить такой поступок игуменнии, правильно ли сле-

дела она? Я не понимаю этого». Иеромонах ответил: «Правильно или нет — зависит от духовной степени, на которой она находится. Если она стужала непрестанную молитву за мир и безмолвие и не хотела отвлечь ум от внутреннего пребывания в сердце, а молча молилась за нас, то правильно сделала, а если нет, то это дерзость, происходящая от гордости и духовного невежества: тогда ее постигнет от своих же сестер скорбь и искушение: то, что делает человек другому, возвращается к нему; но я предпочитаю думать первое». Послушник спросил: «А как мне победить свой помысл, который говорит: "Ведь преподобный Арсений Великий сидел в своей келии, а не ходил по дорогам"?». Иеромонах ответил: «Предположи, что она идет пешком в Иерусалим и дала обет не разговаривать по пути».

Схиархимандрит Виталий рассказывал, что рядом с ним в пустыне жил иеромонах, изгнанный властями из монастыря. Этот иеромонах старался заменить монастырское правило, которое исполняли пустынники из Глинской обители, Исусовой молитвой. Он читал ее по слогам, несколько протяжно, притом конец каждого слова произносил резко, как бы отчеканивая, и между словами делал небольшие паузы. Когда он молился, стоя с четками в руках, то на каждом десятке узелке клал поясной поклон, а после каждой четки — несколько земных поклонов. Чаще он молился молча, сидя в углу на низкой скамеечке лицом к стене. Он так погрузился в молитву, что со стороны могло показаться, что он спит, если бы не четки, которые двигались в его руке. В обители этот монах

руководил иконописной мастерской, пел в хоре и нес послушание в библиотеке, он отличался начитанностью. Таким людям трудно дается молитва; воображение и рассудок через помыслы и образы входят в борьбу с духом и как бы подавляют и заглушают его. Это понимал и сам иеромонах, придя в пустыню, и все время старался остановить этот поток мыслей и картин, как зашупленную в ход машину. Он говорил, что завидует тем, кто мало читал, у кого нет музыкального слуха: у тех, кто не обладает никакими талантами, скорее открывается молитва. Отец Серафим любил этого иеромонаха, но предупреждал, что у него будет много искушений в духовной жизни, потому что таким людям трудно не только обнажить ум для молитвы, но и смирить свое сердце. «Для того, чтобы научиться держать ум в словах молитвы, — говорил отец Серафим, — надо сердце свое держать в послушании. Старец советовал тем, кто приступает к Иисусовой молитве, вначале читать ее медленно и неторопливо, не обращая особого внимания на количество прочитанных молитв. Однако он предупреждал, что здесь есть своя опасность, а именно: замена молитвы как беседы с Богом размышлением о молитве, то есть при слишком медленном и раздельном произношении слов может потеряться предстояние перед Богом, и человек начинает разбирать каждое слово молитвы: какой смысл заключается в нем. Это тоже по-своему полезное дело, но лишь как приготовление к молитве: здесь нет обращенности к Богу, предстояние перед Ним. Молитва, исполняемая правильно и внимательно, — это действие духа, а рассуждение о молитве — действие души. Когда ум навькнет

заклочаться в словах молитвы, уходить в них, сливаться с ними, тогда молитву следует читать в темпе неспешной речи. Мне кажется, что старец Серафим говорил здесь о различии между молитвой и медитацией, когда избирают какое-нибудь библейское изречение и начинают размышлять о нем, стараясь выявить семантическое значение и смысл каждого слова. Молитва исчезает, и слова превращаются в анализиремый объект, вместо того чтобы быть звеньями между душой и Богом.

Когда об этом спрашивали названного иеромонаха-пустынника, то он говорил, что во время молитвы он старается отгонять все помыслы и заключить ум в словах молитвы, а не занимается рассуждением о свойствах и значениях каждого слова. Он говорил, что находится в общении с отцом Серафимом и советуется с ним. Отец Серафим на наш вопрос не выразил какого-либо суждения о таком способе молитвы. Но мне показалось, что он считал преждевременным для этого иеромонаха оставлять чтение Псалтири и братское правило и заменять их Иисусовой молитвой. Это могут делать только старые пустынники.

Впоследствии этот иеромонах решил, что он должен литурисать, ушел из пустыни и приобрел домик в городе. Он служил как нештатный священник в храме, где официально исполнял должность регента. А потом он потерял Иисусову молитву, как признавался сам, и у него начался период тяжелых искушений. Но Господь дал ему искреннее покаяние.

Из некоторых слов схииеримандрита Серафима у меня сложилось мнение, что причиной искушения этого монаха было отделение от общей

молитвы с братией, отсутствие послушания и некое пренебрежение к молитвам, благословенным Церковью (канонам, акамфистам и так далее). Своей самочинной молитвой он как бы раздразил и вывел змею из норы, но без послушания уже не мог победить ее.

Послушник Виталий в монастыре после ранней Литургии оставался еще на позднюю Литургию, преодолевая все болезни и немощи (в молодости у него была чихотка, от которой он излечился в пустыне). Узнав о таком усердии, схиархимандрит Серафим сказал пономарям: «Гоните его в шею из храма сразу же после первой Литургии».

Один иеромонах жаловался отцу Серафиму, что послушница, которая готовит обед и помогает ему по дому, имеет «неотесанный характер» и постоянно грубит; это его оскорбляет, и он часто гневется, выходит из себя и ругает ее. Отец Серафим, выслушав его, сказал: «Я рад за тебя. Хуже было бы иметь ласковую и услужливую послушницу».

Тому же иеромонаху говорил отец Серафим: «Ты то гневашься на своих чад, то просишь у них прощения, не понимая, что этим духовно вредишь им. Они не знают, что им делать: кто прав и кто виноват — они или ты, — и постепенно перестают слушаться тебя. Если ты даже был несправедлив к ним, то попроси прощения у Бога за себя и за них, а им не показывай своего раскаяния. Духовный отец имеет право наказывать или повернуть испытанию свое чадо, а своими извинениями ты только портишь их. Я видел духовника, который

на коленях просил прощения у своих чад, и строго запретил ему делать это».

У схиархимандрита Иоанна (Мхеидзе)* брат занимал какую-то высокую должность в системе внутренней безопасности. Может быть, зная это, власти не трогали двух бетанских монахов, но брат сам стал гонителем для своего брата. Он приезжал в монастырь и требовал, чтобы схиархимандрит Иоанн, тогда игумен Георгий, снял с себя рясу и жил в миру. Он обещал обеспечить его всем, дать ему отдельную комнату, где он мог бы проводить время, как ему угодно, хотя бы и молиться целый день. Он говорил, что надо пережить это время, а не подставлять свой лоб под пулю палача. Затем он стал требовать от брата ухода из монастыря, говоря откровенно, что из-за него он не получает следующего звания и вообще брат является темным пятном в его биографии и претраждает путь к его блестящей карьере. Это повредило несколько раз; брат грозил, что сам напишет, чтобы монахов судили как врагов народа. На это игумен Георгий ответил: «Ты все упрощаешь мне расстрелом и говоришь, что из-за меня тебя липалют новых званий и орденов, а может быть, из-за наших молитв не расстреливают тебя самого, ведь сколько твоих сослуживцев погибло». Тогда брат бросился на него и стал избивать. Позже схиархимандрит

* Схиархимандрит Иоанн (Мхеидзе; †1961) вместе с настоятелем обители архимандритом Иоанном (Мансурадзе; †1957) в советское время прожили почти до самой своей кончины в чудом сохранившемся в посереволопцонинье годы монастыре в честь Рождества Пресвятой Богородицы Бетания (т.е. Вифания). Старцы считались музейными работниками и в такой «должности» продолжали свой аскетический подвиг. Они тайно совершали Таинства — причащали, крестили, отпевали.

Иоанн говорил: «Монах по своим обетам должен отречься от мира и от родственников. Но я глубоко почувствовал, как сам этот мир отрывается от нас, когда получал удары от руки брата. Мне было жаль его. Уезжая, он продолжал кричать и браниться, но в последнюю минуту неожиданно тихо сказал: “Прости меня”».

Иеромонах Василий (Пирцхалава), подвизавшийся в Бетания*, рассказывал: «Я уже с детских лет хотел пойти в монастырь, хотя не был ни в одном монастыре и только на картинках видел монахов. Мои родители сначала думали, что это детские фантазии, однако прошли годы, я повзрослел, но не оставил своего намерения. Тогда они сказали: “Сначала окончи институт, получи диплом, а затем делай как знаешь”. Наверное, они думали, что в институте у меня начнется другая жизнь и я забуду о монашестве.

Когда я закончил педагогический институт в Гори, то приехал в село к родителям, отдал им свой диплом на память и сказал, что теперь я иду в монастырь. Они словно окаменели: не угловарили меня, не плакали и даже не попрощались; только недавно мать приехала посмотреть, как я живу, и в тот же день уехала назад».

Я спросил: «Чтобы исполнить просьбу родителей, вы потеряли четыре года?» — «Нет, больше: надо было еще время, чтобы забыть то, чему меня учили в институте», — ответил он.

* Отец Василий еще послушником в 1954 году пришел в Бетания по благословению своего духовного отца и осел жить в обители рядом со старцами до самой своей кончины в 1960 году.

Однажды во дворе Бетанского монастыря я беседовал с отцом Василием о трудностях приходской жизни для монаха и говорил, что счастливы те, кто живет в монастыре. В это время мимо нас прошел схирхимандрит Иоанн*, лицо у него было сосредоточенно, он смотрел не на нас, а куда-то вдаль, вид его мог бы показаться грозным для тех, кто не знал его. Кажется, он внутренне спорил с кем-то или кого-то прогонял. Отец Василий тихо сказал: «Он все знает, о чем мы говорим». Возможно, отец Иоанн показал, какая в монастыре борьба с бесами, а может быть, видя мои искания и немощь, отгонял от меня демонов, как пастух посохом — собак. Я ушел из монастыря, испытывая облегчение, с радостью в сердце.

Иеромонах Василий говорил: «Мне предлагают архирейство, но я дал слово не покидать Бетанского монастыря и служить старцам** до смерти их или моей. За что мне такая милость Божия: я живу около двух Ангелов! Сколько раз я хотел вымыть ноги старцам, но они, даже будучи больны, не разрешили мне этого сделать!».

Однажды иеромонах Василий возвращался в обитель по дороге, проходившей через лес. На него напали разбойники, которым он ранее помешал увести монастырскую корову, и жестоко избил. Отец Василий едва дополз до монастыря. После этого он заболел чахоткой и вскоре умер. Его назвали мертвым в кельи перед аналоем, на нем были епитрахиль, мантия и клобук, точно он оделся во

* До пострига в схиму — архимандрит Георгий (Мхеидзе).

** Старцы — это упоминавшиеся выше схирхимандрит Иоанн (Мхеидзе), тогда игумен Георгий, и настоятель обители архимандрит Иоанн (Мансурдзе).

все монашеские одежды, чтобы отправиться в далекий путь. Смерть застала его на молитве.

В день, когда над иеромонахом Василием совершали отпевание, в монастырь прибыло много народа. Приехала также его мать и другие родственники. Они сказали, что должны взять тело отца Василия, увезти его в деревню и похоронить на своем кладбище. Народ возмутился: люди не хотели отлавать тело монаха тому миру, от которого он ушел, и требовали похоронить его в монастыре. Но схиархимандрит Иоанн сказал: «Я знаю этих людей: если вы поменяете им, то может быть кровопролитие, или же они вернуться, когда здесь никого не будет, выкопают гроб из земли и все равно сделают то, что задумали». Когда закончилось отпевание, то родные по плоти и одноклассельчане увезли тело отца Василия. Затем прошел слух, что они собрали у него бороду, сняли с него монашескую рясу, надели пиджак и галстук и похоронили по своим обычаям. Узнав об этом, схиархимандрит Иоанн прослезился: «Он дважды мученик: один раз — при жизни от разбойников, а второй раз — по смерти от своих родных; за это он примет двойную награду. Где бы ни лежало его тело, а душа его с нами». И уже обращаясь к почившему, отец Иоанн сказал: «Сын мой, Василий, я думаю, что ты похоронишь меня, но вот я, старец, стою над твоим гробом».

Архимандрит Гавриил (Ургебадзе)* рассказывает: «Как Господь испытывает человека! Когда я

* Архимандрит Гавриил (Ургебадзе), один из самых любимых в Грузии подвижников нашего времени, почил о Господе 2 ноября 1995 года.

был странником, то пришел в Самтаврский монастырь и попросил игуменню пустить меня на ночь. Она ответила: “У нас мужчины не ночуют”. Тогда я вышел во двор и сел у ворот. Монахиня пришла закрывать ворота и закричала: “Что ты здесь делаешь?! Сейчас мы будем спускать собаку на ночь, она может покусать тебя!”. Я вышел и лег за воротами. И вдруг слышу какой-то шорох. Смотрю: около меня змея. Я вскочил на ноги и, сказав: “Здесь нет для меня места!”, пошел пешком назад в Тбилиси».

Архимандрит Гавриил вспоминал: «Когда я стоял на молитве, то вдруг услышал голос: “Скорей иди в Бетания”. Этот голос повторился трижды. Я оставил молитвенное правило, оделся, взял посох и сумку и отправился в Бетания. По дороге купил несколько хлебов. Попутной машины не было, и я пошел пешком. Я шел по лесу, и какая-то сила торопила меня: “Не останавливайся, иди скорее”.

Уже к вечеру я пришел в монастырь. Меня встретил схиархимандрит Иоанн* — последний оставшийся в живых монах. Он сказал: “Я молитесь, чадо, чтобы ты пришел ко мне и прочел надомной отходную молитву”. Несмотря на то что схиархимандрит Иоанн долго болел, ничто не предотвратило его скорую смерть: он встретил меня на ногах, а не в постели; вид его был даже более бодрым, чем когда я видел его в последний раз. Я пожег хлеб на стол. Он благословил их и сказал: “Ты устал от пути, подкрепись”. И сам разломив

* Уже упоминавшийся выше архимандрит Иоанн (Мелидзе).

хлеб, взял себе небольшую часть: “Это моя последняя трапеза”. — “Бог милостив, ради нас продлит вашу жизнь, — сказал я. — Не будет вас, не будет монашества”. — “Не мною оно началось и не мною кончится, — возразил отец Иоанн. — Мне пора идти вслед за моим духовным братом”. Передай мою волю, чтобы меня похоронили рядом с ним: мы вместе переносили труды и гонения. Сегодня он сказал мне, что закончил пролагать для меня путь и мы будем вместе”.

Наступил вечер. Схиархимандрит благословил меня зажечь свечи. Он дал мне книгу “Куртхевани”**, раскрытую в том месте, где был канон на исход души, и сказал, чтобы я прочитал его. Я заплакал и стал просить: “Отче, пусть я умру раньше тебя и вместо тебя”. Он ответил: “Ты не знаешь, о чем говоришь и чего просишь”. Я продолжал плакать, прижав к его ногам. Тогда он встал и сказал первый возглас торжественно, как епископ во время богослужения. Я не мог ослушаться и стал продолжать молитву. Я прочитал канон на исход души до конца. Он ласково сказал мне: “Я за этим звал тебя, чадо. Ты примешь мой последний вздох и последнее благословение, — и затем добавил: — Сядь рядом и читай по четкам молитву”. Мы оба молча читали молитву. Он спросил: “Ты видишь, сколько монахов стоят в кельи? Они пришли за мной”. Я понял, что это те монахи, которые жили и похоронены в Бетания... “Я тебе скажу о своем

* Это говорится об архимандрите Иоанне (Маисурадзе), также упоминавшемся выше, — настоятеле Бетания, в описываемое время уже покойном.

** «Куртхевани» (зруз.), в буквальном переводе «Книга благословений», — так называется Требник на грузинском языке. — *Авт.*

видении, но это тайна, никому не говори о ней”. Он рассказал мне о бывшем ему откровении, и сердце мое исполнилось страхом. “Скрой это в своем сердце”, — повторил он. Уже догорели свечи, я заменил их другими. Увидев, что четки выпали из рук отца Иоанна, я взял их с пола и надел на его руку. Он сказал: “Молись вслух, я буду слушать”. Я громко читал Иисусову молитву, и вдруг отец Иоанн как бы встрепенулся, радость отразилась на его лице. “Мой брат и отец Иоанн пришел за мной, — сказал он, — а вместе с ним...” — и он замолк, его голова опустилась на грудь. Прошли минуты молчания. Я подошел к нему. Он был уже мертв...

Я молился всю ночь. Утром в монастырь пришли люди, точно узнав о смерти настоятеля. Мы сообщили Патриарху Ефрему о кончине великого старца. Он сам служил погребение, плакал и говорил: “Отец Иоанн, когда ты предстанешь Престолу Божию, помолись обо мне!”.

Я остался на некоторое время в Бетания вместе с другими богомольцами и каждый день служил панихиду на могиле новопреставленного старца, — вернее, служил панихиду о двух подвижниках, могилы которых находятся рядом в знак того, что они и по смерти неразлучны друг с другом. Когда умер отец Иоанн, я взял его четки и с ними как его благословением вернулся домой».

В 60-х годах отец Гавриил построил у себя во дворе церковь. Об этом узнал упомянутый выше по делам религии и, вызвав одного высокопоставленного иерарха, сказал, чтобы тот принял меры и велел отцу Гавриилу тихо, без шума разработать эту

церковь. Видимо, уполномоченный не хотел скандала и слухов о себе как о поджигателе церкви. Иерарх предложил ему вместе поехать к отцу Гавриилу и поговорить с ним.

Они приехали в дом отца Гавриила, который находился недалеко от Варваринской церкви; уполномоченный остался во дворе, а иерарх зашел в храм, где молился отец Гавриил. Он сказал: «Сын мой, Гавриил, какой хороший храм ты построил своими руками! Но знаешь, какое теперь время: иногда более мудро отступить, чем идти вперед. Послушай меня, разбери его; положение перемнится, и тогда ты сновастроишь эту церковь, и я приду помолиться с тобой. Скажи об этом уполномоченному». Отец Гавриил вышел во двор и сказал: «Я разрушу».

Прошло несколько дней. Отец Гавриил разобрал переднюю стену, отодвинул на два метра и построил снова. Он сказал: «Я послушал и разрушил, а теперь настало хорошее время — и построил». Больше отца Гавриила не трогали.

Однажды отец Гавриил, измазавшись где-то мазутом, танцевал на паперти церкви. Детвора, окружив его, хлопала в ладоши и кричала: «Тапигуши». На шум из храма вышел священник и, обрешаясь к отцу Гавриилу, закричал: «Ты понимаешь, дурак, что делаешь?». Отец Гавриил ответил: «Не я дурак, а тот, кто дает молодым монашеству. Это он не понимает, что делает». И, сказав это, отправился домой.

Однажды отец Гавриил молился в алтаре Синонского собора. К нему подошел один известный

архимандрит, пользовавшийся среди монашествующих авторитетом, и приветствовал его. Отец Гавриил пристально посмотрел на него и неожиданно сказал: «Несчастный, сейчас же станю на колени и кайся в своих грехах!». Архимандрит, оскорбившись, ответил: «Какое тебе дело до моих грехов? Я сам знаю, когда каяться!». Тогда отец Гавриил подошел к престолу и закричал: «Тебе говорю, ты проклят Богом!». Такой поступок удивил и возмутил присутствовавших в алтаре. Через несколько лет этот архимандрит ушел в раскол...

Однажды отец Гавриил на праздник 1 Мая поджег огромный портрет Ленина, который висел на Доме правительства. Когда на допросе его спросили, почему он это сделал — ведь христиане должны уважать власть, — то отец Гавриил ответил: «Потому что на портрете было написано: "Слава великому Ленину!". Вся слава принадлежит Богу, а какая слава может быть у мертвой головы! Я сюжет его портрет не как правителя, а как идола!».

Когда отца Гавриила посадили в тюрьму за то, что он сжег портрет Ленина, он начал рассказывать заключенным о Боге; когда же он читал вслух молитвы, то многие из них опускались на колени и молились вместе с ним. Даже бандиты просили, чтобы отец Гавриил рассказал им о христианской вере и помолился за них.

Оказавшись снова на воле, отец Гавриил решил: «Если преступники послушали меня, то я должен напомнить народу о Боге». Взял он иконы, пошел на главную площадь, называемую теперь площадью Свободы, поставил их там, достал

книгу и стал громко читать молитвы. Он рассказывал нам: «Некоторые останавливались, чтобы посмотреть, что я делаю, но, назвав меня сумасшедшим, проходили дальше, другие не обращали никакого внимания. Затем приехала милиция. Мои иконы забросали, а когда я хотел собрать их с земли, выкрутили руки за спину; меня потащили, как преступника, хотя я не сопротивлялся, посадили в машину и повезли в участок. Там меня побили и сорвали крест. Нигде никто не заступился за меня ни одним словом. Раньше я думал: “За чем Господь посылает скорби на землю?”. А теперь я понял: камень разбивают молотом. Многих людей только горе и скорби могут привести к Богу».

Однажды ночью на авву Гавриила напал грабитель и потребовал денег. Авва дал ему все, что имел, но тот схватился за иерейский крест на его груди и стал тынуть. «Зачем тебе мой крест?» — спросил авва. «Я продам его», — ответил бандит. Авва сказал: «Брат мой, я собираю денег и дам тебе, в каком месте ты назначишь, но этот крест не принесет тебе пользы». Тот в ответ ударил авву в лицо и сорвал крест, так что порвалась цепочка. Через три дня незнакомый человек принес крест с порванной цепочкой отцу Гавриилу, предлагая купить его. «Откуда ты взял этот крест?» — спросил архимандрит. «Мой товарищ попал в аварию и разбился насмерть, — ответил этот человек, — и мы решили продать крест, который был в его кармане, для похорон». Авва рассказал, что произошло, тогда тот человек сказал: «Возьми свой крест назад, нам не надо никаких денег». Они начали спорить. Наконец авва сказал: «Где лежит мертвый? Я приду

и отслужу ему погребение за то, что он после смерти возвратил мне крест». Но человек, словно боясь чего-то, не согласился и на это. Он положил крест на стол и быстро ушел.

Однажды архимандрит Ксиропогамского монастыря* в сопровождении некоторых других лиц приехал в Грузию, посетил монастыри и захотел увидеть отца Гавриила. Отец Гавриил узнал об этом, и когда они пришли к нему в келью, то увидели его совершенно «пьяным». Отец архимандрит сказал тогда: «Теперь я вижу, что это настоящий салмос (тородивый): он не хотел говорить с нами и не хотел оторчить нас отказом». Помолвившись, они вышли из его кельи.

Как-то ночью во дворе монастыря, где жил отец Гавриил, раздался страшный крик. Это кричал отец Гавриил голосом, похожим на дьявольский рев. Потом он взял палку и стал колотить о железный лист. Монахини выглянули из окон, чтобы посмотреть, в чем дело. Оказывается, он ругал старшью из них, которая без благословения спилила дерево. Монахини закрыли окно и потушили свет. Отец Гавриил продолжал ходить по двору и кричать, что это не монахини, а десорубы. Когда наутро его спросили, зачем он это делал, то он ответил: «Монахинь нужно смирать, это им полезно: тогда они лучше каются; кто хвалит их, тот их первый враг».

Отец Гавриил рассказывал, что к нему приходили исповедоваться архиереи; это смущало его.

* Монастырь Ксиропогам на Святой Горе Афон.

Тогда он начал давать им епитимию, и они перестали исповедоваться у него и нашли других духовников.

Рассказывала духовная дочь архимандрита Лаврилла: «Однажды мне сильно захотелось увидеть своего духовного отца, хотя особых вопросов к нему не было. Я думаю: “Что бы понести ему?”, а денег у меня только двадцать копеек: как раз на дорогу. Тогда я решила купить буханку хлеба и пойти пешком. Когда я пришла к нему, он сказал: “Я сварил суп, а хлеба у меня не было; садись, пообедаем вместе”. Потом он сказал мне, что не хотел выходить из келии и молился, чтобы Господь послал ему хлеб».

Когда отец Лаврилл умирал, то сказал: «Через три года откройте мою могилу, и я встречу вас».

Очевидцы рассказывают, что на месте погребения* архимандрита Лаврилла происходят исцеления, и многие большие приходят, чтобы взять елей из лампады, горящей на его могиле. Поток этих людей настолько увеличился за последние годы, что одна из монахинь несет послушание у могилы отца Лаврилла: наливает в лампаду елей и затем раздает его богомольцам.

Игуменья Ольгинского монастыря Ангелина (Кудимова) рассказывала: «Когда я была послушницей, то задумывалась о том, что значит бесконечность, как может Божество быть в Трех Лицах,

* Архимандрит Лаврилл похоронен в Самтаврском Мцхетском женском монастыре святой равноапостольной Нины.

и пыталась представить себе это — и вдруг почувствовала сильную головную боль. Я стала просить у Бога прощения за свои дерзкие вопросы. Боль прошла, но у меня началась бессонница. Много недель я не могла спать и лежала с открытыми глазами. Игуменья послала меня по святым местам. Через год моя болезнь постепенно прошла. С тех пор я не дерзаю ни говорить, ни думать о том, что выше моего разумения, а прошу у Господа даровать мне плач о моих грехах».

Игуменью Ангелину спросили: «Что особенно запомнилось тебе во время этого странничества?». Она ответила: «В Ново-Афонском монастыре я видела монаха, который шел в церковь, устремив глаза в землю, словно он не видел ничего и ничего вокруг себя. Мне захотелось заговорить с ним, и я попросила у него книгу об Афоне. Он молча зашел в свою келию, вынес книгу и дал мне, даже не посмотрев на меня, — и, не сказав ни слова, возвратился к себе».

Одна инокиня вышла замуж, но затем посещала Ольгинский монастырь, и матушка Ангелина принимала ее в своей келии. Эта женщина как-то сказала: «Матушка, я все время каюсь в том, что согрешила». Игуменья ответила: «Если бы ты каядась, то вернулась бы в монастырь, даже если бы тебе надо было бежать по дороге, усеянной осколками стекол, босыми ногами».

В другой раз эта женщина сказала: «Матушка, вы презираете меня». Игуменья ответила: «Я не презираю создание Божие, но диавол, который искусил тебя, теперь презирает тебя и смеется над тобой».

В Ольгинском монастыре был праздник. После службы какие-то гости подошли к клиросу, где вместе с певчими стояла и игуменья Ангелина, и стали благодарить ее за прекрасное пение хора. Особенно им понравился голос монахини, которая пела низким контральто (то есть, как называли это в монастыре, басом), и они просили показать им ее. Игуменья Ангелина, выслушав их, сказала: «У нас бас свиной пас», а когда сконфуженные таким ответом гости огошли, то добавила: «Где голосок, там и бесок». Так она учила монахинь смирению.

Игуменья Ангелина рассказывала случай, о котором она слышала в молодости. Из одного монастыря исчез монах, как будто в воду канул. Прошло несколько месяцев. Настала зима. Из склада стали брать дрова для топки и обнаружили труп монаха вместе с мертвой женщиной. Их раздали упавшие бревна. Уже разложившиеся тела завернули в брезент, вынесли из монастыря и закопали в яме без христианского погребения. Игумен сказал братии: «Собачья свадьба — собачья смерть».

Глинские старцы епископ Зиновий*, схигумен Серафим** и схигумен Андроник***, собравшись вместе, со ссорью говорили о том, что один из иноков, резчик по дереву, отгличавшийся тихим и кротким нравом, связался с женщиной, которую долгое время выдавал за родную сестру, и пал

* Впоследствии митрополит, Зиновий (Мажуга).

** Впоследствии схиархимандрит, Серафим (Романов).

*** Впоследствии схиархимандрит, Андроник (Лукаш).

с ней. Это несчастье, по их словам, произошло из-за непослушания и утайвания грехов на исповеди. Иеромонах, случайно присутствовавший при разговоре старцев, спросил епископа Зиновия: «А я, Владыко, тоже, как этот иннок, не имею послушания?». Епископ Зиновий пристально посмотрел на него и сказал: «Нет, ты иногда вдруг возьмешь да и послушаешься». Иеромонах понял нелепость своего вопроса и цену своего «послушания».

Через некоторое время оказалось, что игумен Ф. повенчал этого инока с его сожительницей. Глинские старцы не одобрили такого поступка игумена и считали, что он должен был посоветоваться с ними. Они говорили, что такой брак не по Богу и не намного лучше содеянного блуда, что он не принесет ничего, кроме скорбей и несчастья, а игумен Ф. своим самовольным решением отрезал иноку путь к покаянию и возвращению к монашеству.

Я был свидетелем того, как нарушение церковных правил, запрещающих поминование усопших еретиков и самоубийц, приносило людям тяжелые искушения, а иногда и трагическую смерть.

В Сочи жила монахиня, которая отгличалась кротким нравом, немногословием, любовью к молитве. Она часто приезжала в Гудауту и Сухуми. Матушка умела пить и всегда старалась что-нибудь сделать для храма. Духовным отцом ее был архимандрит Константин (Кварав). Но у этой монахини была одна тайна, которую она скрывала от всех, даже от духовного отца. Только немногие из ее родственников знали об этом.

Ее отец, которого она очень любила, по невестным причинам покончил жизнь самоубийством — его нашли висшим в петле в собственном доме. Монахиня совершила заочное погребение, не сказав, какой смертью умер ее отец. Кроме того, она решила читать по нему Псалтирь. Прошло много лет. Как будто ничего не предвещало несчастья. Но вдруг до нас доходит страшная весть: ее нашли повешенной на веревке в своем доме. Рядом на столе лежал ее нателыный крест, который она сняла с себя. Экспертиза установила самоубийство. Было определено, что она сделала две попытки. Во время первой веревка оборвалась, Господь сохранил ее, но она сняла с себя крест и повесилась снова. Какое страшное дьявольское искушение, граничащее с одержимостью, должна была испытать эта монахиня, чтобы наложить на себя руки и после того, как веревка оборвалась, не раскаться перед Господом, а исполнить волю дьявола до конца!

Особенно горевал о ней ее духовный отец архимандрит Константин. Он говорил: «Если бы я знал, что ее отец самоубийца, то именем Божиим запретил бы ей молиться о нем, но она скрыла это от меня». Непокорность воле Божией привела ее к непослушанию Церкви, и тогда исполнились слова псалмопевца: *Молитва его да будет в зрех**. Я никогда не слышал, чтобы эта монахиня при жизни осуждала кого-либо, но она в душе своей осудила Церковь как немилостивую к самоубийцам и, решив спасти отца путем обмана, сама кончила жизнь тем же роковым грехом.

* Пс. 108, 7.

После революции игуменией Бодбийского монастыря была назначена Нино Вачадазе. В этом монастыре находились русские монахини, и они вначале отнеслись к новой игумении с недоверием, как будто ее назначили для того, чтобы их выслить из монастыря. Игуменья Нино вспоминала: «Мне было больно чувствовать такое отношение сестер ко мне, но я решила победить все любовью. Я заботилась о вверенном мне монастыре как могла, и вскоре у сестер тревога и подозрения сменились доверием и искренней любовью. Они говорили, что не хотят другой игумении, кроме меня, и что в моем лице видят игумению Ювеналию (Фамарь [Марджанишвили])* , которая как будто снова пришла в обитель. Когда власть захватили большевики, то, не смотря на все мои старания и борьбу, монастырь был закрыт. Меня выгнали из игуменских покоев чуть ли не с побоями, а комиссар, приехавший закрывать монастырь, со смехом лег отдыхать на мою постель в сапогах. После закрытия монастыря те сестры, которые остались в Грузии, продолжали считать меня своей игуменией и обращались за советом и благословением, приходили как изгнанники к изгнаннице».

После закрытия Бодбийского монастыря родственники игумении Нино предлагали ей поселиться в их доме и обещали предоставить одну из комнат в ее распоряжение, ничем не беспокоить и

* Игуменья Ювеналия (в схиме Фамарь [Марджанишвили; †1936]) была настоятельницей Бодбийского монастыря святой Нины до 1907 года. Затем она была назначена настоятельницей Покровской женской общины в Москве, а в 1910 году ею был основан Серафимо-Знаменский скит в Подольском уезде (ныне — в Домодедовском районе) близ Москвы.

не заходить к ней без спроса, чтобы она чувствовала себя там как в монашеской кельи. Но она отказалась жить рядом с мирскими людьми и попросила Каголикоса-Паприарха, чтобы он благословил дать ей приют в маленьком помещении на колокольне Анчисхатского храма. Эта каморка не отапливалась; там было полутемно, но игумения провела в ней много лет, как в затворе, до своей смерти.

Когда был открыт Бодбийский храм, Паприарх Ефрем благословил перенести туда ее тело с родского кладбища и предать земле недалеко от гробницы святой равноапостольной Нины — ее небесной покровительницы. Игумения Нино возвратилась в свой дом.

Один священник рассказывал, что уполномоченный по делам религии уговаривал его подтвердить письменно некоторые неблагоприятные факты, касающиеся епископа, которого уже перевели из епархии. Священник отказался сделать это и оказал неприятностей. Но, отпуская его, уполномоченный неожиданно сказал: «Я хочу поблагодарить вас за ваш ответ».

Глинский монах Илюдор после закрытия монастыря приобрел комнатку на окраине Сухуми. Соседкой его оказалась женщина сварливая и склочная. Она постоянно клеветала на отца Илюдора и однажды пожаловалась уполномоченному Лагвилава, будто бы монах Илюдор прозился убить ее. Уполномоченный, выслушав, сказал ей: «Вы расстроены? Я тоже расстроен. Сегодня утром меня так довела соседка, что я пошел за топо-

ром, чтобы зарубить ее; хорошо, что меня вовремя удержали». На этом разговор закончился.

Один престарелый протоиерей, который некоторое время работал в церковном издательстве, говорил: «В наше время стало модным составлять воспоминания в виде мифов. Хотя миф — красивая вещь, но далеко не безобидная. Многие усопшие, которые сами нуждаются в молитвах, из-за безответственности таких мифотворцев превратились в глазах наших современников в чудотворцев и святых. Еще до канонизации им составляются акафисты и пишутся иконы. Я читал такую биографию, вернее, агиографию, А. И., которого лично знал. Это был человек иезуитского склада мышления, жесткий и несправедливый к подчиненным; я боюсь, что дифирамбы в его честь преждевременны. Для грешного человека молитвы Церквии и близких — единственная надежда на спасение, а здесь у него самого просят молитв. Липить человеку духовной помощи более жестоко, чем отнять у голодного хлеб. Часто такие житийные апокрифы составляют родственники покойника, чтобы обратить внимание на самих себя, истеричные женщины, которые не считаются ни с чем, только бы увековечить память своего кумира, наемные писаки, готовые выполнять заказы на любую тему, лишь бы им заплатили. Разумеется, надо знать и помнить о современных нам подвижниках, и у нас есть книги о них, написанные на хорошем литературном и духовном уровне. Но необходимо навести в этом отношении порядок; такие материалы должны быть тщательно проверены и подтверждены, как бы отфильтрованы, а то

может возникнуть опасность девальвации самой святости».

Он говорил: «Что испытывает душа человека, находящегося в аду, когда его прославляют как святого? Я думаю, жгучий стыд за свою жизнь. Такие поклонники только прибавляют мучений к мучениям души усопшего. — И продолжал: — В одной из таких биографий я встретил выражение “адамант веры” и удивился, так как это имение дала Церковь только нескольким подвижникам. Где здесь чувство меры и христианская скромность?».

Он также сказал: «Жизнь святых разнообразна, но есть общий духовный облик святого как носителя благодати, при различных формах внешнего служения и многообразия подвигов. Это исполнение евангельских заповедей, самоотверженность и постоянная обращенность духа к Богу. А теперь этот образ святости может подвергнуться коррозии, стать чем-то обыденным и банальным».

Один неверующий человек рассказывал сыну случай из своей жизни. В 1917 году он учился в Тифлисском военном летном училище. Настал день, когда он должен был подняться на аэроплане в первый раз без инструктора. Друг в воздухе заглох мотор. Хотя в то время самолеты имели высокую планировочную способность и иногда удавалось посадить такой самолет прямо на поле, но все равно шансов спастись было мало. Этот человек начал читать молитву Божией Матери «Богородице Дево, радуйся», и вдруг мотор заработал снова. Летчик сделал несколько кругов над аэродромом и благополучно приземлился. Инструк-

тор, наблюдавший за полетом с земли, даже не понял, что случилось. Сын спросил: «Если ты неверующий, то как тебе пришла мысль о том, что бы обратиться к Божией Матери?». Отец ответил: «Я не думал ни о чем, это было какое-то инстинктивное действие». Сын опять сказал: «В трудную минуту у человека срабатывают инстинкты; почему тебе не представить, что это был как раз инстинкт жизни, который ты раньше подавлял? Ведь живые существа под действием инстинкта как раз совершают необходимые и целесообразные поступки в экстремальных ситуациях; значит, мысль о Боге жила в глубине твоей души, а твое неверие было поверхностным. На грани жизни и смерти проявляется самое глубокое, что заложено в самом человеке. Неужели этот случай прошел для тебя бесследно?». Отец ответил: «Признаться, я все-таки забыл о нем и вспомнил теперь в беседе с тобой. Может быть, это было самовнушение?». Сын сказал: «Ты просил и получил то, что просил, значит, здесь существует связь причины и следствия, к тому же самовнушением нельзя завести мотор». Отец ответил: «Я думаю, что это была случайность». Сын сказал: «Чтобы отделиться от Бога, вы выдумали какое-то учение, где все определяет случай; случай занял для вас место Творца и Управителя вселенной. То вы, апеллируя к науке, говорите, что все закономерно, то, когда видите чудо, о котором просили сами, скрываетесь от Бога за словом “случай”. Неверие может быть непроницаемо не только для доводов, но и для очевидности. Если бы неверующий увидел Христа, то мог бы сказать: “Это иллюзия моего сознания” или: “Этого толгография — пространственное изображение”.

Вера или неверие — прежде всего состояние человеческого сердца, в котором суммируется вся прожитая жизнь». Отец возмущился таким оборотом дела и сказал: «Общаться с Богом, Который допускает столько зла в мире, я не хочу, и если даже мне сейчас откроют рай, я туда не пойду». Сын ответил: «Что-то незаметно, чтобы ты болел о страданиях мира. Я видел тебя огорченным, когда у тебя украли любимую трубку. Чем ты пожертвовал, чтобы страданий в мире было меньше, чем ты беспокоил себя? Но ты нечаянно сказал правду, что ты не хочешь быть с Богом, а вернее, не хочешь, чтобы был Бог: в этом причина твоего неверия». Отец сказал: «Это говорит мой сын? Виню ваты те, кто оставил двенадцать действующих церквей в Тбилиси вместо того, чтобы давно закрыть их». На этом диалог закончился.

Тот, кто хулит святых, хулит Духа Святого, пребывающего в них, поэтому нередко такие кощунники бываюг наказаны, так сказать, на глазах у народа. После канонизации императора Николая II один из священников с насмешкой сказал: «Как будут писать икону царя Николая, с папиросой во рту?». Кара вскоре постигла его. В пути с ним случился инсульт, и он умер, не приходя в сознание.

Одиночество и келия — радость монаха. Если келия гонит его из себя и монаху скучно одному, то это значит, что он ищет унынием, приличивой и мучительной страстью, которую можно побороть только «выбивая клин клином» — терпеливым пребыванием в келии, хотя бы это было

так трудно, как лежать живым в гробу; и тогда уныние отступит и томление души сменится чувством покоя, а в следующий раз страсть уныния будет мучить меньше.

Один пустынный любил медленно читать Иисусову молитву. Он говорил, что в молодости спешил скорее окончить правило, а его старец, увидев, что он быстро перебирает узелки на четках, благословил его выделить для правила определенные часы и читать Иисусову молитву в течение этого времени, не обращая внимания на количество прочитанных молитв. Монах послушался его совета и стал молиться более углубленно.

Некий человек скорбел, что он потерял четки, которыми благословил его покойный духовный отец. Узнав об этом, иннок Виталий сказал: «Ты потерял четки, а не благословение старца». Тот спросил: «Как мне понять эти слова?». Монах ответил: «Ты потерял четки, сделанные из шерсти, а духовные четки — это благословение старца на непрестанную молитву. Оно не берется назад. Возьми любые четки, и благословение старца будет на них».

Некий монах сказал: «Я видел, как брат, читая Иисусову молитву по четкам, спешил и пропущал узелки, и я посчитал его воров молитвы».

Старец, стяжавший благодать Духа Святого, может сделать людей в какой-то мере подобными себе, а мы, немощные иноки, общаясь с мирскими людьми, делаемся подобными им.

Старцев рядом с нами нет, потому что мы бы все равно не слушались их и тем самым приняли большее осуждение.

Однажды в храме во время богослужения я видел двух монахов: казалось, что лучи из невидимого источника падали на их лица. Прежние подвижники источали свет; теперешние монахи любят рассуждать о духовном свете: их слышно, но света не видно.

Если сравнить жизнь древних отцов по описанию их современников с жизнью старцев последнего столетия, то мне кажется, что подвижники нашего времени особенно нуждаются в помощи Пресвятой Богородицы и все чаще вручают своих чад покрову и молитвам Божией Матери. Мне представляется, что древние святые были возмужавшими в боях воинами, которые идут на сражение по примеру своего отца, а современные подвижники подобны малым детям, которые ищут защиты от вратов у своей матери. Но это не значит, что перед Богом первые выше последних. В наше время монахи испытывают огромный натиск боготорческой силы как непосредственно от сатаны, так и от мира, окружающего их. Поэтому Господь будет судить их по произволению их сердец. Тешли по проложенной дорожке, держа друг друга за руки: кто падал, того поднимали, кто изнемогал, того несли на руках. А эти идут по тонкому боляту почти в одиночку. Можно ли сказать, что выше тот, кто прошел дальше? И они особенно чувствуют Материнскую любовь, полную сострадания.

ИЗРЕЧЕНИЯ ОЦЕВ

Монах Амвросий (Гвазав) сказал: «Наш иудеи говорят: не враги, а наши грехи закрывают храмы и монастыри. Разве Бог не в силах защитить свое достоинство? Но за наше нерадение Он предназначил нам спастись скорбями».

Говорил **схиархимандрит Андроник (Лукаш)**: «Смех, шутки и ласки — не дело монаха, это привички мира, от которого он отрезка. Если монах стяжает благодать, то и без шутливости и внешней ласковости в словах он сможет утешать людей».

Одна женщина сказала отцу Андронику: «Когда при мне осуждают людей, я сижу молча, не вступаю в разговор». Старец ответил: «Лучше бы ты сказала, что слушаешь молча, не пропуская ни слова. Тот, кто слушает клевету, сам становится участником клеветы, и то, что ты запомнила, в свое время перескажешь другим. Кто не смог удержаться слух, не сможет удержать и язык». Та сказала: «Отец, если я встану и уйду, то оскорблю человека». Отец Андроник ответил: «Лучше обидеть человека, чем Бога; лучше потерять дружбу, чем благодать».

Один монах спросил у отца Андроника: «Иногда я включаю телевизор, чтобы узнать последние известия, а затем выключаю его, что в этом плохого?».

Старец ответил: «Ты один раз выключишь телевизор, а в другой раз подумаешь: посмотрю еще немного, что там показывают, — и просидишь половину ночи, расматривая чебурашек. Вот диавол и поймал тебя. — Старец продолжал: — Монах, который смотрит телевизор, этим самым нарушает три обета: отречения от мира, целомудрия души и пребывания во внутренней молитве. Он трижды клятвопреступник, а ты еще спрашиваешь, что в этом плохого». Монах спросил снова: «А как же епископы смотрят телевизор?». Старец ответил: «А разве они заставляют тебя делать то же? Ты знай себя».

К монахине Аполлинарии пришла ее духовная дочь и спросила: «Что мне делать? Патриарх сказал мне, что Божия Матерь призывает меня в Дидубийский храм, и он назначает меня свечницей, а я сомневаюсь: призывает меня Божия Матерь или нет». Монахиня Аполлинария ответила: «Если даже Божия Матерь не призывает тебя, но ты поверишь слову Патриарха и пойдешь в Дидубийский храм, чтобы исполнить волю Царицы Небесной, то получишь такую же награду от Пресвятой Богородицы, как если бы Она действительно призвала тебя».

Архимандрит Варсануфий (Величко)* сказал: «В тропиках обитает особый вид амфибии. Эти существа живут в реках и маленьких озерах, а если водоемы высыхают, то они могут приспособо-

* Архимандрит Варсануфий (до принятия монашества протоиерей Вячеслав Величко; †1998) служил в храме святого благоверного князя Александра Невского в г. Тбилиси.

биться к другим условиям и жить на суше. Со временем у них отмирают жабры, и они уже не могут находиться в воде. Некоторые монахи после закрытия монастырей оказались в миру и приспособились к мирской жизни. Когда обители стали открываться, они уже не захотели вернуться туда. Когда я встречаю таких монахов, то вспоминаю амфибий, переживавших на сушу».

Сказал **иеромонах Василий (Пирцхава)**: «Самый страшный грех для монаха — блуд. Другие грехи, по сравнению с ним, — это пыль, которую легко сдуть».

Говорил он: «Я слышал от одного старца, жившего много лет на Афоне, что священник, который совершает блуд и при этом лигурирует, еще до смерти находится в аду. Когда он возглашает: “Мир всем” и “Благословение Господне на вас”, то Ангел аггара говорит: “Благословение от Бога народу, а тебе — проклятие”. Когда он причащается, то его душа становится черной, как сожженный уголь. Когда он кончает служить Литургию, то диавол подходит к нему и целует в губы как своего друга».

Он рассказывал: «Жили недалеко друг от друга два брата-монаха. Один пошел в город по каким-то делам и там пал. А другой видел во сне: бурлящее море, его брат-монах шел по скользкой скале и вдруг упал в пучину. Он стал кричать во сне: “Помогите!”, но море заглушило его голос».

Я спросил иеромонаха Василия: «А есть ли грех тяжелее этого греха?». — «Отчаяние и самоубийство, — ответил он. — Но чаще всего приводит монаха к отчаянию блуд». — «А за что попускается

впасть в блуд монаху, ведь он молится Богу и хочет спастись?» — «За непослушание и неисповеданные грехи». Я снова спросил: «А прощается ли этот грех священнику?» — «Пусть это решает архидиакон», — ответил он.

Спросили у **схиархимандрита Виталия (Сидоренко)**, что он нашел лучшего для спасения. Он ответил: «Молитву с покаянием».

Сказал схиархимандрит Виталий: «Некоторые пустынники прочитывают за сутки всю Псалтирь, а другие — одну кафизму читают двадцать раз. Я делал первое ради братии, но предпочитал второе».

Рассказывал схиархимандрит Виталий: «Когда мы в пустыне учились Иисусовой молитве, то читали, сколько молитв надо сказать, когда идешь от койки к наружной двери и от келлии до ручья. За трапезой, зачерпывая пищу из общей миски и донося ее до рта, мы приносили одну Иисусову молитву и время трапезы также измеряли числом Иисусовых молитв. Чтобы ум не был всегда напряжен, мы по временам пели словами Иисусовой молитвы на какой-нибудь покаянный мотив, но это ненадолго, а затем снова читали Иисусову молитву. Был еще у нас один обычай: пока братья работали, один читал вслух Иисусову молитву, чтобы поминать завет старца: “Молитва — дело, а работа — поделье”».

Говорил схиархимандрит Виталий: «Я видел людей, которые прочитали все, что было написано в “Добротолюбии” об Иисусовой молитве, и выучили это наизусть, но самой молитвы достигнуть

так и не смогли. Я видел и других, которые ничего не читали, а только вопрошали своего старца, и старец говорил им то, что нужно было для них. И за молитвы старца Господь давал им молитву».

Говорил еще схиархимандрит Виталий: «Сколько было в пустыне людей, которые не имели книг, а молитва, как река, текла в их сердце. Сама благодать учила их. Если сердце стужало чистоту и незлобие, то такое сердце само будет искать Бога, желать Бога, плакать перед Богом, и благодать войдет в него, как в свой дом».

Спросили схиархимандрита Виталия: «Какими признаками чистоты сердца?». Тот ответил: «Первая степень — это зрение своих грехов и плач о них; вторая — смирение перед каждым челоуком и незлобие чужих грехов. Еще более высокая степень — любовь к врагам, как к своим друзьям. А конца совершенства у чистоты нет».

Схиархимандрит Виталий сказал: «Когда я читал поминательные записки о живых и мертвых, то держу мысль, что их Ангелы-хранители молятся за меня в это время, и чтение записок меня не обременяет».

Отец Виталий сказал: «Бывает, что человек согрешит, и его преследуют тяжелые сны. Один брат рассказывал мне, что он увлекся нечистыми помыслами, а затем видит сон: стены его келлии — черного цвета, он подходит, трогает их и чувствует, что они обиты черной шерстью. Келлия была образом его души, этот сон призывал его к покаянию».

Рассказывал схиархимандрит Виталий: «Бесы искушают людей, живущих в миру, через помыслы,

а пустынноикам они являются в чувственных образах. Мы слышали по ночам рев зверей, крики людей, которые хотят напасть на наши хижины, стук шагов на чердаке, как будто кто-то ходит там; иногда мы видели, что к нам пришли посетить нас знакомые люди, но это оказывалось призраком. Я испытывал тяжелое искушение от бесов. Мне ночью во сне казалось, что мертвец наваливается на мою грудь, я не могу пошевелиться под его тяжестью, у меня немеет язык, я не могу произнести слова молитвы. Это продолжалось долго. Наконец, собравшись с силами, делаю мысленно крест, затем начинаю говорить: “Да воскреснет Бог” — и чувствую, что каменная плита сваливается с моей груди. Я написал своему духовному отцу об этом с просьбой, чтобы весь монастырь помолился обо мне. Невозможно представить ужас от приближения демона тому, кто не испытывал этого сам».

Еще рассказывал схирхимандрит Виталий: «Однажды зимой я вышел ночью из келлии и увидел большую собаку. Я стал звать ее, но она в ответ завyla. Я понял, что это волк, который готовится броситься на меня, и закричал: “Господи, молитвами отца моего духовного, схиипумена Серафима*, помилуй меня!” — и волк, как будто горимый невидимой силой, убежал в лес. Это был уже не призрак: наутро мы увидели на снегу волчи следы».

Отец Виталий говорит: «И в милиции есть добрые люди. Однажды, когда я странствовал, меня схватила милиция и била, а начальник засупилг-

* Речь идет о схирхимандрите Серафиме (Романове).

ся за меня и сказал: “Не бейте его сильно, а то он умрет, и тогда хлопот не оберешься”. Тогда меня перестали бить ногами, а только таскали за волосы и боролу».

Некий монах жаловался отцу Виталию, что брат, с которым он живет в одной келлии, сварлив. Отец Виталий сказал: «А мне везде и со всеми было хорошо». Монах удивился и спросил: «Объясни мне, что значат твои слова». Отец Виталий ответил: «С кем бы я ни был, я старался, чтобы не мне с людьми, а со мной людям было хорошо, и положил на сердце — отсекай перед каждым человеком свою волю».

Архимандрит Гавриил (Ургебадзе) говорил: “Если бы вы видели, какая благодать ходит на Литургии, то были бы готовы собирать пыль с пола храма и умывать ею свое лицо!”.

Спросили архимандрита Гавриила, когда будет конец мира. Авва ответил: «Двадцать четыре старца молятся, чтобы Господь скорее пришел на землю судить живых и мертвых. А двадцать четыре святых на земле молятся, чтобы Господь продлил время для покаяния. Среди них беганский архимандрит». Его спросили: «Там два архимандрита, который из них?». Авва ответил: «Довольно того, что я сказал, а больше говорить об этом не полезно».

Говорил **отец Георгий (Булккерия)**: «Вся философия и мудрость мира заключаются в Иисусовой молитве, поэтому монах — истинный философ (любитель мудрости)».

Сказал **Патриарх Давид (Девдариани)**: «Мать для своего ребенка — это стена нерушимая и стража неуслышная».

Говорил **Патриарх Ефрем (Сидамонидзе)**: «Если из двоих один умный, то ссоры не будет».

В Прощеное воскресенье Патриарх Ефрем сказал священникам: «Целуйте епитрахиль и престол, целуйте друг друга, согревайте друг друга теплом своей любви».

Перед смертью Патриарх Ефрем сказал: «Пора мне идти в свой последний путь. Я снимаю все наказания с тех, кого я наказал, я прощаю всех и прошу у тех, кого я обидел, прощения; весь суд я предоставляю Богу».

Митрополит Зиновий (Мажуга) сказал монаху, который спросил его, как спастись: «Когда ты находишься один в своей келии, то твори Иисусову молитву и отгоняй все помыслы, не только худые, но и добрые. Безмолвие монаха — это свобода от помыслов. Если будешь поступать так, то увидишь Промысл Божий в своей жизни». Повориги еще митрополит Зиновий: «Послушание выше любви, так как любовь без послушания оказывается страстью, а послушание, очищая душу человека, ведет ее к любви духовной. В гордом и непослушном сердце нет и не может быть любви; это самообман».

Спросил некий монах **митрополита Зиновия**: «Что выше: Иисусова молитва или Псалтирь?». Тот ответил: «Святые отцы сказали: “Одного держись и другого не оставляй”. Но Иисусова молит-

ва выше, она — сокровенная жизнь монахов». Помолчав, он продолжал: «Если ты читаешь Псалтирь или другие молитвы и в это время в сердце твоём пробудится Иисусова молитва, то оставь все молитвословия, отложи в сторону книгу и внимай Иисусовой молитве, пока ею не насытится душа и она не замолкнет сама собой». Монах рассказал об этом **схиархимандриту Виталию** и спросил: «А если я читаю правило к Причащению, то как мне быть? Должен ли я оставить его и заниматься Иисусовой молитвой?». Тот ответил: «Должен. У Апостола написано: *Духа не угашайте* *. Когда идет Иисусова молитва, то менять ее на другие — это угашать дух. Святые отцы сказали: “Кто творит в сердце Иисусову молитву, тот подошел к трону царя и беседует с ним, а кто читает книжные молитвы, тот вызывает к царю издала, как бы стоя за дверями”».

Митрополит Зиновий сказал: «После любодения, даже если оно не дошло до блуда, надо временно оставить Иисусову молитву, а вместо нее говорить: “Боже, милостив буди мне, грешному; Боже, очисти мя, грешного”».

Митрополит Зиновий говорил: «Не имей у себя никакой вещи или одежды того, к кому ты питаешь пристрастие, иначе эта вещь будет напоминать о грехе и станет для тебя преткновением».

Владыка Зиновий сказал: «До первого закрытия Глинской обители у нас монахи предпочитали читать “Дествицу” и другие святоотеческие книги на славянском языке, а когда им давали вопрос: разве на русском вам не более

* Фес. 5, 19.

понятно, — то отвечали: нет, на славянском нам понятнее».

Сказал митрополит Зиновий: «В юности я особенно любил читать творения Иоанна Златоуста: какая глубина у этого отца!».

Сказал митрополит Зиновий ученому монаху: «Старайся не читать книг иностранных писателей, хотя бы не находил в них ничего плохого. В этих книгах другой, тязельый, дух — так говорили наши старцы».

Сказал владыка Зиновий: «Не надо иметь ни к чему привязанности, даже к святыне»*.

Он же сказал: «Сберкасса, где я храню свои деньги, — это люди».

Сказал митрополит Зиновий: «Не рассказывай о своих плотских искушениях жещнице, даже имени: это будет неполезно для ее души».

Митрополит Зиновий сказал молодому монаху: «Бойся горячо молиться о тех, к кому ты питаешь плотское пристрастие: такая молитва неугодна Богу: в ней содержится тайный блуд. Вверь этого человека Промыслу Божию, а сам забудь о нем. Если исполнишь это, то за твою решимость Господь не оставит его Своей милостью и примет твое забвение как молитву».

Митрополит Зиновий сказал: «Невозможно, не исполнив послушания, сохранить душевный мир. Теряя послушание, монах теряет покой».

Сказал еще митрополит Зиновий: «Когда монах после многих искушений и падений решается жить в послушании, то он подобен слепцу, который прозрел».

* Под привязанностью здесь нужно понимать страстное отношение.

Митрополит Зиновий рассказывал: «Когда я пришел в Глинскую обитель, то там еще жили монахи, которые знали наизусть Новый Завет и Псалтирь. Один из них, слепой монах-псаломщик, ежедневно на литургии читал Апостол по памяти и ни разу не ошибся: он выходил на середину храма с зажженной свечой, а после чтения тушил ее и поднимался на клирос. Однажды свеча потасла во время чтения, и когда он по привычке стал гасить ее, то мы, молодые послушники, догадались, что старец был слепой. А теперь появился новый вид монахов, которые ни разу не прочитали Новый Завет от начала до конца, но зато они в курсе политики и знают, какие телепередачи по каким каналам идут, о чем пишут в журналах и газетах; они, бедные, сами того не понимают, что лишили себя духовной радости — этого богатства монахов, и проводят жизнь в теллохладности; их ни монахами, ни мирянами не назовешь».

Архимандрит Елисей из Ахерри сказал: «Творения Игнатия Брянчанинова — это предисловие к “Добротолюбию”».

Католикос-Патриарх Каллистрат (Цинцадзе) долго молился перед иконой святителя Николая, а затем сказал: «Ты архиепископ, а я Патриарх, поэтому услышь и исполни просьбу Патриарха». Католикос-Патриарх Каллистрат говорил, что Церковь сохранили Бог и простой народ.

Патриарх Кирион (Садзагливияли)¹⁵ сказал: «Я испытал голод и поэтому храню в своем патриаршем доме сухари».

Митрополит Константин (Меликидзе)* рассказывал: «Мне часто приходилось читать заклинательные молитвы над людьми, одержимыми демонами. Я из собственного опыта отчиток могу сказать, что демон особенно стращается молитвы к Архистратигу Михаилу и всем Архангелам Небесного воинства. Поэтому заклинательные молитвы я начинаю с мольбы к святым Архангелам и Ангелам».

Сказал **отец Парфений (Апциаури)**: «Монах за трапезой должен брать столько пищи, сколько нужно, чтобы покрыть дно тарелки».

У отца Парфения спросили: «Как заниматься Иисусовой молитвой?». Он ответил: «Когда я был молод, то старался найти время, чтобы уединиться, и, читая Иисусову молитву, клал множество поклонов. Теперь я большей частью читаю Иисусову молитву, сидя на стуле. Когда я с людьми, то творю ее в уме, когда один, то говорю ее тихо, вслух себе, а когда согревается сердце, то сижу и слушаю молитву; когда она замолкает, снова читаю ее шепотом вслух».

Еще говорил отец Парфений: «Молись, и сама молитва научит тебя молитве, только старайся читать ее внимательно и неспешно».

Отец Парфений сказал: «Если молитва не идет, то тащи ее» — «Что это значит, отче?» — спросили у него. «Если ты хочешь внимательно молиться, но не можешь, вспомни, какие грехи мешают тебе; покайся и молись снова. Если молитва опять не идет, то подумай, кого ты не простил от сердца.

* Константин (Меликидзе), митрополит Маргветский.

Прости их и снова молись. Если опять трудно молиться, то проверь себя: кого ты любишь больше других, о ком особенно заботишься? — Уравняй их в своем сердце с остальными. Если и это не помогло, то, значит, ты подвергся демонскому искушению; тогда встань и читай молитву вслух, хотя бы ум и сердце твоё были глухими, как камень. Только не оставляй места и не прекращай молитвы».

Отец Парфений сказал: «Во времена гонений, когда каждую ночь меня могли арестовать, молитва сама шла в сердце, как вода из источника». — «А теперь?» — спросили отца Парфения. «Теперь этот родник надо постоянно расчищать от песка, чтобы он не иссяк», — ответил старец. Возможно, под песком он подразумевал заботы и впечатления этого мира.

Отец Парфений сказал: «Демон всеми способами старается отвлечь монаха от его главного делания. Даже продолжительное чтение духовных книг бесполезно, если оно отвлекает ум монаха от молитвы. Я видел монахов, которые читали духовные книги часами с таким восторгом, с каким читают светские люди романы, но не исполнили того, что написано там, и говорил им, что они лучше променяли на худшее».

Говорил отец Парфений: «Некоторые монахи читают научную литературу, чтобы уметь говорить со светскими образованными людьми на их языке. Они не понимают, что ученые ищут у монахов не того, что знают лучше их, а того, чего не имеют сами, — духовности».

Сказал отец Парфений: «Монах, занимающийся наукой, занимается чужим делом: он перестает

быть монахом, а ученым не станвится. Делание монаха — творить в безмолвии Иисусову молитву».

Сказал отец Парфений: «Сколько книг написали люди и забыли о Книге книг — Святом Евангелии!».

Говорил отец Парфений: «Теперь ученых много, а монахов мало».

Отец Парфений сказал: «Монах должен подражать улитке: сидеть, как в раковине, в своей келии и молчать, а не переходить с места на место».

Отец Парфений сказал: «Разговоры о блудных грехах даже в целях назидания бесполезны. Они расстраивают раны души и ведут человека к падению. Грех блуда особенно опасен тем, что душа человека имеет тайную привязанность к нему; эта страсть может быть незаметной, как тлеющий уголек под пеплом».

Схиигумен Савва (Остапенко) говорил: «Один из признаков Иисусовой молитвы — это желание молчания и уединения. Тот, у кого в сердце имя Иисуса Христа, не говорит пышных слов и не повторяет одного и того же дважды».

Сказал схиигумен Савва: «Кто разговаривает во время богослужения, тот становится общником дьявола, который старается отнять молитву». Если отец Савва слышал разговор в алтаре во время службы, он резко, даже с гневом прерывал его. Когда во время службы что-либо спрашивали у него, то он не отвечал, а если повторяли вопрос, то говорил: «Во время Литургии совершается дело более великое, чем во время мироздания, а ты не понимаешь этого». Часто отец Савва отвечал на вопрос не

словами, а молитвой. Он говорил: «Я помолюсь, и тебе будет дан ответ».

Отец Савва говорил: «Дьявол искушает духовное чадо против своего отца, влагает в сердце беспричинную злость, иногда даже имя духовного отца вызывает раздражение. Ни в коем случае нельзя скрывать это состояние от духовника. Надо бежать и исповедоваться у него; тогда дьявол будет поспрамлен. Если станешь скрывать, то такие состояния будут повторяться все чаще и превратятся в подлое болезни. Одна моя духовная дочь говорила: "Отче, я ненавижу тебя". Я ей ответил: "Нет, ты любишь меня, это дьявол ненавидит меня, а ты спугала его голос и внушения со своей душой"».

Сказал схиигумен Савва: «Духовный отец дан для спасения, а не для дружбы».

Отец Савва говорил: «Тот, у кого открыто сердце к духовному отцу и в душе нет лицемерия, за короткое время получает около него больше благодати, чем другие за несколько недель».

Сказал отец Савва одному беспокойному неромонаху: «У тебя стол ломится от непрочитанных книг, а ты еще ищешь новых».

Схиархимандрит Серафим (Романцов) сказал: «Тем, кто занимается Иисусовой молитвой, хорошо иметь дома большую икону Спасителя. Начиная молитесь с поклонами перед ней, но затем, продолжая молитесь, смотрите не на икону, а в свое сердце. Если молитва ослабнет, то снова взгляните на икону, а затем опять заключайте ум в слова молитвы. Для Иисусовой молитвы надо войти внутрь себя и пребывать там».

Отец Серафим говорил: «Единственный подвиг для юных — это послушание. Подвижничество без послушания — ходьба на ходулях».

Отец Серафим рассказывал: «Крестное знамение убивает не только духовную, но и телесную заразу. Во время войны я находился вместе с разными больными, у них от болезни были гнойные язвы на лицах. Нам приходилось есть из одного котла. Я трижды осеял пищу крестным знаменем и ничем не заразился».

Сказал отец Серафим: «Мужественного послушника наказывай строго, а немощному — уступай. Теперь люди стали немощными, быстро оскорбляются и унывают. Я предпочитаю делать замечания только в самых необходимых случаях». Одной матери, жалующейся на детей, отец Серафим сказал: «Ты хорошо помнишь заповедь: “Что отца и мать свою”*, а забыла о другой: “Родители, на раздражайте своих чад”**».

Монах спросил у старца Серафима: «Что такое исповедание помыслов и чем оно отличается от покаяния?». Старец ответил: «Покаяние — это исповедание своих грехов, а откровение старцу помыслов — основа монашеского послушания. Здесь надо открывать свою душу, рассказать не только о худом, но и о том, что кажется тебе добрым. Особенно будь осторожен, если какой-то гололос шепчет тебе: “Умолчи, не говори об этом старцу”. Часто под видом добра скрывается дьявольский обман, и демон боится, что ты будешь предупредить старцем об опасности. Дьявол похож на пти-

* См.: Втор. 5, 16.

** См.: Еф. 6, 4.

целова, который разбрасывает зерна под сетью, чтобы потом поймать птицу. Не обманывай себя тем, что ты скрыл самое малое, в духовной жизни нет маловажного».

Схиархимандрит Серафим сказал: «Когда человек обращается к святым больше, чем к Богу, то святые негодуют на такую молитву». Он сказал: «Я видел монахов, которые раскрывали кагендарь и призывали по порядку всех святых, делая при этом земные поклоны. Это отнимало у них время, нужное для исполнения монашеского правила. Я за прещал им такое ежедневное прочитывание годового месящелова с обращением к каждому святому и благословлял заниматься Исусовой молитвой».

Отец Серафим как-то сказал: «Гневливый духовник — это постоянная епитимия для чад (за их грехи)».

Иеромонах спросил у схиархимандрита Серафима о пустынноике, который во время молитвы представлял в своем воображении лики Христа и святых. Иеромонах хотел узнать, можно ли спать при таком (запрещенном отцами) образе молитвы. Отец Серафим ответил: «Спасется он или нет, я не знаю, но достигнуть высоких духовных степеней при неправильном молитвенном делании нельзя. Воображение — свойство души, а не духа, оно связано со страстями. Святые отцы сравнивают такую молитву с глубокой ночью, где нет света; человек не знает, куда он идет, получает удары от врата, но не может ответить и даже уклониться от них». Иеромонах сказал: «Я пробоваг переубедить его, но бесполезно, он говорил, что научился так молиться от своего духовного

отца, которого считает великим». Отец Серафим ответил: «Воображение духовного мира может вызывать у человека чувство тайной гордости; ему начнет казаться, что он действительно во время молитвы видит этот мир. Многие извапавших в предельно молитвенной молитвой. Во всяком случае, если этот пустынный и не в предели, то он на опасном пути».

Иеромонах спросил о том же у **схимума** **Саввы**. Тот сказал: «Ты меня не спрашиваешь, а испытываешь. правильно ли отвечаю; ты пришел меня проверить, а про пустынного уже тебе ответили; впрочем, ты и сам читал о такой молитве в “Добротолюбии”. — Затем сказал: — В духовной жизни опасно не только вообразить, но и лукавить перед старцем». Иеромонах сконфузился, но смалодушествовал и не признался, что это так, а сказал: «Я хотел узнать, не бывает ли здесь исклочений». Тот ответил: «Если у монаха детская простота, он поверил своему отцу и припоминает некоторые видимые им изображения, то Господь может принять такую молитву как исклчение».

Схирихмандрит Серафим сказал: «Блажен, кто скоты милует, но скажен*, кто скоты любит и этим сравнял их с человеком».

Игумена Олыгинского монастыря **Ангелина** говорила: «В молодости монах борется со страстями, а в старости страсти сами оставляют его. Это вовсе не одно и то же. Лучшее время для монаха — это юность».

* Скаженный (простореч.) — бешеный, сумасшедший.

Говорила игумена Ангелина: «Ложное бесстрашие хуже явных страстей. Борьба со страстями может привести к победе, а ложное бесстрашие ведет человека в яму, которую вырыл для него сатана». Игумена Ангелина рассказывала: «Послушница пришла ко мне и говорит: «Матушка, благословите ехать сегодня в город на рынок». Я ответила: «Поедешь завтра». А она продолжает настаивать: «Нет, матушка, благословите ехать сегодня». Я ответила: «Чудо, это будет не моим, а твоим благословением. Ты через меня хочешь исполнить свою собственную волю»».

Монахиня Валентина сказала: «Пост для нас — время искушений; сестры, будьте осторожны, не бросайте слова, как зажженные спички, чтобы не было пожара в монастыре. А если сестра по немоти будет ругаться и браниться, то не спорьте с ней и утешайте ее; она скоро поймет, что это было искушение от диавола, и покается».

Монахиня Валентина говорила: «В девичьем монастыре должен служить не молодой иеромонах, а старый иерей, чтобы он не искушал нас и сам не искушался».

Схимонахиня Зосима говорила: «Сколько раз обманывал вас диавол, а вы все равно верите ему».

Говорила схимонахиня Зосима: «Плотская любовь духовно отдаляет людей друг от друга. Когда проходит пристрастие, то такие люди становятся чуждыми и неприятными друг другу. Прех не соединяет, он только разделяет».

Сказала мать Зосима: «Образ греха помнится долго, а горечь духовной потери (после греха) забывается скоро».

Говорила мать Зосима: «В общении монаха с монахиней невозможно избежать пристрастия. Особенно ясно видят это те, кто живет в пустыне: для них даже краткий разговор или страстный взгляд может оказаться глубокой раной, с которой они возвращаются в свои кельи. Иногда монах целые годы борется со страстным воспоминанием».

Говорила еще мать Зосима: «Страстная приязанность начинается как духовная любовь, продолжается как лихорадка и оканчивается чувством пустоты и досады о потерянном времени».

Мать Зосима сказала: «Монах, сохранивший чистоту души, всегда радостен, как ребенок; а осквернивший душу свою нечистыми помыслами и словами — беспокоен, тревожен и уныл».

Схимонахиня Зосима сказала: «Я люблю читать часы в храме, когда бываю в городе, но меня заставляют еще читать поминальные записки; это меня обременяет, я готова копать землю или носить камни, но не отвлекать ум от Иисусовой молитвы».

Игуменья Самгаврского монастыря мать **Зоили** сказала: «Я монахиня с юных лет, рука мужичины никогда не касалась меня, но я прошу Господа, чтобы Он помиловал меня, как блудницу, которая помазала Его ноги миром, смешанным со слезами».

Мать Зоили говорила: «В молодости меня боляли страсти, и я после вечерних молитв тайно шла ночью на гору к Иоанно-Зедазенскому монастырю, молилась у его стен, а затем возвращалась в свой монастырь к утренней службе. Я плала со слезами, а возвращалась с радостью, словно ночью свою оставила у преподобного*».

Спросили у матери Зоили: «Не мешают ли тебе молитве миряне, которые приходят в монастырь и ищут беседы с тобой?». Она ответила: «Мне будет большей помехой в молитве, если я не прииму человека, и он уйдет неутешенным и оторченными».

Спросили мать Зоили: «Не теряешь ли ты внутреннюю молитву во время бесед с мирянами?». Она ответила: «Когда я беседую с миряном, то больше слушаю, чем говорю. В это время я молюсь за себя и за него и произношу Иисусову молитву со словами: “помилуй нас”, а иногда — “ради его молитв, помилуй нас”».

Мать Зоили говорила: «Хорошо монахиням по ночам петь акафист Божией Матери; монахини должны знать этот акафист наизусть».

Матери Зоили сказали: «Мы не видели тебя разгневанной; но что бы ты сделала и как бы ты поступила, если бы увидела дерущихся между собой сестер?». Та ответила: «Я сказала бы им: “Если вы хотите драться, то деритесь подушками”».

Спросили у матери Зоили: «Чем вы питались в эти голодные годы?». Она отвечала: «Мы испытывали нужду, но не голод. Когда у нас кончалась пища, то Господь чудесным образом присылал ее,

* То есть у преподобного Иоанна Зедазенского.

присылал, когда было необходимо и сколько нужно». К этому она добавила, слегка улыбаясь: «Если монахи и волки будут спать по ночам, то останутся голодными» (это она говорила о ночной молитве).

Говорила мать Зоили: «Игуменья монастыря — Божия Матерь, а я только трапезарница, которая разделяет между сестрами хлеб».

Мать Зоили сказала: «Я хотела бы мыть посуду после трапезы сестер, но они не позволяют мне этого, и я слушаюсь их».

У матери Зоили спросили: «Кого ты приговорила своей преемницей?». Она отвечала: «Когда я буду умирать, то поставлю игуменский посох у моей келии: кто хочет, пусть возьмет его».

Спросили старца: «Какая опасность в Иисусовой молитве?». Тот ответил: «Чувственное предствление Бога; замена молитвы рассуждениями; забвение о том, что молитва — это предстояние перед Богом; нерадение и леность; искание особых духовных ощущений; гордость и тщеславие своей молитвой; желание сразу же достигнуть высоких духовных степеней; незнание учения святых отцов об Иисусовой молитве, которое содержится в “Добротолюбии” и в книгах святых последнего времени, особенно у святителей Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника». Вновь спросили его: «Какие признаки неправильной Иисусовой молитвы?». Он ответил: «Гордость, желание фантазировать, гнев и раздражительность, плотские страсти, которые нередко кончаются падением; непослушание, недоверие духовному отцу и постоянное же-

дание сменять своих наставников, как будто те не имеют правильных духовных понятий; повелительный тон голоса в обращении с людьми; неспособность молча стерпеть обиду и выслушать возражения, а тем более укоризны. Об этом лучше всего написано у святителя Игнатия (Брянчанинова)».

Старец говорил: «Для Иисусовой молитвы нужно молчание. Каждый день отвоевывай у мирских забот время, хотя бы час молчания».

Старца спросили: «Что я должен отвечать, если человек просит меня научить его Иисусовой молитве?». Тот отвечал: «Это дело тех, кто сам прошел путь молитвы и подвижничества. Мой старец вместо ответа открывал “Добротолюбие” или “Лествицу” и читал по книге то, что нужно было сказать, а иногда предлагал посетителю самому прочитать отмеченные места вслух».

Одного старца спросили: «Что самое главное в молитве?». Тот ответил: «После веры — внимание, оно необходимо всегда как первоначальным, так и великим подвижникам».

Отцы говорили: «Не бойся наказывать непослушного и преврать клеветника — это для них полезно».

Линские старцы говорили: монах-блудник — брат Иуды; Иуда предал Христа, Второму Ипостась Святой Троицы, а блудник предаст Третью Ипостась Божества — Духа Святого. Старцы сказали: дети монахов обычно рождаются большими, и потомство их вымирает на втором или третьем поколении.

У старого пустычника спросили: «Неужели все пустычники спасутся?». Тот ответил: «Не в моей мере ответить на этот вопрос; но наши отцы говорили, что не спасется в пустыне еретик, находящийся в прелести, и непослушник, дерзко нарушающий благословения и епитимии духовного отца. Они прокляли сами себя».

Его спросили: «А пустычники, нерадивые или боримые страстями — спасутся?». Он ответил: «Пустыня или исцелит, или изгонит их». Его опять спросили: «А гордые?». Он ответил: «Духовная гордость в пустыне быстро переходит в прелесть и даже явную одержимость. Как в жарком климате скоро растут и пшеница, и плевелы, так в пустыне развивается и хощее, и худое. Отцы сказали: пустыня делает из человека или Ангела, или демона. Однако духовная гордость не всегда распознается сразу, она скрывается вначале под видом добродетели и прежде всего прячет себя от самого человека. Но бывает и обратное. Я хочу рассказать вам об одном случае. Однажды я встретился в долине с монахом-пустынником, у него был удрученный вид. Мы разговорились с ним. Он сказал: «Отец, я погибаю от гордости». Я спросил его, в чем дело. Он ответил: «Меня одолевают помыслы, которые говорят: ты святой, ты равен Макарию Великому, ты приобрел дар прозорливости и исцелений, иди в мир и твори чудеса. Я вижу перед глазами картины, будто прокручивается киноматографическая лента или раскрываются страницы книги: вот я проповеду слово Божие по городам и селам, обращая множество людей в христианство, прихожу к нашему уполномоченному и открываю все его грехи, исцеляю детей секре-

таря ЦК партии, и они принимают Крещение; после этого иду в храм, а за мной — целая толпа народа; меня насильно делают священником, а затем, по просьбе людей, исцеленных мной, — епископом. Иногда помыслы прямо кричат мне в уши: ты святой, ты святой». Я спросил его: «А ты пробоваг творить чудеса?». Тот ответил: «Что ты говоришь, какие чудеса, я погибаю от гордости». Я ответил ему: «Брат, не печалься, твое положение вовсе не погибельно. Сатана искушает тебя гордыми помыслами. Ты не исполняешь их, знаешь, сопротивляешься демону; ты получишь награду за борьбу. Я слышал, что ты в молодости был на войне. Сколько времени мучают тебя помыслы, столько же лет прибавляется к твоему фронтovому стажу. Иди спокойно в свою келью и радуйся о Господе».

Он добавил: «Духовный гордец считает всех гордыми, а себя смиренным». Его опять спросили: «Почему те, кто пребудет в пустыне до конца, спасутся?». Он ответил: «Жизнь пустыни сама по себе тяжела и сурова. Если человек до старости решается перенести эти труды — он мученик; если он болует и не уходит из пустыни — он мученик; если его убьют разбойники или загрызут дикие звери — он мученик. Я видел монахов, которые не могли искоренить некоторые из своих страстей, в том числе осуждение. Но Господь перед смертью как бы преображает их: они казались в своих грехах и умирании, получив залог прощения. Наши отцы говорили, что монахи, которые многие годы жил в пустыне, а затем добровольно покинул ее, подобен потерявшему все свои богатства мореплавателю, которого волна выбросила на чужой

берет, — он остался жив, но уже не найдет того, что потерял».

Его спросили: «А в каких случаях человеку можно покинуть пустыню?» Он ответил: «Приблудная собака еще не принадлежит хозяину, она только забежала во двор. Человек, случайно пришедший в пустыню или поселившийся там без благословения и духовной подготовки, еще не пустынный. Но все же лучше не покидать пустыню так же самовольно, как пришел, а потерпеть скудость жизни и искушения на месте, а затем решить, что делать, с совета старца или старших братьев пустынников».

Сказал старец: «Современные монахи потеряли прежнее монашеское благородство. Раньше монахи не смотрели в лицо друг другу, не выжидали голоса. Они заканчивали даже краткий разговор словом “простите”, потому что чувствовали свою преховность и боялись невольно каким-нибудь неосторожным словом или даже тоном голоса оскорбить или огорчить человека, а теперь монахи говорят “простите” по привычке, не понимая даже смысла этого слова, а иногда даже с озлоблением, как бы: “Отстань от меня; не твое дело”. Раньше говорили слово “простите”, помня, что всякий человек — образ Божий и то, что мы сделаем для человека, — следом для Христа: если мы оскорбили человека, то оскорбили Христа; а теперь слово “простите” стало только привычкой, его говорят, как поугай, сами не зная зачем».

КОГДА Я ДУМАЮ О ПРОШЛОМ

Когда я думаю о прошлом, то оно представляется мне каким-то списком убытков и счетов потерь. Это отчет в прожитой жизни перед самим собой. А что откроется в вечности, когда обнажатся темные глубины души, — кто знает? Если я спрошу себя, о чем я сожалелю больше всего, то, пожалуй, отвечу: не столько приходится сожалеть мне о своих грехопадениях, которые неизбежны для гордого духа, сколько о другом.

Господь дал мне возможность, которая уже не может повториться: встречи и общение с людьми, связанными то, что потерял наш праотец, — блудать. В этих людях чувствовалась неземная сила, они излучали какое-то непостижимое духовное тепло. Самой жизнью своей они свидетельствовали о Боге, как лучи — о существовании солнца, в сердцах своих неся свет, зажженный от Фаворского света. Они имели то, о чем позабыл мир, что так трагически потеряло человечество, — святость.

Я был рядом с этими людьми, видел их, беседовал с ними, чувствовал исходящую от них благодать, ту особую мудрость, которая не только знает, но и видит. Я ощущал силу их молитв, проникновенность слов и в то же время, как это ни странно, не дорожил встречами с ними, встречами, которые и по сей день остаются величайшими событиями в моей жизни. Я думал, что они будут

всегда, что общение с ними не дар Божий, а обыкновенность и повседневность. Я не дорожил ими, и это одна из самых больших ошибок в моей жизни. Я не взял у них то, что они предлагали мне. И более того, — какая слепота! — я думал, что знаю творения аскетов и патерики лучше них, и часто заменял общение с ними книгой, которую читал через призму своих страстей.

Они хотели передать мне то, что стяжали великими трудами, борьбой с грехом и послушанием своим старцам. Но я ничего не смог приобрести от их богатства, потому что моя гордость, как стена, стояла между нами. Старец, стяжавший благодать, хочет поделиться ею, он радуется, если подходит душу, способную принять это сокровище, радуется так, как будто приобретает сам.

Другие были послушнее меня, по своей простоте они в большей степени смогли перенять дух старцев. Но, хотя я ни в коем случае не осуждаю их, мне кажется, что и это было лишь гусклым отражением. Они переняли больше, чем я, но и это «больше» оказывается очень немногим.

Преподобный Макарий Великий говорил: «Я не монах, а только видел монахов»*, хотя сам был яркой звездой на небе Фиваиды. Что же сказать нам? На наших глазах ушли последние духовные старцы. Это было уже не оскудением, а катастрофой. Старцы походили на земных Ангелов. Свойство Ангела — смирение. Ангел — невидимый плотскими глазами дух; и они старались быть невидимыми и незнаемыми для этого мира. Лишь

* См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Макарии Египетском, 2. С. 573–574.

тот, кто имел духовные очи, мог увидеть их истинное величие и красоту. Только после их ухода в вечность я понял, что мог бы иметь и что потерял.

Трагизм положения современного монашества состоит в том, что оно практически не имеет ставников, которые бы занимались в течение своей жизни деланием Иисусовой молитвы и очищением сердца. Но был момент трагизма и в жизни последних старцев: они не находили себе искренних учеников и послушников, тех, кто мог бы заменить их, воспринять их опыт и стать наследником их благословений. И эти старцы чувствовали себя одинокими — не в нашем понимании этого слова: их душа всегда была с Богом, — но чувствовали себя одинокими, подобно престарелому царю, который не может найти себе преемника и не видит руки, способной удержатъ его скипетр.

Около старцев был народ. Но им приходилось говорить с людьми на их детском языке, а самого сокровенного передать они не могли. Древние отцы как бы продолжали жить в своих учениках; а эти старцы уносили сокровище, которое стяжали, с собой в могилу, отдав людям лишь самую малую его часть, потому что удержатъ больше те не могли. Если бы я смог тогда прозреть в этих старцах духовную силу, способную дать жизнь моему сердцу и преобразить меня, то, наверное, смотрел бы на них, как нищий на богачей, стараясь бы слушаться их, как посланников Божиих, служить им, как своим господам; хватал бы на лету каждое их слово, как в древние времена люди хватали золотые монеты, которые бросал в толпу при выезде царь. Однако их слова казались мне слишком простыми. И они ушли из этого мира, оставив

в моей душе только печаль о моей слепоте. Но нет: еще эти люди оставили мне и миру свои имена и свои могилы. Может быть, через молитву к ним или молитву о них я невидимо встречу с ними, и они без слов скажут мне то, что я не спросил у них при встрече. Или напомнят о том, что услышал, но оставил, уввы, без внимания и позабыл.

Как говорит Ездра, сама земля утомилась от времени и наших грехов, и дети будут рождаться более слабыми и хилыми, чем их отцы*. Символично это значит, что люди не смогут достигнуть той духовной высоты, какой достигали прежние подвижники, оскудеет дух благочестия, они будут рождаться и расти в атмосфере, отравленной грехом. И действительно: теперь уже нет таких старцев, как прежде; они ушли, оставив после себя какую-то невосполнимую, зияющую пустоту.

Кончилось время гонений, стали возрождаться монастыри, появилось новое поколение монахов, среди них много искренне верующих, добрых и преданных Церкви людей. Но когда при Зоровавеле возвратившиеся из плена жители Иерусалима построили новый Храм и народ ликовал, то несколько стариков, видевших в детстве Храм Соломона, плакали и от радости, что воздвигается святилище, и от скорби, что красота и великолепие прежнего Храма уже не повторятся.

Быстро меняется мир. Два поколения прошли перед моими глазами, и мне снова хочется повторить слова Макария Великого: «Я не монах, но видел монахов». И за это я благодарю Бога.

По сравнению с ушедшими старцами, даже лучшие из монахов нашего времени похожи на

* См.: 3 Езд. 5, 52–53.

угли, тлеющие в золе. Однако и эти угли еще излучают тепло, и хотя они не ярко пылающий огонь, около них все же можно не погибнуть от духовной стужи. По сравнению с прежними старцами, теперешние отцы похожи на тусклый свет ночника: он — не дневной свет, но и при его мерцании можно как-то различать очертания предметов, можно отличить дорогу от зарослей кустарника и рвов. Поэтому современные монахи, скорбящие, что уже нет старцев, должны осознать: как и мы, они не смогли бы воспринять дух прежних отцов; но пусть они дорожат теми, кто еще находится рядом с ними.

Сегоднешние наставники не имеют силы уже ушедших. Дух мира в большей степени тяготеет над ними, но и около них можно спастись. Когда же уйдут и они, в мире станет еще темнее и еще холоднее, и многие с горечью скажут им вслед: «Почему, почему мы не взяли от них хотя бы те крохи, которые они имели!...».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Схигумен Савва (Остапенко; 1898–1980) родился 6 декабря 1898 г. в станице Новомигской на Кубани в благочестивой крестьянской семье и был наречен Николаем. Желание иноческой жизни прообудилось в его душе еще в детстве. Однако возможность исполнить это желание Господь даровал ему не скоро. В 1911 г. Николай окончил двухклассное училище Министерства народного просвещения. С 1916 г. проходил службу в армии и в 1923 г. завершил курс обучения в Московском военно-инженерном училище, получив специальность техника по возведению оборонительных сооружений. После этого работал на производстве и продолжал учиться, так что к 1932 г. окончил строительный техникум по специальности «инженер-строитель».

Только после окончания войны, когда в стране вновь стали открываться храмы и духовные учебные заведения, когда открылась Троице-Сергиева Лавра, Николаю удалось наконец исполнить то, к чему стремилась его душа. В 48 лет он оставляет профессию строителя и поступает в Московскую Духовную семинарию. Учебу в ней он завершил в 1948 г. и тогда же был принят в число братьев Лавры. Осенью того же года состоялся его постриг в мантию с именем Савва — в честь преподобного Саввы Сторожевского. В 1952 г. отец Савва был рукоположен в сан иеромонаха и исполнял возложенное на него послушание лаврского эконома.

В 1955 г. указом Святейшего Патриарха Алексия I он был переведен в Пеково-Печерский монастырь, в котором по 1957 г. являлся благочинным. В 1958 г. отец Савва был возведен в сан игумена и награжден правом ношения креста с украшениями. Тогда же он был назначен временным настоятелем храма в честь Казанской иконы Божией Матери в Великих Луках; затем некоторое время настоятельством в храме святого великомученика Георгия Победоносца в селе Паплицы, в 30 километрах от Пекова.

В 1960 г. игумен Савва возвратился в Печерскую обитель и по-прежнему исполнил чреду священнослужения, а также возложенные на него хозяйственные обязанности. Кроме того, он помогал и в различных строительных и реставрационных работах, связанных с благоустройством монастырских храмов. 16 августа 1973 г. наместником обители архимандритом Алипием (Бороновым) отец Савва был пострижен в схиму без изменения имени, но на этот раз — в честь преподобного Саввы Овященного.

Можно сказать, что вся жизнь старца была непрестанным подвигом служения Богу и людям. Он был известен как замечательный духовник, способный утешить, ободрить, а самое главное — помочь человеку в ходе исповеди буквально переродиться. Был отец Савва вместе с тем и неустанным проповедником слова Божия, и духовным писателем, простым, доступным языком разъясняющим людям святоотеческое учение о спасении. Но более всего привлекала к старцу людей слава о нем как об удивительном молитвеннике, смиренном, но дерзновенном ходатее пред Богом о людских горестях и нуждах. Сохранилось немало воспоминаний духовных чад отца Саввы о случаях чудесной помощи Божией по его молитвам.

В конце 70-х гг. здоровье старца серьезно пошатнулось, им все больше стали овладевать недуги. 26 июля 1980 г. он был соборован, затем причастился Святых Христовых Таин. На другой день он вновь причастился, а после этого наместник архимандрит Лавриил (Стеблоченко) по завершении канона на исход души прочитал над ним отходную молитву, и в 9 часов утра схигумен Савва отошел к Богу. Отпевание его совершалось 30 июля в Сретенском храме обители, причем на нем присутствовало множество почитателей почившего старца и его духовных чад.

Завещание, составленное отцом Саввой еще за три года до блаженной кончины, содержит в себе наряду с прочим и такие строки: «Прежлонный возраст и болелени предвещают мне близкую кончину, мое преселение от временной жизни в жизнь вечную. Перехожу в иной мир с надеждой на поминование предстательством Пресвятыя Богородицы и Всех Святых. Вышшим для себя служением почитал быть рабом всех православных христиан. Воистину, возлюбленные

отцы и братья во Христе, не было и нет в моем сердце оторчения ни на кого из вас. Я с любовью прощаю всем все, простите и вы меня, недостойного, искренне любящего вас. Прошу вас, сотворите любовь, не лишите меня последнего благоденствия — ваших святых молитв о мне ко Господу. Если я обречу у Господа дерзновение, то надеюсь ходатайствовать пред Ним за всех вас, и особенно за тех, кто будет поминать меня в молитвах»*.

² **Каголикос-Патриарх Илия II** (Шиолашвили; 1933 г. р.) родился в г. Орджоникидзе. В 1956 г. окончил Московскую Духовную семинарию, а годом позднее, будучи уже студентом Московской Духовной Академии, принял монашеский постриг и Патриархом Алексием I (Симанским) был рукоположен во иеромонаха. В 1960 г. окончил Академию со степенью кандидата богословия. В 1963 г. состоялась его хиротония во епископа Шемокведского, викария Каголикоса-Патриарха Ефрема II. С 1967 г. — правящий архиерей Сухумо-Абхазской епархии. С 1963 г. исполнял и обязанности ректора Пастырских курсов, а затем, с 1969 г., — Мпхетской Духовной семинарии. С 25 декабря 1977 г. по сей день возглавляет Грузинскую Православную Церковь.

³ **Митрополит Тетрицкаройский Зиновий** (Мажуга; 1896–1985) начал свой монашеский путь в Глинской пустыни. Поступил в обитель в 1914 г. В 1921 г. был пострижен в монашество с именем Зиновий.

После закрытия Глинской пустыни поступил в Драндский монастырь. Там в 1924 г. епископом Пятигорским Никоном был рукоположен во иеродиакона, а в 1926 г. — во иеромонаха.

С 1925 по 1930 г. отец Зиновий служил в Сухуми, затем — в Ростове-на-Дону, где и был арестован. В заключении встретился с отцом Серафимом (Романшовым). С 1942 по 1945 г. отец Зиновий служил в Тбилиси, в Сионском Успенском соборе, был духовником скита святой Ольги в Мпхета. В 1945 г. был возведен в сан игумена.

* См.: У “пещер, Богом зданных”. Печерско-Печерские подвижники благочестия XX века. М., 1999. С. 438.

С 1945 по 1947 г. служил в с. Кирово, в Армении, затем, по 1950 г., в Батуми. В 1950 г. он был назначен настоятелем тбилисского храма во имя святого благоверного князя Александра Невского и возведен в сан архимандрита. С 1952 г. — член Святейшего Синода Грузинской Православной Церкви.

За свою подвижническую жизнь и труды на благо Церкви отец Зиновий в 1956 г. был рукоположен во епископа Тетрицкаройского, а в 1972 г. возведен в сан митрополита. «Это был старец высокой духовности; его душа была озарена благодатью, обильно изливавшейся на всех, притекавших к его духовному окормлению. Имел во всей полноте дар прозрения, митрополит Зиновий вопрошавшим его открывал волю Божию. Богослужения он совершал с таким благоговением, что схирхимадрит Андроник (Лукаш) писал: “Сколько мне радости, что Господь сподобил меня помолиться в церкви со святителем нашим”.

Неразрывно духовно связанный с братией Глинской пустыни, владыка Зиновий писал, что “всегда молился и призывает благословение на всех Глинских”, и сам просил их молить»*.

Достигнув глубокой старости, владыка Зиновий много болел. И уже на закате своей жизни он принял постриг в схиму с именем Серафим, в честь преподобного Серафима Саровского.

Скончался он 8 марта 1985 г. и был погребен в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского, где духовно окормлял свою пастырь на протяжении тридцати пяти лет.

⁴ **Каголикос-Патриарх Мелхиседек III** (Пхагадзе; 1876–1960) родился в Тифлисской губернии в семье псаломщика и в крещении был наречен Михаилом. Его отец, будучи человеком небогатым, стремился, однако, дать своим детям образование. Когда Михаилу исполнилось девять лет, он был отдан в Духовное училище, а затем продолжил свое образование в Тифлисской Духовной семинарии и

* *Архимандрит Иоанн (Маслов)*. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI–XX веках. М., 1994. С. 538.

Казанской Духовной Академии, которую окончил в 1900 г. со степенью кандидата богословия. Еще в период обучения в Академии будущий Патриарх занимался магистерской, причем сохранил любовь к точным наукам и в последующие годы.

По завершении образования Михаил какое-то время работал преподавателем в духовных школах. Затем, в 1915 г., принял священство и служил в Подольской епархии, а позднее, когда Грузинская Церковь восстановила свою автокефалию, возвратился на родину. Овдовев, отец Михаил в 1925 г. принял монашество с именем Мелхиседек и в том же году был хиротонисан во епископа. С 1943 г. он — митрополит Урбнисский, а с 1952 по 1960 г. — Католикос-Патриарх всея Грузии.

⁵ **Католикос-Патриарх Калистрат** (Цинцадзе; 1866–1952) родился в семье священника. Учился в Кутаисском Духовном училище, затем — в Тифлисской Духовной семинарии и Киевской Духовной Академии. Окончил Академию в 1892 г. со званием кандидата богословия, годом позднее был рукоположен в сан священника и в течение тридцати двух лет проходил служение в различных храмах Тифлиса. При этом пастырская деятельность сочеталась в его жизни с общественной. Будучи священником, отец Калистрат вместе с тем в разное время исполнил обязанности члена Городской думы, секретаря и члена учебных обществ, члена правления Тифлисской Духовной семинарии, законоучителя в мужских гимназиях. После смерти жены он принял монашество и в 1925 г. был возведен в сан епископа. С 1932 по 1952 г. — Католикос-Патриарх всея Грузии.

⁶ **Католикос-Патриарх Ефрем II** (Сидамонидзе; 1896–1972) родился в Картли в семье сельского псаломщика. В восемь лет был определен в Горийское Духовное училище. Закончив его в 1912 г., тогда же поступил в Тифлисскую Духовную семинарию. Обучаясь в семинарии, вплоть до окончания ее в 1918 г., Фригорий (таково было мирское имя будущего Патриарха) все свое свободное время посвящал посещению монастырей — Кватахобского, Шиво-

Мвямского и других, — в которых читал, пел и неподобно конствовал.

В 1923 г. Фригорий закончил историко-филологический факультет Тбилисского университета. Еще на последнем, четвертом, курсе он принял монашеский постриг с именем Ефрем. В 1927 г. Католикосом-Патриархом Христорфом II (Ципкишвили) он был хиротонисан во епископа, а в 1945 г. Католикосом-Патриархом Калистратом возведен в сан митрополита.

Много трудов владыка Ефрем положил на ремонт и украшение храмов, в частности, на восстановление храма святого Георгия на территории Бодбийского монастыря святой Нины, где находится место ее упокоения. Его почетом был перестроен в древнем грузинском стиле иконостас Светицховели, а также перенесены из музея святые мощи мучеников Давида и Константина, князей Арагветских, в Мопаметский монастырь, где почилились они прежде. В 1960 г. владыка Ефрем был возведен на патриарший престол.

В период его патриаршества в 1963 г. были открыты Пастырские курсы, в 1969 г. реорганизованные в Духовную семинарию, переизданы Новый Завет на старогрузинском языке, Полный Молитвослов, иллустрированный изображениями грузинских святых.

Помимо этого Патриарху Ефрему принадлежат: переработка акафиста святым мученикам-князьям Давиду и Константину, монография о преподобном Максиме Исповеднике и словарь грузинских архиепископов. Также, совместно с Патриархом Калистратом, он участвовал в составлении церковного календаря, выявляя грузинских святых в древних письменных источниках.

⁷ **Митрополит Бодбийский Димитрий** (Иашвили; 1872–1961). Владыка Димитрий (в миру — Давид Иарионович Иашвили) родился в Кахетии в селении Сакобо Сигнахского района. Первоначальное образование он получили в Телавском Духовном училище, которое окончил в 1888 г., и в том же году перешел в Тифлисскую Духовную семинарию. По окончании семинарии в 1896 г. он два года служил в должности учителя в школах Ведомства православного

исповедания. В 1898 г. он принял сан и был назначен в родное село настоятелем храма. Одновременно с этим отец Давид продолжал преподавательскую деятельность: состоял наблюдателем церковно-приходских школ и председателем Сигнахского епархиального училищного совета.

В 1912 г. отец Давид был переведен в Тбилиси настоятелем храма во имя Святого Архистратига Михаила. В течение 12-летней плодотворной педагогической деятельности, сопровождаемой с должностью настоятеля храмов, отец Давид был удостоен нескольких духовных наград, до протирейства включительно.

Потеря супруги произвела глубокий переворот в жизни отца Давида и указала ему путь к более широкому пастырскому поприщу: в 1952 г. протирейей Давид Иашвили принимает монашеский постриг с именем Димитрий и водится в сан митрополита Водбийского.

На пути своего церковного служения владыка Димитрий был неизменно добросовестным исполнителем своих сначала пастырских, а затем архипастырских обязанностей, искренне заботился о людях, вверенных ему Богом. В бытность свою на приходе он построил в селе храм на добровольные пожертвования верующих. Он был прекрасным проповедником, человеком высокой культуры. Помимо проповедей, его перу принадлежат целые тома сочинений.

«Характерными чертами его души являлись чуткость, доброта, отзывчивость, исключительная простота, ласковость и обаятельность, располагавшие к нему сердца многих людей»*. Митрополит Димитрий похоронен в кладбищенском храме Святых апостолов Петра и Павла в Тбилиси.

⁸ **Католикос-Патриарх Леонид** (Окрошпридзе; 1861–1921) родился неподалеку от Тифлиса в благочестивой христианской семье. Учился в Киевской Духовной Академии и еще в период обучения принял монашество и был рукоположен в сан иеромонаха. По окончании Академии в 1888 г. работал инспектором училищ «Общества восстановления

* Иерарх Грузинской Церкви митрополит Водбийский Димитрий (Иашвили). Некролог // ЖМП. 1961. № 11. С. 64.

новления православного христианства на Кавказе», а затем занимал различные церковные посты в Грузии до 1898 г., когда состоялась его хиротония во епископа Горийского. В марте 1917 г. в качестве Местоблюстителя Патриарха возглавил Временное Управление Грузинской Церкви до избрания Католикоса-Патриарха Кириона. В 1918 г. был избран Католикосом-Патриархом. Известен как духовный писатель и миссионер.

⁹ **Схиархимандрит Андроник** (Дукаш; 1889–1974) — глинский старец. В обитель поступил в 1906 г. Нес послушание в монастырской гостинице, на мойке белья, на кухне, в саду, на пасеке, затем — в скиту. В 1915 г. был призван в армию. Попал в плен, провел три с половиной года в Австрии. После окончания войны в 1918 г. вновь вернулся в обитель. В 1921 г. был пострижен в монашество с именем Андроник. После закрытия обители в 1922 г. был келейником епископа Павлина (Крошечкина), vicария Курской епархии, и им в том же году был рукоположен в сан иеродиакона.

В 1923 г. отец Андроник был сослан на пять лет на Колыму. По амнистии вернулся из ссылки раньше срока и по-прежнему был келейником у владыки Павлина, который в 1926 г. рукоположил его в сан иеромонаха. Годом позже, отец Андроник сильно заболел и был пострижен в схиму с сохранением прежнего имени.

В 1939 г. снова был осужден и сослан на Колыму. Режим в ссылке много скорбей и невзгод, но затем, в 1948 г., опять смог возвратиться в открывшуюся к тому времени Глинскую пустынь. Там вскоре был назначен благочинным и ризничим обители.

«Душа отца Андроника, — пишет о нем архимандрит Иоанн, — очищенная многими скорбями, была переполнена благодатных даров Святого Духа. Эта духовность и привлекала людей к старцу. <...> Смирение и кротость безраздельно царили в его душе, даже ходил старец смиренно согнувшись. <...> Вначале братья обращались к нему лишь по делам послушаний, но, чувствуя его горячую, искреннюю,нискохотительную ко всем человеческим немощам любовь и духовную опытность, стали поверять ему всю

свою душу. После беседы со старцем, его молитв тихое и долготное утешение наполнило их сердца. В короткое время он снизжал такое доверие, что стал братским духовником».

В 1955 г. отец Андроник был возведен в сан игумена. Авторитет его в обители был столь велик, что не только братья, но и сам настоятель ее, схиархимандрит Серафим (Амелин), исповедовался у него.

После закрытия Глинской пустыни в 1961 г. отец Андроник переселился в Тбилиси под непосредственное попечение митрополита Тегришкарской епархии Зиновия (Макути), очень любившего старца. И здесь он продолжал свое старческое служение. В храм святого благоверного Александра Невского, где отец Андроник служил и исповедовал, как прежде в Глинскую пустынь, стекались люди, ищущие спасения, со всех концов страны. В 1963 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) митрополит Зиновий возвел отца Андроника в сан архимандрита.

В 1973 г. старец тяжело заболел, у него отнялась левая часть тела. Не имея возможности участвовать в богослужении, он переносил болезнь безропотно, постоянно пребывая в молитве и ежедневно причащаясь Святых Христовых Таин. Уже незадолго перед смертью, находясь в забытии, он неожиданно внятно произнес: «Милость Божия все покроеет» — и стал кого-то благословлять.

Так, вероятно, Господь сподобил его увидеть кого-то из уже отошедших в мир иной собратий. После этого отец Андроник пришел в сознание и тихо сказал: «Я буду умирать», сомкнул глаза и ни с кем не разговаривал, хотя и пребывал в полном сознании. 21 марта 1974 г. он тихо и безболезненно отошел в вечную жизнь.

Тело схиархимандрита Андроника предал погребению митрополит Зиновий. А тогдашний Католикос-Патриарх всея Грузии Давид V (Девдариани), посетив могилу старца, положил на нее красное пасхальное яйцо и, обращаясь к нему, сказал: «Отец Андроник! Христос воскрес! Мы знаем, что ты теперь в Царстве Небесном. Что огничаго тебя в этой жизни? Ты не имел вратов, и потому все любил тебя. Ко всем было открыто твое любящее сердце. Молись за нас, чтобы и нам разделить радость твоего блаженства».

* *Архимандрит Иоанн (Маслов)*. Цит. соч. С. 464–465.

¹⁰ **Католикос-Патриарх Давид V** (Девдариани; 1903–1977) родился в семье служащего. Священный сан принял в 1927 г. Служил на различных приходах, а с 1930 г. — в Тбилиси. В 1956 г. принял монашеский постриг и в том же году был хиротонисан во епископа. В бытность Урбинским митрополитом преподавал в Мцхетской Духовной семинарии древнегрузинский и церковнославянский языки. С 1972 по 1977 г. — Католикос-Патриарх всея Грузии.

¹¹ **Схиархимандрит Серафим** (Романцов; 1885–1976) — глинский старец. В Глинскую пустынь поступил в 1910 г. Проходил различные послушания. Затем был призван в армию, воевал. В 1916 г. был ранен и по выздоровлении снова возвратился в обитель. В 1919 г. был пострижен в монашество с именем Ювеналий. В 1920 г. — рукоположен во иеродиакона. После закрытия в 1922 г. Глинской пустыни поселился в Драндском Успенском монастыре Сухумской епархии. Там в 1926 г. был рукоположен во иеромонаха и пострижен в схиму с именем Серафим. После закрытия Драндского монастыря жил в окрестностях Алма-Аты, работал сторожем на пасеке. В 1930 г. арестован и выслан на строительство Беломорканала. С 1934 по 1946 г. жил в Киргизии. Образ жизни вел самый аскетический. Летом поднимался высоко в горы, где жил как отшельник в плетеной хижине. Время проводил в молитве, чтении Священного Писания и богомыслии. Спал очень немного, прямо на полу. Зимой жил в одной благочестивой семье, где для него специально была устроена келья. По ночам совершал богослужения, исповедовал, причащал, давал спасительные наставления обращающимся к нему. В 1947 г. вернулся в Глинскую пустынь. В 1948 г. был назначен на должность ее духовника.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) в книге об истории Глинской пустыни пишет о нем: «Это был духовник опытейший, знаток всех сокровенных движений человеческого сердца, обладатель духовных сокровищ, которые он приобрел долгим многотрудным подвигом. <...> Его беседы, пренеполненные истинного смирения, согревали охладевшие сердца людей, открывали им душевные очи,

просвещали разум, привелили к раскаянию, душевному миру и душевному возрождению»*.

Помимо трудов по окормлению множества прибывавших к нему за помощью монашествующих и мирян, вел отец Серафим и обширнейшую переписку. В 1960 г. он был возведен в сан игумена. После вторичного закрытия обители переехал в Сухуми и здесь также продолжал подвиг старческого окормления. За свое ревностное служение в 1975 г. был возведен в сан архимандрита митрополитом Сухумским и Абхазским Илией (нынешним Католикосом-Патриархом всея Грузии).

Замечательна была кончина отца Серафима. В канун праздника святителя Николая, 18 декабря 1975 г., он занемог и вынужден был лечь в постель. Во время своей болезни старец непрестанно читал Иисусову молитву, а устав, просил кого-то из присутствовавших продолжать ее чтение. На протяжении двух недель он каждый день причащался Святых Христовых Таин. Находясь в полном сознании, отец Серафим сподобился увидеть многих своих братьев по духу, певших, как говорил он, стихиреу Божией Матери «Совет Превечный». Затем старец слабым от болезни голосом зашел и сам: «Вкусите и видите, яко благодать Господь. Аллилуиа». После этого видения он сказал: «О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу ее даже вместить». И добавил: «Теперь я буду умирать». 31 декабря отец Серафим закрыл глаза и уже ни с кем более не говорил. А на следующий день, 1 января 1976 г., он в мире предал дух свой Богу.

Отпевание почившего старца совершил митрополит Илия в сослужении множества клириков. На сороковой день по кончине отца Серафима владыка вместе с прибывшими из разных мест священниками — духовными чадами усопшего — совершил в кафедральном соборе Сухуми панихиду и произнес слово. В нем, обращаясь к отцу Серафиму, как к живому, митрополит Илия сказал: «Молитесь за нас, отец, Богу, потому что ты приобрел пред Ним дерзновение».

* *Архимандрит Иоани (Маслов)*. Цит. соч. С. 471.

¹² **Схиархимандрит Виталий** (Сидоренко: 1928–1992) родился в селе Екатериновка Краснодарского края в крестьянской семье, при Крещении наречен Виталием. Как только он освоил грамоту, его любимым чтением стало Евангелие. Уже в детстве он полюбил молитву, а с 14 лет взял на себя подвиг странничества. На монашество его благословил слепой старец отец Алексий, живший в Таганроге, где некоторое время подвизался отец Виталий. В 1948 г. он приехал в Троице-Сергиеву Лавру, только открывшуюся после войны, и участвовал в восстановительных работах. Но в число послушников он принят не был, так как уже в ранней юности сознательно отказался от какич-либо документов. Лаврские монахи посоветовали ему поехать в Глинскую пустынь, известную своими опытными старцами. Его духовником стал старец Серафим (Романцов). В конце 50-х гг. брату Виталию пришлось уехать в Таганрог, так как находился в монастыре стало опасно: власти ужесточили контроль за приезжающими в обитель и запретили оставлять паломников на ночлег. В 1961 г. Глинская пустынь была закрыта властями, а для брата Виталия начался период странничества. Многие версты прошел он, посещая святые места вместе с поспешенно собиравшимися вокруг него верующими, его будучими духовными чадами. Не раз его арестовывали власти, избивали, бросали в тюрьму. В эти суровые годы странничества он заболел туберкулезом. В 1958 г. он приехал в торную пустынную местность близ г. Сухуми, называемую Барганы, где стал подвизаться в трудах и молитве. В начале 60-х годов он был пострижен в мантию с наречением имени Венедикт, а затем тайно принял схиму с именем Виталий. В 1969 г. отец Виталий прибыл в Тбилиси, в 1976 г. митрополитом Зиновием (Мажугтой) он был рукоположен во иеродиакона, а через несколько дней — во иеромонаха. В Тбилиси старческое окормление искавших спасения людей стало главным делом его жизни: за советом и утешением к нему приезжали люди со всей страны. Схиархимандрит Виталий почил о Господе 1 декабря (н. ст.) 1992 г. Отпевание старца в храме святого благоверного князя Александра Невского совершил Святейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, в сослужении причта храма,

Тбилисского клира и священнослужителей, приехавших из России и Украины.

Схиархимандрит Виталий поребен во дворе Александро-Невского храма, в Тбилиси*.

¹³ **Католикос-Патриарх Христофор** (Цицкишвили; 1873–1932). После окончания в 1893 г. Тифлисской Духовной семинарии принял сан священника и служил на приходе, затем — исполнял должность законоучителя Тифлисской мужской гимназии. В 1918 г. посещал историко-филологический факультет Тифлисского университета. В 1921 г. без пострижения в монашество был хиротонисан во епископа Урбинского. С 1927 по 1932 г. являлся Предстоятелем Грузинской Православной Церкви.

¹⁴ **Святой Католикос-Патриарх Амвросий** (Хелая; 1861–1927). Закончив в 1885 г. Тифлисскую Духовную семинарию, служил священником в Грузии. Затем поступил в Казанскую Духовную Академию (окончил в 1901 г.); на третьем курсе ее принял монашеский постриг. Выследствием служил как в Грузии, так и в России. В октябре 1917 г. был хиротонисан во епископа Чкондидского. С 1921 г. — Католикос-Патриарх всея Грузии. В 1926 г., под давлением атеистического правительства, был устранен от дел управления. Причислен Грузинской Церковью к лику святых как исповедник.

¹⁵ **Святой Католикос-Патриарх Кирион III** (Садзатлишвили; 1854–1918) родился в семье священника. По окончании Тифлисской Духовной семинарии и Киевской Духовной Академии (1880 г.) некоторое время занимал должность помощника инспектора Одесской Духовной семинарии; затем работал преподавателем Кутаисского и Тифлисского Духовных училищ. В 1896 г. принял монашеский постриг и два года спустя был хиротонисан во епископа Алавердского. В дальнейшем служение про-

* Жизнеописание схиархимандрита Виталия (Сидоренко) составлено по кн.: О жизни схиархимандрита Виталия. Воспоминания духовных чад. Письма. Поучения. М.: Новоспасский монастырь, 2002.

дид в различных епархиях Грузии и России. С 1915 г. епископ Полоцкий и Витебский. В августе 1917 г., согласно собственному прошению, от управления епархией был уволен и возвратился в Грузию. С сентября того же года — Католикос-Патриарх всея Грузии. В 1918 г. был зверски убит в Марткопском монастыре. Грузинская Церковь канонизировала его как священномученика. Оставил после себя ряд научных трудов, посвященных исследованию истории Церкви.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей 3

Путь к святые 7

Схиигумен Савва 19

Католикос-Патриарх Мелхиседек III 73

Митрополит Димитрий 80

Мтацминда 86

Залог вечной радости 95

Монастырь святой Ольги 105

Нечаянная радость 123

Чудо святого Георгия 126

Путь Первосвященителя 130

Отец Георгий 140

Пусть живые будут милостивы к мертвым 158

Схимонах Авраам 162

Архимандрит Парфений 167

Глинское братство на Иверской земле 179

Митрополит Зиновий 184

Схиархимандрит Андроник 193

Схиархимандрит Серафим 200

Монах Иероним 228

На пороге пустыни 233

Венец пустынного лета 241

Схиигумен Георгий 246

Поля невидимых сражений 262

Монах Иларион 269

Предельный подвижник 276

Монахи Виталий и Кассиан 281

Схимонах Ефрем 287

Скорые помощники 296

Мертвое село 298

Монахиня Ангелина 301

Встреча в Барганах 303

Монахиня Акиндина 325

Беседа об Иисусовой молитве 332

О четках 356

Молись и надейся 365

Встреча в Самтавро 369

Когда время не властно 373

Сидящая Анастасия 392

Люба-юродивая 400

Лидия 404

О плодах свяволии 410

«Не прикасайтесь к помазаньям Моим...» 420

Улыбая звездочка 425

Трагедия одной души 429

Судьба Левана 439

Странная встреча 446

О смерти 463

Кто защитит мертвых от живых? 468

О детях 472

Не навреди! 482

О лжи как об искушении на духовном пути 485

Зарубки в пути 492

Изречения отцов 545

Когда я думаю о прошлом 571

Примечания 576

Архимандрит Рафаил
(Карелин)

НА ПУТИ ИЗ ВРЕМЕНИ
В ВЕЧНОСТЬ
Воспоминания

Редактор *Вера Кисель*
Оформление обложки *Аси Абуловакер*
Технический редактор *София Шкляр*
Корректор *Марина Новакова*
Компьютерная верстка *Михаила и Елены Ежовых*

Подписано к печати 03.03.08.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «*Times*». Печать офсетная.
Объем 18,5 печ. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № .

Издательство Саратовской епархии
410031, Саратов, ул. Волжская, 36

Отпечатано в «ОАОТипография «Новости»»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46